

Российская академия наук
Сибирское отделение
Институт истории

**Проблемы истории государственного
управления и местного самоуправления
Сибири в конце XVI – начале XXI в.**

Материалы VII Всероссийской научной конференции
(Новосибирск, 6–8 июня 2011 г.)

Новосибирск
2011

УДК 342.25
ББК 63.3(253)
П 781

Проведение научной конференции и издание сборника материалов
осуществлено при финансовой поддержке Российского
гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 11-01-14006г

Сборник материалов конференции утвержден к печати
Ученым советом Института истории СО РАН

**П 781 Проблемы истории государственного управления и
местного самоуправления Сибири в конце XVI – начале
XXI в.** Материалы VII Всероссийской научной конферен-
ции (Новосибирск, 6–8 июня 2011 г.). Новосибирск: Нонпа-
рель, 2011. – 279 с.
ISBN 5-7014-0392-9

Ответственный редактор – д-р ист. наук В. И. Шишкин
Ответственный секретарь – канд. ист. наук Д. Г. Симонов

Адаптация Российским государством социальных и потестарных структур сибирских народов (конец XVI – XVII в.)*

В историографии уже доказано, что в процессе присоединения Сибири русская сторона, довольствуясь признанием сибирскими этносоциумами власти «великого государя» и выполнением ими определенного круга повинностей, минимизировала свое вмешательство в их внутренние социально-потестарные отношения, оставляя у местных «вождей» (князьцов, мурз, тойонов, шуленг, зайсанов и т. д.), или «лучших людей» по русской терминологии того времени, порой весьма широкие полномочия. Влияние русской власти ограничивалось, как правило, контролем за исполнением ясных обязанностей, разрешением конфликтов между русским и аборигенным населением и расследованием политических («измена», «бунт») и уголовных преступлений. При этом она стремилась активно взаимодействовать с «лучшими людьми» и опираться на них, признавая и подкрепляя их властный статус и полномочия.

Констатируя данную политику «невмешательства» следует, однако, обратить внимание на то, что подчинение Московским государством сибирских народов сопровождалось все же явно выраженным процессом переформатирования существовавших у них социальных и потестарных (у сибирских татар, возможно, политических) структур и отношений в направлении адаптации (приспособления) последних к русским государственным институтам и социально-политическим отношениям. Этот процесс, задаваемый русской властью, осуществлялся на двух уровнях. Первый – номинальный, когда казаки-землепроходцы, сибирские воеводы и московские дьяки вербализировали, классифицировали и репрезентировали информацию о сибирских этносоциумах в понятных себе самим лексемах. Второй – реальный, когда русская администрация конструировала из аборигенных сообществ, порой весьма аморфных, опять же понятные себе социальные и политические структуры.

* Работа выполнена при поддержке Минобрнауки РФ в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг., ГК № П364 от 07.05.2010.

Выявление терминологии (этнонимов, соционимов, статусных титулов), применявшейся в русском делопроизводстве и законодательстве в отношении сибирских народов и их социальных групп, а также фактических параметров их включения в политическую и социальную систему Московского государства в конце XVI – XVII в. позволило прийти к следующим основным наблюдениям.

Присоединение в конце XVI в. Западной Сибири не означало для русских знакомство с неизвестным миром. Сибирские татары, угры - остяки и вогулы (ханты и манси), самоеды (ненцы) были уже давно включены в русскую картину мироустройства, пусть даже знания о них были не вполне адекватны действительности¹. Столкнувшись здесь с сопротивлением хана Кучума и некоторых остяцких и вогульских «князей», Москва в полной мере использовала (или пыталась использовать) традиционные способы первоначального «мягкого» подчинения путем установления протекторатных и служебных отношений.

Первые были выстроены с рядом остяцких и вогульских политических объединений – так называемых «княжеств» - Кодским, Обдорским, Ляпинским, Куноватским, Казымским, Бардаковым и др. Они, как это хорошо показал С. В. Бахрушин², сохранили полную внутреннюю автономию. И хотя произошло кардинальное перераспределение властных полномочий и прав на землю (верховным правителем, собственником земли и получателем дани-ясака стал русский царь), тем не менее правители этих «княжеств», приняв русское подданство и получив от царя свои «родовые» земли в качестве пожалований, сохранили полноту власти в своих владениях, право содержать собственные военные отряды и собирать дань в свою пользу. Их обязанность в отношении русского царя выражалась в основном в сборе ясака в «государеву» казну, несении военной службы и поддержании лояльности подвластного населения. Поэтому такие отношения можно характеризовать не только как протекторатные³, но и с определенной долей условности как сеньориально-вассальные⁴.

Правящей верхушке остяцких и вогульских «княжеств» русская власть стала присваивать титулы князей⁵, сопровождая это даже неким подобием инвеституры с соответствующим ритуалом⁶, признавая тем самым их высокий статус⁷. Использование данного титула к концу XVI в. было уже традиционным в русской практике титулования восточных правителей. Так звали тех самостоятельных, полусамостоятельных и зависимых правителей (беков), которые не являлись потомками Чингис-хана. Чигисидов же, бывших самостоятель-

ными правителями (ханами) именовали царями⁸, а тех из них, кто никогда не нес бремя самовластного правления, - царевичами. Известно, в частности, что правители Сибирского юрта из династии тайбугидов неизменно титуловались князьями, а хан Кучум, даже потеряв престол – царем. Это не означает, конечно, что русские не знали собственно татарских высших титулов (хан, салтан, бек), но в официальном делопроизводстве и законодательстве они, за редким исключением, не употреблялись.

Вступив в постоянные контакты с остяцкими и вогульскими «вождями», русские, не имея еще должного представления об их реальной власти над «сородичами» и вариантах ее перехода от одного лица к другому (по наследству или другим способом), посчитали их вполне полновластными правителями крупных политических объединений, почему и стали титуловать князьями, гарантируя и обеспечивая поначалу переход титула и власти по наследству. Однако, что важно отметить, этнотерриториальные объединения, входившие в юрисдикцию князей, никогда официально не именовались княжествами.

Служебный вариант отношений был выстроен с основным и самым сильным в Западной Сибири противником – татарами. У них русская власть не сохранила какие-либо политические образования, которые существовали в период Сибирского ханства⁹. Более того вся правящая верхушка из числа чингисидов либо погибла, либо была вывезена на «Русь» (где поверстана в службу и пожалована землями), либо оказалась вне пределов Сибири («бродячие царевичи» - потомки Кучума¹⁰). Прочие же представители военно-политической элиты бывшего Сибирского ханства почти поголовно были зачислены в русскую службу с сохранением земельных владений (юртов), зависимых людей и освобождением от уплаты ясака. Из них в Тобольске, Тюмени и Таре были сформированы подразделения юртовских служилых татар. Некоторые из них в конце XVI – начале XVII в. назывались в русских документах «князьями», «мурзами» и «лучшими людьми»¹¹.

Для обозначения представителей потестарной элиты остяков и вогулов, управлявших общинами или их небольшими объединениями, но имевших более низкий статус и меньше власти, чем князья, и попавших под ясачное обложение, стала использоваться их собственная «титулатура» как «оригинальная» (мурзы, есаулы)¹², так и «переводная» (сотники, десятники). Такие же «титулы» были и у ясачной татарской «знати». Но у последних в конце XVI – начале XVII в. встречались и князья (как например, князь «Каурдацкой во-

лости» Кошуй, князь «тоборинских татаровей» Боца Мостов¹³). Для совокупного обозначения всех этих властвующих лиц было введено понятие «лучшие люди». Рядовая же масса аборигенов стала зваться «черными» или «улусными» людьми/мужиками, а бывшие у аборигенов разные категории зависимых людей – холопами и захребетными людьми.

Таким образом, русская власть уже с начала присоединения Сибири ввела для ясачных сибирских народов понятную себе самой социальную градацию, которая не вполне отражала реалии социальных отношений в аборигенных сообществах, зато была весьма проста, будучи представлена всего четырьмя стратами – правители (князья) разной степени самостоятельности, лучшие люди, улусные люди и холопы (вместе с захребетными людьми). Равным образом простой в глазах русских администраторов стала и политическая градация аборигенов: ясачные (как обозначение всех подданных) и неясачные (неподданные), мирные (покорные) и немирные (отказывающиеся от подчинения и оказывающие вооруженное сопротивление). Ясачные, вышедшие из подчинения, квалифицировались как «изменники» и «непослушники». Особая ситуация сложилась у служилых татар, среди которых продолжали выделяться князья, мурзы и лучшие люди, но главной для них становилась страфикация уже не по родовитости, а по чинам, аналогичным чинам русских служилых людей (головы, сотники, пятидесятники и т. д.).

Выход русских землепроходцев в начале XVII в. в верховья Оби и на Енисей, а затем их дальнейшее продвижение на восток к Тихому океану ознаменовались встречами с ранее неизвестными народами, которые по своему образу жизни заметно отличались не только от русских, но и нередко друг от друга. Вместе с тем в русской аборигенной политике стали наблюдаться заметные изменения в подходах к осмыслению и конструированию политического, социального и даже экономического пространства новых «землиц».

Во-первых, сталкиваясь с разнообразными (в языковом, политическом, социальном, хозяйственном отношениях) этносоциумами и не имея о них никакого представления, Москва начала требовать от воевод, а те – от землепроходцев сбора разнообразной информации о «вновь приисканных» «иноземцах», а также о природных условиях и богатствах, составления описаний и чертежей новых «землиц». Реагируя на эти требования, землепроходцы стали дополнять уже опробанную в Западной Сибири социальную и политическую градацию сведениями о степени политической самостоятельности, верованиях и хозяйственных занятиях аборигенов. В результате в официальном

лексиконе появились такие категории сибирского населения как «кочевные», «скотные», «оленные», «сидячие», «кузнецкие», «пашенные» люди, а также «кыштымы» (этим словом, заимствованным из тюркского языка, называли этнотерриториальные группы, находившиеся в даннической зависимости от более сильных соседей).

Во-вторых, быстрое усложнение этнического состава новых подданных привело к появлению в сибирском политическом дискурсе обобщающего названия для всех сибирских народов. В Западной Сибири, где этнической пестроты не было и местные этносы были уже знакомы, русские использовали либо этнонимы, зачастую с привязкой к определенной территории («тюменские», «тоборинские», «пелымские» и т. д. «татары/татаровя», «сосвинские», «лялинские», «тагильские», «туринские» и т. д. «вагуличчи», «котские», «ляпинские», «белогорские» и т. д. «остяки», «самоедь»), либо (для совокупного обозначения аборигенов) социополитонимы - ясачные/неясачные люди. По мере же продвижения по Восточной Сибири наряду с этнической и территориальной маркировкой («енисейская самоедь», «тунгусские люди/тунгусы», «томские татары», «бращие люди/браты», «алазейские чюхчи», «камчадалы» и т. д.) в делопроизводственной документации начинает использоваться слово «иноземцы».

Когда впервые оно вошло в оборот, мы не можем сказать. Однако просмотренные нами документы позволяют предположить, что это произошло в 1620-х гг., а примерно с середины XVII в. его употребление стало нормой в сибирском делопроизводстве. Этим словом к началу XVII в. обозначали преимущественно выходцев из Европы, по разным причинам присутствовавших в Московской Руси. Оно маркировало религиозно-культурную инаковость выходцев из «иных земель», не принадлежавших к Московской православной церкви¹⁴. И, надо полагать, именно поэтому оно показалось московским дьякам (или, может быть, кому-то из сибирских администраторов) удачным для совокупного названия представителей сибирских «землиц».

Вопрос о том, какие смысловые нагрузки в понимании русских людей XVII в. имело слово «иноземцы» применительно к сибирским народам, требует специального изучения и выявления всех вариантов его использования в разных контекстах и ситуациях. Пока уверенно можно полагать, что этот «политоним», не имея четко сформулированного в русском законодательстве XVII в. политико-правового определения, подчеркивал отмеченную религиозно-культурную инаковость сибирских народов в отличие от православных русских, а также фиксировал их особый статус в социально-

политической системе Московского государства или на его сибирских границах. Но дальнейшее уточнение значения «политонима» «иноземцы» вызывает серьезные проблемы.

С одной стороны, Соборное Уложение 1649 г., прописавшее статусные роли и функции основных социальных категорий населения Московского государства, ни словом не обмолвилось о собственно сибирских иноземцах¹⁵. В. Ф. Иванов объясняет это тем, «что царское правительство считало Уложение универсальным кодексом, приемлемым как для центральных, так и периферийных уездов обширной страны»¹⁶. То что Уложение применялось и в Сибири, не вызывает сомнений. Об этом свидетельствуют сибирские судебно-следственные материалы, но лишь те, которые касались русского населения. Е. В. Вершинин, изучив судебную практику сибирской администрации, пришел к выводу, что лишь с начала XVIII в. власти взялись за распространение на аборигенов норм русского судебного законодательства¹⁷. В связи в этом следует полагать, что определение прав и обязанностей сибирских иноземцев, их местоположения в социальной структуре государства к середине XVII в. были еще не актуальны для власти. Составители Уложения по сути просто не заметили народы Сибири как новых подданных, еще не осмысли в юридических категориях протекавший процесс их «присвоения» Московским государством. Учитывая это, можно, казалось бы, согласиться с Е. П. Коваляшкиной, которая считает, что «термин» «иноземцы» в контексте отношения к русской государственной власти означал «не полностью закрепившиеся в подданстве», «подобные иностранцам»¹⁸. Такая интерпретация подкрепляется и тем обстоятельством, что иноземцами в Сибири называли не только тех, кто принял подданство, но и тех, кто отставался вне юрисдикции русской власти (неясачные иноземцы) и/или оказывал вооруженное сопротивление (немирные иноземцы).

Однако, с другой стороны, все законодательные акты, касавшиеся собственно Сибири и все практические действия русской власти в Сибири однозначно свидетельствуют, что ясачные иноземцы рассматривались ею как безусловно и полностью закрепленные в «собственности» «великого государя». Или, иначе говоря, ясачные иноземцы считались все же «своими», поскольку давали дань-ясак и подчинялись русской власти. Но одновременно они оставались и «иными», т. к. поклонялись не «русским» богам. И именно только иноверие не давало оснований признать их полностью подданными, полностью включить в русский социум, т. е. поставить «знак равенства» между ними и русскими¹⁹. Наконец, в отношении еще непод-

чиненных народов обозначение «иноземцы» несло не только религиозно-культурную, но и географическую и политическую нагрузку – жители иных земель, не входящих в состав Русского православного царства. Они воспринимались как полностью «иные», «не свои».

В-третьих, меняется номинация высшей потестарной элиты аборигенных сообществ. В Верхнем Приобье отдельных лояльных местных «вождей» русские некоторое время еще титулуют князьями (князь татар-еуштинцев Тоян, князь телеутов Абак). Но с начала XVII в. титул князь приобретает уничижительную форму «князек/князец», которая быстро становится основной по всей Сибири. А с середины века русская власть применительно к ясачным иноземцам минимизирует употребление и этого уничижительного титула или же вообще отказывается от него (так, к концу века он перестал употребляться в отношении бурятских «вождей»). Одновременно слово «князек/князец» теряет свою «титულность» и приобретает у ясачных людей «должностное» значение. «Князьки/князцы», а равно «мурзы», «есаулы», «тойоны», «сотники» и прочие «иноземческие» обозначения власть имущих становятся в русском делопроизводстве наименованием должностных лиц аборигенных сообществ, причем одновременно они квалифицируются не только «лучшими людьми», но и «ясачными мужиками». И русская администрация начинает практиковать назначения в эти должности, причем не всегда учитывая принцип наследственности. За отдельным исключением (мурзы Кульмаметевы и Кутумовы²⁰) теряют свои титулы и служилые татары, которые к концу XVII в. по своему статусу полностью уравниваются с русскими служилыми людьми.

Лишь несколько потомков остяцких и вогульских князей конца XVI в. сохранили за собой княжеские титулы, официально признанные русской властью, – князья Кондинские, Пелымские и Алачевы. В Восточной же Сибири, насколько нам известно, княжеские титулы получили только прямые потомки старшего сына предводителя забайкальских «конных» тунгусов Дуликагирского рода Гантимура – Катаная Гантимурова, и якутский тойон Ф. М. Отконов (последний уже в 1709 г.). Причем все эти князья были крещены и поверстаны в служилые люди – в чины дворян и детей боярских²¹.

В законодательных актах и делопроизводственных документах нам не удалось обнаружить каких-либо объяснений принципов титулования высшей потестарной элиты. Однако вряд ли можно сомневаться, что явно наблюдаемая с середины XVII в. тенденция принижения русской властью номинального статуса этой элиты (князья → князцы → лучшие люди → ясачные мужики) стало след-

ствием расширения русской стороной своих знаний о социально-потестарном устройстве аборигенных сообществ, в том числе о степени реальной власти и реальных полномочиях их предводителей. Из донесений с мест становилось понятно, что власть «князцов» и прочих «лучших людей» у большинства сибирских этносоциумов не имела наследственного характера, зачастую являлась ситуативной и базировалась преимущественно на их личном авторитете и богатстве.

Можно привести также наиболее яркие примеры «метаморфозы» титулования и реально сильных правителей. Так, в 1619 г. русский казак И. Петлин величал главу кыргызской «Кирбицкой землицы» «царем»²². Но достаточно быстро поняв, что предводители енисейских кыргызов не имеют никакого отношения к чингисидам, русские отказались от такого титулования и стали звать их «князьками/князцами». Некоторое время русские, как казаки-землепроходцы, так и вышестоящие власти не могли разобраться со статусом маньчжурского правителя, властвующего над амурскими народами, называя его то «князем», то «царем», то «ханом» («каном»), и лишь ближе к концу XVII в. ввели в оборот титул «богдыхан». Особо следует отметить, что только в отношении монгольской властной элиты на протяжении всего XVII в. стабильно употреблялась собственно монгольская титулатура (контайши, тайши, шуленги, зайсаны и т. д.) и по традиции – для обозначения правителей-ханов из чингисидов – титул «царь» (хотогойский «алтын-царь», «мунгалские (халхаские. – А. З.) цари»).

В-четвертых, с пополнением информации об устройстве аборигенных сообществ связано и изменение в политических отношениях с ними. В отличие от Западной Сибири, подчиненной к концу XVI в., во всей остальной Сибири русская власть в своих действиях отказалась от применения протекторатных и служебных связей. Территориальным рубежом стало верхнее Приобье и южные районы Енисейского края. Здесь мы еще видим зачисление в службу части «татар» (еуштинцев, чатов, тюркоязычных алтайцев, аринцев и качинцев) и «белых калмыков»-телеутов и формирование из них особых воинских подразделений в составе томского, кузнецкого и Красноярского гарнизонов. В отношениях с телеутами и кыргызами прослеживаются и попытки Москвы установить над ними протекторат. Но здесь же русская сторона категорически отказывается от предоставления кыргызам особого статуса по примеру служилых татар, хотя кыргызские князьки/князцы и предлагали это²³.

В отношении же народов Восточной Сибири русская власть полностью исключает сохранения у них каких-либо автономных по-

литических объединений (наподобие остяцких и вогульских княжеств) или предоставления служилого статуса (без уплаты ясака) каким-либо их социальным или этническим группам. Она требует и реализует, или по крайней мере стремится реализовать полное и безусловное подчинение всех «вновь приисканных иноземцев», несмотря на то, что некоторые из них - кыргызы, буряты и якуты - по своему военному потенциалу превосходили остяков и вогулов и оказали русским более серьезное сопротивление, чем последние. Эта же установка распространяется на остяцкие и вогульские «княжества», князьки которых лишаются автономии, а их владения к середине XVII в. перекраиваются русской властью в ясачные волости. Из них к концу XVII в. сохранить фактическую автономию во внутренних делах смогли лишь куноватские и обдорские князьки в силу труднодоступности их владений для русской администрации.

Процесс изменения аборигенных социальных и потестарных структур, осуществляемый русской властью, не ограничивался, конечно, отмеченными выше параметрами и тенденциями. В частности, не рассмотренным осталось административно-территориальное структурирование сибирского пространства. Тем не менее, выше сказанное позволяет прийти к заключению, что в этом процессе можно выделить два последовательных варианта: первый, условно назовем его западно-сибирский, – протекторатный и служебный, характеризовавшийся постепенной интеграцией, и второй - восточно-сибирский, в котором протекторатные и служебные отношения или отсутствовали вовсе или присутствовали фрагментарно и не явно выражено. Территориальным рубежом между вариантами стали районы Верхнего Приобья и Енисейский край, где начался переход от одного варианта к другому, а хронологическим рубежом – первая четверть XVII в., когда русские землепроходцы приступили к подчинению народов Восточной Сибири.

Примечания

¹ См.: Сказание о человецех незнаемых на восточной стране и языцех розных // Сибирь в XVII веке. Сборник старинных русских статей о Сибири и прилежащих к ней землях. М., 1890. Отражение русский сведений о сибирских народах в известиях иностранцев XV–XVI вв. см: *Алексеев М. П.* Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей, XIII–XVII вв. Новосибирск, 2006. С. 43–171.

² *Бахрушин С. В.* Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII вв. // Науч. тр. М., 1955. Т. 3. Ч. 2. С. 86–152.

³ Понятие «протекторат» активно использует А. Капеллер, характеризуя характер первоначального подчинения Московским государством/Российской империей не-

русских народов и земель (*Капеллер А.* Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад / Пер. с нем.. М., 2000).

4 *Бахрушин С. В.* Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII вв. С. 125.

5 Практика титулования князьями «вождей» «Югорской земли» встречается уже в середине XVI в. (*Миллер Г. Ф.* История Сибири. М., 1999. Т. 1. С. 324).

6 *Трепавлов В. В.* «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М., 2007. С. 84–85.

7 Как известно, в русской социально-политической «номенклатуре» и в пределах русских земель до второй половины XV в. только те, кто являлся потомственными князьями, имели право на политическую (и государственную) власть, соединенную в значительной мере с собственностью на землю (княжества). В XVI в. ситуация принципиально изменилась: княжества в пределах Московского государства исчезли, правитель Руси стал царем, князья потеряли самостоятельную политическую власть, а во властной иерархии наследственная «титুলность» была заменена служилыми чинами. Однако политический лексикон не поспевал за политической практикой. Московским политикам для обозначения правителей восточных народов пришлось использовать лишь те три понятных русским людям титула, которые имелись в этом лексиконе и уже были опробованы на азиатском направлении: царь, царевич и князь.

8 Царский титул, изначально связывавшийся на Руси с Византией, после монгольского завоевания был перенесен также на ордынского хана (*Трепавлов В. В.* «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. С. 99).

9 В Сибирском ханстве, по мнению Д. М. Исакова, насчитывалось несколько «княжеств»-юртов/кланов и, кроме того, был еще отдельный «клан», пришедший вместе с Кучумом (*Исаков Д. М.* Введение в историю Сибирского ханства. Очерки. Казань, 2006. С. 66, 134–135; *Исаков Д. М., Измайлов И. Л.* Этнополитическая история татар. (III – середина XVI вв.). Казань, 2007. С. 272).

10 Изредка в отношении сыновей Кучума, занимавших лидирующие позиции среди родственников, употреблялся титул «царь». Так, «Кучумов сын» Ишим в одной из грамот тюменскому воеводе (1616 г.) назван «царем» (*Миллер Г. Ф.* Т. 2. С. 274).

11 *Бахрушин С. В.* Сибирские служилые татары в XVII в. / Науч. тр. М., 1955. Т. 3. Ч. 2. С. 153–175.

12 Использование оригинальной титулатуры, по нашему мнению, объясняется отсутствием в русском языке слов, которыми можно было бы адекватно назвать лиц, имевших определенные позиции в «иноземческой» властной иерархии.

13 *Миллер Г. Ф.* История Сибири. М., 2000. Т. 2. С. 221, 241.

14 *Опарина Т. А.* Иноземцы в России XVI–XVII вв. Очерки исторической биографии и генеалогии. М., 2007. С. 6–17.

15 Под теми «иноземцами» и «чужеземцами», которые упоминались в Соборном Уложении, понимались выходцы из стран Европы, в первую очередь служилые иноземцы. Лишь один раз – в 3-й статье главы XIV – речь шла вообще о всех «иноземцах», среди которых составители законов, возможно, подразумевали и сибирских аборигенов (Соборное Уложение 1649 года: Текст. Комментарии. Л., 1987. С. 71). Из населения Сибири Уложение называет «служилых и посадских и пашенных людей» (Там же. С. 96). В двух статьях (гл. XX, ст. 117, 118) говорится о возможности покупать в Сибири «татар и татарченков» (Там же. С. 117). Лишь дважды упоминаются ясачные люди (гл. X, ст. 161; гл. XVI, ст. 43) (Там же. С. 48, 78). При этом народы Поволжья, уже почти столетие находившие в составе Московского государства, фигурируют в Уложении неоднократно.

¹⁶ *Иванов В. Ф.* Письменные источники по истории Якутии XVII века. Новосибирск, 1979. С. 16.

¹⁷ *Вершинин Е. В.* Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург, 1998. С. 133, 135, 136.

¹⁸ *Коваляшкина Е. П.* «Инородческий вопрос» в Сибири: Концепции государственной политики и областническая мысль. Томск, 2005. С. 50.

¹⁹ «Не сделав новых подданных членами русской церкви, правительство не приравнило их к русским согражданам. Иноверцы подданными в полном смысле этого слова так и не становились» (*Опарина Т. А.* Иноземцы в России XVI–XVII вв. С. 6).

²⁰ *Тычинских З. А.* Служилые татары и их роль в формировании этнической общности сибирских татар (XVII–XIX вв.). Казань, 2010. С. 77–85.

²¹ *Зуев А. С., Люцидарская А. А.* Этнический состав сибирских служилых людей в конце XVI – начале XVIII в. // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2010. Т. 9. Вып. 1: История. С. 65–66.

²² *Бутанаев В. Я.* История вхождения Хакасии (Хонгорая) в состав России. Абакан, 2007. С. 19.

²³ *Шерстова Л. И.* Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII – начала XX века. Новосибирск, 2005. С. 82.

Бродников А. А.

Енисейск в 20-е гг. XVII века: воеводская власть и «войско» служилых людей

Проблема взаимодействия местной администрации и сообщества служилых людей на территории Сибири периодически привлекает внимание исследователей. На нее обращал внимание Н. Н. Оглоблин в своем цикле статей о конфликте служилых людей и воевод в сибирских городах и острогах¹, об этом писал С. В. Бахрушин, изучая материалы о Мангазее и Красноярске², эта проблема стала объектом монографического исследования В. А. Александрова и Н. Н. Покровского³.

Особенностью взаимоотношений между служилым миром, «войском», и воеводской администрации в Енисейском остроге, основанном в 1619 г., но получившем собственный гарнизон только в 1623 г.⁴, как можно проследить по источникам, является определенная, если не сказать – достаточно сильная, зависимость воевод от сообщества служилых людей, по крайней мере, в первое десятилетие существования острога. Являясь представителями центральной власти на отдаленной окраине Русского государства, енисейские воеводы могли выполнять возложенные на них функции только опираясь

на свой гарнизон. В условиях присутствия в остроге большого количества проходящего люда, происхождение и намерения которого были не всегда понятны, енисейские воеводы оказывались в зависимости от служилых людей, с мнением и желаниями которых вынуждены были считаться. Тем более что объективно цели и интересы администрации и служилых людей практически совпадали: находясь в самом восточном административном центре Русского государства, обе эти силы были заинтересованы в безопасности острога, в расширении ясачных владений, контролируемых енисейским гарнизоном, в постоянном увеличении количества собираемой с аборигенного населения пушины.

Но весьма существенную роль в этих отношениях играл субъективный фактор, понимание воеводой своей зависимости от служилого сообщества. В частности, источники того времени не отмечают каких-либо проблем во взаимоотношениях между гарнизоном и первым енисейским воеводой Яковом Игнатьевичем Хрипуновым. Скорее всего, он умел находить общий язык со служилыми людьми, понимая взаимную зависимость. Первого енисейского воеводу сложно обвинить в безынициативности и отсутствии организаторских способностей, так как в определенной степени по его инициативе впоследствии был основан Красноярский острог, он же организовал так называемую «серебряную экспедицию». Однако будучи руководителем этой «экспедиции», Я. Хрипунов оказался не способным (или не захотел?) пресечь грабительские действия служилых людей в отношении аборигенного населения Среднего Приангарья осенью 1629 г.⁵, а при столкновении интересов участников похода и енисейских ясачных сборщиков, неизменно становился на сторону своих подчиненных⁶.

Вероятно подобным же образом Я. Хрипунов строил отношения с енисейскими служилыми людьми, находясь в Енисейском остроге в должности воеводы в 1623–1626 гг. Источники свидетельствуют, что в период воеводства Хрипунова енисейские ясачные сборщики, заходя в отдаленные районы, по отношению к местному населению вели себя порой совершенно бесцеремонно. В частности, на группу служилых людей, посланных в 1624 г. во главе с атаманом Поздеем Фирсовым в низовья Подкаменной Тунгуски, поступило обвинение в том, что они совершили нападение на тунгусов, которые уже несколько лет платили ясак в Мангазею («в Тазовский город»): «...государевых ясачных тунгусов пяти человек до смерти побили и жен, и детей, и оленей, и котлы, и соболи, и лисицы, и бобры, и животы их... поимали». Тогда же П. Фирсов со стрельцами избили

мангазейского закаменного остяка князца Скетку Лампиева с его людьми, отобрали пушнину и котлы «...и рыбы же на себя ловить заставляли...» Енисейский воевода, судя по всему, имел информацию о неправомерных действиях своих подчиненных, но сыском о злоупотреблениях этого отряда Хрипунов занялся только в 1625 г., после того, как получил соответствующее указание из Тобольска⁷. Судя по всему, участники этих событий сумели избежать какого-либо серьезного наказания.

Сменивший Я. Хрипунова на посту енисейского воеводы к осени 1625 г. Андрей Леонтьевич Ошанин, по всей видимости, повел себя по-иному: руководствуясь личной выгодой, он сделал, ставку на торговых людей и тем самым противопоставил себя жителям Енисейского острога, прежде всего служилым людям, игнорируя их интересы. Особо напряженные отношения сложились у нового воеводы с атаманом Василием Алексеевичем Новоторжениным, который к концу 1625 г. оставался единственным в остроге из числа старших офицеров гарнизона. Исполнявший обязанности сотника другой атаман Поздей Фирсов в конце осени – начале зимы 1625 г. утонул в Оби, возвращаясь из Томска в Енисейск⁸. А последнее известное нам упоминание о третьем атамане Василии Андреевиче Тюменце относится к августу 1625 г. (л. 113).

Атаман В. Алексеев служил в Енисейском остроге, скорее всего, со времени образования постоянного гарнизона в 1623 г. (Л. 113–116) и, надо полагать, пользовался заслуженным авторитетом у служилых людей. 30 мая 1625 г. В. Алексеев вместе с П. Фирсовым во главе отряда в 40 человек отправился из Енисейского острога вверх по Ангаре на «государеву службу»⁹. Атаманам следовало собрать ясак с ранее приведенных «под государеву руку» тунгусов, в том числе с аплинских и шаманских князцов, и объясачив вокруг них «новые землицы», идти в поход на «братскую землю». Разумеется, что поход должен был сопровождаться не только сбором ясака и приведением в русское подданство ранее не объясаченных «иноземцев», но и сбором максимального количества сведений об их соседях. За шесть недель атаманы собрали ясак с ранее объясаченных енисейскими служилыми людьми «землиц», но после того смогли дойти только до Шаманских порогов¹⁰ (в 80 км выше устья р. Илим). Таким образом, вернулся отряд енисейских служилых людей в острог осенью 1625 г. уже при воеводе А. Ошанине.

Мы не знаем, как произошла встреча нового воеводы и атамана, но известные нам конфликты между ними начали происходить с весны 1626 г. В частности, 4 апреля 1626 г. А. Ошанин пытался по-

слать В. Алексеева с группой служилых людей на р. Кеть для транспортировки в Маковский острожек хлебных запасов, которые остались на вмерзших в лед судах в период навигации 1625 г. («замерзли на пустыше»). Но атаман отказался выполнять распоряжение воеводы – сам не поехал и служилых людей для этой цели не выделил. Ошанин решил отправить стрельцов, минуя Алексеева. Вызвав к себе девять человек, он попытался вручить им наказную память. Однако и служилые отказались подчиняться воеводе: наказную память не взяли, «по... хлебные запасы не пошли», вместо себя никого не послали. Как сообщал позднее в своей отписке А. Ошанин (Л. 18, 43), служилые «учинились силны, потому что слушают во всем атамана Василья Алексеева» (Л. 44).

Таким образом, конфликт между воеводой и гарнизоном начал набирать силу, но наиболее остро это проявилось во время событий енисейского бунта в мае 1626 г.¹¹ В первой половине апреля 1626 г. А. Ошанин отправил на Ангару большой отряд енисейских служилых людей и ясачных остяков – 70 и 38 человек соответственно. Во главе отряда находился атаман В. Алексеев. Целью этого похода было найти тунгусского князца Тасея, который уже третий год отказывался платить ясак, чем приводил в смятение не только тунгусов Нижнего Приангарья, но и полукочевое население района будущего Красноярска. Однако вместо поисков «немирного» князца служилые люди, выйдя на притоки Ангары, начали заниматься охотой на соболя, а затем ограбили попавшую им на встречу группу тунгусов, направлявшихся в Енисейский острог для уплаты ясака, перебив всех мужчин. Осознав, что совершили преступные действия, служилые люди собрали круг, на котором выработали единый план действий, подкрепив это клятвой с целованием креста.

Казалось бы, ситуация в значительной степени повторяет события 1624 г. на Подкаменной Тунгуске. Но в отличие от Я. Хрипунова А. Ошанин начал активно проводить расследование (Л. 22–24), чем вызвал открытое возмущение стрельцов и самого В. Алексеева. Когда же служилые увидели, что сам поборник «государева интереса» откровеннейшим образом нарушает государевы указы (незаконная торговля с аборигенами, невыплата пошлины с приобретаемой пушнины и т.п.), возмущение переросло в вооруженный конфликт¹².

Стрельцы енисейского гарнизона без особого труда заблокировали воеводу с его окружением в воеводской избе. Оказавшись в тупиковой ситуации, А. Ошанин был вынужден принять требования служилого мира о компромиссе¹³. Но подчинившись силе, он не собирался мириться с поражением и выполнять условия договоренно-

сти со служилыми людьми. Как только представилась возможность, енисейский воевода тут же проинформировал о происшедшем тобольские власти, изложив ход событий в выгодном для себя свете.

Обращает на себя внимание, что еще до окончания расследования тобольский воевода А. Хованский, требовал от А. Ошанина корректного отношения к енисейским служилым: «...а ратным бы людям от тебя жесточи никакие напрасно не было»¹⁴. Позднее, по последовавшему из Москвы указанию, енисейский воевода был смещен, а в Тобольске был проведен сыск по поступившим на него жалобам, которые, кроме «государева дела» о злоупотреблениях, содержали и духовное дело. Что касается десяти человек «пущих заводчиков», выявленных в результате сыска, проведенного тобольским сыном боярским Богданом Аршинским, и «доставленных» затем в Тобольск, то их имена продолжают встречаться в енисейских окладных книгах до середины 30-х гг. XVII в.¹⁵ Только имя атамана В. Алексеева отсутствует в документации после 1626 г.

Несмотря на «наведение порядка» в Енисейском остроге по требованию центральной власти определенное брожение среди енисейских служилых людей сохранялось еще несколько лет и окончательно они успокоились только к 1630 г. Но определенная зависимость енисейских воевод при принятии решений от служилых людей прослеживается и в последующие годы, особенно при назначении командного состава. Для Восточной Сибири такая ситуация не является исключительной: нечто подобное можно было наблюдать, например, в Красноярском остроге в первые годы его существования.

Примечания

¹ *Оглоблин Н. Н.* Бунт и побег на Амур "воровского полка" М.Сорокина. // Русская старина. 1896. №1. С. 205–224; *Он же.* Заговор томской «литвы» в 1634 г. // Чтения в обществе Нестора-летописца. Киев, 1894. Кн. 8. С. 1–11; *Он же.* Красноярский бунт 1695–1698 гг. // ЖМНП. 1901. №5. С. 25–69; *Он же.* Нерчинский заговор о побеге на Амур и на острова восточного океана // Русская старина. 1896. №10. С. 121–129; *Он же.* Якутский розыск о розни боярских детей и казаков // Русская старина. СПб., 1897. Август. С. 375–392 и др.

² *Бахрушин С. В.* Мангазейская мирская община в XVII в. // Научные труды. Т. III. Ч. 1. М., 1955; *Он же.* Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. // Научные труды. Т. IV. М., 1959.

³ *Александров В. А., Покровский Н. Н.* Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991.

⁴ Произошло это должно было при первом енисейском воеводе Я. И. Хрипунове, который прибыл в острог 1 апр. 1623 г. См.: РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 12. Л. 350–351.

⁵ Окладников А. П. Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII–XVIII вв.). Л., 1937. С. 44–58.

⁶ Такие ситуации возникали, когда люди Я. Хрипунова собирали ясак вместе с енисейскими служилыми людьми. См., например, об их конфликте с группой В. Бугра: СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22э. Л. 31. № 32.

⁷ Там же. Л. 4–4 об. № 6.

⁸ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 12. Л. 91. Далее листы этого столбца указываются в тексте в круглых скобках.

⁹ СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 4–4об, 8об.–9об. № 6, 14; Фишер И. Э. Сибирская история с самого открытия Сибири. СПб., 1774. С. 342; Окладников А. П. Очерки из истории западных бурят-монголов. С. 31.

¹⁰ СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 4об. № 6; Л. 8 об.–9об. № 14.

¹¹ Об этом см.: Покровский Н. Н. Сибирские материалы XVII–XVIII вв. по «слову и делу государеву» как источник по истории общественного сознания // Источники по истории общественной мысли и культуры эпохи позднего феодализма. Новосибирск, 1988. С. 29–35; Бродников А. А. О причинах и последствиях Енисейского бунта 1626 г. // Общественная мысль и традиции русской духовной культуры в исторических и литературных памятниках XVI–XX вв. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. С. 11–19.

¹² Об этих событиях имеются упоминания в научной литературе. См.: Фишер И. Э. Сибирская история ... С. 341–342; Окладников А. П. Очерки из истории западных бурят-монголов. С. 32–33; Бахрушин С. В. Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. С. 15–16; История Сибири. Л., 1968. Т. 2. С. 140–141; Александров В. А., Покровский Н. Н. Власть и общество... С. 173–174, 237–240.

¹³ Подробнее о событиях енисейского бунта см.: Покровский Н. Н. Сибирские материалы... С. 29–35.

¹⁴ СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 15об. № 22.

¹⁵ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 27. Л. 305об., 306об., 307об., 313об.; Кн. 47. Л. 83об., 83а, 84об., 124, 126; Кн. 70. Л. 101об., 187.

Соколовский И. Р.

Могло ли Московское государство регулировать сибирскую торговлю XVII в.?

Прежде чем ответить на вопрос, вынесенный в заголовок данной работы, остановимся на проблеме государства вообще и теме политического в частности. Учитывая модность темы «анти-европоцентризма», подойдем к этой проблеме не с точки зрения самоочевидности, а как к проблеме. На наш взгляд лучшим способом проблематизации «политического» будет его антропологизация, т. е. этнографическое представление, но не через разнообразие «материальных культур», а через разнообразие культур «духовных», т. е. выраженных через метафорические структуры речи.

Ещё во второй половине XX в. французский политический антрополог Ж. Баландые указывал на значение территориального критерия для определения политического, ссылаясь на работы Г. Мейне и Л. Моргана. Он отмечал, что «политическая область схватывается прежде всего как система организации, действующая в рамках ограниченной территории, политического объединения, где пространство поддерживает политическую общность»¹. Более спорным аспектом является определение политического через его функции. Баландые пишет, что функции политического «считаются обеспечивающими внутреннюю кооперацию и защиту целостности общества от внешних угроз», которые могут быть оспорены на целом ряде исторических примеров, однако бесспорно, что к функции «политического» относится «принятия решений и управления общественными делами»². Согласно М. Ж. Смиту «социальное действие является политическим, когда оно стремится контролировать *решения*, касающиеся общественных дел, или влиять на них – *policy* в понимании англо-саксонских авторов»³.

Сам Баландые выдвигает следующие гипотезы: во-первых, «политическая власть внутренне присуща всякому обществу: она заставляет уважать основывающие его правила; она его защищает от собственных несовершенств; она ограничивает внутри него результаты соперничества между индивидами и группами», короче политическое противостоит энтропии, ведущей к разрушению всей системы⁴. Этим, кстати, он объясняет функционирование ритуалов, церемоний и процедур, обеспечивающих «новое воссоздание общества, периодически или в определённом случае...» смыкаясь в этом вопросе с Мирчей Элиаде⁵. Во-вторых, согласно Баландые, любое общество направлено вовне.

С таким подходом смыкается точка зрения О. Хархордина, согласно которому Иван III и лидеры североамериканских локальных преступных группировок (банд) делают одно и то же – контролируют территорию и сохраняют достоинство⁶. Однако, Квентин Скиннер приводит ещё один аспект, политического, начиная с того, что «столкновение отдельных индивидов и государства образует главную тему политической теории». Скиннер рассматривает текст Гоббса как поворотный момент к более абстрактному представлению о "государстве", чем это было до него, когда власть была более персонифицированной и более конкретной. Указывая на глубину этой традиции, восходящей к Гермогениану, который писал, что «все законы устанавливаются для блага людей»⁷. На с. 18 отсылая к группе писателей эпохи Возрождения он пишет,

что «все они единодушны» в отношении точки зрения, которую он сам называет «классической» «требуется, чтобы магистраты во всех своих делах следовали диктату правосудия, в результате чего будет укрепляться общее благо, сохранятся мир и будет гарантировано всеобщее благополучие» Сходные взгляды, по Скинеру, имел и Фома Аквинский⁸. Эразм Роттердамский в "Наставлении христианского государя" (1516 г., т. е. всего три года спустя, после "Государя" Маккиавели (1513 г.)⁹) писал, что «самое благополучное состояние достигается тогда, когда есть принц, которому все повинуются, когда принц повинуется законам и когда законы отвечают нашим идеалам честности и справедливости» (*felicissimus est status, cum principi pareatur ab omnibus atque ipse princeps pater legibus, leges autem ad archetypum aequi et honesti respondet*). Следовательно, в понятие «политического» входит не только «одно из обязательных условий удержания положения правителя – сохранение характера существующего режима», но «второе необходимое условие поддержания состояния правителя – границы территорий, данных ему в управление, не должны уменьшаться или видоизменяться»¹⁰. Кроме того, ещё одним минимальным условием политического (по Скинеру) является забота о благе подданных, особенно когда речь идёт, согласно В. Сандерленду об «империализме». Который он определяет бихевиористски как «создания и поддержания империи», которая в свою очередь так же определяется как «эффективный контроль, формальный или неформальный, подчинённого общества [обществом] имперским». В этом он следует терминологии и идеям Майкла Дойла (Michael W. Doyle (1986))¹¹.

Разобрав таким образом политическое, мы подходим к вопросу, о возможности проведения рациональной хозяйственной политики в XVII в., потому что для того, что бы определить, была ли она возможна в московском государстве относительно Сибири, надо бы знать, была ли она возможно где-нибудь ещё относительно любого другого общества. Современное рациональная политика в хозяйственной области, сложна и многообразна и сливается с администрированием (регулированием).

По мнению одних авторов она включает антитрестовское законодательство, индустриальное регулирование, социальное регулирование¹². Для авторов Википедии речь идёт о «государственном регулировании экономики, которое включает: фискальную и монетарную политики, регулирование внешней торговли и распределения доходов». Кроме того, отмечается, что существует «техническое ре-

гулирование» (нормирование, сертификация и надзор, лицензирование, аккредитация, делегирование, регистрация, санкции и апелляции)¹³. Отдельно в отечественной литературе традиционно рассматривается антидемпинговое законодательство¹⁴. Конечно, для XVII в. речь может идти только о зачатках всего этого и тут нам не обойти фигуру У. Петти.

Английский экономист и общественный деятель Уильям Петти (26.05.1623–16.12.1687) с 1654 г. занимался изучением производительных сил Ирландии и в 1662 г. обобщил свои наблюдения в работе под названием «Трактат о налогах и сборах». Кроме того, сохранились и были опубликованные ещё некоторые его сочинения¹⁵. В них он рассматривает различные вопросы, объединённые темами меркантилизма, трудовой теории стоимости, ренты и ссудного процента, заработной платы, денег и капитала, государства и налогов, социальных проблем. Исследователи его творчества отмечают, что основной целью предложений У. Петти было «обеспечить быстрое экономическое развитие Англии» Они особо отмечают его «идею подведения научной базы под экономическую политику государства». По их мнению, У. Петти считал, что «экономическая политика должна быть реализацией объективных тенденций и не идти наперекор естественному ходу дел.» Сам Петти пишет по этому поводу: «Мы должны вообще учесть, что, подобно тому как благоразумные врачи не пичкают чрезмерно своего больного лекарствами, скорее учитывая и сообразуясь с процессами природы, чем противодействуя им своими собственными насильственными действиями, так и в политике и экономике необходимо поступать подобным же образом, ибо *Naturam expellas furca licet usque resurgit* [гони природу в дверь, влетит она в окно]»¹⁶. Исследователи отмечают: «главный экономический рычаг, находящийся в руках государства, – это налоги». Как уже отмечалось, Петти считает, что через этот механизм, деньги должны быть изъяты у тех, кто тратит их исключительно на излишнее потребление и переданы тому, кто сможет потратить их на полезные цели (обработку земли, рыболовство, разработку рудников, устройство мануфактур)¹⁷. Позиция У. Петти хорошо видна из следующего пассажа: «Разоряющиеся люди (которые тем не менее любят вести широкий и блестящий образ жизни и которые благодаря своему гостеприимству, оплачиваемому в действительности другими лицами, приобретают себе друзей, могущих укрыть их даже от правосудия) нередко увлекают при

организации таких добровольных взносов своим сумасбродным примером других людей, добывших то, что у них есть, тяжелым трудом. Первые не заботятся о том, что они уплачивают, ибо это расширяет их кредит и помогает им занимать больше, и, таким образом, вся тяжесть добровольных взносов банкротов падает в конечном итоге на бережливых патриотов, от которых зависит все общественное благополучие»¹⁸. Надо отметить, что заботы Петти, при всей прогрессивности его взглядов, на многие десятилетия опережавших взгляды современников, нельзя сказать, были «гласом вопиющего в пустыне». Например, разразившаяся в 1652 г. первая англо-голландская война показала, что вопрос о защите или не защите собственного торгового судоходства имеет стратегический характер и влияет на весь ход ведения войны: «Таким образом, мы видим, что, по всей вероятности, именно торговля сделала эту войну чисто морской и что в начале войны торговля, ее защита на определенных торговых рейсах и ее атака на удобных для того пунктах почти всецело управляли движениями флотов обеих наций» — пишет Коломб¹⁹.

Таким образом, Петти являет нам пример, как в последней трети XVII в. могла бы реализовываться рациональная хозяйственная политика. На первой стадии речь шла бы об изучении реально сложившегося положения вещей, а на второй создание таких фискальных механизмов, которые бы обеспечивали экономическое развитие страны согласно общепринятому в Западной Европе пониманию «политического». Однако, были ли в Московском государстве лица, способные дань научную оценку хозяйственных сил народа? Мы знаем несколько таких попыток, принадлежащих исключительно иностранцам, — это прежде всего донесения Родеса, сочинения Кильбургера и Марпергера²⁰. Один из двух основополагающих законодательных актов, регулировавших торгово-промышленную деятельность в московском государстве во второй половине XVII столетия, Староторговый устав 1653 г., называет иницилирующие документы для выработки законодательного решения: «Великий Государь, слушав выписки и челобитья и сказок гостей и гостиной и суконной и черных сотен и слобод и городов всяких чинов торговых людей, указал и Бояре приговорили». Таким образом, указано, что в выработке законодательного решения принимало участие «экспертное сообщество», правда, представленное исключительно практиками. Сам документ, устанавливающий пошлины в размеры 1/10 от цены продаваемого товара («впредь свою Государеву таможенную пошлину имати с весчих и

невесчих со всяких товаров, и с хлеба на Москве и в городех с тутошних жилецких и с приезжих, со всяких чинов людей, рублевую пошлину, с продавцов по десяти денег с рубля, почему которой товар ценою на деньги в продаже будет»²¹), регулирующий ряд специальных случаев (персидская торговля, торговля с немцами и т.д.), а так же устанавливающий расценки на перевоз через большие реки на первый взгляд не содержит ничего такого, чего нельзя было бы отнести к мерам облегчающим торговлю. В выработке решения не участвовали другие агенты рыночных отношений «людей братья, и племянники, и прикащики, и дворовые их люди». Однако общий результат кажется довольно позитивным.

Примечания

- 1 Баландые Ж. Политическая антропология. М.: Научный мир, 2001. С. 34
- 2 Баландые Ж. Указ. соч. С. 35
- 3 Баландые Ж. Указ. соч. С. 37
- 4 Баландые Ж. Указ. соч. С. 43
- 5 Элиаде М. Священное и мирское. М.: Изд. МГУ, 1994.
- 6 Хархордин О. Предисловие редактора // Понятие государства в четырех языках: Сб. статей / Под ред. О. Хархордина. СПб.; М.: Европейский университет в Санкт-Петербурге; Летний сад, 2002. С. 7
- 7 Скиннер К. The State // Понятие государства в четырех языках... С. 12–14.
- 8 Скиннер К. Указ. соч. С. 20.
- 9 Скиннер К. Указ. соч. С. 24.
- 10 Скиннер К. Указ. соч. С. 25. С. 27.
- 11 Sunderland Willard Taming the Wild Field: Colonization and Empire on the Russian Steppe. Ithaca: Cornell. University Press, 2004. P. 3
- 12 McConnel R. Campble, Brue L. Stanley Economics: Principles, Problems and Policies. 12th ed. N.Y. Et al.: McGraw Hill, Inc., 1993. P. 610 et al.
- 13 <http://ru.wikipedia.org/wiki/> Государственное регулирование экономики (Последний раз проверялось 1 июня 2011 г.)
- 14 Шагурина А. Б. Что такое антидемпинговое законодательство (на примере ЕЭС) // Как продать ваш товар на внешнем рынке: Справочник. М.: Мысль, 1990.
- 15 Аникин А. В., Аникин В. А. Уильям Петти. М.: Экономика, 1986. С. 13–19
- 16 Петти В. Трактат о налогах и сборах // Петти В., Смит А., Риккардо Д., Кейнс Дж., Фридмен М. Классика экономической мысли: Сочинения. М.: Издательство ЭКСМО-Пресс, 2000. С. 44.
- 17 Аникин А. В., Аникин В. А. Указ. соч. С. 52–55.
- 18 Петти В. Указ. соч. С. 50.
- 19 Коломб Ф. Морская война. М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: TerraFantastica, 2003. С. 81.
- 20 Родес И. Состояние России в 1650–1655 гг. по донесениям И. Родеса / Под ред. Б. Г. Курца // ЧОИДР. М., 1914. 268 с.; Курц Б. Г. Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. К., 1915; Marperger P. J. Moscovitischer Kauffmann, das ist: Ausfuehrliche Beschreibung der Commerciens, welche in Moscau und

andern Seiner Czaarischen Majestat Bothmaessigkeit unterworfenen Reichen und Provin-
cien... getrieben werden... Luebeck, 1705.

21 Полное собрание законов Российской империи Собрание первое / Под ред.
М. М. Сперанского, 1830. Т. 1. С. 304.

Побережников И. В.

Административный фактор в рамках фронтирной модернизации Сибири (XVIII – начало XX в.)

Кардинальная трансформация, связанная с движением от традиционного аграрного к современному индустриальному обществу, получила в науке наименование модернизации. Характер модернизации существенно зависит от пространственного измерения: особое значение при этом имеют такие параметры как размер страны, ее природно-географические условия, геополитическое положение, пространственная динамика. Особенности условия для модернизации возникали в странах фронта, которые продолжали осваиваться в современную эпоху. К их числу можно отнести и Россию.

Воздействие освоительских процессов на динамику модернизации отмечал известный американский историк и социолог С. Блэк, выделивший в особый тип модернизации «филиалы» Великобритании и Франции в Новом Свете (имелись в виду такие страны как США, Канада, Австралия и Новая Зеландия)¹. В частности, С. Блэк обращал внимание на значение для развития стран данного типа доступных пограничных областей, которые служили источником богатства, а также клапаном для разрядки социальных проблем более плотно заселенных регионов. Кроме того, автор указывал на ряд проблем, создаваемых фронтиром: потребность в дополнительной рабочей силе для разработки избыточных ресурсов; проблема ассимиляции, возникавшая в связи с большим притоком иммигрантов.

Сибирь, как восточный регион России («Азиатская Россия»), ярко иллюстрирует особенности модернизации в условиях незавершенного освоения, так называемой фронтирной модернизации.

Сибирь была присоединена к стране относительно поздно. В XVIII – начале XX в., когда страна в целом проходила стадии protoиндустриальной и раннеиндустриальной модернизации, продол-

жался процесс присоединения и закрепления территорий Сибири на юге региона, а также на Дальнем Востоке. Согласно концепции М. В. Шиловского, первый этап геополитического «охвата» (с конца XVI в. до 1689 г.) завершился стабилизацией русской границы от Тихого океана до Западных Саян, укреплением присоединенной территории в основном в таежной зоне, созданием инфраструктуры военно-промышленных и торгово-административных поселений; на втором этапе (1689–1822) была «охвачена» территория южной Сибири и Казахстана, началось укрепление и хозяйственное освоение вновь присоединенных территорий, а также, отчасти, районов более раннего заселения, на Алтае был создан мощный горно-металлургический комплекс Кабинета его императорского величества; новый виток территориальной экспансии на юге Западной Сибири и Дальнем Востоке на третьем этапе геополитического «охвата» (1822–1890-х гг.) завершился присоединением Восточного Казахстана (Семиречье), укреплением за Россией левобережья Амура, Приморья и Сахалина; на четвертом (незавершенном) этапе геополитического «охвата», начавшемся с 1896 г., имели место попытки экспансии в Манчжурии (КВЖД), началось массовое крестьянское переселение в Сибирь².

Таким образом, восточные регионы длительное время сохраняли освоенческий синдром, что выразилось в растянутости колонизационных процессов (заселение, аграрное, промышленное освоение); в экстенсивном характере аграрной экономики; в региональных, этнокультурных контрастах и диспропорциях, различной степени заселенности и освоенности территорий. Наличие больших массивов слабозаселенных территорий создавало предпосылки для дальнейшего переселения, миграций, разрядки демографического давления в густонаселенных районах. Продолжавшаяся колонизация тормозила переход от экстенсивных к интенсивным методам освоения пространства, укрепляла на длительное время доминирование добывающих отраслей экономики. При этом освоение новых пространств как ведущий региональный процесс сближало Россию с переселенческими странами, в частности, со странами Нового света³.

В условиях дефицита капиталов, длительное время сохранявшейся «степной» угрозы возникала потребность в мобилизационных механизмах, призванных ускорить процесс заселения и освоения региона, обеспечить безопасность его рубежей, создать основы для многосторонней – административной, экономической, социокультурной – интеграции в общестрановое пространство, способствовать, таким образом, углубленному развитию региона. В качестве такого механизма мог выступать административно-управленческий

фактор (организация и функционирование управленческих систем для мобилизации социальных групп, институциональных практик, технологий и ценностей ради достижения общественно значимых целей), который в целом оказал значимое организующее воздействие на формирование российской модели модернизации. Действие данного фактора напрямую связано с ролью государства в присоединении и освоении восточных регионов России⁴.

Колонизационная специфика накладывала сильнейший отпечаток на развитие административно-территориальной системы на востоке страны. С начала XVIII в. административно-территориальное устройство осуществлялось в контексте проведения политики модернизации, предусматривавшей в перспективе рационализацию и унификацию системы управления, замену в конечном счете исходного многообразия и специфики административных форм внутренне усложненной моновариантной моделью, предполагавшей рост централизации и бюрократизации управления, постепенное совершенствование системы административно-территориального деления, эволюционное утверждение бюрократической системы местного управления, усиление иерархических связей в управлении, сокращение дистанции между государственной властью и населением, внедрение разделения управленческого труда на местном уровне, становление государственной службы, вытеснение административного обычая законодательными актами в нормативном регулировании процессов административного устройства⁵. Однако недостаточно глубокая интегрированность большинства территорий на востоке России вносила существенные коррективы в общий курс административного благоустройства. Управленческие структуры Востока России практически до начала XX в. несли черты особенности, отличности от соответствующих структур центральных регионов России. Причем эта особенность возрастала по мере движения на восток⁶.

Важной составляющей системы управления является административно-политический механизм взаимоотношений центра и регионов. Специфика вновь присоединяемых обширных пространств на Востоке страны обусловила учреждение специальных центральных органов управления с региональной компетенцией (например, Сибирский приказ в XVII в.)⁷. Подобная практика сохранялась и в XIX в., подчеркиваясь регулярным созданием и воссозданием центральных органов регионального управления типа Комитета по делам сибирского края, I и II Сибирских комитетов, Комитета Сибирской железной дороги (прообразом которых выступал Сибирский приказ), в компетенцию которых входила разработка важнейших

законодательных и административных актов, определявших магистральные линии сибирской политики правительства, координация деятельности различных ведомств.

Для сибирских окраин характерно было длительное сохранение института генерал-губернаторства, утвердившегося в качестве промежуточного звена между губернскими учреждениями и Центром. Генерал-губернатор как государев наместник выступал в качестве посредствующей инстанции между высшей и местной администрациями. При этом огромная власть генерал-губернатора в значительной степени опиралась на личное доверие монарха, была почти бесконтрольна. Генерал-губернатор являлся «главным блюстителем неприкосновенности верховных прав самодержавия, пользы государства и точного исполнения законов и распоряжений высшего правительства по всем частям местного управления во вверенном ему крае»⁸.

Признаком фронтирности являлась заметная милитаризация восточных регионов, проявлявшаяся в размещении здесь фортификационных сооружений, оборонительных линий, регулярных воинских частей, поселенных иррегулярных формирований (Сибирское, Семиреченское, Забайкальское, Амурское, Уссурийское казачьи войсковые организации), установлении особых военизированных форм администрации (военный губернатор, генерал-губернатор, наместник; регионально-экономические системы управления)⁹.

В контексте фронтирной модернизации повышенная роль принадлежит транспортному фактору. Хорошо известно, какое значение для индустриализации и интеграции стран имело железнодорожное строительство в США и Канаде в XIX в. Железные дороги также ускорили освоение Сибири и Дальнего Востока, стимулировали развитие промышленности, рост городов. Единственная в России к началу XX в. трансконтинентальная железная дорога, Транссиб, соединившая Сибирь с европейской частью страны, сразу же способствовала ликвидации былой обособленности региона, интенсификации хозяйственного освоения восточных районов, стимулировала миграцию и переход сельского хозяйства к рынку. При этом строительство Транссибирской магистрали осуществлялось государством, что также способствовало росту значимости административного фактора в освоении¹⁰.

Также необходимо иметь в виду, что в силу региональной вариативности природно-климатических условий темпы колонизации могли существенно колебаться. Замедленно осваивались территории с наименее благоприятными для человеческого существования условиями, к числу которых можно отнести сибирский Север, в частности тундровые и лесотундровые районы Тобольского Севера. Ин-

теграция последнего в пространство Российского государства была осложнена рядом обстоятельств: огромной площадью и суровыми природно-климатическими условиями, малочисленностью населения, неразвитостью коммуникаций, замедленными темпами социально-экономического развития, хозяйственной многоукладностью, этнокультурным разнообразием. В подобных условиях особое значение приобретала административно-политическая интеграция¹¹.

Итак, к числу особенностей развития Сибири на протяжении XVIII – начала XX вв. можно отнести большую подвижность населения, сохранявшее свою значимость освоение в разнообразных проявлениях, особая роль военного элемента. Включение еще недостаточно освоенных регионов в модернизационные процессы способствовало усилению их гетерогенности в социальном, экономическом, культурном отношениях, причудливому переплетению традиции и новации в производственной, социально-институциональной, управленческой сферах. В этих условиях существенно возрастало значение административно-политического фактора, который играл порой решающую (особенно в условиях присоединения новых территорий и их первоначального освоения) роль в освоении и развитии восточных регионов России.

Примечания

¹ Black C. E. The Dynamics of Modernization: A Study in Comparative History. N.Y.: Harper Colophon Books, 1975. P. 110–114.

² Шиловский М. В. Геополитическая значимость Азиатской России для России в XVII – начале XX вв. // Россия между прошлым и будущим: исторический опыт национального развития. Екатеринбург, 2008. С. 648–653.

³ См.: Резун Д. Я., Ламин В. А., Мамсик Т. С., Шиловский М. В. Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2001; Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в 17–20 вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2002; Резун Д. Я., Шиловский М. В. Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск, 2005; Агеев А. Д. Сибирь и Американский Запад: движение фронтиров. М., 2005; Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. XVI–XX века / В. В. Алексеев, Е. В. Алексеева, К. И. Зубков, И. В. Побережников. М.: Наука, 2004. С. 204–318; Супоничкая И. М. Опыт освоения земель: Сибирь и Запад // Российско-американские отношения в прошлом и настоящем: Образы, мифы, реальность / М-лы междунар. конф., посвященной 200-летию установления дипломатических отношений между Россией и США, РГГУ (Москва), 21–22 февраля 2007 г. М., 2007. С. 134–143; Она же. Равенство и свобода. Россия и США: сравнение систем. М., 2010; Побережников И. В. Освоение Северо-Западной Сибири и канадского Севера в сравнительной перспективе (XVI – начало XX в.) // Путь на Север: вехи истории. М-лы Всерос. На-

уч.-практ. конф. «Историческое краеведение Ямала – 2006». Салехард–Екатеринбург, 2006. С. 34–49.

⁴ Роль государства в хозяйственном и социокультурном освоении Азиатской России XVII – начала XX века: Сб. материалов региональной научной конференции. Новосибирск, 2007; Региональные процессы в Сибири в контексте российской и мировой истории. Новосибирск, 1998; Сибирь в составе Российской империи. М., 2007; *Шишкин В. И.* Государственное управление Сибирью в XVII–XIX веках: основные особенности организации и функционирования // Проблемы истории местного управления Сибири XVI–XX вв. Новосибирск, 1998. С. 3–10.

⁵ См.: *Акишин М. О.* Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII века: структура и состав государственного аппарата. М.; Новосибирск, 2003.

⁶ См.: *Ремнев А. В.* Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX – начала XX веков. Омск: Изд-во Омского ун-та, 1997; *Дамешек Л. М.* Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX – начало XX в.). Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1986; *Конев А. Ю.* Коренные народы Северо-Западной Сибири в административной системе Российской империи (XVIII – начало XX вв.). М., 1995.

⁷ *Вершинин Е. В.* Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург, 1998; Власть в Сибири. XVI – начало XX века. Межархивный справочник. Новосибирск, 2002. С. 8–16, 121–124, 131–134.

⁸ *Ремнев А. В.* Генерал-губернаторская власть в XIX столетии. К проблеме организации регионального управления Российской империи // Эволюция административного устройства и управления в России: историческая ретроспектива и современность. Екатеринбург, 2001. С. 200–212; *Он же.* Административное единство Сибири в 19 в. // Вопросы социально-политической истории Сибири (XVII–XX века) / Бахрушинские чтения 1997 г. Новосибирск, 1999. С. 99–115; *Матханова Н. П.* Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины века: В. Я. Руперт, Н. Н. Муравьев-Амурский, М. С. Корсаков. Новосибирск, 1998; *Она же.* Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX века. Проблемы социальной стратификации. Новосибирск, 2002.

⁹ История казачества Азиатской России. Екатеринбург, 1995. Т. 1: XVI – первая половина XIX века; История казачества Азиатской России. Екатеринбург, 1995. Т. 2: Вторая половина XIX – начало XX века; *Осгурцов А. Ю.* Военно-инженерная политика русского правительства в Западной Сибири в XVIII в. / Автореф. дисс. ... к.и.н. Свердловск, 1990; *Пузанов В. Д.* Военные факторы русской колонизации Западной Сибири. Конец XVI–XVII вв. СПб., 2010; *Пережогин А. А.* Военизированная система управления Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа (1747–1871 гг.). Барнаул, 2005.

¹⁰ *Букин С. С., Исаев В. И., Тимошенко А. И.* Сибирь в модернизационной стратегии России (конец XIX – начало XX в.) // Экономическая история Сибири XX века. Барнаул, 2006. Ч. 1. С. 66–73; *Тимошенко А. И.* Проекты социально-экономического развития Сибири в XX в.: концепции и решения. Исторические очерки. Новосибирск: Сибирское Научное Издательство, 2007. С. 7–27.

¹¹ См.: История Ямала. Екатеринбург, 2010. Т. 1: Ямал традиционный. Кн. 2. Российская колонизация. Екатеринбург, 2010; *Побережников И. В.* Ямал в контексте российской модернизации XIX – начала XX в. // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. Вып. № 2(65): Ямал в панораме Российской истории. Салехард, 2010. С. 21–29.

**Император – министры – генерал-губернаторы:
«административный треугольник» для Сибири
и Дальнего Востока**

В последнее время наметилась тенденция не только «нормализовать» (что само по себе неплохо) историю Российской империи, но и представить политику самодержавия, как весьма успешную, которая была насильственно прервана невесть откуда взявшейся революцией. Более позитивными стали оценки и самодержавной системы власти, которая, безусловно, менялась и модернизировалась, но делала это с необоснованной медлительностью. Такого рода суждения содержатся на страницах не только многих популярных в настоящее время массовых изданий, но и в трудах такого серьезного исследователя, как Б. Н. Миронов, с его приверженностью идее «правомерной» монархии. Вероятно, на фоне большевистского репрессивного режима царизм потерял свою былую непривлекательность, на чем настаивали не только советские историки, но и большинство дореволюционных современников.

В. И. Шишкин в своей статье, претендующей на обзор основных итогов изучения истории государственного управления Сибирью в конце XIX – первой трети XX в., поставил мне в упрек поддержку выводов советской историографии и излишнюю критичность в оценках действий имперского центра в отношении Сибири. Его насторожили не только «безнадежная устарелость» системы управления и требования «коренного пересмотра», о чем заявляли еще тогда не только в общественных, но и в правительственных кругах, но и противоречия, с одной стороны, элементов колониализма в правительственной политике, а с другой, – стремление воспроизвести в Сибири социально-экономические отношения, господствовавшие в Европейской России, которые были сами по себе далеки от идеалов современности. При этом он заметил, что едва ли «проведение такой разнонаправленной политики в отношении к одной и той же территории было возможно в принципе», а «оценку правительственной политики в Сибири неправомерно распространять на систему управления Сибирью»¹. Из его кратких суждений осталось непонятным: была ли эффективной «государственная политика» при низкой эффективности «системы управления», с чем были согласны большин-

ство даже в самом царском правительстве? В любом случае, я бы не стал разводить эти два предмета исследования, а противоречия кроются не в логике моего изложения, а в реальных практиках имперской политики и управления.

Говоря о «правительственной политике» мы должны сознавать всю сложность, и даже условность такого понятия. Скорее это было пространством действия разных имперских акторов, действия которых могли в значительной степени не совпадать, предлагать свои специфические сценарии власти, управления и даже идеологии. Согласованной системы управления Сибирью империи так и не удалось создать, что было отражением общих проблем организации властных механизмов государства и наставших проблем взаимодействия с общественными институтами, значение которых даже для Сибири я бы не стал преуменьшать. Между властями и общественными силами существовали не только конфликты, но и появлялись формы сотрудничества, в которые могли включаться даже лица, оппозиционно настроенные к самодержавному режиму. А критический настрой был чаще всего адресован не столько к общей направленности правительственных действий, сколько запаздыванию реформ и низкой эффективности бюрократического аппарата.

В качестве описательной модели системы управления Азиатской России я, с известной долей схематизма, могу предложить треугольник, вершиной которого был император, управляющий окраинами через генерал-губернаторов и министров. Этот треугольник очерчивал пространство принятия политических и управленческих решений, эффективность которых во многом зависела от согласованности в действиях всех акторов.

В государственном управлении Российской империи существовало как бы две линии реализации самодержавной власти: территориальная и отраслевая. Имея общую природу властных полномочий, нечетко разделенные прерогативы, возможность напрямую апеллировать к монарху, министры и генерал-губернаторы с большим трудом координировали свои действия. Личностная природа генерал-губернаторской власти при довольно частой смене генерал-губернаторов неизбежно придавала дискретный и противоречивый характер правительственному курсу в отношении той или иной окраины. Смена персонажей на генерал-губернаторском посту имела нередко определяющий характер на направление и успех правительственных мероприятий. На трудности исследования института генерал-губернаторской власти, из-за неопределенности его правовой основы, указывают и большинство современных исследователей².

Российские юристы так и не смогли дать внятного определения генерал-губернаторской власти, то определяя ее как министерства, действующее на местах (М. М. Сперанский), то как среднюю инстанцию между центральными и местными учреждениями. Эта двойственность в функциях породила так и неразрешенную в имперском государствоведении проблему: является генерал-губернатор органом управления или только надзора?

Генерал-губернаторское управление оставалось прежде всего личностным, что, хотя и приводило к непоследовательности имперской политики, однако делало ее многовариантной и альтернативной, а потому и более гибкой. Смена персонажа на генерал-губернаторском посту являлась отражением сложного «расклада» сил в петербургских правительственных и сановных кругах. Кроме того, существовала потребность в особой координации действий местной администрации, так как проблема отсутствия «объединенного правительства» неизбежно транслировалась и на региональный уровень.

Сверхправовая природа генерал-губернаторской власти, делегированной с высоты престола, отсутствие регулярного и четко отлаженного надзора центра, воспроизводили, по образцу самодержца, своего рода патриархальный, «домашний» вариант управления, когда, по определению М. М. Сперанского, самовластие сочеталось с послаблением. Поэтому российскую бюрократию, очевидно, более продуктивно описывать не через веберовскую модель рационального бюрократа, а через его же типизацию «патримониального чиновника»³. Необходим широкий институциональный подход к окраинной политике, исследование «технологии власти», определение формальных и неформальных акторов, влиявших на структуру власти империи, когда «законодательная власть централизованного государства разбивалась о культуру персонализированной власти»⁴.

В имперских «сценариях власти» генерал-губернаторы разыгрывали роль особо доверенных лиц царя, подкрепляя тем самым монархический принцип государства. Эту непосредственную связь с императором они постоянно ощущали и всячески стремились поддерживать, демонстративно отделяя себя от прочих чиновников империи. В глазах азиатских да и большинства русских подданных на окраинах империи, никогда не видевших своего «Белого царя» (за исключением тех немногих, кто побывал в столице), генерал-губернатор был символом могущества государства, олицетворял высшую власть империи, являлся «оком» государя и его наместником. Поэтому важное значение придавалось престижу власти личного представителя монарха, «внешнему блеску» и личному «обая-

нию» его персоны. С особой тщательностью генерал-губернаторы заботились об антураже своей власти (дворец, приемы, балы, свита, чиновники для особых поручений, почетный конвой при поездках, продуманный церемониал встреч туземных подданных, приемов иностранных делегаций и т.п.). Презентацию власти в разных региональных ситуациях генерал-губернаторы старались адаптировать к восприятию и традициям местного населения, обставляя ее по-азиатски помпезно, что нередко шокировало просвещенную часть российского общества.

В государственведческой мысли империи господствовала точка зрения, что генерал-губернаторства есть явление временное, «переходное», пока центральные ведомства не создали плотную сеть своих институтов и не выстроили надежную систему коммуникаций, что особое управление окраин может даже препятствовать единству империи. Подозрение вызывали некоторые генерал-губернаторы, которые могли «осибиричаться» и которым становилось трудно отделиться от предвзятой идеи, «что край этот есть нечто особое от остального государства»⁵. Действительно, некоторые из генерал-губернаторов, как Н. Н. Муравьев-Амурский – в Восточной или Н. Г. Казнаков – в Западной Сибири формировали свой взгляд на развитие региона, что не могло не сближать их взгляды с позициями сибирской общественности в требованиях проведения реформ.

Ключевым в «треугольнике»: император – министры – генерал-губернатор, разумеется, являлось отношение генерал-губернатора к монарху. Неясность управленческого статуса генерал-губернатора может быть объяснена самой природой их полномочий, которые были своего рода делегацией (поручением) верховной власти, а генерал-губернатор мог рассматриваться скорее «личным региональным агентом» императора, нежели, частью рационально организованного механизма взаимодействия главы государства с подчиненными ему сотрудниками. Вместе с тем, российские самодержцы предпочитали это делать по заведомо неясно прочерченным двум линиям, стремясь, таким образом, обезопасить себя от излишних бюрократических процедур и сохранить личную инициативу в азиатской политике. При этом, современниками неоднократно отмечалась привычка российских монархов играть на противоречиях, сталкивать своих ближайших сотрудников, находя в их разногласиях дополнительные гарантии своей неограниченной власти.

Д. ЛеДонн, проанализировавший проекты генерал-губернаторств начала XIX в., пришел к выводу, что правительственные реформаторы так и не смогли выйти за пределы московско-имперской, воевод-

ско-наместнической традиции, натолкнувшись на непреодолимое препятствие генетической связи императорской и генерал-губернаторской власти⁶. Не случайно, нового генерал-губернатора сам император подробно инструктировал, лично давал наставления, которые в начале XIX в. могли иметь особую юридическую форму «наказа» (нередко, секретного), а генерал-губернаторы на монарших аудиенциях стремились заручиться не просто высочайшей поддержкой, но и получить одобрение программы своих действий.

В такой ситуации, самое опасное для генерал-губернатора заключалось в потере доверия монарха, перед которым «сибирские проконсулы» империи только и чувствовали себя ответственными. Но при оценке действий сибирских генерал-губернаторов верховная власть всегда колебалась между восстановлением справедливости и сохранением силы их власти. Усиление контроля центра путем сенаторских и министерских ревизий, либо организации независимого от генерал-губернатора жандармского надзора грозили подорвать авторитет высшей местной власти, но и отрицательно сказаться на имидже самого монарха.

В таких условиях для генерал-губернаторов важно было сохранить личное главенство в регионе, выстроить формальные и неформальные линии власти, добиться устойчивого положения в столице империи, что было всегда нелегкой, но очень значимой задачей. Именно из Петербурга исходила главная угроза, которая могла в ситуации правовой аморфности генерал-губернаторской власти привести к отставке за превышение власти или за нерешительность в ее применении. Генерал-губернаторы должны были постоянно заботиться о поддержании монаршего доверия к себе, опасаясь быть отодвинутыми конкурентами. Главными среди них были министры, которые стремились провести на генерал-губернаторские посты своих ставленников или поставить региональных администраторов в большую зависимость от указаний центра. Поэтому генерал-губернаторы должны были внимательно следить за столичными делами, подолгу задерживаться в столице, нуждались в союзниках в лице отдельных министров или влиятельных фигур при царском дворе. Бюрократическая машина, работавшая чрезвычайно медленно, также побуждала генерал-губернаторов часто приезжать в Петербург, демонстрируя свое «присутствие» монарху и лично «проталкивая» свои проекты через министерства и высшие государственные учреждения. Переписка не давала должного эффекта, что заставляло генерал-губернатора надолго задерживаться в столице, или иметь там своих представителей. Постоянного представительства (в отличие от кав-

казского наместника после 1905 г.) никто их генерал-губернаторов Азиатской России в столице не имел. Ситуацию могло смягчать наличие особых высших Сибирских комитетов (включая Комитет Сибирской железной дороги и Комитет по заселению Дальнего Востока), но и там позиции министров оставались доминирующими.

Казалось бы, в идеале министерская власть должна была выражать интересы страны в целом, а генерал-губернаторская – региона, соблюдая при этом устойчивый баланс интересов. Однако практика государственного управления была далека от этого. Полного совпадения взглядов по всем вопросам генерал-губернаторов и министров достичь было невозможно: необходимо было или подчинить все учреждения в регионе генерал-губернатору, или совсем упразднить эту должность. Однако последнего было сделать нельзя, так как министерства не имели разветвленной и эффективно действующей системы ведомственных учреждений на местах. Азиатская Россия долгое время оставалась вотчиной генерал-губернаторской власти, куда никто из министров вплоть до конца XIX века ни разу не приезжал. Личная осведомленность в делах окраин и сопредельных государств придавала точке зрения генерал-губернаторов дополнительный экспертный вес при выработке политических решений в Петербурге. Таким образом, генерал-губернаторская власть на азиатских окраинах на протяжении почти всего имперского периода оставалась генеральной линией управления, альтернативной по своей сути министерствам, которые стремились ее оспорить.

Исторически самостоятельность генерал губернаторов была оправдана и допустима, пока контроль за местными агентами верховной власти был неэффективным, а центральные ведомства не имели развитой сети своих учреждений на региональном уровне. Постепенно по многим направлениям своей деятельности генерал-губернаторы попадали во всю большую зависимость от министерств, как в Петербурге, так и на самих азиатских окраинах. Тем более, что финансирование оставалось в руках ведомств, а не региональных властей. К тому же, центральные ведомства неуклонно уплотняли свою региональную административную сеть, заполняя ее отраслевыми учреждениями и чиновниками, создавая специальное (отраслевое) территориальное деление (военные, учебные, судебные, горные и т.п. округа). Когда же министерства усилили свое присутствие на азиатских окраинах, а регулярная почта, телеграфное сообщение и железные дороги сделали возможным оперативную связь со столицей, генерал-губернаторы оказались в трудном положении. Они были вынуждены действовать все больше с оглядкой на пози-

ции министерств, опасаясь брать на себя необходимую инициативу и ответственность, ожидая указаний из центра. Но дело было не только в скорости коммуникаций, а в степени власти начальства, которое могло бы авторитетно распоряжаться на месте и представлять интересы региона перед лицом петербургских властей.

Министерства явно спешили избавиться от генерал-губернаторов, которые, казалось, только замедляют и неоправданно усложняют управление. Сами же генерал-губернаторы постоянно ратовали за сохранение особого статуса управления окраинами, жаловались на недостаток полномочий и требовали расширения территории генерал-губернаторства (как в случае с Западной Сибирью на рубеже XIX–XX вв.). В условиях нарастания политического и социального напряжения генерал-губернатор оставался важен не только как эффективный менеджер, но, главным образом, как кризисный управляющий, что делало его власть все более чрезвычайной. Одновременно сохранялась и другая тенденция, которая требовала регионализации реформ. Генерал-губернаторы не без основания упрекали министерства за стремление управлять азиатскими окраинами, «как Московскою или Тверскою губернию».

Вместе с тем, действия министерств также не были единодушными, а центральные ведомства вели между собой скрытую или явную борьбу за лидерство на той или иной окраине. Несогласованные действия столичных и региональных акторов, при наличии монарха в качестве несистемного, но очень сильного актора, разумеется, усложняли положение генерал-губернаторов, но давали им возможность лавировать и искать союзников в высших петербургских сферах. Все это порождало многовариантность политики на азиатских окраинах, давало генерал-губернаторам шанс ввести в правительственный курс региональное измерение имперских проблем.

Примечания

¹ Шишкин В. И. Государственное управление Сибирью в конце XIX – первой трети XX в. // Власть и общество в Сибири в XX веке. Новосибирск, 2010. С. 13.

² Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи. СПб., 2001. Т. 1. См. также: Ремнев А. В. Федеральные округа или генерал-губернаторства? В поисках исторических аналогий // История и культура Сибири. Омск, 2001. С. 186–196.

³ См.: Schattenberg S. Die korrupte Provinz? Russische Beamte im 19. Jahrhundert. Frankfurt am Main, 2008.

⁴ Баберовски Й. Доверие через присутствие. Домодерные практики власти в поздней Российской империи // Ab Imperio. 2008. № 3. С. 74.

⁵ Градовский А. Д. Исторический очерк учреждения генерал-губернаторств в России // Собр. соч. СПб., 1899. Т. 1. С. 329.

⁶ LeDonne J. P. Frontier Governors General 1772–1825 // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1999. Н. 1. S. 56–81; 2000. Н. 2. S. 161–183; 2000. Н. 3. S. 321–340; idem. Russian Governors General, 1775–1825. Territorial or functional administration? // *Cahiers du Monde russe*. 2001. V. 42(1). P. 5–30.

Дамешек И. Л.

Институт генерал-губернаторов и специфика его функционирования в Сибири

Изучение политических институтов самодержавия, особенностей их функционирования на окраинах государства (в том числе в Азиатской России) в течение длительного времени является одной из актуальных проблем российской исторической науки. Институт генерал-губернаторов – один из старейших политических институтов имперской России. Реализация властных полномочий сибирских генерал-губернаторов имела определенную специфику, связанную с рядом геополитических и геостратегических особенностей управляемой ими территории.

История возникновения генерал-губернаторств в России восходит своими корнями к 1708 г., когда Петр I провел губернскую реформу. Однако термины «губернатор» и «губерния» встречаются в нормативных актах значительно раньше. Еще в 1702 г. в одном из манифестов упоминаются «пограничный губернатор», а также «наместники, губернаторы», в 1706 г. в ряде указов фигурируют понятия Ингерманландская «губернация» и «губерния»¹. Уже при Петре I начальник губернии нередко назывался генерал-губернатором. Таким образом, отметим, что должность генерал-губернатора, как главного начальника над несколькими губерниями (или над одной), с подчинением ему губернатора, появилась в российской административной практике еще до Екатерининского Учреждения 1775 г. Однако случаи назначения на генерал-губернаторскую должность до 1775 г. были единичны.

Созданное Екатериной II «Учреждение для управления губерний Всероссийской империи» определило новый порядок администрации, в соответствии с которым в каждой губернии полагалось два начальника: главный – государев наместник или генерал-губернатор

(подчинялся непосредственно императору) и его помощник – губернатор². Новая система в значительной степени способствовала децентрализации управления, поскольку в генерал-губернаторствах была образована сложная система учреждений, в то время как в столице у Сената был сосредоточен лишь общий надзор. Генерал-губернатору были подчинены важнейшие учреждения подведомственной территории: уголовная, гражданская, казенная палаты, он же отвечал за всякого рода казенные сборы, рекрутские наборы, а также за обеспечение населения подведомственной территории продуктами питания. Генерал-губернаторам пограничных территорий поручалось также «бдение от соседей...». Таким образом, власть наместника (генерал-губернатора) одновременно осуществляла общий надзор и руководство над всеми губернскими учреждениями. Несмотря на столь обширные полномочия, генерал-губернатор не мог вмешиваться в судебные дела: «ибо он есть яко хозяин своей губернии, а не судья»³. Однако в последующем судебные палаты попали в полное подчинение к генерал-губернатору. Примером тому служит сенатский указ от 8 августа 1783 г., в соответствии с которым председатели и члены палат уголовного и гражданского суда, собирающиеся уходить в отпуск, спрашивали на это разрешение у генерал-губернатора⁴.

Изначально все «государевы наместники» были обязаны лично представлять императору ежегодные отчеты («рапорты») «о благополучном состоянии губерний, о спокойствии и безопасности в них, и о всех чрезвычайных, важных и примечания достойных происшествиях 1 и 15 числа ежемесячно». При этом генерал-губернатору Иркутской и Колыванской губерний (в то время им был Иван Варфоломеевич Якоби, 1783–1789 гг.), вследствие отдаленности, было разрешено присылать эти донесения через курьеров, на что из казны выделялось по 1500 рублей в год⁵.

Со времен Петра I и вплоть до 1917 г. кандидатуру губернатора (а затем и генерал-губернатора) утверждал непосредственно император. В большинстве случаев это был «выбор самого монарха, противиться которому было невозможно»⁶. Потенциальный генерал-губернатор, как правило, был лично хорошо известен императору, вполне доказал свою политическую благонадежность и преданность идеалам монархии. Кроме этого, немалое значение придавалось послужному списку будущего наместника. Исключительно строгий отбор был не случаен: генерал-губернатор являлся никем иным, как представителем самого императора в конкретной территории, проводником имперской политики и идеологии. Причем эта ситуация была неизменной на протяжении 200 с лишним лет существования

генерал-губернаторской власти. В инструкции генерал-губернаторам конца XIX в. четко указывалось, что «они суть, прежде всего, главные блюстители неприкосновенности верховных прав самодержавия, пользы государства и точного исполнения законов и распоряжений высшего правительства по всем частям управления во вверенном им крае»⁷.

Эти обстоятельства способствовали тому, что должность наместника (генерал-губернатора) со временем приобрела «особый характер чрезвычайной власти». Единая российская империя оказалась поделенной на несколько крупных территориальных образований (генерал-губернаторств) с совершенно особым управлением с полугубернаторской во главе. Генерал-губернаторская власть развивалась, не встречая «ни преград, ни предостережения». Все это зачастую имело такие последствия, что сам император вынужден был сдерживать своих наместников⁸.

Генерал-губернаторы эпохи Александра I явились прямыми наследниками «государевых наместников». Они обладали той же безграничной властью, основанной на личном доверии царя. При этом при Александре еще больше, чем при его бабке, говорили о необходимости дать генерал-губернаторам характер постоянных инспекторов управления (функция надзора), однако этого не происходило. Министерства Александра I должны были сыграть свою роль в деле упорядочения генерал-губернаторского управления. Эти две ветви власти, основанные на совершенно противоположных началах, не могли не влиять друг на друга. К 1811 г. – году завершения министерской реформы, было окончательно установлено разделение различных отраслей дел между органами высшей исполнительной власти. Одной из функций министерств стал надзор за местным управлением. В результате местное управление попало в полное их подчинение. Даже губернаторы – начальники и хозяева губерний – фактически превратились в агентов МВД. Однако окончательному признанию власти министерств над местным управлением помешали именно генерал-губернаторы. Министерствам так и не удалось подчинить себе этих доверенных лиц императора. По словам Градовского, министерства призваны были осуществить «заветную мысль Петра I и Екатерины II – уничтожить все средние инстанции между губернаторским и высшим управлением»⁹. Однако генерал-губернаторы нарушали эту стройную систему. В результате успех той или иной меры, которую хотел провести в жизнь министр, в немалой степени зависел от степени его влияния на генерал-губернатора. Распри между «главным начальником края» и минист-

рами традиционно рассматривал Комитет министров, или, правильнее – доклад Аракчеева императору (обычно в пользу генерал-губернатора). Ситуация изменилась после 1812 г., в связи с изменением (ужесточением) общего направления внутренней политикой Александра. В результате усиливается значение генерал-губернаторов и даже учреждаются новые генерал-губернаторства (отныне императору были нужны строгие блюстители порядка). В итоге в России (в период от Петра I до Николая I) так и не удалось разделить всю территорию государства на генерал-губернаторства с одной стороны, и снабдить «главных местных начальников» общей инструкцией – с другой. Таким образом, в стране существовали генерал-губернаторы двух категорий: одни управляли по «учреждению» Екатерины II, другие – по особым правилам (Сибирское и Кавказское учреждения, Бессарабия и пр.)

В правление Николая I генерал-губернаторства были сохранены лишь в пограничных территориях, в качестве вынужденной меры. Как писал в 1858 г. Тобольский губернатор В. А. Арцимович, «генерал-губернаторская власть, будучи совершенно личной, вообще не возбуждает у нас сочувствия». По его мнению, генерал-губернаторы никоим образом не способствовали «возвышению нравственного достоинства чиновников, совершенствованию хода администрации и уничтожению взяточничества и казнокрадства». Кроме того, по инструкции 1853 г. генерал-губернаторам была дана законная возможность влияния даже на образ мыслей и частную жизнь всех жителей края! Он имел «право преследовать всеми зависящими от него средствами: излишнюю роскошь, расточительность, беспутство и мотовство». Генерал-губернатор был «уполномочен властью устранять всякий повод к ложным понятиям, превратным толкованиям»¹⁰. Подобная безграничная власть приводила Арцимовича в ужас и он восклицал: «Ужели дальнейшее расширение власти генерал-губернаторов возможно?»¹¹.

Компетенция генерал-губернаторов второй половины XIX – начала XX вв. определялась ст. 201–206 Общего губернского учреждения. Помимо этого, для генерал-губернаторов особых областей были установлены специальные правила, изложенные в учреждениях об управлении этих территорий (например, Сибирь и Кавказ). Однако, в обоих случаях ситуация была схожей: «определяя компетенцию генерал-губернаторов, закон или дает самые общие указания, часто носящие характер нравственных норм, или обращает внимание... на исключительные случаи...»¹². В любом случае, смысл существования генерал-губернаторов и одновременно их главная задача заклю-

чались в том, что они «они суть, прежде всего, главные блюстители неприкосновенности верховных прав самодержавия, пользы государства и точного исполнения законов и распоряжений высшего правительства по всем частям управления во вверенном им крае»¹³. Эта концепция в полной мере нашла свое отражение в системе генерал-губернаторского управления Азиатской России.

Изначально генерал-губернаторское (или наместническое) управление было введено в Сибири в 1783 г., когда в соответствии с Общим Учреждением 1775 года, вся территория края была разделена на три наместничества: Тобольское, Иркутское и Колыванское¹⁴.

В своей эволюции должность Сибирского генерал-губернатора прошла несколько этапов. Первый из них связан с сибирской реформой М. М. Сперанского. По замечанию самого Сперанского, с подобным разделением «соединялись все удобства» управления огромным сибирским краем. Отныне в край посылалось два генерал-губернатора, чья компетенция была четко обозначена в «Учреждении» 1822 г.¹⁵

Необходимость подобной автономии высшей сибирской администрации была вызвана особенностями геостратегического положения вверенного им края. Однако степень этой автономии определялась не столько расстоянием от генерал-губернаторства до столица, сколько позицией России в регионе в целом, ее дипломатического влияния на сопредельный страны и, в конечном итоге, личного авторитета «государева наместника». В качестве примера можно привести деятельность генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева (1847–1861) по возвращению реки Амур и пр. Это было принципиально новым явлением в политической жизни империи¹⁶.

В рекордно короткие сроки Муравьевым был разработан целый пакет законопроектов по административному устройству новых территорий, которые он представил на рассмотрение Сибирского Комитета. Предложения были признаны «правильными и основательными и заслуживающими полного одобрения», что и было зафиксировано высочайшим указом 8 декабря 1858 г. Амурский край разделялся на две области, одна из которых сохраняла название Приморской, а вторая получала название Амурской¹⁷.

Последующие пореформенные десятилетия в плане административного переустройства не принесли Сибири что-либо принципиально нового¹⁸. Несмотря на то, что отсутствие единства в управлении страной было признано главной причиной внутривнутриполитических неудач, буржуазные преобразования 60–70-х гг., за небольшим исключением, не коснулись Сибири, которая вплоть до конца 70-х гг. продолжала жить по законам 1822 г.

Проблемами разработки административной системы Азиатской России на новом этапе занималась межведомственная комиссия под председательством А. И. Деспот-Зеновича, (1873–1874 гг.), которая впервые в правительственной политике продемонстрировала научный подход к этой проблеме. Комиссией был разработан целый ряд принципов, определявших как административные границы, итак и степень властных полномочий местной высшей администрации. Одним из итогов работы комиссии стало предложение о замене (вследствие низкой эффективности) генерал-губернаторской власти в регионе на губернаторскую¹⁹. Однако вновь назначенный Восточносибирский генерал-губернатор барон П. А. Фредерикс (1873–1879) крайне негативно встретил это предложение, заявив, что генерал-губернаторская власть в крае необходима еще минимум 10 лет.

Тем не менее в 1882 г. Западносибирское генерал-губернаторство было упразднено, а Тобольская и Томская губернии были подчинены соответствующим министерствам. Одновременно с этим было учреждено Степное генерал-губернаторство, объединившее Акмолинскую, Семипалатинскую и Тургайскую области, а незадолго до этого административный центр генерал-губернаторства был перенесен из Тобольска в Омск, который и стал столицей нового административного образования. Эти нововведения породили надежду у населения Восточной части Сибири на скорые реформы. Более того, обществу стало известно, что император на одном из отчетов Восточносибирского генерал-губернатора (им в период 1879–1885 гг. являлся генерал-лейтенант Дмитрий Гаврилович Анучин) наложил резолюцию: «Прочел с большим интересом и более чем смущен этим грустным, но правдивым описанием правительственного забвения столь богатого и нужного для России края. Непростительно и даже преступно оставлять подобное положение дел в Сибири»²⁰.

Следствием указанных событий встал вопрос о пересмотре административно-территориального деления Восточной Сибири. В результате 16 июля 1884 г. из Восточной Сибири было выделено самостоятельное Приамурское генерал-губернаторство в составе Забайкальской, Амурской и Приморской областей и Владивостокского военного губернаторства (существовало с 1880 г.), а в ведении генерал-губернатора Восточной Сибири остались Иркутская, Енисейская губернии и Якутская область. Первым Приамурским генерал-губернатором 14 июля 1884 г. стал генерал-адъютант, барон А. Н. Корф. Восточносибирским генерал-губернатором был

назначен в 1885 г. А. П. Игнатьев (1885–1889). В 1887 г. совместно с приамурским генерал-губернатором А. Н. Корфом он представил правительству программу развития региона на ближайшее десятилетие²¹. В соответствии с этим документом надлежало обеспечить преимущество в политике по отношению к этим двум регионам, вне зависимости от личных подходов местных сменяющихся генерал-губернаторов и ведомственных интересов конкретных министерств. Однако вследствие дефицита бюджета, программа не была принята. Единственным ее результатом стало переименование в 1887 г. Восточносибирского генерал-губернаторства в Иркутское, упразднение Главного управления Восточной Сибири и создание канцелярии Иркутского генерал-губернатора, а сам «главный начальник края» наряду с традиционными был наделен и широкими дипломатическими функциями. В июне 1899 г. иркутскому генерал-губернатору было присвоено наименование «военного»²².

Начавшаяся ломка учреждения Сперанского была связана с изменением основных доминант политики самодержавия по отношению к окраинам государства. Расширение азиатских и дальневосточных владений России требовало активизации и изменения ориентиров в административной и законодательной политике. В высших правительственных сферах все чаще стали раздаваться призывы о реорганизации системы управления сибирскими губерниями на «общих основаниях». После создания в 1884 г. Приамурского генерал-губернаторства не единожды поднимался вопрос о целесообразности дальнейшего существования генерал-губернаторства в Восточной Сибири. В этой связи весьма интересным представляется мнение профессора русского права В. В. Иванковского, который подразделял генерал-губернаторов на два разряда. Существование одних обуславливалось, на его взгляд, политическими причинами (например, Варшавское, Киевское, Виленское и Московское генерал-губернаторства), наличие же других требовали административные обстоятельства. К последним он относил именно генерал-губернаторов Азиатской России, существование которых было обусловлено геополитическими особенностями края, в частности огромной территорией и большим количеством коренного нерусского населения²³. Однако к концу XIX в., в связи со значительно изменившимися экономическими и социальными условиями жизни края, обусловленными, в частности, постройкой сибирской железной дороги, особый порядок управления, который олицетворял собой генерал-губернатор, оказался просто ненужным. Кроме всего прочего, железная дорога значительно «прибли-

зила» Сибирь к центру страны: чтобы добраться до столицы, теперь было нужно только восемь дней.

Идею ликвидации генерал-губернаторства в Восточной Сибири поддержал тогдашний иркутский генерал-губернатор А. Д. Горемыкин (1889–1900). Между тем его однофамилец – министр внутренних дел И. Л. Горемыкин – исходил из обратного. Он полагал, что постройка железной дороги и связанная с ней активизация экономической жизни в регионе, а также осложнение международной обстановки на Дальнем Востоке не позволяют ликвидировать иркутское генерал-губернаторство²⁴.

Таким образом, активизация России на Дальнем Востоке, и, как следствие этого, формирование азиатско-тихоокеанских границ (фактически, расширение имперский территорий) не могло проходить без активного участия со стороны высших региональных властей. В результате, в деятельности сибирских генерал-губернаторов мы наблюдаем сочетание элементов как внутренней, так и внешней политики. Безусловно, это обстоятельство являлось одним из важнейших специфических особенностей функционирования этого института в регионе.

К региональным факторам, определявшим особенности деятельности института генерал-губернаторской власти, следует отнести также наличие в Сибири крупных земельных собственников, интересы которых зачастую не совпадали. Основными собственниками земель и недр Сибири выступали казна и Кабинет. Несовпадение финансовых интересов казны и Кабинета порождало административную автономию кабинетских земель в виде Алтайского и Нерчинского горных округов, управляемых по особому положению²⁵. Финансовые противоречия земельных собственников находили известное выражение в деятельности высшей местной администрации²⁶.

Важной специфической обязанностью сибирских генерал-губернаторов было управление ссылкой²⁷. Говоря о генерал-губернаторской системе управления в Сибири, следует учитывать еще одно обстоятельство: генерал-губернатор был не только высшим административным лицом в крае, но главой местного общества. Естественно, что и его семейство становилось центром этого же общества. Участие в светской жизни, представительские, благотворительные и иные функции были неуставными обязанностями генерал-губернатора, пренебрегать которыми было ни в коем случае нельзя.

Таким образом, несмотря на многие сложности и стремление имперских властей к унификации управления страной (а, следовательно, ликвидации института генерал-губернаторов), генерал-гу-

бернаторская власть в регионе существовала вплоть до 1917 года – более 130 лет.

Примечания

¹ ПСЗ-1. Т. IV. №№ 2097, 2168, 2135, 2194, 2218, 2310.

² Лохвицкий А. Губерния и ея земские и правительственные учреждения Ч. 1. СПб., 1874., С. 51.; ПСЗ-1. Т. 19. № 14392. Ст. 1, 2.

³ ПСЗ-1. Т. 19. № 14392. Ст. 59, 85, 87, 89.

⁴ ПСЗ-1. Т. 21. №15810.

⁵ ПСЗ-1. Там же. № 15734, 15821.

⁶ Пестель И. Б. Бумаги. // Русский Архив. 1875. Кн. 4, С. 374.

⁷ Свод законов. Изд. 1892 г. Т. 2. Общее губернское учреждение. Ст. 208.

⁸ Градовский А. Д. Собр. соч. Т. 1. С 310., Соколов К. Н. Очерки истории и современного значения генерал-губернатора // Вестник права. 1903. Кн. 7. С. 139.

⁹ Градовский А. Д. Там же. С. 315.

¹⁰ Св. Зак. Российской империи. Т. II. Изд. 1857 г. Ст. 301, 302.

¹¹ Записка В.А. Арцимовича о предполагаемом учреждении генерал-губернаторств (1858 г.) в кн.: Лемке М. К. Очерки освободительного движения «шестидесятых годов». СПб., 1908. С. 458–464.

¹² Ивановский В. В. Русское государственное право. Т. 1. Вып. 3. Казань, 1890. С. 97.

¹³ Свод законов. Изд. 1892 г. Т. 2. Общее губернское учреждение. Ст. 208.

¹⁴ Российское законодательство. «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи». М., 1987. Т. 5. С. 170

¹⁵ ПСЗ-1 Т. 38. № 29125. П. 31–33

¹⁶ См. Дамешек И. Л. Сибирь в системе имперского регионализма... С. 159–162.

¹⁷ ПСЗ-II. Т. 31. №31080, Т. 33. № 33862.

¹⁸ Дамешек Л. М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX – начало XX вв.). Иркутск, 1986. С. 57.

¹⁹ Ремнев А. В. Указ. соч. С. 81, 83.

²⁰ К. М. Современная жизнь Сибири и ея нужды // Сибирский сборник. СПб., 1886. С. 116; газета «Сибирь», 1884 г. № 35.

²¹ Библиотека РГИА. Коллекция печатных записок. № 131. Программа деятельности генерал-губернатора восточной Сибири и правительственных мероприятий в отношении этого края с 1887 г. приблизительно на 10 лет.

²² ПСЗ-3. № 2324. №4517, № 8485; № 17274 и др.

²³ Ивановский В. В. Указ. соч. С. 196.

²⁴ Ремнев А. В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX – начала XX веков. Омск, 1997. С. 195.

²⁵ Подробнее см.: Жидков Г. П. Кабинетское землевладение (1797–1917). Новосибирск, 1973.

²⁶ ПСЗ-2. Т. № 29363; ПСЗ-3. Т. № 2402.

²⁷ ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. Там же. Т. 2. Л. 152об.–153 об; РГИА. Ф. 1265. Оп. 12. 1863. Д. 149. Л. 1–2об., 23; ГАИО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 139. Л. 331.

«Учреждение для управления губерний Российской империи» 1875 года и его реализация на территории Западной Сибири

«Учреждение для управления губерний Всероссийской империи» было издано 7 ноября 1775 г. Согласно этому законодательному акту создавалось четыре звена местного аппарата управления: наместническое, губернское, областное и уездное. На каждом уровне управления создавались органы, выполнявшие административно-хозяйственные, финансовые, полицейские и судебные функции¹.

Говоря о причинах появления этого законодательного акта, следует отметить, что в историографии, особенно советской, закрепилось мнение о том, что губернская реформа 1775 г. была вызвана событиями Пугачевщины². Действительно, крестьянская война 1773–1775 гг. показала необходимость продолжения реформирования государственного аппарата, к тому же, как справедливо указывает А. Б. Каменский, напуганное дворянство сплотилось вокруг трона и осознало свою зависимость от него, в результате чего, возможность оппозиции реформам с его стороны стала минимальной³. Однако необходимость продолжения реформирования системы государственного управления и суда требовал и завершившийся процесс оформления сословий, приводивший к необходимости создания для них особых правовых режимов.

В результате, созданный императрицей законодательный акт соответствовал ее взглядам, в соответствии с которыми благополучие России зависело от организации власти на местах, власти унифицированной и единообразной. В итоге, Екатерине II удалось создать структуру, способную сохранить социальный баланс и одновременно учесть интересы различных сословных групп общества, не нарушая при этом интересов государства. Екатерина II приписывала только себе авторство закона. В действительности же при его составлении были использованы депутатские указы в «Уложенную комиссию», труды одной из частных комиссий по административной реформе, 13 проектов частных лиц и четыре проекта, представленных Сенатом. Среди источников «Учреждения» следует назвать также иностранное законодательство (остзейское и английское), идеи философов-просветителей (Ш. Монтескье, Ч. Беккарий и др.)⁴.

Административно-судебная реформа 1775 г. создала комплекс учреждений, принявших полномочия и обязанности ряда коллегий, центральных органов управления, губернских и воеводских канцелярий. Также, «Учреждение» 1775 г. предусматривало создание новой системы суда: наряду с сословными судебными органами (палаты гражданского и уголовного суда, совестные суды) появились сословные судебные инстанции (уездные суды – для дворян, ратуши и магистраты – для жителей городов, расправы – для крестьян), произошло разделение судебных дел на гражданские и уголовные.

В день издания «Учреждения» вышел Именной указ о преобразовании на новых началах двух губерний: Тверской и Смоленской. И затем в течение 10 лет продолжается непрерывная деятельность по открытию новых учреждений. К концу правления Екатерины II империя оказалось разделенной на 50 губерний, где повсеместно действовало Учреждение 1775 г.

Следует отметить, что в первоначальном проекте реформы Учреждение не распространялось на Сибирь. Утвердив Учреждения 1775 г., Екатерина II передала генерал-прокурору кн. Вяземскому собственноручную записку относительно введения в действие нового законодательного акта: «Учреждения сии не касаются до тех губерний, кои имеют особо конфирмованные привилегии, как-то: Малороссия, Лифляндия и проч., и не до Сибири и публикованы оные не инде будут, как тут, где учредятся по сему губернии»⁵. Таким образом, первоначально Екатерина II хотела ввести новое Учреждение только лишь в коренных русских губерниях, а управление в регионах, находящихся в особо привилегированном положении, оставить без изменений. Л. М. Лысенко сделал предположение о том, что, возможно, в этом вопросе Екатерина II последовала рекомендации Ш. Монтескье, который в «Духе законов» советовал во вновь присоединяемых к тому или иному государству землях сохранять по возможности все старые порядки и обычаи, сменив только имя государя. Историк подтверждает свой тезис тем, что Учреждения на окраинах первоначально не применялись и только в 1882–1883 гг. были изданы специальные акты об их введении на Украине, в Прибалтике и в Сибири⁶.

На наш взгляд, Екатерина II позднее осознала, что тезис Монтескье и собственные планы на унификацию и централизацию управления империей серьезно расходятся. Тем более что начало процессу унификации управления империей было положено еще в 1763 г., когда был ликвидирован Сибирский приказ, в результате чего Сибирская губерния стала подчиняться центральным учреждениям на общих основаниях. Ликвидация гетманства на Украине в

1764 г. преследовало эту же цель. О намерении императрицы создать законы, которые бы действовали на всей территории империи, свидетельствует и ее переписка с Вольтером о предстоящих планах правотворчества в мае 1767 г.: «Подумайте только, что эти законы должны служить и для Европы, и для Азии, какое различие климата, жителей, привычек, понятий! Я теперь в Азии и вижу все своими глазами. Здесь 20 различных народов, один на другого не похожих. Однако ж необходимо сшить каждому приличное платье. Легко положить общие начала, но частности? Ведь это целый особый мир: надобно его создать, сплотить, охранять»⁷.

Итак, в 80-х гг. началась реализация Учреждения на территории Сибири. 21 июля 1780 г. Высочайшим указом на должность Тобольского и Пермского генерал-губернатора был определен генерал-поручик Е. П. Кашкин. 16 февраля 1781 г., после учреждения Пермского наместничества, Кашкину повелевалось осмотреть Тобольскую губернию, «примерное разделение на уезды учинить по пространству и населению, города по удобности назначить,... о границах той губернии с прикосновенными ей, и о всем том... самолично представить».⁸ После завершения этого подготовительного этапа 19 января 1782 г. именным указом Екатерина II повелела учредить Тобольское наместничество.

В преддверии открытия наместничества, 20 августа, Кашкину были представлены списки чиновников и кандидатов от сословий для наполнения новых учреждений. После выборов и утверждения наместника новоявленные чиновники приводились к присяге.

Само открытие наместничества произошло 30 августа. В Сибирь была перенесена театральная помпезность столицы: «введенный в подобных открытиях наместничества церемониал, наипаче же бывший в государственной столице, соблюдаем был и в описанном происшествии»⁹. Открытие началось с церковной литургии и молебствия, которые совершал епископ Тобольский Варлаам, по совершении молебствия и водоосвящения при пушечной пальбе были открыты новые учреждения. После открытия наместничества духовенство и чиновники, состоящие в обер-офицерских чинах, купечество I и II гильдии были приглашены на торжественный обед к генерал-губернатору, поселяне же «приглашаемы были к столам в особо назначенных для того домах», народ также угощали разными съестными припасами и напитками. 1 сентября угощали обеденным столом и 48 престарелых нищих, которые «подаванием от первенствующих чинов были одеты в новое платье и получили награждение деньгами...»¹⁰. Город освещался иллюминацией.

В итоге, по «Учреждению» Тобольское наместничество состояло из двух областей: Тобольской и Томской. В Тобольскую область вошли: Тобольский, Туринский, Тарский, Омский, Березовский, Тюменский, Ялуторовский, Курганский, Ишимский, Сургутский уезды. В Томскую – Томский, Енисейский, Туруханский, Нарымский и Каинский. Соседние восточные губернии – Иркутская и Колыванская – были учреждены в марте 1783 г.

Следует отметить, что Екатерина II, решив распространить действие Учреждения и на Сибирь, утверждая штат Тобольской губернии, была вынуждена учесть особенности региона: огромная протяженность наместничества, слабую заселенность, отличный от европейской части страны сословный состав. В итоге, в Сибири вследствие отсутствия дворянских имений не учреждались уездные суды, верхний земский суд и дворянские опеки. В виду значительного числа «людей разного звания, не подлежащих ведомству магистратов или расправ» в Тобольске решено было открыть по примеру столичных городов нижний и верхний надворные суды. Во-вторых, отсутствие дворянских имений, побудило Екатерину II «в совестных судах по обеим провинциям Тобольской и Томской положить дворянских заседателей». В-третьих, учитывая «отдаленность мест и пространство губерний», в нижние земские суды сверх исправника и сельских заседателей назначались дворянские заседатели¹¹. Помимо этого, Учреждением предусматривалось создание ратуш, а не магистратов в так называемых «заштатных посадах», т.е. признанных официально, но не попавших в число административных центров прилегающей округи городах с населением менее 500 душ мужского пола¹². В Сибири же из 38 уездных центров 17 не насчитывали 500 жителей, а посадские общины в них были и того меньше. Только 10 городов (Иркутск, Енисейск, Тобольск, Тара, Верхнеудинск, Томск, Тюмень, Нерчинск, Туринск, Якутск) имели посады свыше 500 тяглецов. Поэтому ратуши в Сибири создавались не только в заштатных посадах, но и в небольших штатных уездных городах. Например, в Западной Сибири, в девяти уездных городах (Тобольске, Тюмени, Туринске, Таре, Томске, Туруханске, Омске, Нарыме, Енисейске) существовали магистраты, а в семи (Ялуторовске, Кургане, Ишиме, Сургуте, Березове, Каинске, Ачинске) из-за малочисленности – ратуши¹³.

Несмотря на то, что в ходе реформирования местной судебной системы учитывались особенности региона, недостатки Учреждения проявились в Сибири особенно явно. Так впоследствии правительство признало, что при введении в Сибири общего учреждения «не были приняты в соображение расстояния ни от главного, ни от гу-

бернского управления. Очевидно, что искать разрешение на вопросы, часто маловажные, в Сенате из Якутска или из Иркутска – труднее, нежели из внутренних губерний», не учитывался недостаток в Сибири дворянства, которое по Учреждению должно было занимать 75% должностей, не был принят во внимание также недостаток чиновничества и недостаток населения, – гласило «Обозрение главных оснований местного управления Сибири»¹⁴.

Тем не менее, «Учреждение для управления губерний Всероссийской империи» сыграло большое значение в истории местного управления Сибири. Институты, созданные им, с небольшими изменениями действовали на территории Сибири до «Учреждения» 1822 г. М. М. Сперанского.

Примечания

¹ Тема: «екатерининская губернская реформа и Сибирь» уже рассматривалась в работах: *Рабцевич В. В.* Сибирский город в дореформенной системе управления. Новосибирск, 1984. С. 39. См. также: *Рафиев Л. С.* Политика российского абсолютизма по унификации управления Сибирью во второй половине XVIII в. // Вопросы истории Сибири досоветского периода (Бахрушинские чтения, 1969 г.) Новосибирск, 1973. Краткий обзор системы управления Урала и Сибири в XVIII в. см. также: *Алексеев В. В., Алексеева Е. В., Зубков К. И., Побережников И. В.* Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике XVI–XX века. М., 2004. С. 332–348.

² См. например: *Павлова-Сильванская М. П.* Социальная сущность областной реформы Екатерины II // Абсолютизм в России. М., 1964. С. 460–491.

³ *Каменский А. Б.* От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII в. (опыт целостного анализа). М. 2001. С. 423.

⁴ *Чистяков О. И.* Органы местного управления // Законодательство Екатерины II. В 2-х т. Т. 1. М., 2000. С. 318.

⁵ Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. (ПСЗ-I). Т. 20. № 14392. № 14400.

⁶ *Лысенко Л. М.* Губернаторы и генерал-губернаторы Российской империи (XVIII – н. XX). М., 2001. С. 58.

⁷ Цит. по: *Каменский А. Б.* Указ. соч. С. 359.

⁸ Журнал открытия Тобольского наместничества // Сибирские и Тобольские губернаторы: исторические портреты, документы. Тюмень, 2000. С. 104

⁹ Там же. С. 119

¹⁰ Там же.

¹¹ ПСЗ-I. Т. 44. Ч. 2. № 15334.

¹² Там же. Т. 20. № 14392. Ст. 27, 28, 278.

¹³ Тобольский филиал Государственного архива Тюменской области. Ф. 341. Оп. 1. Д. 40. Л. 72.

¹⁴ Обозрение главных оснований местного управления Сибири. СПб., 1841. С. 15

**О распространении на Якутскую область
института крестьянских начальников:
реформа губернатора В. Н. Скрипицына**

В якутской историографии особое место занимает так называемая реформа В. Н. Скрипицына в конце XIX в., которую историки рассматривали как инициативный проект деятельного якутского губернатора В. Н. Скрипицына по реформе землеустройства в инородческом обществе, где в соответствии с податным обложением сложились специфические системы землепользования – соболино-лисья, позднее классная. Предполагалось перевести местное население на уравнительное землепользование по принципу крестьянской общины и возложить податное обложение на каждого поровну. Для историков Якутии такая реформа распределения земли представлялась крайне смелым проектом губернатора В. Н. Скрипицына. С позиции регионального изучения именно так, наверное, и представляется, но исследование вопросов управления в контексте российской государственности приводит к несколько другим выводам. Реформа якутского губернатора В.Н. Скрипицына была обусловлена курсом российского правительства на дальнейшую унификацию управления в отдаленных национальных окраинах империи

Великие реформы Александра II способствовали постановке определенных задач перед государственными умами по решению административных преобразований в национальных окраинах Северо-Востока России. Государственный совет принял постановление от 18 января 1866 г. о планах распространения основных положений реформы 19 февраля 1861 г. на население Сибири. При Министерстве государственных имуществ в 1873 г. была образована специальная комиссия по разработке планов устройства и управления коренных народов Сибири в связи с пересмотром форм и принципов их податного обложения¹. Комиссия, которую возглавил барон Медем, занималась практической реализацией в сибирских губерниях положений об административном и поземельном устройстве по образцу государственных крестьян Европейской России. В отношении «бродячих» комиссия не предложила ничего нового, признав «возможным оставить их при настоящем порядке» управления и податного обложения. В отношении «кочевого» населения проектировалась

замена ясака и других уплачиваемых ими сборов «оброчной на землю податью». С этой целью предусматривалось проведение землеустройства «кочевых» и «оседлых» по тем же правилам, по которым осуществлялось устройство русских крестьян с выделением душевых равных земельных наделов. Это в свою очередь требовало точного определения границ угодий, находившихся во владении местного населения. Именно в разработке проектов поземельной реформы комиссия видела свою первоочередную задачу, так как от этого зависело дальнейшее административное устройство коренного населения Сибири². Комиссия осознавала масштабность и сложность осуществления межевых работ по времени и затратам, поэтому определила сроки по реформе землеустройства и податных преобразований не ранее чем через десять лет. На практике для реформы по земельному обустройству коренных народов понадобилось несколько десятилетий, осуществление частичного переустройства податной и административной реформ было отложено на конец 1890-х гг.

В октябре 1881 г. была создана Государственная комиссия для составления проекта местного управления в Сибири³. По итогам обсуждения было предложено ввести институт крестьянских начальников по подобию земского самоуправления, поставлен вопрос о необходимости разработки судебного, административного и финансового преобразований управления населением Сибири. Уже 27 апреля 1882 г. мнением Государственного совета в Иркутской губернии были образованы сельские волости. Формирование сельского и волостного управления происходило с соблюдением правил, регламентированных Инструкцией для руководства управления и судам отдельных сельских обществ в Восточной Сибири от 24 августа 1883 г. Законом от 1 марта 1883 г. вводился институт чиновников по крестьянским делам и окружные по крестьянским делам присутствия. Закон от 13 июня 1893 г. предоставил им право на попечение о хозяйственном благоустройстве крестьян по предметам ведения сельских и волостных сходов, а также устройство переселенцев.

Перед государственным и местным управлением стояла задача по улучшению демографического состояния среди местного населения, повышения доходности от податного обложения, решение которых виделось в переводе на подушное обложение с уравнительным землеустройством как в крестьянском обществе. Порядок землеустройства «кочевых» и «оседлых» был оформлен законами 23 мая 1896 г. и 4 июня 1898 г., последние вошли в особый раздел «Положений о сельском состоянии». Предусматривалось, что, получив поземельное устройство, «кочевые» инородцы при выдаче им

отводных земель будут перечислены в разряд «оседлых». Отвод должен был сопровождаться обложением крестьянскими окладами в соответствии с законом от 19 января 1898 г. «О замене взимания в Сибири подушных сборов государственною поземельною и оброчною податями» от 4 июня 1898 г., и введением общественного мирского крестьянского самоуправления⁴.

Министерство внутренних дел Российской империи послало распоряжение иркутскому генерал-губернатору от 21 августа 1899 г. разработать предложения по пересмотру узаконений об инородцах и преобразованию управления инородцами в местностях, на которые распространяется действие временного положения о крестьянских начальниках. При этом особо указывалось, что по новому проекту необходимо приблизить устройство инородцев к общему типу устройства и управления крестьян, подчинить инородцев крестьянским начальникам, способствовать ускорению естественного процесса их обрусения. В предписании иркутского генерал-губернатора якутскому губернатору В. Н. Скрыпицыну, полученном в 1896 г., предлагалось предусмотреть при реформе «уравнение кочевых инородцев с оседлыми в отношении подведомственности тех и других общему судебному порядку по отношению к крестьянскому сельскому управлению», так как это «имеет весьма важное значение в устранении обособленности инородческого населения, которая искусственно поддерживается существующим разделением его на разряды»⁵.

В 1899 г. якутскому губернатору В. Н. Скрыпицыну был направлен проект «О преобразовании управления оседлыми и кочевыми инородцами губерний Томской, Тобольской, Енисейской и Иркутской», составленный делопроизводителем земского отдела, надворным советником И. И. Крафтом. Было рекомендовано обсудить проект с окружными исправниками, близко знакомыми с бытом и хозяйственным устройством местного населения. Необходимость проведения реформы объяснялась тем, что «существующие порядки устарели, задерживают естественный процесс обрусения, их умственного, нравственного и экономического преуспеяния и не обеспечивают государственных интересов вследствие неисправного поступления в некоторых местностях податных платежей, зависящего не от тяжести податного обложения, а от несовершенства взимания платежей». Для обоснования необходимости реформы и возможных проектов реализации Якутское областное правление поручило провести «исследование быта крестьян и оседлых инородцев» чиновнику особых поручений Г. Л. Кондакову и сотруднику статистического комитета И. И. Майнову. Результатом проведенного исследования

был вывод о необходимости изменения поземельного и судебного устройства, ибо существующий порядок приводил к обезземеливанию малоимущих, а сосредоточение судебной власти в руках старост – к многочисленным злоупотреблениям»⁶.

В соответствии с предписанием Иркутского генерал-губернатора от 11 сентября 1899 г. Якутское областное управление разработало проект нового Положения об инородцах Якутской области и 5 апреля 1900 г. приняло решение представить проект и весь материал к нему Иркутскому генерал-губернатору. При этом Якутское областное управление в своем проекте решило вообще ликвидировать понятие «кочующие инородцы», считая их отныне оседлыми и к ним отнести также большую часть бродячих инородцев Якутии тунгусов Якутского и Вилюйского округов, и на них всех распространить действие «Положения о русских крестьянах и институтах крестьянских начальников». Установить уравнительное распределение земли внутри инородческого общества, ввести систему обложения государственной оброчной и поземельной податью. Ввиду обширности территории организовать вместо волостных судов сельские суды. Перевод на уравнительное землепользование, предложенный реформой В. Н. Скрыпицына, вызвал «отчаянное сопротивление якутских тойонов»⁷. Первым оппонентом реализации правительственных замыслов в Якутии В. Н. Скрыпицыным выступил В. В. Никифоров.

Заседания общего присутствия Якутского областного управления, обсудившие проект о распространении на якутских инородцев действие Положения о русских крестьянах и о введении в Якутии 15 участков крестьянских начальников, состоялись с 23 февраля по 5 апреля 1900 г. в Якутске. На этих заседаниях из якутов присутствовали в качестве приглашенных В. В. Никифоров и глава Восточно-Кангаласского улуса И. Т. Соловьев. В. В. Никифоров представил областному управлению специальную записку, где протестовал против незаконного перевода якутов из разряда кочевых инородцев на положение русских крестьян и распространения на них института крестьянских начальников⁸. Ключевым моментом перевода инородцев в «оседлое положение» был вопрос о земле. В. В. Никифоров сослался на закон от 28 марта 1885 г., где было сформулирован «переход кочевых инородцев в оседлые с приобретением ими земель на праве собственности по примеру государственных крестьян с правом выкупа земли». Как заметил В. В. Никифоров, «при таком устройстве землевладения инородцев устранилась бы сама собою необходимость особого устройства землепользования... Предлагаемая

система уравнительного землепользования чужда пониманию якута, так как не может согласовываться с их потребностями. Ибо при скотоводческом ведении хозяйственного быта важна не наличная душа, а число скота»⁹.

В. В. Никифоров показал односторонность проведения реформы. Согласно ст. 4 и 26 «Положения об инородцах» 1892 г. перевод из «кочевых» в «оседлые» мог быть осуществлен только по результатам очередной ревизии и только по желанию самих перечисляемых. Но, во-первых, прекращение общих переписей (последняя X ревизия 1858 г.) не предоставляло возможности для выражения такого желания, во-вторых, они не могли выразить такого желания, так как это вызвало бы рост податного обложения. Основным препятствием введения института крестьянских начальников в Якутской области было то, что хлебопашество не являлось для местного населения массовым занятием.

В апреле 1913 г. Министерство внутренних дел представило правительству окончательный проект Закона «О распространении на Якутскую область действия и власти института крестьянских начальников». По этому проекту все округа Якутской области переименовывались в уезды. Территория Якутии, включая Крайний Север, разделялась на 16 участков, возглавляемых крестьянскими начальниками, в каждом уезде учреждался съезд крестьянских начальников. Все инородческое общество подчинялось непосредственно соответствующему крестьянскому начальнику. Однако, проект Закона «О распространении на Якутскую область действия и власти института крестьянских начальников» остался неосуществленным. В Якутии до 1917 г. по-прежнему действовал «Устав об управлении инородцев» от 1822 г. Можно ли говорить о реформаторской деятельности В. Н. Скрыпицына, большой вопрос? Возможно лишь утверждать, что как губернатор он проявил нерешительность и, приняв сторону представителей местного самоуправления, согласился с необходимостью доработки проекта, что в начале XX в., в условиях активных внешнеполитических действий и внутренней нестабильности Российской империи, уже не могло быть объектом внимания правительства.

Примечания

¹ Мартынов Е. М. Вопросы управления местным населением в документах Якутского Областного Правления. // Якутский архив. Вып. 2. Якутск, 1964. С. 30–31.

² РГИА. Ф. 385. Оп. 11. Д. 6739. Ч. 2. Л. 474.

³ *Игнатьева М. Н.* Законодательные акты 80–90-х годов XIX века об административном устройстве Сибири // Якутия – форпост освоения Северо-Востока Сибири, Дальнего Востока и Русской Америки (XVII–XX века). Якутск, 2004. С. 143.

⁴ РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 15. Ч. 1. Л. 187об.

⁵ НА РС(Я). Ф. 12. Оп. 1. Д. 19704. Л. 10об.

⁶ Там же. Ф. 12. Оп. 6. Д. 74. Л. 8.

⁷ История Якутской АССР. Т. 2. М., 1957. С. 392.

⁸ *Никитина С. Е.* Заметки В.В. Никифорова по поводу распространения «Крестьянского положения на оседлых инородцев Якутской области. 1899 г.» // В. В. Никифоров (Кулумнур) – человек и личность. Якутск, 1997. С. 143–152.

⁹ НА РС(Я). Ф. 12. Оп. 1. Д. 19704. Л. 127.

Морозова Н. Н.

Губернаторы и губернские ведомости: власть, общество, проблемы коммуникации

Управление не возможно без коммуникации – процесса обмена сообщениями, информацией между различными личностями, социальными группами, организациями. С помощью него решается ряд задач: интеграция различных социальных элементов в единую систему общества, дифференциация различные групп, институтов и организаций, общение и взаимодействие между ними, формирование и принятия управленческого решения. Для Российской империи XIX в. с ее огромными территориями, проблемы согласованности действий властей на разных уровнях, передачи распоряжений и просто информации из центра на места и наоборот всегда была актуальна, ведь от этого зависело существование и функционирование государства как единой системы.

Наиболее простую схему коммуникации в политике создал Г. Лассуэлл: «Наиболее подходящий способ описания коммуникативного акта состоит в том, чтобы ответить на следующие вопросы: “Кто?” – “Что сообщает?” – “По какому каналу?” – “Кому?” – “С каким результатом?”¹». В реалиях России XIX в. ключевая роль в трансляции официальной информации и взаимодействии с населением на губернском уровне управления принадлежала губернаторам. Фактически им были подконтрольны все находящиеся в губернии государственные органы, в значительной мере и суд (до 1864 г. в Европейской России и до 1880-х гг. в Сибири). У административного устройства Сибири была особенность, здесь над губернаторами

стояли генерал-губернаторы. Как это влияло на управление краем, раскрывается в работах ряда исследователей².

При всех отличиях положения губернаторов в «окраинных» и «внутренних» губерниях принципиальные моменты оставались общими: они являлись чиновниками МВД, назначались императором, ежегодно подавали отчеты на высочайшее имя, имели право личной аудиенции и принимали решения по текущим управленческим делам в губернии. Именно перечисленные моменты делали их важными фигурами в коммуникативном процессе. С одной стороны они были представителями интересов центральной власти на местах, непосредственными проводниками её политики, с другой происходящем в регионах. Что бы справляться с этими функциями губернатор должен был доносить различную информацию до подчиненных и населения и получать сведения о вверенной ему административно-территориальной единице. В XIX в. в их руках появляется новый канал для распространения и сбора информации внутри губернии – «Губернские ведомости».

Информация, публикуемая в этих газетах, адресовалась как нижестоящим структурным единицам администрации, так и населению. Отношения между властью и обществом в Российской империи толковались долгое время в двух категориях: патриархата либо гражданского общества. В рамках первого подхода народ рассматривался в качестве массы, пассивно воспринимающей инициативы власти и иногда идущей на бунт, в рамках второго – внимание уделяется конфронтации между самодержавием и формирующимся обществом³. Недавно появился новый взгляд на проблему. Согласно ему отношения государства и гражданского общества двойственны, и напоминают «двойную спираль» в которой присутствует как противостояние, так и сотрудничество. В определенный исторический момент авторитарный режим сам создает условия для проявления гражданской деятельности. Российские реалии не были исключением, но здесь бюрократии, удалось сохранить гипертрофированную роль государства в политической жизни, игнорировать свободы и права человека⁴. Коммуникационный процесс является частью сложных отношений власти и общества.

Впервые пресса стала использоваться в управлении на местном уровне во время Николая I. Стремясь жестко контролировать ситуацию в стране, он не только установил суровый цензурный контроль: при нем был инициирован, законодательно оформлен и осуществлен выпуск «Губернских ведомостей». Они задумывались как официальный печатный орган на местах, подчиненный губернатору.

Подобный опыт уже был. М. П. Мохначева проводит аналогию между структурой «Губернских ведомостей» и газеты издаваемой Г. Р. Державиным во время его губернаторства в 1786–1788 гг. в Тамбове⁵. Структура и принцип издания державинских «Губернских ведомостей» совпадали с утвержденными в XIX в. У этого факта есть объективные основания: Г. Р. Державин, создавая свое периодическое издание, руководствовался необходимостью распространять официальные сведения, данные о ярмарках, торгах, и желанием собирать информацию о регионе. Имперская власть, создавая в XIX в. сеть местных официальных изданий, руководствовалась теми же стремлениями.

Но практика использования печатных органов в управлении на местах при Николае I была распространена не во всех губерниях. «Губернские ведомости» не являлись частной прессой и не предполагали получения коммерческого дохода, их наличие или отсутствие утверждалось на уровне штатного расписания, в глазах власти эти газеты представляли собой элемент управленческой структуры, которая требовала дополнительного государственного финансирования, а их эффективность была еще под вопросом. В 1845 г. газетные столы были открыты во всех ранее исключенных регионах кроме Сибири. К этому времени их целесообразность была признана на местах. Подтверждением этого могут служить обращения из губерний, в которых ранее издание «Ведомостей» не было введено, к министерству внутренних дел с просьбами о разрешении наладить выпуск газет.

Но еще в 1834 г., МВД запрашивало Тобольск о возможности выпуска газеты. Суть ответа, отправленного в 1836 г., заключалась в том, что при настоящем положении типографии издание «Губернских ведомостей» невозможно и для выпуска газеты нужно будет увеличить финансирование в два раза. На этом переписка была прекращена⁶. Таким образом, имперская власть не была принципиально против издания газет в провинции, скорее всего, причиной отказа от идеи печатать «Ведомости» в Сибири было традиционное нежелание нести дополнительные траты на отдаленных окраинах. Не ощущали потребности в газете и сибирские губернаторы. Но уже в 1847 г. губернатор, главный начальник Алтайских горных заводов, известный горный инженер П. П. Аносов запрашивал губернское правление о возможности издавать «Губернские ведомости» для распространения официальной информации, но момент был упущен, так как штатное расписание не предусматривало существование газетных столов в Сибири⁷. В следующий раз вопрос об издании газет

был поднят только во время ревизии Н. Н. Анненкова в 1851 г., к тому времени местные чиновники уже не видели препятствий для выпуска «Ведомостей», хотя положение типографий принципиально не изменилось. Они предлагали свои проекты издательского дела, приводили доводы в их пользу⁸.

Правительство Александра II не применяло слепо наработки времен Николая I в изменившейся ситуации и в столь специфичном регионе как Сибирь. Уже в 1858 г. издается распоряжение, согласно которому цензурой «Ведомостей» в Сибири занимаются только губернаторы⁹. Центральная власть стремилась обеспечить контроль над периодическим изданием со стороны местных управленцев. Параллельно с новым законом о печати в 1865 г. выходит циркулярное распоряжение МВД, которым говорилось, что «Губернские ведомости» «в неофициальной части своей должны непременно соотносываться с видами и предложениями правительства, при этом указаниями губернского начальства»¹⁰. Правительство осознавало ценность полностью подконтрольного информационного канала и защищала его от стороннего влияния. У опасений были основания, большинство фигурантов «Дела о сибирском сепаратизме» были активными авторами «Губернских ведомостей». Более того в своих статьях они пытались пропагандировать свои взгляды. Выходили за рамки дозволенного «Ведомости» и других регионов, на что центральные власти реагировали, но нарушения повторялись¹¹.

Таким образом, в XIX в. по инициативе властей различного уровня был сформирован новый канал коммуникации с обществом. Региональная сеть официальной прессы начала формироваться при Николае I, но именно во время подготовки реформ Александра II центр решил распространить ее и в сибирских губерниях. Важно, что издание газеты становилось возможным на практике после того, как потребность в них была осознана и местными губернаторами. Правительство, осознавая важность информационного влияния, стремилось обеспечить губернаторам полностью подконтрольное периодическое издание.

Примечания

¹ Цит. по: *Грачев М. Н.* Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, вектор развития. М., 2004. С. 116.

² *Ремнев А. В.* Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX – начала XX веков. Омск, 1997.

³ *Пайнс Р.* Россия при старом режиме. М., 1993; *Хильдермайер М.* Общество и общественность на закате царской империи. Некоторые размышления о новых про-

блемах и методах // Страницы российской истории проблемы, события, люди. СПб., 2003. С. 217–220.

⁴ Шперлинг В. Торговля с властью: прошения и жалобы как форма политической коммуникации в пореформенной России // Новая политическая история. СПб., 2004. С. 152–168; Брэдли Дж. Добровольные ассоциации, гражданское общество и самодержавие в позднеимперской России // Российская история. 2011. № 2. С. 3–26.

⁵ Мохначева М. П. Журналистика и историческая наука. Журналистика и историографическая традиция в 30–79-х гг. XIX в. Кн. 2. М., 1999. С. 21–22.

⁶ ГАОО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 3125. Л. 231.

⁷ ГАОО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 643. Л. 1об.–2.

⁸ ГАОО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 3125. Л. 5–233об.

⁹ По высочайше утвержденному положению Сибирского комитета. Распоряжение 2 сентября 1858 г. Дело 1857 г., № 167 // Сборник распоряжений по цензуре с 1828 по 1862 г. СПб., б.г. С. 64.

¹⁰ Циркулярное конфиденциальное предложение министра внутренних дел начальникам губерний. 24 марта (Дело С.-Петербургского цензурного комитета 1865 г. № 1) // Сборник распоряжений по делам печати (с 1863 по 1-е сентября 1865 года) СПб., 1865. С. 45–46.

¹¹ Копия с циркулярного предложения по цензурному ведомству, от 29 сентября 1861 г. // Сборник распоряжений по цензуре с 1828 по 1862 г. СПб., б.г. С. 17, 64.

Дамешек Л. М.

Организация охраны каторжан и кадровый состав тюремной администрации Восточной Сибири.

Организация охраны каторжан и надзора за ними для правительства была непростым делом. На протяжении XVIII в. не существовало принципиального различия между системой надзора за уголовными и политическими каторжанами. Даже в конце первой четверти XIX в. в период введения в действие Уставов о ссыльных и об этапах приговоренные на каторгу политические и уголовные преступники шли вместе по этапу, будучи закованными в ножные и ручные кандалы. После распределения по рудникам и заводам основной задачей администрации каторжных тюрем становилось предотвращение побегов. При всех последующих вариантах отмены ссылки рассматриваемых в различных правительственных инстанциях, на протяжении 1850-х – 1880-х годов наказание каторжными работами оставалось неизбежным. Даже после отмены общеуголовной ссылки по закону 12 июня 1900 г. ссылка на каторгу оставалась в «полном объеме».

В Забайкалье вследствие слабой населенности региона на горно-рудных предприятиях традиционно использовался труд ссыльнокаторжных и приписных крестьян. Последние юридически являлись собственностью феодального государства, под юрисдикцией которого и находилась. Рудники же и прииски, расположенные на территории Нерчинского горного округа, принадлежали императорскому Кабинету. Доход от их эксплуатации поступал в кассу Кабинета. По существу в данном случае мы сталкиваемся с еще одним фактом укоренившийся традиции паразитирования монархии на общегосударственный счет. Это наблюдение подтверждается фактом подписания соглашения между Кабинетом и Министерством внутренних дел об организации каторжных работ от 18 апреля 1869 г. Соглашение предусматривало, что государственное казначейство должно было компенсировать Кабинету убытки, понесенные вследствие малопродуктивности труда каторжников¹. Авторы документа хорошо сознавали противоположность финансовых интересов казны и Кабинета. Схожую тенденцию можно наблюдать и при рассмотрении вопроса об организации охраны каторжных тюрем. Когда 1848 г. генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев в связи с рассмотрением проекта образования Забайкальского казачьего войска возбудил вопрос о перебыве всех приписных крестьян Нерчинского горного округа численностью 50 тыс. душ обоего пола на положение пеших казаков, то наряду с прочими фикциями, им предполагалось поручить и наблюдение за «порядком» в том числе и среди каторжников². Эти идеи Н. Н. Муравьева не остались нереализованными. Вплоть до июля 1896 г. обязанности по несению караульной и конвойной службы в тюрьмах Нерчинской каторги нес второй Забайкальский пеший казачий батальон в составе трех сотен казаков. Имели место случаи использования казаков в качестве надзирателей за политическими каторжанами³. Батальон непосредственно подчинялся военному губернатору Забайкальской области как наказному атаману Забайкальского казачьего войска. Личный состав его был расквартирован в Зерентуйском, Алгачинском и Кадаинском рудниках⁴.

Юридическая база организации охраны каторжных тюрем определялась нормативными документами – Уставом о ссыльных, Уставом о содержащихся в тюрьмах стражей, Положением о полицейском надзоре, Общей тюремной инструкцией. Кроме того, нередко были случаи и появления подзаконных актов, применительно к конкретным каторжным тюрьмам определяющих штатное расписание тюремных надзирателей, их должностные обязанности и т.д. Последние получали значительное распространение в годы наплыва осуж-

денных, совпадавших, как правило, с усилением натиска демократических сил на самодержавие.

Согласно «Общей тюремной инструкции» высшее звено администрации каторжной тюрьмы составляли смотритель тюрьмы и его помощники. Далее согласно тюремной иерархии следовали старшие и младшие надзиратели. На низшей ступени находились лица, «состоявшие» при тюрьме – фельдшеры, акушерки, учителя и т. д. Основным критерием при этом были численность каторжан и тюремных зданий. В 1870-х годах штат Александровской каторжной тюрьмы – одной из самых больших в Восточной Сибири состоял из смотрителя, его помощника, эконома, письмоводителя, священника, врача, фельдшера, аптекарского ученика, шести служителей при больнице, четырех старших и 37 младших надзирателей⁵. Последние составляли самый многочисленный отряд тюремной администрации. Увеличение численности каторжан влекло за собой и изменения в штатном расписании.

Любопытно, что из всех каторжных тюрем Восточной Сибири штатная должность священника существовала только в Александровском центре. Во всех остальных тюрьмах обязанности священника выполняли церковные служители местных храмов за особую плату. В подобном обстоятельстве не следует видеть пренебрежительного отношения государства к тюремным священнослужителям. Наоборот, действующее законодательство по денежному окладу приравнивало священника к должностному жалованию начальника тюрьмы. Отсутствие штатных священников в каторжных тюрьмах Восточной Сибири объясняется элементарным отсутствием финансирования.

В тюрьмах Нерчинской каторги штатное расписание определялось военным губернатором Забайкальской области. В одной из самых больших тюрем области – Зерентуйской на 300 человек каторжан насчитывалось 34 надзирателя⁶.

В тюремной иерархии империи первенствующее место принадлежало смотрителю (начальнику) тюрьмы. Один из теоретиков и разработчиков пенитенциарной реформы И. Я. Фойницкий отмечал, что «вопрос о лицах, руководящих тюремной деятельностью, есть коренной вопрос тюремной реформы». Общая тюремная инструкция» следующим образом определяла должностные обязанности смотрителя тюрьмы: «Он руководит всеми действиями тюремной администрации и стражи вверенного ему тюремного учреждения...». В его обязанности входил контроль за соблюдением правил тюремного распорядка, он отвечал за прием и распределение аре-

стантов по камерам, их «окарауливание и содержание». По существу инструкция наделяла смотрителя правами полного хозяина и распорядился жизни тюремного заведения. Составители инструкции подчеркивали, что тюремные служащие «во всем» подчиняются тюремному смотрителю⁷.

На ответственности смотрителя лежали прием арестантов, соблюдение сроков освобождения от заключения, организация охранной службы. Хозяйственные обязанности касались весьма широкого круга вопросов, связанных с обеспечением жизни тюремного персонала и осужденных. Они включали в себя ремонт тюремных зданий и помещений, обеспечение их освещением и теплом, организацию питания и медицинского обслуживания. Начальник тюрьмы нес персональную ответственность за правильное расходование бюджетных ассигнований. Наконец воспитательные функции распространялись как на аппарат тюрьмы в плане соблюдения им правил и норм несения караульной службы, поведения и взаимоотношения с осужденными, так и работы с арестантами.

В Александровском центре должность смотрителя в период с 1874 по 1901 г. занимал А. П. Сипягин. Американский журналист Дж. Кеннан характеризует его как «симпатичного, интеллигентного и образованного офицера»⁸. После назначения Сипягина на должность тюремного инспектора Иркутской губернии в должности смотрителя центра приемником Сипягина стал бывший польский ссыльный, участник восстания 1863 г. И. И. Лясотович (1901–1906). Последний до назначения на эту должность дослужился до чина губернского секретаря и даже стал кавалером ордена Святой Анны 3-й степени. По словам современников, «с его аристократической внешностью... совершенно не вязалось звание тюремщика-смотрителя». Оба смотрителя – Сипягин и Лясотович – рассматривали тюремный режим не только как карательную меру, но и как средство исправления осужденных. При них тюремный режим в центре отличался либерализмом, а состояние тюремных зданий высокопоставленные ревизоры находили образцовыми. Именно тогда в тюрьме была открыта школа, появился даже оркестр.

Редактор «Восточного обозрения» И. И. Попов, сам бывший политический ссыльный, будучи лично знакомым с обоими тюремщиками, в своих воспоминаниях с сожалением пишет о том, что после их ухода «былая слава Александровского центра потухла», и он превратился в обычную каторжную тюрьму с «карцерами,... розгами и вообще с тюремным режимом»⁹. Далее должность смотрителя Александровского центра последовательно занимали Ф. Са-

вицкий, И. Снежков и Н. Никитин. Они проявляли относительную гуманность к «политикам», но доходили до самодурства в общении с уголовными заключенными¹⁰. Сипягин и Лясотович занимали эту должность соответственно на протяжении 26 и пяти лет. Савицкий прослужил в должности смотрителя четыре года, Снежков – пять. В то же время в тюрьмах Нерчинской каторги многие начальники тюрем и их помощники занимали эту должность временно.

Среди начальников каторжных тюрем и их помощников встречались разные люди. К примеру бывший медицинский фельдшер Кутомарской тюрьмы Н. Антипин, дослужившийся до должности помощника начальника Зерентуйской тюрьмы по хозяйственной части, «прославился» неслыханным воровством денежных средств и казенных вещей. Дело дошло до того, что заключенные ходили на работу буквально босиком. Начавшееся следствие выявило факты продажи арестантских бродней в лавки местного купечества¹¹.

Образовательный уровень начальников тюрем был невысок. Типичным примером в этом отношении является личность начальника Зерентуйской каторжной тюрьмы И. Д. Покровского. Не окончив даже курса в Костромской духовной семинарии, он волею судеб оказался в Чите, где и служил в областном правлении. Незадолго до пенсии Покровский выхлопотал себе, как боле прибыльное, место начальника тюрьмы¹². Однако администратором он оказался посредственным. По характеристике начальника Главного тюремного управления С. С. Хрулева, лично побывавшего в тюрьмах Нерчинской каторги, в Покровском он увидел человека безвольного и слабого, неспособного поддерживать в тюрьме необходимую дисциплину¹³. Один из приемников Покровского, А. А. Ковалев будучи пехотным офицеров был исключен из военной службы за растрату казенных денег полка, однако смог устроиться на службу в тюремное ведомство. Служил помощником начальника Александровского централа Иркутской губернии, а затем был назначен начальником Иркутской тюрьмы. За непродолжительный срок пребывания в должности Ковалев и здесь умудрился сделать денежные растраты в 14 тыс. руб., за что и был переведен начальником Кутомарской, а позже Зерентуйской тюрем Нерчинской каторги¹⁴.

Денежное содержание смотрителей тюрем зависело от разряда тюрьмы и класса по должности. Совокупный размер жалования складывался из жалования по должности и столовых. В тюрьмах первого разряда, к которым относились самые большие каторжные тюрьмы Восточной Сибири – Александровский централ Иркутской губернии и Зерентуйская тюрьма Забайкальской области – долж-

ность смотрителя тюрьмы соответствовал шестому классу Табели о рангах, что было эквивалентно званию армейского подполковника. В этом случае жалование составляло 1800 руб. и столовые – 600 руб. Таким образом, совокупное денежное содержание смотрителя тюрьмы первого разряда составляло 2400 руб. в год.

Должность помощника смотрителя (начальника) тюрьмы выглядела значительно скромнее. Соответствующие денежные и иные выплаты составляли в совокупности 1 000 руб. в год, а класс по должности соответствовал лишь восьмому классу Табели о рангах. В смысле материального обеспечения положение тюремного врача было значительно предпочтительнее. Его оклад по должности составлял 900 руб. в год, в этом же размере исчислялись столовые, а класс по должности был седьмой. Совокупный размер годового содержания тюремных фельдшера и акушерки исчислялся в 600 руб.¹⁵ Следует отметить, что количество врачей в тюрьмах Восточной Сибири было невелико. Так, например, согласно штатному расписанию 1897 г. во всех тюрьмах Иркутской губернии (а вместе с волостными тюрьмами их насчитывалось больше 100 – А.Ф.) числилось 29 единиц медицинского персонала, в том числе восемь врачей, 20 фельдшеров и одна акушерка. Однако в штате было всего два врача, остальные работали по найму или являлись государственными служащими¹⁶.

Центральной фигурой в административном аппарате каторжных тюрем была личность надзирателя. Начальник Главного тюремного управления А. П. Соломон отмечал, что тюремный надзиратель, наряду с отменным здоровьем, должен обладать выносливостью, уравновешенным характером и выдержкой. В качестве особого требования к личности тюремного надзирателя Соломон отдал умение подчиняться¹⁷. Вот почему нормативные документы Министерства внутренних дел рекомендовали набирать надзирателей из отставных нижних чинов¹⁸.

Численный состав надзирателей в тюрьмах Восточной Сибири был различным. Следует также отметить, что все надзиратели подразделялись на две группы. Первая выполняла свои обязанности непосредственно в тюремных помещениях, т.е. обеспечивала внутренний надзор, вторая осуществляла внушение окарауливание мест заключения. Последние в официальных документах зачастую назывались тюремной стражей. В обоих случаях основой ее функцией было обеспечение надежной изоляции от общества лиц, осужденных на каторгу.

По должности все надзиратели подразделялись на старших и младших. В тюрьмах Иркутской губернии в начале XX в. нес служ-

бу 551 надзиратель, содержание которых обходилось казне примерно в 209 тыс. руб. в год. Размер жалования старшего надзирателя в тюрьме колебался от 776 руб. до 470 руб. год. Характерно, что во время несения охранных функций на Кругобайкальской железной дороге размер жалования уменьшался и составлял от 600 до 500 руб. в год. Соответствующее жалование младших надзирателей колебалось от 411–294 руб. до 400–300 руб. в год¹⁹. Такая разница в оплате труда надзирателей при несении службы непосредственно в тюрьме и на «выезде» объясняется тем обстоятельством, что во втором случае надзиратели пользовались бесплатной служебной квартирой и продовольствием за счет заработных каторжниками сумм. В первом же случае они несли определенные затраты на наем жилого помещения (служебных квартир, как правило, не хватало) и питание.

Служба тюремного надзирателя была отнюдь не простой, а постоянное общение с рецидивистами делало ее даже небезопасной. Поэтому все надзиратели имели свистки на случай необходимости вызова экстренной помощи, старшие надзиратели были вооружены пашками, а иногда и револьверами. При сопровождении каторжан за пределы тюремного здания надзирателям выдавались винтовки. Однако инструкция Главного тюремного управления об употреблении надзирателями оружия от 1908 г. разрешала применять оружие только в исключительных случаях, когда все иные меры воздействия на заключенных оказывались безрезультатными²⁰.

Рабочий день и обязанности надзирателя определялись распоряжениями начальника тюрьмы (каторги). В тюрьмах Нерчинской каторги надзиратели несли службу по 8 часов, в Александровском центре надзиратели дежурили посуточно с трех часовым перерывом на обед и отдых. Инструкция о несении караульной службы требовала, что бы находясь на дежурстве, надзиратель был одет в форменную одежду, которая напоминала собой воинскую форму. Зимой надзирателям, дежурившим на улице, выдавались тулупы и валенки.

Важной обязанности, надзирателей, несших службу на внутренних постах, было проведение утренней и вечерней поверки арестантов соответственно в 6 часов утра и в 5 часов вечера. Они были обязаны осматривать камеры, в которых содержались заключенные на предмет возможных подкопов, отхожие места, контролировать поведение каторжников во время предусмотренных начальником тюрьмы прогулок, присутствовать на кухне и хлебопекарне, контролировать чистоту вымытой посуды во избежание возникновения инфекционных заболеваний, пресекать возможные случаи воровства продуктов. При организации работ внутри тюремного здания, над-

зиратели должны были находиться в мастерских. Несли службу надзиратели и в тюремных больницах.

Известен список надзирателей, несших службу в Александровском центре Иркутской губернии, насчитывающий 98 фамилий²¹. Его анализ свидетельствует о том, что стаж тюремной службы у большинства надзирателей был достаточно продолжительным и составлял от 6 до 10 лет. Ежегодное обновление состава надзирателей в этой каторжной тюрьме не превышало 10%. Аналогичная картина наблюдается и в тюрьмах Нерчинской каторги. По официальным данным в каторжных тюрьмах Забайкальской области свыше 60% надзирателей имели стаж свыше пяти лет. Как правило это были уже немолодые, в большинстве своем семейные люди местного происхождения, имеющие собственное дома и хозяйство. Тем не менее, служба в качестве надзирателей была для них основным источником существования²².

Иными словами, в каторжных тюрьмах Восточной Сибири кадровый состав надзирателей выглядел достаточно стабильно. Главное тюремное управление, губернская и областная администрация региона уделяли пристальное внимание воспитательной работе среди надзирателей. Основное внимание при этом заключалось в том, чтобы с учетом специфики должностных обязанностей надзирателей, работающих непосредственно с политическими каторжанами, внушить преданность идеалам империи. С этой целью в Иркутской губернии во всех подразделениях надзирателей было установлено празднование царских табельных дней. В дни таких празднеств по окончании молебна для надзирателей в обязательном порядке устраивался торжественный обед. При приеме на работу о кандидатах в надзиратели собирались тщательные сведения об их политической благонадежности, нравственном поведении.

Значительное внимание уделялось совершенствованию навыков практической стрельбы, строевой подготовке, знанию нормативных основ караульной службы²³. В соответствии с Уставом о содержании по стражей наружную охрану каторжных тюрем обеспечивали конвойная стража и специальные воинские команды. Во всех каторжных тюрьмах Восточной Сибири такие воинские команды содержались за счет военного ведомства. Солдаты-часовые несли службу круглосуточно на сторожевых вышках, располагавшихся вдоль тюремной ограды, наряду с надзирателями конвоировали каторжан при отправке последних на внешние работы, совместно с надзирателями участвовали в обысках и т.д. Во время дежурства солдаты конвоя были вооружены заряженными боевыми патронами винтовками. В

случае возникновения нештатной ситуации – пыток побега, сопротивления конвоем и др. они были обязаны стрелять на поражение. Штат таких воинских команд постоянно разрастался по мере наплыва осужденных. В Иркутской губернии, например, в 1873 г. охрану Александровского централа обеспечивала воинская команда численностью в 211 солдат. Однако к 1907 г в ее рядах насчитывалось уже до 500 человек, а спустя два года 661 военнослужащий²⁴.

Для охраны тюрем Нерчинской каторги было сформировано пять воинских команд. Кроме того, в период первой российской революции и в последующие годы в связи со значительным наплывом каторжников, осужденных по политическим мотивам, к Актуевской, Кутомарской, Зерентуйской и другим тюрьмам дополнительно были прикомандированы роты солдат Восточно-Сибирского стрелкового полка²⁵. Охранные функции, как уже отмечалось, выполняли и казаки Забайкальского казачьего войска. Всего же по Сибири к концу XIX в. правительством было создано 557 конвойных команд, в состав которых входило 99 офицеров, 74 фельдфебеля, 1 117 унтер-офицеров, 1 001 ефрейтор и 9 249 солдат²⁶. Эта «армия», по убеждению властей, должна была обеспечить надежную охрану политических и уголовных преступников, содержащихся в каторжных тюрьмах региона.

Примечания

¹ ПСЗ-3. Т. 44. № 46811.

² Барсуков И. Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский. Хабаровск. 1999. С. 284–286.

³ ГАЧО. Ф. 1п. Оп.1. Д. 1108. Л. 68.

⁴ Клер Л. С. Органы управления Нерчинской каторгой (середина XIX в. – 1917 г.). С. 141, 151.

⁵ Быкова Н. Н. Александровский централ: администрация и охрана. Сибирская ссылка. Вып. 2(14). Иркутск, 2003. С. 213.

⁶ ГТУ. Отчет по ГТУ за 1911 г. Ч. 1. СПб., 1913. С. 18–19.

⁷ Общая тюремная инструкция. СПб., 1912. С. 6.

⁸ Кеннан Дж. Сибирь. Т.2. С. 179.

⁹ Попов И. И. Забытые Иркутские страницы: записки редактора Иркутск, 1989. С. 21, 23.

¹⁰ Краковецкий И. Военное Дело на каторге. Каторга и ссылка. 1922. № 4. С. 93.

¹¹ Кормильцев Ф. Борьба с «Иванами» //Нерчинская каторга. Сборник Нерчинского землячества. М., 1933. С. 131. Чемоданов Г. Н. Нерчинская каторга... С. 47.

¹² Чемоданов Г. Н. Нерчинская каторга... С. 51–52.

¹³ ГАИО. Ф.25. Оп. 6, К. 508. Д. 3134. Л. 104–106.

¹⁴ Чемоданов Г. Н. Указ. соч. С. 183.

¹⁵ Тюремный вестник. 1895. № 9. С. 442–443; 1908. № 3. С. 265 и др.

¹⁶ Тюремный вестник. 1897. № 11.

¹⁷ Соломон А. П. Тюремное дело в России. СПб., 1898. С. 32.

¹⁸ Инструкция надзирателям при тюремном замке. Иркутск, 1895. С. 3–5.

¹⁹ Положение по тюремной части и ссылки в Иркутской губернии 1911–1913 гг. Иркутск, 1914. С. 13.

²⁰ ГАИО. Ф.25. Оп. 6. Д. 3685. К. 533. Л. 212.

²¹ Быкова Н. Н. Александровский централ: администрация и охрана. Сибирская ссылка. Вып. 2(14). Иркутск, 2003. С. 218.

²² ГАИО. Ф.25. Оп. 6. Д. 2960. К. 502. Л. 28–31.

²³ Положение по тюремной части в Иркутской губернии в 1911–1913 гг. Иркутск, 1914. С. 13–14.

²⁴ Быкова Н. Н. Указ. соч. С. 220.

²⁵ ГАИО. Ф. 25. Оп. 6. Д. 4527. К 577. Л. 250.

²⁶ Дворянов В. Н. В Сибирской дальней стороне... С. 106–107.

Гимельштейн А. В.

Имперское законодательство, порядок формирования и функционирования органов городского самоуправления (Сравнительная характеристика городских положений 1870 и 1892 гг.)

Городовые реформы 1870 и 1892 гг. являются составной частью внутренней политики России пореформенного периода. В основу городских реформ были положены такие буржуазные принципы, как всесословность, разделение исполнительной и распорядительной властей, выборность органов городского самоуправления и др. Даже при беглом взгляде на городовые положения, обращает на себя внимание тщательная юридическая проработка анализируемых документов. Они выгодно отличались от всего комплекса вновь принятых законов прежде всего тем, что их юрисдикция распространялась на всю территорию государства, в отличие от земской и судебной реформы. Именно поэтому в губернских центрах Западной Сибири городах – Тобольске и Томске городское общественное управление по новому образцу было введено уже в 1870–1871 гг.¹, в Восточной Сибири 1870 г. выборы состоялись в Иркутске и Красноярске, в 1875 г. – в Чите².

Городовое положение 1870 г. состояло из семи глав и 161 статьи, не считая примечаний. Закон декларировал общие положения новой реформы, определял принципы организации и проведения выборов органов городского самоуправления, функции, полномочия этих органов и должностных лиц. В соответствии с реформой в городах им-

перии, в том числе и в Сибири, создавались органы городского общественного управления. Статья 15 закона относилась к ним городские избирательные собрания, городские думы и городские управы³. Все органы городского самоуправления создавались как всеобщие. В самом начале разработки проектов реформы в различных городах империи по инициативе правительства было образовано 509 комиссий, которые должны были внести предложения по организации городского управления. Именно эти комиссии и высказались за всеобщее городское общественное самоуправление, предоставление широкой самостоятельности городским общественным учреждениям и устранение административной опеки над ними. В соответствии с документом городские избирательные собрания собирались «единственно для избрания гласных городской думы, через каждые четыре года». Конкретное время их созыва определялось городской думой⁴. Избирательное право предоставлялось лицам только русского подданства и достигшим 25 лет от рождения. Важным условием участия в выборах было владение недвижимым имуществом «в городских пределах» и уплата городских налогов. В то же время, избирательное право предоставлялось лицам, прожившим «в городе в течении двух лет сряду перед производством выборов». Это могли быть купцы, приказчики, мелочные торговцы, но опять же при условии отсутствия за ними «недоимок по городским сборам». Мысль об уплате городских налогов как важным условием участия в выборах прослеживается в ряде других статей документа. Так, например, статья 20 предусматривала возможность участия в избирательном процессе совершеннолетних лиц (21 год), чей возраст не достиг положенных по закону 25 лет, женщин и других жителей города (например, малолетних), при условии соответствия ими требованиям имущественного ценза. Важным условием участия в выборах провозглашалось не только участие в уплате налогов в городской бюджет, но и разделение избирателей на курии в зависимости от величины уплачиваемого налога. Все избиратели делились на три курии (съезда). К первой относились налогоплательщики, уплачивающие треть городских сборов; ко второй причислялись более мелкие, но уплачивающие такую же треть; наконец, третью составляли все остальные, по преимуществу мелкие, но уплачивающие оставшуюся треть⁵. Каждая курия избирала равное число гласных городской думы. Такое разделение «градского общества» на три разряда создавало для горожан неравные условия участия в выборах. Несмотря на всеобщность создаваемых органов городского самоуправления деление избирателей на курии на основе имуществ-

венного ценза при равном количестве избираемых гласных создавала весомые преимущества первой курии, которая в численном отношении была наиболее малочисленной. На пример в Иркутска – главном административно-политическом и экономическом центре Восточной Сибири исследуемого региона. по данным летописцев П. И. Пежемского и А. В. Кротова в 1870 г. общая численность горожан составляла 31 513 человек. На основе городского положения право голоса получили 2 176 иркутян или 7%. Реально участвовали в выборах 239 избирателей, что составляет 11% от числа лиц, имеющих право голоса, а удельный вес горожан, принявших участие в голосовании от общего числа жителей губернского центра был и того ниже – всего 0,9%⁶. Картина принципиально не изменилась и последующие годы. На выборах 1882 г при общей численности населения в 33 880 человек право голоса в соответствии с вновь принятым законом получили 2 339 жителей, что составляло примерно 7% от общей численности иркутян. Спустя три года, в 1885 г. аналогичные показатели составили соответственно 39 226 и 2 369 горожан то есть удельный вес принявших участие в голосовании иркутян составлял около 6%. При этом право голосовать по первому разряду получили соответственно 51 и 41 житель города, а по третьему 1 961 и 2 072 жителей Иркутска⁷. Аналогичную картину можно наблюдать и других губернских и областных центрах Восточной Сибири.

Требования имущественного ценза существенно ограничивали и общую численность горожан, допущенных к участи. в избирательном процессе. В том же Иркутске правом голоса в 1882 г. могли воспользоваться лишь 6,3%. жителей губернского центра, то есть подавляющее меньшинство. Как в абсолютном, так и в относительном отношении этот показатель в различные года был неодинаков, что зависело от разных факторов, как то: тщательности составления избирательных списков, добросовестности самих налогоплательщиков и др. В первых выборах в Иркутске приняли участи примерно 10–11% жителей, в то же время в 1885 г. этот показатель составил около 20%. В Красноярске в выборах могло принять участие только 7% горожан, в Чите – 8,9%⁸. Сопоставление приводимых сведений с городами Европейской России бесспорно свидетельствует в пользу Сибири. В городах Европейской части империи правом голоса могли воспользоваться лишь 3,9% жителей. Подчеркнем, что несмотря на различия в цифровых показателях, нельзя не заметить, что в целом по России к участию в выборах было допущено абсолютное меньшинство городского населения⁹. Избирательного права лишались лица судимые, «за преступления и проступки, влекущие за со-

бой лишение или ограничение прав состояния, ...отрешенные от должности» и состоящие под следствием и судом по обвинению «в преступных действиях»¹⁰. Законодатель исключал возможность участия в выборах губернатора, членов губернского по городским делам присутствия и чинов «местной полиции» на период исполнения последними своих должностных обязанностей¹¹. В то же время все городские обыватели наделялись возможностью голосовать как за себя, так и по доверенности. Однако никто из них не мог иметь на выборах боле двух голосов¹². Ряд статей документа был посвящен непосредственной регламентации хода проведения выборов. Выборы признавались действительными только в том случае, если в них участвовало «число избирателей, превышающее число подлежащих избранию гласных»¹³. В избирательные списки городские жители вносились в том порядке, в каком они располагались в зависимости от суммы причитающихся с них налогов¹⁴. Фамилии кандидатов в гласные, наоборот, располагались в алфавитном порядке и зачастую мало что говорили избирателю. Исключение составляли лишь избиратели первого разряда, поскольку входящие в него лица, как правило, были известны друг другу. Сам процесс выборов проходил «закрытою падачею голосов, путем балатировки шарами»¹⁵. Для балатировки каждого кандидата в гласные предоставлялся специальный ящик, разделенный на две половины. В правую его часть опускались шары, за кандидата, в левую – против. Такая процедура продолжалась неоднократно в зависимости от числа избираемых гласных. Естественно, что в этом случае сам процесс голосования занимал достаточно много времени и порождал сумбурность. По различным сведениям на первых выборах в Иркутске приняло участие от 220¹⁶ до 239¹⁷ избирателей, которым предстояло избрать 72 гласных городской думы. Отсутствие опыта и традиций в организации подобного рода выборов, а практики голосования шарами тем более, плохое знакомство с кандидатами в гласные городской думы, приводили к низкой активности избирателей. Не случайно источники министерства внутренних дел зафиксировали факт стремления части иркутских избирателей «обратиться к прежде существовавшему порядку городского управления»¹⁸.

Деятельности городской думы было посвящено второе отделение закона (ст. 48–69). В тех городах, где «число жителей, пользующихся правом голоса», не превышало трехсот, в городской думе предусматривалось 30 гласных. В тех же местностях, где число избирателей не превышало 300 человек, «на каждые сто пятьдесят человек свыше этого числа» следовало прибавлять по шесть гласных

«до тех пор, пока общее число гласных не достигнет семидесяти двух»¹⁹. Таким образом, исходя из численности избирателей, приведенной выше, число гласных городских дум составляло для Иркутска – 72, Красноярска – 36, Читы – 30 человек. Дума избирала городского голову, который в своей должности в крупных городах утверждался министром внутренних дел, а в малых – губернатором. Городской голова назначал заседания думы и определял «предмет совещаний». В то же время в законе предусматривалась возможность созыва думы по требованию губернатора или «по желанию не менее одной пятой части гласных»²⁰. Легитимным считалось заседание, на котором присутствовало не менее «одной трети всего числа гласных. Исполнительным органом городской думы становилась городская управа, деятельность которой регламентировалась в третьем отделении закона. Работой исполнительного органа думы – городской управы – руководил городской голова, число же членов управы определялось городской думой, но должно было состоять не менее чем из двух человек «сверх председателя»²¹. На городскую управу возлагалось «непосредственное заведование делами городского хозяйства и общественного управления». Для руководства различными делами городского хозяйства управе предоставлялось право образовывать временные или постоянные исполнительные комиссии²². Городской управе, как исполнительному органу, предоставлялось право «возражения» на постановления городской думы в случаях, когда управа признавала «определение городской думы противозаконным»²³. Закон разрешал на все «общественные должности» городского самоуправления выбирать лиц не только из числа гласных городской думы, но вообще из числа лиц, имеющих право голоса на выборах «как лично, так и по доверенности»²⁴. Однако членами городской управы не могли быть одновременно близкие родственники – «отец и сын, тесть и зять, а также родные братья»²⁵.

Закон оговаривал преимущество лиц христианского исповедания при выборах в органы городского самоуправления. Согласно закона срок службы городского головы и членов городской управы ограничивался четырьмя годами²⁶. С целью ограничения самостоятельности городских голов и подчинения их административной власти закон предусматривал процедуру утверждения в должности лиц избранного городского самоуправления. В губернских и областных центрах это была прерогатива министра внутренних дел, в прочих городах – губернатора²⁷. Лица, избранные в состав исполнительных органов городского самоуправления, не пользовались правами государственных служащих, однако за исполнение своих обязанностей

получали денежное содержание. Все принятые хозяйственным вопросам постановления следовало печатать в губернских ведомостях, однако решение и согласие на публикацию принималось и давалось только губернатором.

Последние четыре главы Закона посвящены вопросам финансовой деятельности органов городского самоуправления и ответственности должности лиц. Органам городского общественного управления предоставлялось право приобретать и отчуждать движимое и недвижимое имущество от имени города, заключать договоры и т.д. Определение же «способов извлечения доходов от принадлежащего городу имуществ» являлось компетенцией городской думы²⁸. Бюджеты городских дум формировались из оценочных сборов с недвижимого имущества, трактиров, постоянных дворов, сборов с проводимых в городе аукционов, сборов с документов на право торговли и промыслов и т.д. Основными статьями расходов являлось содержание органов городского самоуправления, общественных зданий и памятников, уплата по городским займам, содержание учебных, благотворительных и иных «общеполезных заведений». На городской бюджет возлагались обязательства «по отправлению воинского учета», содержание «чинов городской полиции», пожарных команд, отопление и освещение тюрем, поддержание порядка на улицах, переправах, строительство водопроводов, освещение улиц, содержание кладбищ и т.д. Смета предполагаемым доходам и расходам должна была утверждаться ежегодно городской думой.

Спустя 22 года, в июне 1892 г. последовал именной Высочайший указ Сенату о введении нового городского положения. Отмечая «немаловажную пользу» городского положения своего отца, Александр III в то же время отмечал, что со временем «в строе и деятельности городских учреждений обнаружились несовершенства, требующие исправления».

С формальной точки зрения в новом законе предметы ведения городского самоуправления оставались теми же. Однако по Городовому положению 1892 года вводился высокий имущественный ценз, ограничивающий корпус городских избирателей наиболее состоятельной частью городского населения. Для губернских и областных городов с населением менее 100 тыс. человек он равнялся 1 000 рублей. Наравне с физическими лицами избирательное право на тех же основаниях было предоставлено правительственным, благотворительным, учебным и научным учреждениям. Кроме владельцев недвижимых имуществ, избирательное право получали лица, общества, товарищества и компании, содержащиеся в пределах города торго-

во-промышленные предприятия, требующие выборки свидетельств 1-й и 2-й гильдии²⁹.

В связи с введением столь высокого имущественного ценза необходимость в разрядной системе выборов отпадала. По новому закону выборы проводились одним избирательным собранием, а при многочисленности избирателей – по участкам. Собрание считалось состоявшимся, если количество явившихся на выборы избирателей превышало число подлежавших избранию гласных и кандидатов к ним. Пассивным избирательным правом наделялись все имеющие право голоса. Баллотироваться мог каждый, кто предложит свою кандидатуру или будет предложен минимум пятью избирателями. Для избрания в гласные требовалось получить абсолютное большинство голосов. По Городовому положению 1982 года аннулировалось право голосовать по доверенностям.

Новым Городовым положением устанавливались две формы общественного управления: в полном объеме и упрощенном виде. На губернские города упрощенная форма управления не распространялась. Для понимания практической значимости нового городского положения в плане формирования органов городского самоуправления необходимо провести компаративный анализ участия горожан в избирательном процессе по законам 1870 и 1892 гг.

В нашем распоряжении имеется необходимый статистический материал по городам Иркутску, Красноярску и Чите. Во всех трех городах число горожан, имеющих право голоса, существенно сократилось. В Иркутске численность избирателей, получивших право участвовать в выборах, сократилась в два раза и составила 1 819 человек. От общей численности населения эта цифра составила 3,6%. В Красноярске выборы по новому Городовому положению были проведены в 1894 г.³⁰ Количество избирателей составило 160 человек (это на 357 человек меньше, чем по Городовому положению 1870 г.), таким образом, численность избирателей сократилась в четыре раза, а право участия в выборах получил всего 1% населения города. Кроме того, голосовать пришло всего 16 человек или 10 % из числа лиц, получивших право голоса. На деле это означало, что практически каждый избиратель, пришедший на выборы гласных, им и становился. Сократилась и общая численность гласных – теперь их насчитывалось 23. От прежнего состава эта цифра составила 63%. В Чите право голоса получили 390 человек или 4,2% от общего числа горожан, по сравнению с 1870 г. их количество уменьшилось в два раза. Приняли же участие всего 18,5% из всех избирателей. Как видим, из-за высокого имущественного ценза в

губернских и областных центрах исследуемого региона численность избирателей в 1892 г. по сравнению с 1870 г. существенно сократилась: в Иркутске и Чите в два, в Красноярске – в четыре раза. В 1905 г. на выборах в Красноярскую городскую думу имущественный ценз составил тысячу рублей. Только около 600 человек, что составляло всего 1,5% населения города, обладали имуществом в размере означенной суммы. Разницу между Иркутском и Читой – с одной стороны и Красноярском – с другой – следует объяснять более высокой концентрацией в этих городах купечества. Половину мест в городских думах губернских и областных центрах Восточной Сибири занимали представители купечества; одну четвертую часть – представители от мещан и ремесленников; третьей и достаточно весомой группой были дворяне и чиновники.

В целом городские управления оказались способными решать сложнейшие финансовые и хозяйственные вопросы городской жизни в рамках законодательства. В пределах своих полномочий органы городского управления стремились обустроить местную жизнь, удовлетворить потребности развивающихся городов, обеспечить перспективы их дальнейшего роста.

Примечания

¹ Толочко А. П., Коновалов И. А., Меренкова Е. Ю., Чудаков О. В. Городское самоуправление в Западной Сибири в дореволюционный период: становление и развитие. Омск, 2003. С. 30.

² Гимельштейн А. В., Пушкина Т. Л., Трусковецкая В. А. Городское самоуправление в Иркутске: 220 лет. Иркутск. 2008. С. 29.

³ Там же. Ст. 15.

⁴ ПСЗ-2. Т. XIV. Отд. I. № 48498. Ст. 16.

⁵ Там же. Ст. 24.

⁶ Пежемский П. И., Кротов А. В. Иркутская летопись (1857–1880 гг.) Иркутск. 1911. С. 226.

⁷ Нардова В. А. Городское самоуправление... С. 63, 75, 76..

⁸ Бердников Л. П. Вся Красноярская рать... Красноярск, 1995. С. 149.; Попов А. И. Город Чита: описание, путеводитель и справочник по г. Чите, Забайкальской области и окрестностям. Чита, 1907. С. 146.

⁹ Цифровые показатели рассчитаны автором по материалам: РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 1529, 1531; Иркутск. Его место и значение в культурном развитии Восточной Сибири: очерк, отредактированный и изданный Иркутским городским головою В. П. Сукачевым. М., 1891. С. 99–103; Нардова В. А. Городское самоуправления в России в 60-х – начале 80–90-х годов XIX в. Правительственная политика.. 1984. С. 72–76; Городское самоуправление в Иркутске: 220 лет. Иркутск. 2008. С. 29.

¹⁰ ПСЗ -2. Т. XIV. Отд. I. № 48498. Ст. 20–21.

¹¹ Там же. Ст. 19.

¹² Там же. Ст. 22–23.

- ¹³ Там же. Ст. 41.
¹⁴ Там же. Ст. 24.
¹⁵ Там же. Ст. 31.
¹⁶ Иркутск. Его место и значение в истории и культурном развитии Восточной Сибири. С. 99
¹⁷ Нардова В. А. Указ. соч. С. 61.
¹⁸ РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 1255. Л. 408.
¹⁹ ПСЗ -2. Т. XIV. Отд. I. № 4849. Ст. 48.
²⁰ Там же. Ст. 56, 57.
²¹ Там же. Ст. 70.
²² Там же. Ст. 73.
²³ Там же. Ст. 80.
²⁴ Там же. Ст. 86.
²⁵ Там же. Ст. 87.
²⁶ Там же. Ст. 94.
²⁷ Там же. Ст. 92.
²⁸ ПСЗ -2. Т. XIV. Отд. I. № 4849. Ст. 116, 119.
²⁹ СЗРИ. Т. 2. Кн. 1. М., 1910. С. 281.
³⁰ Бердников Л. П. Указ. соч. С. 180–181.

Адоньева И. Г.

Юристы и власть: варианты противостояния и сотрудничества на рубеже XIX–XX вв.

Пореформенный период развития Российской империи одним из своих плодов имел расцвет в стране юридической профессии. Созданная в соответствии с Судебными уставами 20 ноября 1864 г. правовая система потребовала принципиально нового подхода к уровню слуг Фемиды. Государственная политика, направленная на развитие правовой специализации, повлекла за собой результат в виде блестящих знатоков своего дела – адвокатов, судей, прокуроров, а также серьезных достижений юридической науки.

В структуре гражданского общества и правового государства юристы играют особую роль. Будучи носителями знаний о законодательстве, которое усложняется и значение которого увеличивается по мере развития человеческого социума, они, помимо прочего, участвуют в регулировании отношений между людьми, государством и обществом. Принципиальным здесь является то, в каком качестве профессионал себя позиционирует: слуги государства, общества или

закона. Кроме того, правомерность (или неправомерность) поведения юриста в рабочей, публичной или частной сферах являются важными при оценивании обществом правовой системы в целом.

Реформа 1864 г. принципиально повлияла на мировоззрение молодых юристов и их понимание своего места в государстве и обществе. А. Г. Горин отметил, что большинство юристов придерживались либеральных воззрений, а «общественно-политический облик этой группы русской интеллигенции: люди, воспитанные “во взглядах судебной реформы 1864 г.”»¹. Само преобразование 1864 г. стало представляться юристам как мероприятие, оппозиционное действующему политико-правовому режиму, как шаг к построению правового государства. Это созвучно с суждениями Р. Уортмана, который ведет речь о том, что идеологи судебной реформы – молодые бюрократы – культивировали почтение, даже преданность праву как высокому этическому призванию. Они начинали видеть в себе, прежде всего, слугителей права, а не слуг царя или государства².

Применительно к сюжетам сибирской истории вопрос взаимоотношений представителей юридической профессии и власти имеет свои особенности. Постепенность в реформировании судебной системы региона и, как следствие, крайне малое количество юристов приводили к тому, что носителей юридической профессии долго не воспринимали как посредников для общения с властью³. При этом сами юристы разными путями вступали в отношения с действующей властью, отличавшиеся противоречивым характером. В данном случае большее внимание уделяется адвокатуры как «свободной» профессии, поскольку служащие по линии Министерства юстиции объективно не могли противостоять структуре, в которой служили.

Следует отметить, что варианты противостояния с властью, ее критики юристами в сочетании с сотрудничеством были характерны для таких разных этапов в развитии юридической профессии, как до реформы 13 мая 1896 г. (введившей в действие Судебные уставы – *И. А.*) и после.

Например, лишенный в Киеве звания присяжного поверенного и перебравшийся в Киев В. П. Картамышев до сих пор остается дискуссионной фигурой в истории региональной периодики и адвокатуры. С одной стороны, «слуга администрации», с другой стороны – в отношении издаваемой им газеты «Сибирский вестник» властью подавалось 80 исковых заявлений, она неоднократно приостанавливалась за оскорбительные для местного управления статьи⁴. Адвокат активно оказывал консультационные услуги, в том числе и бесплатные, участвовал в жизни города, и в то же время открыто ссорился с

помощником губернского прокурора⁵. Представляется, такая ситуация стала возможной, поскольку что круг интеллектуалов в сибирских городах в рассматриваемый период был сравнительно узким, и юрист мог придерживаться собственной линии поведения, несмотря на то, что «В. И. Мерцалов (томский губернатор – *И. А.*) грозился выслать Картамышева в Нарым»⁶.

Расхождения в правовой системе России и Сибири до введения Судебных уставов приводили к ситуациям, когда юрист оказывался невольной жертвой. А. П. Толочко в хронике омского общественного движения обнаружил факт, когда адвокат, представлявший интересы железнодорожных рабочих в трудовом споре с подрядчиком, оказался обвиненным жандармским управлением в подстрекательстве к бунту и в экстренном порядке приговорен к пятинедельному аресту⁷.

После реформы 13 мая 1896 г. Сибирь стала привлекательным для юристов регионом. Она воспринималась как неосвоенная нива, где существует обширное пространство возможностей для профессиональной самореализации и улучшения благосостояния – ведь специалистов практически не было, а бурное развитие экономики в связи со строительством железной дороги просто обрекало молодых адвокатов на успех. Но при этом они стремились не только реализовать свои материальные интересы, но и внести вклад в развитие новой родины. И здесь они неминуемо сталкивались с властью.

Вариантом противостояния и сотрудничества одновременно стала деятельность юридической консультации при Томском окружном суде, открытой в 1902 г. Изначально она планировалась, помимо своей прямой функции, как орган корпоративного управления адвокатурой в условиях отсутствия Совета присяжных поверенных. Однако окружной суд исключил данный пункт из устава бюро юристов. Функционирование консультации свелось к подаче советов и написанию бумаг, она переживала взлеты и падения в своем развитии, пока не оказалась закрыта по решению окружного суда одновременно с введением в регионе суда присяжных в 1909 г. решением Томского окружного суда. Вероятно, такое учреждение, состоящее из либерально настроенных интеллектуалов, в условиях консервативной политики оказалось несовместимым с задачами как центральной, так и местной власти, что и привело к прекращению его деятельности.

Наиболее ярким примером противостояния юристов и власти была дискуссия по поводу реализации в регионе судебной реформы. Начатая в прессе в начале 1880-х гг., она не была закончена с введением в регионе Судебных уставов. Здесь противостояние проявля-

лось исключительно в профессиональной сфере и было направлено на улучшение состояния системы отправления правосудия. В это движение оказались включены не только адвокаты, но и сотрудники по линии Министерства юстиции. Они вели речь о том, что состоявшаяся реформа мало что дает в деле исправления сибирского «кривосудия», провозглашенные принципы плохо сочетаются сибирскими реалиями и физическими возможностями слуг Фемиды. Особенно много критики было адресовано организации мирового суда, когда в одном лице были соединены должности судьи, следователя по особо важным делам и нотариуса⁸. Однако, этот праведный гнев адресовался не местным властям, чье практическое бессилие в этом вопросе юристы осознавали, а верховной. Но и в этом вопросе критичные суждения имели конструктивный характер. В стране назревала новая судебная реформа, этот вопрос обсуждался III Государственной думой. Юридическое общество при Томском университете проявило интерес к этой проблеме и провело собственное исследование. Его ход и результаты отразились в протоколах заседания. В состав созданной по такому случаю комиссии вошли профессор юридического факультета И. А. Базанов, И. Я. Новомбергский, С. П. Мокринский, члены Томского окружного суда В. П. Гальперин и Е. А. Семенов, присяжные поверенные П. В. Вологодский, С. В. Александровский, М. Р. Бейлин, А. М. Головачев, В. Н. Анучин и мировой судья И. Л. Усанович.

В итоге долгих и противоречивых обсуждений комиссия пришла следующими выводами относительно рекомендуемой ими организации мировой юстиции в регионе: 1) по истечении трех лет службы мировые судьи пользуются правом несменяемости; 2) в городах мировые судьи избираются, а в сельской местности назначаются; 3) имущественный ценз для претендентов на должность мирового судьи отменяется, но требуется высшее юридическое образование; 4) мировые судьи освобождаются от производства следственных действий; 5) в качестве второй инстанции выступает съезд мировых судей, а третьей – судебная палата⁹.

Можно прийти к выводу о том, что западносибирские юристы и индивидуально, и корпоративно, находились в сложных отношениях с властью. Это объясняется спецификой их профессии, обязывающей охранять закон и отправлять правосудие, что порой расходилось с интересами и практикой исполнительной власти. Нельзя также не согласиться с мнением Е. А. Дегальцевой относительно того, что конструктивная деятельность сибирских интеллигентов (не только юристов) осуществлялась в условиях «двойного гнета» вла-

сти¹⁰. Поэтому юристы, стремившиеся внести улучшения в судебную систему региона, невольно становились оппонентами администрации.

Примечания

¹ Горин А. Г. Юридические общества дореволюционной России // Советское государство и право. 1989. № 7. С. 117–123.

² Уортман Р. С. Властители и судии: Развитие правового сознания в императорской России. М., 2004. С. 19–20.

³ Подробнее об этом см.: Крестьянников Е. А. Судебная реформа 1864 г. в Западной Сибири. Тюмень, 2009. 270 с.

⁴ Необходимое объяснение // Сиб. вестник. 1885. 18 июля.

⁵ Корреспонденция: Томск // Вост. обозрение. 1887. 10 дек.

⁶ Корш Е. В. Восемь лет в Сибири // Исторический вестник. 1910. С. 827.

⁷ Хроника общественного движения в Сибири. 1895 – февраль 1917 г. / под ред. А. П. Толочко. Кн. 1. Томск, 1996. С. 6–7.

⁸ Томск, 13 июня // Сиб. вестник. 1896. 13 июня; Анучин В. Пасынки Фемиды // Сиб. вопросы. 1909. № 46/47; Вейсман Р. Яркие недостатки сибирского суда // Сиб. вопросы. 1908. № 3/4; Вейсман Р. Л. Индивидуализация окраинного права и местный суд в Сибири // Право. 1909. 29 марта.

⁹ Реформа местного суда в Сибири // Труды / Юрид. о-во при Императорском Томском университете. Томск, 1911. Вып. 2. С. 1–16.

¹⁰ Дегальцева Е. А. Образ жизни сибиряков во второй половине XIX – начале XX вв. Барнаул, 2005. С. 88.

Гончаров Ю. М.

Мещанские общества в системе самоуправления горожан Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. *

Община, как одна из наиболее значимых традиционных форм общественного и экономического быта русских, с давних пор привлекала внимание исследователей. Однако исторически сложилось так, что исследовательский интерес в данной области концентрировался почти исключительно вокруг сельской общины, городские же общины долгое время оставались в тени. В силу этого большой ин-

* Работа выполнена при финансовой поддержке федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» проект «Комплексные исторические исследования в области изучения Западной и Южной Сибири с древнейших времен до современности» (шифр 2009-1.1-301-072-016)

интерес для историка представляет мещанская община в пореформенном русском городе.

Вступление России в период модернизации после буржуазных реформ 60–70-х гг. XIX в. предопределило и изменение роли мещанства. Мещане были освобождены от телесных наказаний. В ходе судебной реформы были ликвидированы сословные суды. По Городовым положениям 1870 и 1892 гг. они сохранили свое право на участие в городском самоуправлении, но их избирательные права были ограничены высоким имущественным цензом, что давало преобладание в городских органах дворянам, купцам и почетным гражданам.

В то же время, изъяснив Городовым положением 1870 г. мещанскую общину из общегородского управления, законодатели продолжили ее интеграцию в управленческие структуры. Как было отмечено, «...никто... всерьез не собирався отказываться от тех финансовых, организационных и кадровых выгод, которые давал сословный строй в государственном управлении и контроле. Консервация условий и связанных с ними общинных структур у горожан стоят, таким образом, в непосредственной связи с реформами»¹.

Противоречивость реформ проявилась в частности в том, что мещанская община как обособленный социальный институт (сословного характера) была статуйрована во время городской реформы 1870 г. До этого мещане организационно были включены в «общество градское», куда кроме них входили еще общины купцов и ремесленников и только по некоторым делам, например, рекрутским и податным, мещане собирались отдельно от остальных горожан.

После вступления в силу Городового положения 1870 г. в городах учреждались мещанские управы. В частности, в Томске 14 декабря 1871 г. в общем собрании «по примеру других мещанских обществ и на основании нового городского положения» было решено «учредить Мещанскую управу в составе четырех лиц, избираемых обществом особо, а именно: мещанского старосту, двух членов и письмоводителя»².

Центральным органом мещанских обществ в городах являлся общинный «сход» или «собрание». Он обладал распорядительной властью и вокруг него строились все остальные институты общины. На сходе мещане обсуждали текущие общинные дела, утверждали бюджеты и различные предложения, избирали должностные лица для управления общиной.

После вступления в силу Городового положения 1870 г. мещанские сходы созывались уже не городским головой, а мещанской

управой или мещанским старостой. На управы и старост возлагалась и ответственность за порядок во время схода. Они должны были также свидетельствовать подписание приговоров именно теми лицами, которые в них участвовали.

Участвовать в собраниях имели право все мещане мужского пола, которые являлись действительными членами мещанской общины данного города, т.е. были причислены к ней с согласия ее членов. Следуя правилам, было принято различать причисление к общине и приписку к ней по распоряжениям Казенных палат. Приписанные мещане, – в массе своей отставные и запасные солдаты, ссыльные и их дети, – не имели права голоса на собраниях, а также права быть избранными на должности по общинному управлению.

Избирательный голос имели лица не моложе 25 лет, имевшие в городе капитал, приносящий минимум 15 руб. ежегодного дохода. В уездных городах, где материальная обеспеченность населения была ниже, право выбора в должности по общинному управлению предоставлялось также и тем, кто получал доход менее установленного или вообще не имел дохода. Для учета всех мещан-выборщиков города предусматривалось составление старостами и управами специальных списков³.

В компетенции общинного схода были прием общину и увольнение из нее, ежегодное определение количества денежных сборов на уплату государственных податей и на общинные нужды, контроль за расходованием средств из общинных касс, выборы старосты, сборщиков денежных сборов, членов мещанских управ и сиротского суда, а также различных комиссий, которым поручалось исполнение решений собрания и ведение текущих дел. Кроме того, сход решал вопросу установления опеки, запись в семейства мещан приемных детей, удаление из общины мещан, многократно нарушавших общественный порядок, выбор членов городских оценочных комиссий, а также различные хозяйственные вопросы: найм пастухов, аренда полей, лугов и пр.

Все решения сходов фиксировались письменно в так называемых «приговорах». Приговоры подписывали как правило все участвовавшие в их составлении мещане. За неграмотных расписывался кто-либо из грамотных участников схода с указанием своей фамилии и имени. Приговоры собраний имели официальный статус и были обязательны для всех членов общины. Контроль за общинными сходами и их приговорами осуществлялся местной администрацией в лице губернаторов, Губернских правлений и Присутствий по городским делам.

Текущими делами общества занималась мещанская управа. О том, что входило в круг ее обязанностей позволяет судить «Протокол № 1 заседания Томской мещанской управы марта 1914 г. о распределении занятий между членами управы», в котором говорилось: «Мещанская управа постановила: 1. Наблюдение за делопроизводством мещанской управы, за исполнительностью членов и служащих управы возлагается на обязанность мещанского старосты Федора Ивановича Ерохина; 2. Заведование кассой мещанской управы, богадельней, хозяйственной частью поручается члену управы Петру Павловичу Анисимову; 3. Сбор в Сиропитательный капитал и справки по выдаче паспортов поручаются члену управы Василию Ильичу Мальцеву»⁴.

Служащие управы получали за свою работу жалованье, которое, например, в Томске перед Первой мировой войной составляло: старосте – 80 руб. в месяц, членам управы – 40–55 руб., делопроизводителю – 20 руб. в месяц⁵.

Для финансирования деятельности управы с членов общества собирались общественные сборы. Вот, например, как определял такие сборы приговор Бийского мещанского общества от 1898 г.: «На мещан, проживающих в округе и не имеющих недвижимой собственности в городе Бийске по 1 руб. 30 коп.; на мещан, проживающих в городе Бийске и имеющих собственные дома по 35 коп., на солдат как окружных, а равно и городских, отбывающих военную службу по истечении льготного времени, т.е. 1 года по 35 коп., и на молодых людей достигших 18-летнего возраста, как окружных, а равно и городских по 35 коп.»⁶.

В обязанности мещанской управы входил не только традиционный сбор налогов и наблюдение за исполнением повинностей, но и многое другое, тесно переплетающееся с новым бессословным буржуазным принципом организации городской власти.

Степень влияния мещанских обществ на повседневную жизнь города хорошо прослеживается в их взаимоотношениях с органами местного самоуправления и администрации. Общества мещан могли оказывать воздействия на решения городских дум по целому ряду вопросов, по которым мнение общества являлось вполне достаточным основанием, чтобы принять то или иное решение⁷.

Бийское мещанское общество, в лице своей управы являлось союзником окружного полицейского управления и городской думы и управы в борьбе за нравственность горожан и предупреждение преступлений. В ЦХАФ АК сохранились документы «о приговорах мещанского общества», где фиксируются меры против «пьянства,

содержание у себя распутных девок, вытаптывания скотом в чужом огороде, буйства»⁸.

В целом мещанские общества играли значительную роль в повседневной жизни их членов – представителей самого массового городского сословия дореволюционной России. Несмотря на разложение сословного строя, процессы классообразования, протекавшие в городах региона во второй половине XIX – начале XX в., сословная организация горожан продолжала сохранять большое значение.

Примечания

¹ Каплуновский А. П. Русская мещанская община в городах Казанского Поволжья. 1870–1918 гг. (Этно-историческое исследование): Автореф. дис. ...канд. ист. наук. М., 1998.

² Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 130. Оп. 1. Д. 19. Л. 2–2об.

³ Свод законов Российской империи. СПб., 1876. Т. IX: Законы о состояниях. С. 518–535, 541–556, 597, 621.

⁴ ГАТО. Ф. 130. Оп. 1. Д. 121. Л. 1–1об.

⁵ ГАТО. Ф. 130. Оп. 1. Д. 145.

⁶ Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 176. Оп. 1. Д. 16. Л. 4об–5.

⁷ Лямин С. К. Корпоративность как традиционная черта социальной организации и менталитета средних слоев пореформенной России (по материалам Тамбова) // Социальная история российской провинции в контексте модернизации аграрного общества в XVIII–XX вв. Тамбов, 2002. С. 348.

⁸ Лен К. В. Фонд Бийской мещанской управы как источник изучения городской жизни второй половины XIX в. // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1996. С. 182.

Галлямова Л. И.

Органы власти и управления на Дальнем Востоке России в начале XX века (современная региональная историография проблемы)

Одной из характерных тенденций отечественной историографии последних лет является значительное повышение интереса исследователей к истории российской государственности. Очевидно, что распад СССР, глубокое реформирование Российской Федерации актуализировали многие проблемы государственного строительства, государственного и местного управления, обусловив востребованность исторического опыта. С другой стороны, на повестку дня

встал вопрос о наиболее оптимальных формах государственного устройства России, ее административно-территориальной целостности, национальной и религиозной политики государства и т.д., что также повысило интерес к изучению исторического опыта.

Примечательно, что наряду с этноцентрическим формируется региональный подход к проблеме российской государственности, в частности, в рамках исследований по истории Сибири и Дальнего Востока¹. Так, анализ дальневосточных публикаций показывает, что разработка истории государственности здесь также ведется на основе регионального подхода, причем в последнее время явно прослеживается тенденция повышения интереса к системе управления окраинами Российского государства. Различные вопросы деятельности административных органов власти на Дальнем Востоке начала XX в. рассмотрены в исследованиях А. В. Умрихина, А. М. Булавко, А. А. Торопова, Ю. В. Поповичевой, Н. А. Макухи, Е. П. Половникова, В. В. Тютюнника, И. С. Рудакова и др.² Развернулось изучение истории возникновения и функционирования системы органов управления на Дальнем Востоке, которое ведут И. В. Лукоянов, М. В. Гридяева, А. В. Ремнёв, Я. Л. Салогуб, И. С. Рудаков, О. В. Вишняков и др.³ В вышеназванных исследованиях И. В. Лукоянова, А. В. Ремнева, Я. Л. Салогуб нашли отражение отдельные вопросы такой малоисследованной темы, как история Дальневосточного наместничества, а А. В. Милежик посвятил ей ряд статей и защитил кандидатскую диссертацию⁴. Такую специфическую отрасль государственного управления как архивное дело в Сибири и на Дальнем Востоке впервые в сибирской и дальневосточной историографии глубоко исследовал А. И. Костанов, рассмотрев не только историю этой сложной системы управления, но и роль архивов как важного фактора формирования историкокультурной среды региона; в его монографии, целом ряде статей и в недавно защищенной докторской диссертации большое внимание уделено архивам и органам архивной службы Приамурского генерал-губернаторства начала XX в.⁵

На волне активного осмысления роли государства и его бюрократического аппарата возникла потребность в изучении деятельности высшей дальневосточной администрации и чиновничества. Так, весомый вклад в разработку этого направления внесен Н. И. Дубининой, посвятившей приамурским генерал-губернаторам Н. Л. Гондатти, Н. И. Гродекову и П. Ф. Унтербегеру специальные монографии и ряд статей⁶; вышла в свет книга очерков о сахалинских губернаторах⁷. Исследование чиновничества на материалах Дальнего Востока осу-

шествляют Н. А. Троицкая, Ю. Н. Поповичева, Ю. А. Павлов, В. И. Калинин и Н. Б. Аюшин, А. Ю. Мальцев, Н. М. Байков и др.⁸

На рубеже XX–XXI вв. заметно продвинулось изучение исторического опыта формирования таможенной и налоговой политики на Дальнем Востоке, своеобразием которого было длительное сохранение режима порто-франко, и соответствующих структур, обеспечивавших реализацию этой политики. Историю создания и функционирования таможенных органов в начале XX в. целенаправленно изучает Н. А. Беляева, перу которой принадлежат статьи, монография, ею защищена докторская диссертация⁹. Опубликован ряд работ и защищена кандидатская диссертация А. М. Николаевым¹⁰; вышли в свет статьи Н. А. Троицкой, И. Г. Матвиенко, В. Ф. Печерицы, в которых рассматриваются основные направления деятельности дальневосточных таможенных учреждений, их вклад в борьбу с контрабандой и др.¹¹ Различные аспекты борьбы дальневосточных таможенных органов с контрабандой в конце XIX – первой четверти XX в. исследованы А. В. Попенко¹².

На основе новых подходов и оценок ведётся исследование истории правоохранительных органов и органов правосудия Дальнего Востока. Становлению и развитию административно-полицейской системы посвящены диссертационные работы Я. Л. Салогуб, В. В. Тютюнника, а также коллективная монография А. М. Буякова, В. О. Шелудько и В. А. Черномаза¹³; весомый вклад в исследование истории дальневосточных правоохранительных органов внесён Е. В. Гамерманом¹⁴, становление и развитие института мировых судей на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX в. исследован Л. В. Пашкевич¹⁵.

Заметный отклик в дальневосточной регионалистике нашла активизация исследовательского интереса к истории представительных учреждений и местного самоуправления, характерная для российской историографии последних лет. В русле данного направления углубленное изучение истории местного самоуправления на Дальнем Востоке в дооктябрьский период успешно ведут О. И. Сергеев и С. И. Лазарева, опубликовавшие ряд статей, а также монографию (совместно с Г. Я. Тригубом), ставшую заметным фактом дальневосточной историографии¹⁶. Е. С. Скрабневской проведено исследование становления системы городского самоуправления¹⁷, а Г. Я. Тригубом – анализ формирования дальневосточной системы местного самоуправления и ее взаимоотношений с государственной властью¹⁸. Исторический опыт системы самоуправления в Приамурском крае во второй половине 50-х гг. XIX – начале XX в. в целом

ряде работ проанализировала М. В. Нежина¹⁹. Данной теме уделили также внимание Б. И. Мухачёв, Н. А. Шиндялов, Е. Д. Яворская, Т. Н. Воробьева и др. авторы²⁰.

Ряд научных публикаций, вышедших в последние годы, посвящен отдельным вопросам или определенным периодам организации и функционирования городских органов самоуправления региона. Среди них представляют интерес исследования Т. З. Позняк о динамике состава гласных Владивостокской думы, Т. Я. Иконниковой о деятельности Хабаровской городской думы в годы Первой мировой войны, А. И. Петрова и Е. Д. Яворской о работе думы Владивостока с китайским и корейским населением города, и др.²¹

Таким образом, можно констатировать, что современная дальневосточная регионалистика, посвящённая истории органов власти и управления на Дальнем Востоке начала XX века, развивается в русле общих тенденций отечественной историографии. Очевидно, что изучение российской государственности сквозь призму региональной истории дает возможность более объективно реконструировать основные принципы и методы региональной политики, структуру и методы управления государственной периферией, осветить историю национальной политики России, вскрыть переплетение центробежных и центростремительных тенденций, более обстоятельно исследовать взаимоотношения центра и окраин.

Примечания

¹ Имперский строй России в региональном измерении (XIX – начало XX в.): Сб. науч. статей. М., 1997; *Конев А. Ю., Рабцевич В. В., Ремнев А. В.* Итоги и проблемы изучения административной политики самодержавия в Сибири (XVII – начало XX в.) // Культурное наследие Азиатской России: Материалы I Сибиро-Уральского исторического конгресса. Тобольск, 1997; *Ремнев А. В.* Самодержавие и Сибирь. Административная политика 2-ой половины XIX – начала XX в. Омск, 1997; Национальные окраины Российской империи. Становление и развитие системы управления. М., 1997 и др.

² *Умрихин А. В.* Политико-административное устройство Дальнего Востока России во второй половине XIX – начале XX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Благовещенск, 1998; *Он же.* Очерки административно-территориального устройства Дальнего Востока России во второй половине XIX – начале XX вв. Благовещенск, 2000; *Булавко А. М.* Деятельность российской администрации по организации охраны дальневосточной границы казачьими войсками во второй половине XIX – начале XX в. // Четвертые Гродековские чтения: М-лы регион. науч.-практ. конф. «Приамурье в историко-культурном и естественно-научном контексте России». Ч. 1. Хабаровск, 2004; *Поповичева Ю. Н.* Методы управления населением Приамурского генерал-губернаторства во второй половине XIX века // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Благовещенск, 2002. Вып. 4; *Половникова Е. П.* Деятельность приамурских генерал-губернаторов по развитию коммерческой системы края (1884–1900) // Чет-

вертые Гродековские чтения... Ч. 1; *Торопов А. А.* Административно-территориальное деление Сибири и Дальнего Востока (конец XVI в. – 1917 г.) // Дальний Восток России: Из истории системы управления. Владивосток, 1999; *Тютюнник В. В.* Решение на Дальнем Востоке вопроса о получении государством дохода с проституции во второй половине XIX – начале XX в. // Четвертые Гродековские чтения... Ч. 1; *Гридяева М. В.* Демографические процессы, административное развитие и становление социальной сферы на острове Сахалин в середине XIX – начале XX века: Дис. ...канд. ист. наук. Владивосток, 2003; *Макуха Н. А.* Деятельность администрации Приамурского края по развитию российско-китайских отношений (1884–1917 гг.): Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Хабаровск, 2009; и др.

³ *Лукоянов И. В.* Проблема управления Дальним Востоком и кризис государственной власти в России на рубеже XIX–XX вв. // Науч. конф. памяти Н. М. Ядринцева. Секция: Проблемы отечественной истории. Омск, 1992; *Ремнев А. В.* Проблемы организации дальневосточного управления накануне и в начале I российской революции // Революция 1905–1907 гг. и общественное движение в Сибири и на Дальнем Востоке. Омск, 1995; *Салозуб Я. Л.* Планы реорганизации Дальневосточного регионального управления в начале XX в. // 85 лет высшему историческому и филологическому образованию на Дальнем Востоке: м-лы науч. конф. 4–5 марта 2003 г. 4.1. Сборник трудов Института истории и филологии ДВГУ. М-лы науч. конф.. Владивосток, 2003; *Гридяева М.* Остров Сахалин во второй половине XIX – начале XX века: административное устройство и управление Южно-Сахалинск, 2008; *Шулатов Я. А.* Политическая борьба в России по вопросам дальневосточной политики накануне русско-японской войны // Записки Гродековского музея. Вып. 9. Хабаровск, 2004; *Салозуб Я. Л.* Становление и развитие системы административно-полицейского управления на Дальнем Востоке (50-е гг. XIX – начало XX вв.). Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Владивосток, 2005. С. 214; *Рудаков И. С.* Создание структур управления и военной организации Дальнего Востока России // Власть и управление на Востоке России. Хабаровск, 2007. №4; *Он же.* Становление Приамурского военного округа и его роль в укреплении обороноспособности Дальнего Востока России (1884–1917 гг.): Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Хабаровск, 2010; *Милежик А. В.* Исторический опыт регионального административного управления на примере Дальневосточного наместничества (1903–1905 гг.) // Молодые ученые Приамурья: Сб. науч. статей по итогам конкурса молодых ученых. Вып.1. Хабаровск, 2002; *Вишняков О. В.* Деятельность Охранной стражи КВЖД и Заамурского округа Отдельного корпуса пограничной стражи по защите государственных интересов России на Дальнем Востоке (1897–1918 гг.). Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Комсомольск-на-Амуре, 2006 и др.

⁴ *Милежик А. В.* Дальневосточное наместничество как попытка реформы регионального управления (1903–1905 гг.) // Вестник ДВО РАН. Владивосток, 2007. №3; *Он же.* Дальневосточное наместничество и Приамурское генерал-губернаторство: проблемы взаимоотношений // Третьи Гродековские чтения: м-лы регион. науч.-практич. конф.. Хабаровск, 2001; *Он же.* Становление аппарата наместничества Дальнего Востока (1903–1905 гг.) // Вестник международного центра азиатских исследований. Вып. 5. Москва–Иркутск, 2001; *Он же.* Дальневосточное наместничество (1903–1905 гг.). Структура и компетенция // Седьмая Дальневосточная конф. молодых историков. Сб. материалов. Владивосток, 2002; *Он же.* Дальневосточное наместничество накануне русско-японской войны 1904–1905 гг. // Россия и АТР в военных конфликтах и мировых войнах XX в. Т. 1. Хабаровск, 2005; *Он же.* Дальневосточное наместничество (1903–1905 гг.): структура, компетенция, эффективность управления: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Хабаровск, 2007 и др.

⁵ *Костанов А.И.* Архивы сахалинской каторги // «А.П. Чехов и Сахалин» на пороге третьего тысячелетия: М-лы междунар. науч. конф. (29–30 сент. 2000 г.). Южно-Сахалинск, 2001; *Он же.* Архивы Русской Православной церкви на Дальнем Востоке (XVII – начало XX веков). История государственности и церкви на Сахалине: Сб. статей. Южно-Сахалинск: Изд-во СахГУ, 2001; *Он же.* Материалы к библиографии по истории архивов и архивного дела на Дальнем Востоке (XVII–XX вв.) // Известия Российского государственного исторического архива Дальнего Востока. Т. VI: Сб. науч. трудов. Владивосток: РГИА ДВ, 2002; *Он же.* К вопросу о периодизации истории архивного дела на Дальнем Востоке России в дореволюционную эпоху (XVII–XX вв.) // Дальневосточные архивы: прошлое – будущему: М-лы симпозиума историков и архивистов дальневосточного региона. Владивосток: РГИА ДВ, 2003; *Он же.* Источники по истории Сахалина и Курильских островов в фондах и коллекциях личного происхождения. Конец XVIII – начало XX вв. (По материалам архивохранилищ Российской Федерации). Владивосток: Дальнаука, 1994; *Он же.* История формирования, сохранения и использования документального наследия Сибири и Дальнего Востока (конец XVI – первая четверть XX вв.). Автореф. дис. ...докт. ист. наук. М., 2010 и др.

⁶ *Дубинина Н.И.* Приамурский генерал-губернатор Н. Л. Гондатти. Хабаровск, 1997; *Она же.* Приамурский генерал-губернатор Н. И. Гродеков: Историко-биографический очерк. Хабаровск, 2001; *Она же.* Приамурский генерал-губернатор П. Ф. Унтербергер. Хабаровск, 2008; и др.

⁷ Губернаторы Сахалина. Южно-Сахалинск, 2000.

⁸ *Троицкая Н. А.* Слово о чиновниках // Дальний Восток России: Из истории системы управления. Владивосток, 1999; *Она же.* Военные губернаторы Амурской области: к вопросу о кадровом обеспечении (вторая половина XIX – начало XX в.) // Первые Крушановские чтения. Владивосток, 2001; *Галлямова Л. И.* Приамурские генерал-губернаторы о проблеме частной собственности на землю // Законодательные (представительные) органы власти в Приморском крае: История, современность, тенденции развития: М-лы регион. науч.-практ. конф. Владивосток, 2000. Ч. 2; *Поповичева Ю. Н.* Типы карьеры и специфика службы дальневосточный чиновников во второй половине XIX – начале XX в. // Россия и АТР. Владивосток, 2003. № 3; *Павлов Ю. А.* Корпус военных губернаторов Дальнего Востока России во второй половине XIX – начале XX века // Изв. Российского гос. ист. архива Дальнего Востока. Владивосток, 2005; *Он же.* Военные деятели в системе управления на Дальнем Востоке России (вторая половина XIX – начало XX в.) // Пятые Гродековские чтения. Хабаровск, 2006. Ч. 2; *Он же.* Военные деятели и гражданская служба на Дальнем Востоке России во второй половине XIX – начале XX в.: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Владивосток, 2006; *Калинин В. И., Аюшин Н. Б.* Губернатор (инженер-генерал П.Ф. Унтербергер) // Россия и АТР. Владивосток, 2000. №2; *Мальцев А. Ю.* Особенности регионального политического лидерства России (на примере восточно-сибирских и приамурских генерал-губернаторов). Автореф. ...дис. канд. ист. наук. Владивосток, 2003; *Милежик А. В.* Наместник Дальнего Востока Е. И. Алексеев (1843–1918 гг.): штрихи к политическому портрету // Четвертые Гродековские чтения: м-лы регион. науч.-практич. конф. Хабаровск, 2004. Ч. 1; *Байков Н. М.* Кадровый ресурс региональной власти: специфика и уроки исторического опыта // Третьи Гродековские чтения: М-лы регион. науч.-практ. конф. «Дальний Восток России: исторический опыт и современные проблемы заселения и освоения территории». Хабаровск, 2001 и др.

⁹ *Беляева Н. А.* От порто-франко к таможене. Очерк региональной истории российского протекционизма. Владивосток: Дальнаука, 2003; *Она же.* Таможенная поли-

тика России на Дальнем Востоке во второй половине XIX – начале XX века: Дис. ...докт. ист. наук. Владивосток, 2004; *Она же*. Из истории русско-китайских внешне-торговых связей: к вопросу о системе преференций и льгот // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. Владивосток, 2004. №1; *Она же*. Региональные черты российского протекционизма (исторический аспект) // Современное состояние, проблемы и перспективы таможенного дела на Дальнем Востоке: Сб. науч. трудов. Владивосток: ВФ РТА, 2004 и др.

¹⁰ *Николаев А. М.* К восстановлению порто-франко в Приамурском крае в 1904 г. // Поиск молодых: Сб. статей аспирантов. Уссурийск, 1999; *Он же*. Борьба протекционистов и фритредеров в Приамурском крае в конце XIX – начале XX вв.: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Владивосток, 2005 и др.

¹¹ *Алепо А. В.* Начало таможенного регулирования иностранной торговли на Дальнем Востоке России (1812–1860) // Россия и АТР. Владивосток, 2002. №3; *Матвиенко И. Г.* Таможенное обложение как инструмент колонизационной политики в Приамурском крае в начале XX в. // Четвертые Гродековские чтения... Ч. 1; *Троицкая Н. А.* «Порто-франко» на Дальнем Востоке // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. Владивосток, 1998. №2; *Матвиенко И. Г.* Формирование таможенной службы на Дальнем Востоке России в 1899–1917 гг.: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Хабаровск, 2000; *Беляева Н. А.*, *Троицкая Н. А.* Из истории таможенной службы на Дальнем Востоке России. Владивосток, 1999; *Печерица В. Ф.* Очерки истории дальневосточной таможни. Ч. 1. 1899–1945. Владивосток, 2002 и др.

¹² *Попенко А. В.* Деятельность краевых таможенных органов в борьбе с контрабандой в Приамурском генерал-губернаторстве в начале XX века // Записки Гродековского музея. Вып. 19. Хабаровск: Хабаровский краевой краеведческий музей им. Н. И. Гродекова, 2007; *Он же*. Формирование силовых структур Российской империи в борьбе с контрабандой на Дальнем Востоке и в Забайкалье в начале XX века // Сб. науч. статей адъюнктов и соискателей Хабаровского пограничного института ФСБ России. Хабаровск: Хабаровский пограничный институт ФСБ России, 2007; *Он же*. Опыт борьбы с контрабандой на Дальнем Востоке России (1884 – конец 20-х гг. XX в.). Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Хабаровск, 2008.

¹³ *Салогуб Я. Л.* Становление и развитие системы административно-полицейского управления на Дальнем Востоке (50-е гг. XIX – начало XX вв.). Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Владивосток, 2005; *Шелудько А. В.*, *Буяков А. М.*, *Черномаз А. В.* Органы внутренних дел Приморья (1860–1917). Владивосток, 2004; *Тютюнник В. В.* Врачебно-полицейский надзор за проституцией на Дальнем Востоке России (вторая половина XIX века – 1917 г.). Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Хабаровск, 2005 и др.

¹⁴ *Гамерман Е. В.* Становление правоохранительной системы на Дальнем Востоке (вторая половина XIX – начало XX в.) // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Благовещенск, 2003. Вып. 6; *Он же*. Суд на Дальнем Востоке во второй половине XIX – начале XX в. // Россия и АТР. Владивосток, 2004. №4; *Он же*. Полиция Дальнего Востока во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник ДВО РАН. 2005. №5; *Он же*. Возникновение и устройство судебных учреждений на российском Дальнем Востоке во второй половине XIX – начале XX в. // Восьмая дальневосточная конференция молодых историков. Сб. м-лов. Владивосток, 2004; *Он же*. Полиция Дальнего Востока во второй половине XIX – XX в. // Вестник ДВО РАН. 2005. №5; *Он же*. Правоохранительные органы Дальнего Востока России во второй половине XIX – начале XX в. Дис. ...канд. ист. наук. Владивосток, 2005; *Он же*. Правоохранительные органы российского Дальнего Востока во второй половине XIX – начале XX в. (1856–1917 гг.). Владивосток: Дальнаука, 2008.

¹⁵ Пашкевич Л. В. Деятельность мировых судей в городе Хабаровске в конце XIX – начале XX в. // Экономика, управление, общество: история и современность. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Ч. 2. Хабаровск, 2004; *Она же*. Становление и развитие института мировых судей на Дальнем Востоке России (1896–1917 гг.): Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Хабаровск, 2006 и др.

¹⁶ Сергеев О. И., Лазарева С. И. Некоторые аспекты деятельности органов городского самоуправления на Дальнем Востоке // Дальний Восток России: основные аспекты истории развития во второй половине XIX – начале XX в. (Вторые Крушановские чтения, 2001 г.); Сергеев О. И. Представительные органы власти в России: история и современность // Там же. Вып. 2; *Он же*. Казачье самоуправление на Дальнем Востоке как пример структуры муниципальной власти, самостоятельно определяемой населением // Местное самоуправление – механизм реализации конституционности России: М-лы науч.-практ. конф. М., 2002. Ч. 2; Сергеев О. И., Лазарева С. И. Деятельность городских дум на Дальнем Востоке по организации медицинского обслуживания населения во второй половине XIX – начале XX в. // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Благовещенск, 2002. Вып. 4; Сергеев О. И., Лазарева С. И., Тригуб Г. Я. Местное самоуправление на Дальнем Востоке России во второй половине XIX – начале XX в. Очерки истории. Владивосток: Дальнаука, 2002 и др.

¹⁷ Скрабневская Е. С. Выборы в городские думы на российском Дальнем Востоке во второй половине XIX – начале XX в. // Записки Гродековского музея. Вып. 5. Хабаровск, 2003; *Она же*. Первые шаги самоуправления на Дальнем Востоке: городские старосты // Дальневосточные архивы: прошлое – будущему: Материалы симпозиума историков и архивистов. Владивосток, 2003; *Она же*. Городское самоуправление на Дальнем Востоке России (конец XIX – начало XX вв.). Дис. ...канд. ист. наук. Хабаровск, 2004 и др.

¹⁸ Тригуб Г. Я. Специфика местного государственного и общественного управления на Дальнем Востоке России во второй половине XIX – начале XX в. // Высокие интеллектуальные технологии развития профессионального образования и науки: М-лы II междунар. науч.-практ. конф. Кн. I. Владивосток, 2000; *Он же*. Представительные органы городского самоуправления на Дальнем Востоке России в последней четверти XIX – начале XX веков: организационно-правовая основа деятельности // Законодательные (представительные) органы власти в Приморском крае: история, современность, тенденции развития: М-лы регион. науч.-практ. конф. Владивосток, 2000. Ч. 2; *Он же*. Деятельность Благовещенского городского общественного управления в период боевых действий на Амуре во время русско-китайской войны 1900–1901 гг. // М-лы науч. конф. «Боксерское восстание 1900 г. Что это было?» Владивосток, 2000; *Он же*. Формирование системы местного самоуправления на Дальнем Востоке России и взаимоотношения ее органов с государственной властью (вторая половина XIX – первая четверть XX в.): Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Владивосток, 2004 и др.

¹⁹ Нежина М. В. Формирование органов городского самоуправления в Благовещенске во второй половине XIX в. // М-лы 53-й научно-практ. конф. преподавателей и студентов. Часть I. Благовещенск, 2003; *Она же*. Формирование органов общественного управления в городах Дальнего Востока (вторая половина XIX в.) // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Благовещенск, 2003; *Она же*. Система самоуправления в Приамурском крае: исторический опыт (1856 – январь 1917 г.). К историографии вопроса // Учёные записки Благовещенского гос. пед. университета. Т. 22. Гуманитарные науки. Благовещенск: Благовещенский гос. пед. университет, 2005. Ч. 1; *Она же*. Система общественного управления крестьянства и коренного населения Приамурского края (вторая половина XIX – начало XX в.) // Уральский исторический вестник (Ямальский выпуск). Екатеринбург–Салехард, 2006. № 13; *Она же*. Система само-

управления в Приамурском крае: исторический опыт формирования (вторая половина 50-х гг. XIX – начало XX вв.). Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Новосибирск, 2007 и др.

²⁰ Мухачев Б. И. Политическая деятельность Владивостокской городской думы в марте 1917 – июле 1918 г. // Изв. РГИА ДВ. Владивосток, 1998. Т. 3; Шиндялов Н. А. Бюро самоуправлений Амурской области (март-сентябрь 1918 г.) // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Благовещенск, 2002. Вып. 6; Воробьева Т. Н. История развития местного самоуправления в Благовещенске // На рубеже веков: М-лы регион. науч.-практ. конф. Благовещенск, 1999; Нежжина М. В. Формирование органов городского самоуправления в Благовещенске во второй половине XIX в. // М-лы 53-й науч.-практ. конф. преподавателей и студентов. Часть I. Благовещенск. 2003; Формирование органов общественного управления в городах Дальнего Востока (вторая половина XIX в.) // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Благовещенск. 2003 и др.

²¹ Шинковская Н. В. Владивостокская дума: [К истокам самоуправления в России] // Россия и АТР. Владивосток, 1996. № 1; Вацуж А. С. Владивостокская городская дума в конце XIX – начале XX вв.: особенности и трудности, исторические уроки // Особенности муниципального управления на Дальнем Востоке России: история, современность, будущность: М-лы Всерос. науч.-практ. конф. Владивосток, 2000; Яворская Е. Д. Из истории городского самоуправления во Владивостоке // Известия Российского государственного исторического архива Дальнего Востока. Владивосток, 2000. Т. 5; Позняк Т. 3. Городская реформа и состав гласных Владивостокской думы // Эволюция и революция: опыт и уроки мировой и российской истории: М-лы междун. науч. конф. Хабаровск, 1997; Иконникова Т. Я. Хабаровская государственная дума в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.) // Власть и управление на Востоке России. Хабаровск, 1997. № 9; 1998. № 1 Она же. Выборы в Хабаровскую городскую Думу в 1914 году: ход и результаты. // Проблемы местного самоуправления в Хабаровском крае. Сб. м-лов межвуз. науч.-практ. конф.. Хабаровск, 1997; Она же. Хабаровская городская дума в годы первой мировой войны (1914–1917 гг.) // Власть и управление на Востоке России. Хабаровск. 1997. № 1 и др.

Шиловский М. В.

Политическая активность органов городского самоуправления Сибири в 1905 году

Городские думы сибирских городов, в связи с отсутствием в регионе земских структур, и несмотря на преимущественно консервативный состав гласных (купцы и мещане) в период Первой русской революции становятся центрами либерального движения. Выделялись в этом отношении муниципалитеты Томска, Иркутска, Барнаула, Красноярска, Тобольска, в которых была представлена и элитарная интеллигенция (врачи, журналисты, юристы, профессора и т.д.).

18 января в Томске, 26 января 1905 г. в Красноярске они приняли резолюции о сочувствии жертвам 9 января¹. Откликнулись они и на попытку создания законосовещательной (Булыгинской) думы. В Иркутске, в феврале 30 гласных городской думы предложили организовать комиссию для составления адреса на высочайшее имя и записки в Кабинет министров о преобразовании государственного строя. Об атмосфере, царившей во время ее работы, И. И. Попов свидетельствовал: «При обсуждении адреса предлагались поправки и дополнения. Между прочим, В. В. Жарников внес предложение, чтобы царь никогда не носил военной формы; кто-то предлагал требовать особого парламента для Сибири»².

Еще дальше пошли гласные Томской городской думы, обсудившие царский рескрипт на своем заседании 8 марта 1905 г. Принимается следующий текст адреса на высочайшее имя: «Государь! Ведь не даром коренной русский народ создал пословицу: «До Бога высоко, до царя далеко». И в особенности далеко до Государя было нам сибирякам, которые до сих пор не имеют даже ни земских учреждений, ни суда присяжных. Эта далекость от Государя – источник всех наших государственных и общественных бед... Зная Вашу, Государь, милостивую любовь к Сибири и к Томску, историческим течением жизни поставленному во главе городов далекого края, осмеливаемся просить, чтобы на возвышенном Вашим Величеством собрании доверием народа облеченных людей Сибирь и Томск были представлены и при том во всяком случае пропорционально населению не меньше, чем Европейская Россия: ведь сибиряки теперь идут впереди бойцов на Дальнем Востоке и население Сибири несет тяготы войны больше, чем Европейская Россия»³.

На этом же заседании делегату от городского самоуправления на всероссийский съезд городских самоуправлений адвокату П. В. Вологодскому формулируется наказ: «Необходимо предложить представителям города отстаивать, что городские общины должны быть самоуправляющимися в смысле самоопределения, самоизбрания и самообложения и должны широко ведать все местные нужды, как духовные, так и материальные: санитарные, образовательные, благоустройства, безопасности и т.д., а также иметь своих представителей в коллегиях местных учреждений, содержимых на общие государственные средства, по крайней мере тех, с которыми тесно и широко связаны интересы населения, напр[имер], средние и младшие учебные заведения; за свою деятельность городские общины должны отвечать только перед судом. Отношения между городскими общинами и государством должны быть определены законом, и право

голоса в городских общинах должны иметь все русские подданные – плательщики основных городских налогов, без различия пола, племени и вероисповедания, достигшие 25 лет, прожившие в городе не менее года и не ограниченные в правах по суду»⁴. Таким образом, гласные Томской городской думы четко выдвинули претензию на полную независимость муниципалитетов от государства.

Сибирские либералы подключились к общероссийским мероприятиям земцев-конституционалистов и «Союза освобождения». На июньском (1905 г.) совещании городских деятелей в Москве впервые присутствовали делегаты от сибирских городских самоуправлений – Н. А. Щепетковский (Красноярск), А. И. Макушин и П. В. Вологодский (Томск), И. Корнилов (Тобольск). Представители городских дум участвовали в сентябрьском и ноябрьском земско-городских съездах (И. И. Попов, П. В. Вологодский, Г. Н. Потанин, Г. М. Френденсон).

На рубеже лета-осени 1905 г. активность либералов в муниципальных органах усиливается. В августе на заседании Томской городской думы П. В. Вологодский заявил о необходимости организации своей муниципальной милиции⁵. В начале сентября ее гласный А. Н. Шипицын предложил отсрочить проведение выборов нового состава думы на очередное четырехлетие, «чтобы дожидаться принятия Государственной Думой нового закона, расширяющего избирательные права населения». 16 сентября городская дума 18 голосами против 11-ти это предложение приняло⁶. Таким образом, в течение январь-сентября 1905 г. Сибирь прошла через этап «разогревания» всех слоев городского населения, радикалов и либералов в плане отработки навыков борьбы с самодержавием и формирования требований к власти. Революционная волна парализовала властные структуры. Лапидарно уровень авторитета местной администрации И. И. Попов оценил следующим образом: «С лета в Иркутске на власть обращали мало внимания. В газете мы не считались с цензурой»⁷.

В период октябрьской всеобщей политической стачки и особенно после получения на местах манифеста 17 октября 1905 г. отдельные сибирские органы местного самоуправления трансформируются в альтернативные центры власти. Так, в Томске городская дума принимает решение прекратить финансирование полиции, потребовала вывести из города казаков, приняла решение о создании комитета общественной безопасности (КОБ) для организации милиции (дневной охраны). Власти оказались не готовыми к такому развитию событий. Характерно, что губернатор В. Н. Азанчеевский-Азанчеев уговаривал городского голову А. И. Макушина как можно дольше

продолжать под руководством последнего митинговую страду в закрытых помещениях, предлагая в этих целях использовать самые вместительные залы города. При этом, постоянно повторял: «Поговорят, успокоятся»⁸.

В Иркутске городская дума под воздействием информации о томском погроме 26 октября принимает решение о создании городской милиции. 17 ноября гласные, после оживленных прений, принимают решение заменить «правительственную полицию городской милицией» в составе 200 пеших и 50 конных вооруженных огнестрельным оружием охранников. 22 ноября представители муниципалитета встретились с начальником губернии и изложили свою позицию, аргументируя ее, в частности, тем, «что если дума не возьмет на себя организацию обороны, то общество само займется этим, и что общество требует от думы самообороны, независимой от правительственной полиции и подчиненной лишь городскому общественному управлению». Как видим, иркутяне пошли по пути томичей. Губернатор, имея жесткое предписание МВД не допускать создания подобных формирований, выразил готовность поддержать мероприятия городского самоуправления, но «под условием подчинения всей полиции ему и полицмейстеру».

В тот же день дума решила «немедленно приступить к организации самообороны на основании доклада комиссии, независимо от отношения к этому администрации». Однако под сильным нажимом губернатора 15 декабря принимается решение сформировать не самооборону, а «кадр конных караульных численностью в 100 человек, по возможности, из запасных нижних чинов в виде опыта на три месяца». Но губернатор М. Н. Кайгородов отказывается признавать законной формирующуюся самооборону и тогда 25 декабря создается Иркутский объединенный комитет самообороны. Сбором и расходованием необходимых для этого средств занялось бюро Иркутского торгово-промышленного союза. В свою очередь городское самоуправление продолжило формирование караула, выделив для этого необходимые средства и набрав в конный отряд 52 чел., обеспечив их оружием, лошадьми, фуражом и т.д. 27 декабря дума вновь обращается к губернатору с просьбой санкционировать ее действия и снова получает категорический отказ. В конечном счете, в связи с введением в регионе и городе режима военного положения, спада революционной волны, 7 января 1906 г. городская дума приняла решение о самороспуске караула⁹.

Впрочем, подобного рода поступки являлись исключением, а не общим правилом. Большинство органов городского самоуправления

региона выразила признательность верховной власти по поводу манифеста 17 октября. Типичным в этом отношении можно считать телеграмму из Тюмени в адрес императора от 19 октября: «Тюменская Городская Дума в своем торжественном заседании 19 сего октября всенародно и с чувством радости выслушала данный Тобой в 17 день октября знаменательный акт величайшей государственной важности, коим уничтожен произвол, царивший над исстрадавшейся от угнетения родиной, признаны права человека и гражданина, отныне издающего параллельно с Тобой законы родной страны»¹⁰.

Примечания

¹ Мосина И. Г. Формирование буржуазии в политическую силу в Сибири. Томск, 1978. С. 53.

² Попов И. И. Забытые иркутские страницы. Записки редактора. Иркутск, 1980. С. 250.

³ Сибирская жизнь (Томск). 1905. 10 марта.

⁴ Сибирская жизнь. 1905. 15 марта.

⁵ Сибирский вестник (Томск). 1905. 23 авг.

⁶ Сибирский вестник. 1905. 8, 20 сент.

⁷ Попов И. И. Указ. соч. С. 259.

⁸ Дело о погроме в г. Томске в 1905 году (Отчет о судебном заседании Томского окружного суда). Томск, 1909. С. 47.

⁹ Рубцов С., Сысоев А. Иркутское общество и милиция 1905 года // Иркутск: события, люди, памятники. Иркутск, 2006. С. 90–92, 93; Романов Н. С. Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. Иркутск, 1994. С. 64.

¹⁰ Цит. по: Филиппов Д. В. Политическая деятельность Тюменской городской думы в годы первой русской революции // Словцовские чтения. 2003. Тюмень, 2003. С. 54.

Запорожченко Г. М.

Потребительская кооперация Сибири: опыт самоорганизации населения в условиях хозяйственного кризиса периода Первой мировой войны

Потребительская кооперация начала XX в. сегодня представляется как на социокультурное явление российской жизни, своим влиянием выходящее за рамки кооперативных организаций. С методологической точки зрения ее изучение ведется в русле исследовательской гипотезы о принадлежности кооперативных форм социально-экономической деятельности к сфере гражданского об-

щества, важным критерием которого является способность граждан к самостоятельности на демократических основах. По сути, продолжена традиция, проявившаяся в трудах кооператоров начала XX в., которыми разрабатывалась модель гражданского общества (хотя это понятие не употреблялось), и кооперации в ней отводилось существенное место. Кооперация, в основе деятельности которой лежали такие принципы, как добровольность, открытость, демократичность управления, равноправие всех участников, являлась, с одной стороны, одним из факторов формирования гражданского общества в России, с другой, – сама может рассматриваться как один из таких элементов. Важной характеристикой кооперации является достижение высокого уровня самоорганизации, саморегуляции, чувство гражданской ответственности, цивилизованное поведение, активная гражданская позиция, что также является необходимыми элементами подлинно гражданского общества.

В условиях первой мировой войны потребительская кооперация пережила высший подъем в своем развитии, выйдя за рамки чисто кооперативной деятельности, взяв на себя часть общегосударственных задач, подменяя органы местного самоуправления и государственные структуры. Созданные в 1911–1916 гг. в сибирских городах, по линиям железных дорог и в рабочих поселках потребительские кооперативы (Томский «Деятель», Новониколаевская «Экономия», Омское и Нарымское городские потребительные общества, Красноярская «Самодетельность», Верхнеудинская «Экономия», Тобольское «Самосознание», Иркутские «Труженик» и «Кооператор», Минусинская «Самопомощь», Барнаульский «Сотрудник», рабочие кооперативы в поселках Тайга, Боготол, Слюдянка, Черемхово и др.) в годы войны переходили к действиям мобилизационного типа ввиду усложнения условий торговли из-за бестоварья, дороговизны, расстройств транспорта. Особенно быстрый рост цен последовал после галицийской кампании 1915 г., когда стало ясно, что быстрого окончания войны не будет. Характерным явлением стала ситуация, о которой писали из Енисейска: "Запасы потребительного общества иссякают, хотя их было заготовлено в четыре раза больше, чем в прошлом году. Частные торговцы ведут самую бесшабашную спекуляцию. Размер их запасов неизвестен"¹. В сведениях Иркутского губернского жандармского управления за февраль 1916 г. указывалось: «Местное население негодует по поводу ежедневно возрастающей дороговизны всех решительно товаров, даже и тех, которые были получены торговцами до войны, т.е. по нормальным ценам, при этом население возмущено не столько самой дороговизной,

сколько полнейшим произволом торговцев в установлении цен на товары, и отсутствием какого-либо надзора за ними со стороны местной полиции и городского управления»².

Первое, что делали продовольственные комиссии городских самоуправлений, – устанавливали таксированные цены на критические продукты. Однако, эта мера имела двойственные последствия. В донесение агента жандармского управления по Забайкальской железной дороге 24 мая 1916 г. отмечалось: «Со времени введения таксы сахар в Верхнеудинске на другой день пропал... Между тем известно, что в минувшем апреле на станцию Верхнеудинск прибыло 60 вагонов сахара, и сахар этот спрятан в подвале у крупных торговцев»³. В докладе начальника Томского губернского жандармского управления в Министерство внутренних дел также сообщалось, что «у местной власти нет достаточных средств для борьбы со спекуляцией: чуть издадут обязательное постановление с таксой на какие-либо продукты, как последние исчезают с рынка, словно их никогда и не было». Делался вывод, что городские продовольственные комиссии, образованные в городах Томске, Ново-Николаевске, Барнауле, Бийске и Мариинске, на которых лежала заготовка предметов первой необходимости для продажи их населению по заготовительной цене, действовали слабо, планомерное руководство ими со стороны губернской администрации отсутствовало, цены на продукты первой необходимости не были урегулированы⁴.

Подобным образом характеризовалась работа продовольственных комиссий в других сибирских губерниях. Из Красноярска в 1916 г. писали: "Городская лавка торгует по рыночным ценам. Продовольственная комиссия закупки ведёт поздно, дорого, спустя рукава, часть денег идёт на другие нужды. Имущие слои города голода не чувствуют, заседа в городской думе"⁵. Так же работало городское самоуправление в Тайге. Газета "Голос Сибири" писала: "Городское управление оказалось бессильно организовать самоснабжение населения сахаром и прибегло к услугам торговцев. Так же плохо с мясом, мукой, хлебом. Остаётся одна надежда - на местный кооператив"⁶. Из Читы сообщали, что продовольственная комиссия не способна вести борьбу с надвигающимся голодом. Продовольственную ссуду "отцы города" решили использовать "вкупе да влюб с купцами", пока не вмешались кооператоры, потребовав создания продовольственной комиссии с широким представительством. «Реальную борьбу с продовольственным кризисом ведут только кооперативы,- сообщали потребители об этом конфликте, - и только им население обязано тем, что продовольственный кризис ощущается

не столь остро. Городская управа остаётся молчаливым свидетелем растущей разрухи на товарном рынке»⁷. О росте доверия к кооперации также видно из донесения агента жандармского управления по Забайкальской железной дороге 30 октября 1916 г.: «Сегодня в поселке Слюдянка был сход местных жителей, на котором вотировался вопрос о необходимости принять энергичные меры против ежедневно возрастающей дороговизны на товары, уже давно приобретенные торговцами, и о реквизиции сахара и муки в лавке Малиновской и передачи этих товаров в Слюдянский кооператив... Затронутый вопрос сильно волнует население, в особенности рабочий класс, причем у всех крепнет сознание, что только собственными силами можно положить конец подобному мародерству со стороны купечества»⁸.

В условиях развала рынка задачи кооперации актуализировались, заставляя принимать во внимание снабжение не только своих членов, но и массу городского и сельского населения, беженцев, армии. Участие в хозяйственной жизни городов в целом являлось новым и важным моментом в деятельности потребительских кооперативов. Они составляли планы совместных действий с городскими властями в общей продовольственной кампании, участвовали в комиссиях и комитетах, предоставляли свой налаженный торговый аппарат для распределения важнейших продуктов. Журнал "Кооперативное слово" в начале 1916 г. писал о кооперативе Верхнеудинска, что было характерно и для других городов: "Штат сбился с ног, продукты быстро тают, чтобы найти новые – надо прилагать неимоверные усилия. Что же сделать для более справедливого распределения продуктов? – спрашивали себя кооператоры. И как к неизбежному пришли к мысли о карточной системе". Сначала кооператоры Верхнеудинска добились переизбрания продовольственной комиссии городской думы, введя туда больше представителей от кооперативов. Затем разработали карточную систему. Почти два месяца она не удостоивалась санкции городской думы, а при введении карточной системы выяснилось, что городская управа не знает, сколько жителей в городе. Пришлось мобилизовать на перепись добровольцев, на собрании среди которых оказался всего один гласный. "Среди переписчиков не было ни одного "интеллигента в кокарде", – писал журнал, – дело сделали два учителя, служащие, приказчики, рабочие, реалисты старшего класса. Все мероприятия и инструкции проходили без ответа городской думы"⁹. В Мариинске, Томске, Красноярске, Барнауле, Новониколаевске и др. городах Сибири в 1916 г. кооператорами была введена карточная система на важнейшие продукты и обслужено по ней до 2/3 жителей. Одним из важнейших направ-

лений деятельности потребительных обществ в период борьбы с продовольственным кризисом являлось развитие собственного производства: помол хлеба, хлебопечение, колбасное, веревочное, обувное производство, мыловарение, переработка сахара, открытие столовых.

Сотрудничество с местными властями вызывало не только идейные разногласия между меньшевиками, эсерами и большевиками, так как последние отвергали политику обивания порогов у власть имущих, но и более серьезную проблему взаимодействия государства и организаций, действующих на частноправовой основе. Идеологи кооперации предупреждали, что распределение – вопрос техники, но тот, кто распределяет, тот и будет отвечать перед населением за недостаток муки, сахара, масла. Кооперативам необходимо иметь право решающего влияния на ход продовольственного дела, однако условия их вхождения в продовольственные комиссии не содержат гарантий, при которых общественная организация могла бы взять на себя большое ответственное дело. «Потребитель, – писали кооператоры, – особенно потребительницы, уходя из потребительной лавки без продуктов, шлют проклятья общественной организации. Необходимо отводить незаслуженные удары от кооперации, указав на истинные причины несчастий»¹⁰.

В целом кооперативы столкнулись с проблемой недоверия со стороны городских органов власти в общем деле борьбы с продовольственным кризисом. Слабая разработанность в юридической практике вопроса о правилах кредитования общественных торговых организаций затрудняла использование кооперативами государственного источника финансирования. Во многих случаях ходатайства о деньгах остались не удовлетворёнными из-за отсутствия гарантии возвращения ссуды. Кроме того, цензовое городское самоуправление, состоящее из представителей торгово-промышленного класса, видело в потребительных обществах своих конкурентов и всячески препятствовало предоставлению им финансовой поддержки, признавая, однако, на словах заслуги кооперативов в деле борьбы с продовольственной разрухой. Типичным являлось сообщение из Енисейска в 1917 г., в котором с тревогой говорилось о надвигающемся голоде, бездействии городских властей и о том, что ходатайство кооператива о ссуде из правительственной субсидии погибло в городской канцелярии¹¹. Разочарование в результатах сотрудничества с городскими самоуправлениями приводило кооператоров к мысли, что борьба с продовольственной разрухой, немыслима без общегосударственных демократических реформ¹².

Несмотря на то, что частноторговый аппарат и потребительская кооперация в 1917 г. почти поровну делили весь розничный товарооборот предметами первой необходимости, роль последней в экономике страны оценивалась как «весьма скромная»¹³. Делался вывод о том, что "потребительская кооперация лишь в незначительной степени влияла на общий уровень цен в частной торговле и не могла задержать неуклонное снижение жизненного уровня трудящихся масс"¹⁴.

Не менее объективной представляется позиция А. В. Меркулова. Он писал: "Потребительская кооперация сделала не так уж мало и не её вина, что она не сделала большего. Кооперация не могла выполнить и небольшой доли того, что могла бы сделать, благодаря общим условиям самодержавного порядка, за время войны давшего картины подлинного озорства власти... Как можно осуществить борьбу со спекуляцией без широкого и целесообразно организованного государственного контроля над производством и торговлей, без урегулирования транспорта? Волею-неволею сократилось значение кооперации во второй и, особенно, в третий год войны, когда к дороговизне присоединилось бестоварье. Но всё-таки и здесь кооперативы свою роль сыграли. В них иногда только и можно было получить продукты первой необходимости и по сносной цене"¹⁵.

Всё это с полным правом можно отнести к кооперации Сибири. Не определяя лицо экономики своих городов, она играла ощутимую роль в жизни малообеспеченных слоёв населения. Благодаря заготовительной политике потребительных обществ, их борьбе за право распределять продукты, приобретенные городами, развертыванию карточной системы, развитию собственного производства население имело доступ к важнейшим продуктам первой необходимости в период первой мировой войны.

Примечания

¹ Голос Сибири. 1916. 9 дек.

² ГАРФ. Ф. 102 ДПОО. 1916. Д. 20. Ч. 27. Л. 11об.

³ ГАРФ. Ф. 102 ДПОО. 1916. Д. 20. Ч. 26. Л. 24об.

⁴ ГАРФ. Ф. 102 ДПОО. 1915. Д. 167. Ч. 82. Л. 8об.

⁵ Самодеятельность потребителя. 1916. № 1–2. С. 2–3.

⁶ Голос Сибири. 1916. 6 сент.

⁷ Кооперативное слово. 1916. № 2. С. 11, 26.

⁸ ГАРФ. Ф. 102 ДПОО, 1916, д. 5 ч. 100 л. Б, л. 21 об.

⁹ Кооперативное слово. 1916. № 1. С. 26.

¹⁰ Известия Общества служащих и рабочих Забайкальской железной дороги. 1917. № 2. С. 8.

¹¹ Сибирская жизнь. 1917. 9 янв.

¹² Голос Сибири. 1916. 29 нояб.

¹³ *Фарутин И. А.* Характер и особенности кооперативного движения в дореволюционной России // Ученые записки Калининградского университета. Общественные науки. Вып. 4. Калининград, 1970. С. 71.

¹⁴ *Кистанов Я. А.* Потребительская кооперация СССР. Исторический очерк. М., 1951. С. 135; *Дихтяр А. Г.* Внутренняя торговля в дореволюционной России. М., 1960. С. 231.

¹⁵ *Меркулов А. В.* Исторический очерк потребительской кооперации в России. М., 1917. С. 104.

Шиликин В. И.

**Западно-Сибирский комиссариат
Временного Сибирского правительства:
дискуссионные вопросы организации и деятельности***

С деятельностью Западно-Сибирского комиссариата Временного Сибирского правительства связаны многие события, оказавшие во время гражданской войны существенное влияние на все сферы жизни не только сибирского макрорегиона, но и России в целом. Важнейшими из них стали организация антибольшевистского подполья, принявшего активное участие в свержении советской власти на территории Западной Сибири, установление на ней органов государственной власти, подчиненных Временному Сибирскому правительству, восстановление органов городского и земского самоуправления, существовавших здесь до их ликвидации большевиками, создание Сибирской армии, постепенная отмена советского законодательства и частичный демонтаж созданных большевиками общественно-политических структур.

К настоящему времени имеется несколько публикаций советских и российских исследователей, в которых попутно или специально освещены такие вопросы истории Западно-Сибирского комиссариата, как причины, время и место его создания, персональный и партийный состав, формирование собственного исполнительного аппарата, выработка политического курса, отдельные направления и результаты деятельности, обстоятельства и причины передачи власти Совету министров Временного Сибирского правительства¹.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 11-01-00222а)

В советской историографии имелись две концепции Западно-Сибирского комиссариата, авторами которых являлись В. В. Гармиза и С. Г. Лившиц. Первая из них была сформулирована на ограниченной и в основном тенденциозно интерпретированной источниковой базе, вторая является откровенно фальсификаторской и написана в агрессивном политико-идеологическом стиле². Постсоветскую российскую историографию, представленную главным образом публикациями В. В. Журавлева, Н. С. Ларькова и А. Н. Никитина, можно охарактеризовать как постепенное, хотя и не всегда успешное, преодоление наследия советской историографии³. Исключение составляют только публикации М. В. Шиловского. Базирующиеся в основном на случайных источниках, зачастую ошибочно интерпретированных, они внесли серьезную путаницу в фактическую сторону событий и их осмысление⁴.

Кроме того, в последние годы в научный оборот введен довольно большой массив документов и материалов, которые характеризуют деятельность Западно-Сибирского комиссариата в конце мая – июне 1918 года⁵. Тем не менее, даже вопросы, нашедшие отражение в постсоветской исследовательской литературе и в документальных публикациях, нуждаются в дополнительном изучении, поскольку некоторые высказанные историками точки зрения носят гипотетический характер или противоречат недавно выявленным источникам.

В статьях и монографиях советских и российских авторов широкое распространение получило утверждение о том, что Западно-Сибирский комиссариат был создан 30 мая 1918 г. Советом при уполномоченных Временного Сибирского правительства в Новониколаевске. Основанием для такого вывода послужила протокольная запись заседания упомянутого выше Совета, который по итогам обсуждения вопроса об образовании Западно-Сибирского комиссариата действительно принял постановление «Западно-Сибирский комиссариат учредить с соответствующими отделами по отраслям деятельности»⁶. Однако те исследователи, которые буквально поняли процитированное постановление, допустили явную ошибку. С точки зрения логики, совершенно очевидно, что совещательный орган при уполномоченных Временного Сибирского правительства не располагал компетенцией, позволявшей ему создать комиссариат. Что же касается процитированного документа, то в нем речь идет о решении совсем другой проблемы: о формировании исполнительного аппарата Западно-Сибирского комиссариата – его отделов.

Источников «прямого» происхождения, которые бы содержали информацию о том, кто, когда и где создал Западно-Сибирский ко-

миссариат, а также о том, кто вошел в его состав, не существует. Поэтому при ответе на поставленные вопросы приходится опираться преимущественно на источники косвенного характера. Главным из них являются показания кандидата экономических наук Т. В. Бутова, которые он дал 14 октября 1918 г. Омской чрезвычайной следственной комиссии. Отметим, что Т. В. Бутов с 15 декабря 1917 г. состоял членом находившегося в Томске секретариата Временного Сибирского областного совета, рассматривавшегося областниками в качестве зародыша Временного Сибирского правительства, и располагал большим объемом как официальной, так и неофициальной информации. По его утверждению, Западно-Сибирский комиссариат был учрежден в Томске председателем Временного Сибирского правительства, только что образованного первой сессией Сибирской областной думы, «правым» эсером П. Я. Дербером накануне его отъезда в Читу⁷. Точная дата этого события – 1/13 февраля 1918 г. – была названа в декларации Временного правительства автономной Сибири от 8 июля 1918 г., подписанной всеми находившимися в то время во Владивостоке министрами Временного Сибирского правительства, а также в комментариях А. Ф. Изюмова к журналам Уфимского государственного совещания⁸.

Казалось бы, все очевидно в вопросе о персональном составе Западно-Сибирского комиссариата, поскольку 1 июня 1918 г. после своего выхода из подполья он официально обнародовал фамилии и должности всех своих членов. Ими были названы уполномоченные Временного Сибирского правительства по Западной Сибири М. Я. Линдберг, Б. Д. Марков, П. Я. Михайлов и В. О. Сидоров⁹. Исследователями установлено, что все они были членами партии эсеров, в которой трое первых давно принадлежали к ее «левому» крылу. В годы Первой мировой войны они стояли на интернационалистических позициях, а в конце 1917 – начале 1918 г. являлись максималистами, хотя позднее называли себя эсерами «центра». В декабре 1917 г. все трое были избраны депутатами Всероссийского Учредительного собрания от Томской губернии. По своим взглядам на перспективы развития России они были очень близки к «левым» эсерам – ближайшим союзникам большевиков. Однако после разгона Учредительного собрания, ареста и заключения Б. Д. Маркова и П. Я. Михайлова в «Кресты» они превратились в ярых противников режима диктатуры пролетариата. Четвертый член Западно-Сибирского комиссариата, В. О. Сидоров, принадлежал к эсерам «центра». В конце 1917 — начале 1918 г. он служил предсе-

дателем Томской уездной земской управы и имел солидный опыт работы на общественном поприще.

Исследователи никогда не ставили под сомнение вопрос о достоверности названного состава Западно-Сибирского комиссариата и не анализировали причины, по которым «правый» эсер П. Я. Дербер сделал столь странный персональный выбор. Между тем, в таких авторитетных источниках, как декларация и сообщение информационного отдела Временного правительства автономной Сибири¹⁰, опубликованных в июле 1918 г., о составе Западно-Сибирского комиссариата приведены иные сведения. В этих документах в качестве члена комиссариата отсутствует Б. Д. Марков и, напротив, в декларации назван подполковник А. Н. Гришин-Алмазов, с апреля 1918 г. возглавлявший вооруженные силы антибольшевистского подполья Западной Сибири¹¹.

В действительности А. Н. Гришин-Алмазов никогда членом Западно-Сибирского комиссариата не состоял. Тем более он не мог быть назначен таковым 1/13 февраля 1918 г., поскольку в то время еще находился за пределами Сибири. Упоминание же А. Н. Гришина-Алмазова в составе членов Западно-Сибирского комиссариата, скорее всего, понадобилось Временному правительству автономной Сибири из тактических соображений: в целях придания себе веса в глазах населения, политических конкурентов и представителей союзных держав на Дальнем Востоке.

Что касается Б. Д. Маркова, то, по свидетельству Т. В. Бутова, о нем в качестве уполномоченного Временного Сибирского правительства и члена Западно-Сибирского комиссариата П. Я. Дербер «не хотел и слышать»¹². Причины такого отношения П. Я. Дербера станут понятнее, если принять во внимание некоторые личные качества Б. Д. Маркова. Член ЦК партии эсеров Е. М. Тимофеев, хорошо знавший Б. Д. Маркова, отмечал такие присущие ему черты характера: он никогда не смеялся, шуток не понимал и сам не шутил, был «твердый в своих решениях до упрямства». Самого себя Б. Д. Марков называл не иначе как «волевым аппаратом», а универсальным руководящим документом на все случаи жизни считал эсеровскую партийную программу¹³. В результате его фантастическая работоспособность и преданность идеям социализма нивелировались догматизмом и неумением гибко реагировать на реалии жизни. Т. В. Бутов категорически утверждал, что Б. Д. Марков «в качестве комиссара не был утвержден», а был позднее, «путем кооптации, введен [в состав Западно-Сибирского комиссариата] Михайловым и Сидоровым»¹⁴.

Однако назначение М. Я. Линдберга и П. Я. Михайлова уполномоченными Временного Сибирского правительства и членами Западно-Сибирского комиссариата также далось П. Я. Дерберу нелегко. Первоначально после разговора с ними П. Я. Дербер заявил: «[...] Это какие-то большевики, совершенно не представляющие себе ни смысла, ни размера работы». Было решено отказаться от их услуг. «Но, – вспоминал Т. В. Бутов, – мы были в ужасном положении, т. к. людей совсем не было, и в конце концов Дербер остановился на Павле Михайлове и в последние дни – на Линдберге»¹⁵.

Как ни парадоксально, нуждается в прояснении вопрос о месте расположения Западно-Сибирского комиссариата. Нет сомнения в том, что в период своего нелегального существования он базировался в Томске. Однако после антибольшевистского выступления Чехословацкого корпуса в ночь на 26 мая 1918 г. в Новониколаевске и свержения здесь Советской власти на короткий промежуток времени возникла нестандартная ситуация, в которой историки пока не разобрались.

Вечером 27 мая большевики арестовали в Томске трех членов Западно-Сибирского комиссариата: Б. Д. Маркова, П. Я. Михайлова и В. О. Сидорова. Уцелевший от ареста М. Я. Линдберг, поскольку он в то время находился в Новониколаевске, был вынужден фактически единолично взять на себя обязанности высшего органа государственного управления по гражданскому ведомству на освобожденной от большевиков территории. Именно он совместно с уполномоченными Временного Сибирского правительства по Новониколаевску и его уезду Е. Н. Пославским и А. В. Сазоновым – скорее всего, только что назначенными им самим – подписал в конце мая 1918 г. от имени Временного Сибирского правительства постановление о введении военного положения в Новониколаевске, о возобновлении деятельности городской управы, несколько обращений к населению Сибири о свержении Советской власти¹⁶. 30 мая М. Я. Линдберг заказал в местной мастерской Пономарева для себя две печати с текстом «Временное Сибирское правительство. Эмиссариат Западной Сибири» и два штампа со словами – «Уполномоченный Временного Сибирского правительства»¹⁷.

Вечером того же дня в Новониколаевске было принято уже цитировавшееся постановление Совета при уполномоченных о создании отделов Западно-Сибирского комиссариата. 31 мая М. Я. Линдберг единолично назначил руководителей его административного, военного, продовольственного, финансового отделов, отделов почты и телеграфа, промышленности, юстиции¹⁸.

Но в тот же день большевики оставили Томск, а вышедшие на свободу Б. Д. Марков, П. Я. Михайлов и В. О. Сидоров от имени Временного Сибирского правительства немедленно взяли власть в городе в свои руки и приступили к работе. 1 июня 1918 г. в Томске за их подписью был издан приказ № 1 Западно-Сибирского комиссариата о возобновлении деятельности судебных учреждений, о мобилизации в армию офицеров и военных чиновников, о денационализации, произведены назначения должностных лиц по отдельным отраслям управления и территориям, в том числе заведующих административным отделом и правительственным телеграфом Западно-Сибирского комиссариата¹⁹.

В результате в работе Западно-Сибирского комиссариата возник параллелизм при острейшем кадровом дефиците. В то время как М. Я. Линдберг приступил к формированию большинства отделов комиссариата в Новониколаевске, трое его членов, находившихся в Томске, не имели в своем подчинении необходимого числа сотрудников и в течение нескольких дней вынуждены были работать на износ. О том, к чему это привело, хорошо свидетельствует информация, переданная П. Я. Михайловым М. Я. Линдбергу: «Валимся с ног от усталости, Борис [Марков] же свалился окончательно. Василий Осипович [Сидоров] на очереди [...]»²⁰. Поэтому сначала для преодоления возникших трудностей было решено ликвидировать «географическое двоецентрие». Видимо, 4 или 5 июня члены Западно-Сибирского комиссариата сделали выбор о его резиденции в пользу Новониколаевска. Во всяком случае, переезд части уже организованных в Томске отделов предполагалось осуществить в ночь с 5 на 6 июня 1918 года²¹.

Можно высказать разные предположения о том, почему предпочтение было отдано Новониколаевску, а не Томску, хотя в Томске была более многочисленная эсеровская организация, находился Все-сибирский краевой комитет эсеров, наконец, имелся профессорско-преподавательский состав университета, технологического института и Сибирских высших женских курсов, а также тысячи студентов, которых можно было бы использовать для формирования отделов комиссариата.

Конечно, прежде всего Томск, лежавший в стороне от Транссибирской железнодорожной магистрали, вдоль которой разыгрывались главные военные события, в геополитическом отношении явно проигрывал Новониколаевску, по оценке газеты «Сибирская жизнь», находившемуся тогда «в центре происходящей борьбы с большевиками»²².

Вторым фактором, мало уступавшим по своему значению первому, была дислокация в Новониколаевске центральных органов военного управления антибольшевистских вооруженных сил: штаба Западно-Сибирского военного округа и штаба Сибирской армии. Командующим войсками округа и армией являлся один и тот же человек – полковник А. Н. Гришин-Алмазов. Это был боевой и храбрый офицер, имевший опыт штабной работы и уже посидевший в большевистской тюрьме. По слухам, А. Н. Гришин-Алмазов был членом партии эсеров и едва ли не «левым». Он безукоризненно вел себя во время подпольной работы. Но члены Западно-Сибирского комиссариата справедливо полагали, что за всяким военным, тем более популярным, необходим жесткий контроль.

В Новониколаевске отделы Западно-Сибирского комиссариата первоначально располагались в разных местах (например, продовольственный – в доме № 61 по Асинкритовской улице, промышленности и финансовый – в городском корпусе). С принятием решения о перенесении резиденции в Новониколаевск 7 июня под комиссариат было выделено помещение реального училища²³.

Формирование отделов Западно-Сибирского комиссариата в Новониколаевске из-за задержки с переездом большинства его членов и имевшегося персонала из Томска еще даже не развернулось, когда изменение военно-политической обстановки вновь со всей остротой поставило вопрос о его месторасположении. 7 июня большевики оставили Омск, являвшийся самым крупным городом Западной Сибири и его традиционным административно-политическим центром. Находившийся в Новониколаевске М. Я. Линдберг во время переговоров по прямому проводу 8 июня со своими томскими коллегами высказался на этот счет вполне определенно и точно: «Задачи Западно-Сибирского комиссариата внезапно расширяются во много раз». Он настоятельно просил все еще находившихся в Томске членов комиссариата вместе с их сотрудниками как можно быстрее передислоцироваться в Новониколаевск, а П. Я. Михайлова быть готовым немедленно сразу же поехать дальше, в Омск, куда буквально рвался полковник А. Н. Гришин-Алмазов²⁴.

10 июня трое членов Западно-Сибирского комиссариата, за исключением выехавшего в Омск П. Я. Михайлова, впервые собрались в Новониколаевске. В тот же день в Новониколаевске состоялось, судя по всему – единственное, заседание наличных членов комиссариата, на котором была заслушана информация о состоянии его отделов: административного, военного, продовольственного и финансового²⁵. Но по полученной в Новониколаевске от П. Я. Михайлова

и А. Н. Гришина-Алмазова информации явно чувствовалось, что центр политической жизни Западной Сибири стремительно перемещается в Омск, где к тому же имелась налаженная управленческая инфраструктура и многочисленные кадры специалистов, особенно военных. 11 или 12 июня в помощь П. Я. Михайлову в Омск выехали М. Я. Линдберг и Б. Д. Марков. В ходе начавшихся консультаций членов Западно-Сибирского комиссариата с представителями местной общественности встал вопрос о его местонахождении. 14 июня 1918 г. трое членов комиссариата, уже находившихся в Омске, высказались за перенесение его резиденции в этот город, против чего В.О. Сидоров не возражал. 16 июня он уволил большинство персонала отделов Западно-Сибирского комиссариата, сформированных в Новониколаевске, а сам с небольшой группой сотрудников в 35 человек тоже выехал в Омск²⁶.

Глубокие противоречия существуют в исследовательской литературе по вопросу о политическом режиме Западно-Сибирского комиссариата и сущности проводимой им внутренней политики. Так, В. В. Гармиза утверждал, что Западно-Сибирский комиссариат, будучи эсеровским по своему составу, проявил «осторожность в курсе на ликвидацию советских учреждений и советских декретов». Такую «умеренную» политику исследователь объяснял признанием эсерами ряда советских преобразований жизненными²⁷, послушное следование за решениями Сибирской областной думы и боязнь немедленной реставрацией капиталистических порядков лишиться всякого влияния в массах²⁸.

По мнению С. Г. Лившица, Западно-Сибирский комиссариат, состоявший из «правых» эсеров, которых он называл демагогами и лжецами, в вопросах экономики и в социальной сфере сразу же «откровенно заявил себя сторонником капиталистического строя». В отличие от В. В. Гармизы С. Г. Лившиц считал, что позиция, занятая комиссариатом по основным вопросам внутренней и внешней политики, «открыла ему путь к сотрудничеству с самыми реакционными кругами сибирской буржуазии и буржуазной интеллигенции», что «представители правобуржуазной „общественности“ Сибири охотно пошли на сотрудничество с комиссариатом, вошли в состав его „делового кабинета“»²⁹. Даже перенесение резиденции комиссариата из Новониколаевска в Омск С. Г. Лившиц интерпретировал исключительно как проявление его «буржуазного нутра», стремления быть «поближе к политическим центрам крайней сибирской реакции»³⁰.

Принципиально иные выводы из анализа принятых Западно-Сибирским комиссариатом нормативных актов в опубликованной в

1994 г. монографии сделал А. Н. Никитин. Он полагал, что большинство принятых комиссариатом документов было направлено «на продолжение демократических процессов, начатых Февральской революцией». По его мнению, несомненно демократическую направленность имели нормативные акты комиссариата, относившиеся к социально-экономической сфере. Более того, А. Н. Никитин высказал предположение о том, что Западно-Сибирский комиссариат «стремился проводить в данном вопросе сбалансированную политику, не отвергая категорически все, что существовало в социально-экономической области при большевиках»³¹.

В следующей монографии, опубликованной в 2004 г., А. Н. Никитин подтвердил свои выводы десятилетней давности. «[...] Нормотворческая деятельность Западно-Сибирского комиссариата, — утверждал исследователь, — объективно была направлена на восстановление политической системы, существовавшей в России с 23 февраля по июль 1917 года, то есть в период двоевластия. Более того, она соответствовала желанию социалистов не только сохранить советы как гарант демократических завоеваний Февральской революции, но и отдельные результаты Октябрьской революции, связанные с социализацией земли и национализацией промышленности и банков»³².

На наш взгляд, делать выводы о политическом режиме Западно-Сибирского комиссариата и сущности проводимой им политики на основе только его законодательно-нормативной базы не совсем корректно. Для этого необходимо опираться на более широкую источниковую базу.

Кроме того, при анализе законодательно-нормативной базы следует иметь в виду, как минимум, еще два важных обстоятельства. Во-первых, сначала Западно-Сибирский комиссариат не занимался законотворчеством, поскольку законодательная деятельность ему не была поручена Временным Сибирским правительством³³. Правда, реальная жизнь довольно быстро заставила комиссариат преодолеть это ограничение. Но несколько дней для законотворческой работы было упущено и, следовательно, реальная позиция Западно-Сибирского комиссариата не нашла отражения в законодательно-нормативной документации.

Во-вторых, нужно иметь в виду, что политическая позиция Западно-Сибирского комиссариата в течение месяца его пребывания у власти не оставалась неизменной. В законодательно-нормативных документах комиссариата совершенно четко прослеживается тенденция коррекции его политического курса. В порядке подтвержде-

ния сказанного можно привести следующие важные документы Западно-Сибирского комиссариата, ранее не известные исследователям или не получившие адекватную оценку: циркуляр от 23 июня об упразднении коллективов и коллегий в органах государственного управления и замене их единоличными руководителями; постановления от 27 июня о недопустимости пребывания в органах местного самоуправления представителей тех политических партий (большевиков и «левых» эсеров) и организаций, которые вели борьбу против Временного Сибирского правительства, и об объявлении на военном положении железных дорог и водного транспорта; постановление от 28 июня об увольнении рабочих и служащих ликвидируемых советских учреждений и денационализированных предприятий³⁴. Можно утверждать, что в последней декаде июня 1918 г. в политике Западно-Сибирского комиссариата наблюдался явный дрейф вправо³⁵, обусловленный, видимо, осознанием его членами того, что даже самым последовательным приверженцам народовластия нельзя не считаться с объективной реальностью: условиями и обстановкой гражданской войны.

В свете вновь выявленных и частично уже введенных в научный оборот документов серьезные возражения вызывают получившие широкое распространение в литературе трактовки о взаимоотношениях Западно-Сибирского комиссариата с политическими союзниками, оппонентами и противниками. Прежде всего, конечно, речь идет о примитивно-карикатурных утверждениях С. Г. Лившица, который считал Западно-Сибирский комиссариат ничем иным, как марионеткой местных реакционных сил, которую сознательно выдвинули на первые роли на начальной стадии вооруженной борьбы с большевиками, а после выполнения возложенных на нее первоочередных задач отправили за кулисы³⁶.

На самом деле уполномоченные Временного Сибирского правительства, составлявшие Западно-Сибирский комиссариат, хорошо представляли свой статус и компетенцию, действовали достаточно уверенно и строго в рамках своих прав и обязанностей. Они четко сознавали, что комиссариат является на освобожденной от большевиков территории высшим, но временным коллегиальным органом государственного управления, наделенным полномочиями, делегированными ему Временным Сибирским правительством, созданным в свою очередь Сибирской областной думой. Члены комиссариата прекрасно понимали, что вся эта властная цепочка – Сибоблдума, Временное Сибирское правительство и Западно-Сибирский комиссариат – имеет минимальную легитимность, поскольку выборы в думу, с од-

ной стороны, игнорировали многие «левые» политические структуры, включая руководимые большевиками Советы, с другой – до участия в них не были допущены цензовые элементы. Поэтому члены комиссариата изначально пытались расширить свою социальную опору за счет наиболее близких к ним как «левых», так и «правых» кругов³⁷.

В частности, 26 мая 1918 г. образовавшийся в Новониколаевске военно-революционный штаб постановил сконструировать при уполномоченном М. Я. Линдберге военно-революционный комитет на паритетных началах из представителей партий эсеров «центра», «правых» эсеров, социал-демократов меньшевиков и социал-демократов интернационалистов³⁸. С 28 мая на заседания штаба приглашался и участвовал в них находившийся в Новониколаевске министр финансов Временного Сибирского правительства И. А. Михайлов, к тому времени бывший беспартийным. Два дня спустя М. Я. Линдберг назначил его заведующим финансовым отделом Западно-Сибирского комиссариата³⁹.

Эти попытки, однако, не увенчались успехом. Социал-демократы участвовали в работе штаба не как представители партийной организации, а на персональной основе. И. А. Михайлов, дав согласие возглавить финансовый отдел, по сути дела от работы в нем уклонялся. 30 мая 1918 г. представители РСДРП вообще вышли из состава местного коалиционного органа власти, ссылаясь на то, что большинство рабочих Новониколаевска отрицательно отнеслось к свержению Советской власти⁴⁰. И. А. Михайлов свою странную позицию публично никак не прояснил, хотя год спустя без зазрения совести незаслуженно принимал от сослуживцев поздравления по случаю годовщины своего вступления в управление министерством финансов⁴¹. Наиболее вероятны две причины, по которым в то время министр финансов не проявлял активности: неверие в перспективы борьбы с большевиками или нежелание сотрудничать с эсерами.

Более сложная для Западно-Сибирского комиссариата ситуация почти сразу же возникла в Томске, где он не получил поддержки со стороны «левых» общественно-политических структур. Местная объединенная организация РСДРП заявила через печать, что к Западно-Сибирскому комиссариату она «никакого соприкасательства не имеет, она лишь ее *поддерживает* (курсив источника. – В.Ш.) как власть, ставящую своей задачей в ближайшем будущем осуществить вполне демократическую программу»⁴². Серьезные претензии сразу же предъявили Западно-Сибирскому комиссариату союз безработных фронтовиков и рабочих, третья конференция правлений профсоюзов, профсоюз металлистов⁴³.

В то же время в Томске у Западно-Сибирского комиссариата оказались серьезные оппоненты из числа «старых» областников, входивших в так называемый «потанинский кружок», и части «правой» интеллигенции. Они сразу же стали критиковать эсеров за недопущение цензовых кругов до выборов в Сибирскую областную думу и «старых» областников – до выборов Временного Сибирского правительства, выражали недовольство его персональным составом, требовали сформировать в Сибири новое, коалиционное правительство, а «патриарх» сибирского областничества Г. Н. Потанин внес предложение в качестве первого реального шага со стороны Западно-Сибирского комиссариата в деле организации коалиционной власти включение в его состав «какого-нибудь лица, не принадлежащего к социалистическим партиям или, по крайней мере, не принадлежащего к партии социалистов-революционеров»⁴⁴.

Вполне естественно, что Западно-Сибирский комиссариат не принял даже это относительно скромное требование Г. Н. Потанина, поскольку не располагал полномочиями по расширению своего состава за счет новых членов, не состоявших в партии эсеров. В то же время анализ местной обстановки побудил находившихся в Томске членов комиссариата принять нетривиальное решение: пойти на компромисс с классовым врагом. «Думаем, – сообщил П. Я. Михайлов М. Я. Линдбергу, – пригласить буржуазию на помощь»⁴⁵.

Это заявление не было пустым звуком. 7 июня Западно-Сибирский комиссариат провел в Томске совещание представителей всех политических партий и наиболее авторитетных беспартийных организаций, в числе которых оказались губернская земская управа, городское самоуправление, кооперативы, биржевое общество, еврейский общинный совет, мусульманское бюро и др., посвященное вопросу об оказании содействия формированию Сибирской армии. Все присутствующие принципиально согласились принять участие в такой работе. В результате совещание наметило меры, способные увеличить приток добровольцев, а также взносов пожертвований для армии⁴⁶.

Другим свидетельством того, что Западно-Сибирский комиссариат изначально был способен адекватно реагировать на объективную ситуацию и работать на консолидацию антибольшевистских сил, стало решение вопроса о составе Томского губернского комиссариата Временного Сибирского правительства. В связи с принятием решения перенести в Новониколаевск резиденцию Западно-Сибирского комиссариата, который одновременно вел работу в масштабе Томской губернии, возникла необходимость учредить в Томске губернский комиссариат. 5 июня 1918 г. «потанинский кру-

жок» и комитет трудовой народно-социалистической партии предложили Западно-Сибирскому комиссариату сформировать его на коалиционной основе и внесли на рассмотрение кандидатуры А. А. Грацианова, М. П. Маркова и Н. В. Соколова. Постановлением Западно-Сибирского комиссариата от 8 июня Томский губернский комиссариат был сформирован в составе трех человек. Одним из них стал председатель врачебно-санитарного совета Томска, видный общественный деятель врач А. А. Грацианов, предложенный сторонниками Г. Н. Потанина⁴⁷.

Еще раньше, 4 июня, в печати было опубликовано обращение Западно-Сибирского комиссариата к членам Сибирской областной думы безотлагательно прибыть в Томск и приступить подготовительным работам по подготовке законодательных предположений для Временного Сибирского правительства⁴⁸. Безусловно, это был очень сильный ход, при помощи которого Западно-Сибирский комиссариат пытался решить комплекс взаимосвязанных задач: усилить свою легитимацию, расширить социальную опору и одновременно консолидировать антибольшевистские силы.

Вечером следующего дня по предложению Западно-Сибирского комиссариата в Томске состоялась встреча 12 оказавшихся налицо депутатов Сибирской областной думы с членом комиссариата Б. Д. Марковым. По итогам встречи депутаты Думы решили сделать свои собрания регулярными и договорились придать им статус «частных совещаний членов Сибирской областной думы». В дальнейшем частные совещания членов Думы, несмотря на свою малочисленность, превратились в крупный фактор политической жизни Западной Сибири. Они стали вторым – после самого Западно-Сибирского комиссариата – центром политической консолидации социалистических элементов и их влияния на общественные настроения населения. Одновременно частные совещания явились той легальной политической площадкой, на которой велась довольно напряженная политическая борьба между эсерами и меньшевиками, представлявшими «левый» фланг сибирской контрреволюции, с одной стороны, и народными социалистами и частью беспартийных областников, стоявших на позициях центризма, – с другой по вопросу о способах формирования и составе высших органов государственной власти сибирской контрреволюции⁴⁹.

Убедительным свидетельством политической толерантности членов Западно-Сибирского комиссариата, открытости для сотрудничества с другими политическими деятелями и организациями, отсутствия боязни расстаться с верховной властью было его отношение к оказавшимся на освобожденной от большевиков территории

Сибири министрам Временного Сибирского правительства. Как уже отмечалось, в Новониколаевске М. Я. Линдберг сразу же привлек к работе оказавшегося здесь И. А. Михайлова. На состоявшейся 5 июня в Томске встрече Б. Д. Маркова с депутатами Сибирской областной думы присутствовал министр Временного Сибирского правительства без портфеля эсер М. Б. Шатилов⁵⁰.

Более того, в начале второй декады июня 1918 г. в Новониколаевске Западно-Сибирский комиссариат выработал специальное положение об участии министров Временного Сибирского правительства в его работе, которое носило конфиденциальный характер. Согласно положению министрам, которые случайно оказались на освобожденной от большевиков территории, было предложено принять на себя «высшее руководство теми отделами Западно-Сибирского комиссариата, круг ведения которых соответствует функциям их министерств». Комиссариат также обязался приглашать министров на все свои заседания и ни один принципиальный вопрос не решать «без их ведома». Но при этом он определенно оговорил, что впредь до особого указа Временного Сибирского правительства все распоряжения, приказы, декларации и прочие государственные акты будут исходить «исключительно от имени комиссариата»⁵¹.

Подчеркнем, что Западно-Сибирский комиссариат последовательно выполнял добровольно взятые им на себя обязательства. В результате на первом заседании комиссариата, состоявшемся в Омске 14 июня, участвовали проживавший там министр внешних сношений П. В. Вологодский и прибывший из Новониколаевска И. А. Михайлов⁵². Затем П. В. Вологодский присутствовал еще на одном заседании комиссариата, проходившем 17 июня⁵³. Получив после освобождения Красноярска от большевиков информацию о том, что там находится освобожденный из местной тюрьмы министр юстиции Временного Сибирского правительства Г. Б. Патушинский, комиссариат немедленно отправил ему телеграфом текст положения об участии министров в его работе⁵⁴. Тем самым, Западно-Сибирский комиссариат создал максимально благоприятные условия для предстоявшей передачи верховной власти Временному Сибирскому правительству.

Приведенный фактический материал побуждает по-новому подойти к оценке политики и результатов деятельности Западно-Сибирского комиссариата. Он также ставит под сомнение ряд широко тиражированных в научных публикациях, но ни на чем не основанных мифов. Наиболее живучими среди них являются провокативные утверждения Г. К. Гинса о характере взаимоотношений ме-

жду Западно-Сибирским комиссариатом и его исполнительным аппаратом, получившие в советской историографии развернутую формулировку в монографии В. В. Гармизы, а также о причинах, обстоятельствах и последствиях передачи верховной власти Западно-Сибирским комиссариатом Совету министров Временного Сибирского правительства.

Примечания

¹ Подробнее см.: *Шишкин В. И.* Российская историография Западно-Сибирского комиссариата Временного Сибирского правительства // Проблемы истории государственного управления и местного самоуправления Сибири XVI–XXI вв. М-лы VI Всерос. науч. конф. 22–24 марта 2006 г. Новосибирск, 2006. С. 71–83.

² *Гармиза В. В.* Крушение эсеровских правительств. М., 1970. С. 91–102; *Лившиц С. Г.* К истории Западно-Сибирского комиссариата // Вопросы истории Сибири. Барнаул, 1974.

³ *Никитин А. Н.* Документальные источники по истории гражданской войны в Сибири (источниковедческие и историографические аспекты изучения). Томск, 1994; *Он же.* Государственность «белой» России: становление, эволюция, крушение. М., 2004; *Ларьков Н. С.* Антисоветский переворот в Сибири и проблема власти в конце весны – летом 1918 г. // Гуманитарные науки в Сибири. Сер.: Отечественная история. Новосибирск, 1996. № 2; *Журавлев В. В.* Органы государственной власти сибирской контрреволюции (октябрь 1917 – ноябрь 1918 г.): от «автономной Сибири» к «возрожденной России» // Власть и общество в Сибири в XX веке. Новосибирск, 1997. Вып. 1 (Сибирская контрреволюция в годы гражданской войны); *Он же.* Рождение Временного Сибирского правительства: из истории политической борьбы в лагере контрреволюции // Гражданская война на востоке России: проблемы истории. Бахрушинские чтения 2001 г. Новосибирск, 2001; *Он же.* Антибольшевистский переворот и создание государственной власти контрреволюции в Сибири (май–июль 1918 г.) // Проблемы истории гражданской войны на востоке России. Бахрушинские чтения 2003 г. Новосибирск, 2003.

⁴ *Шиловский М. В.* Новониколаевск как столица «белой» Сибири (к истории Западно-Сибирского комиссариата) // Вопросы краеведения Новосибирска и Новосибирской области. Новосибирск, 1997. С. 105–110; *Он же.* Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917–1920 гг. Новосибирск, 2003. С. 206–220; *Он же.* Западно-Сибирский комиссариат // Новосибирск. Энциклопедия. Новосибирск, 2003. С. 334.

⁵ *Шишкин В. И.* Журналы заседаний Западно-Сибирского комиссариата Временного Сибирского правительства (июнь 1918 г.) // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. Омск, 2005. № 11. С. 291–303; Западно-Сибирский комиссариат Временного Сибирского правительства (26 мая – 30 июня 1918 г.). Сборник документов и материалов. Сост. и науч. ред. В. И. Шишкин. Новосибирск, 2005. 246 с.

⁶ Цит. по: *Ларьков Н. С.* Антисоветский переворот в Сибири и проблема власти в конце весны – летом 1918 г. С. 26.

⁷ ГАРФ. Ф.р-189. Оп. 1. Д. 1. Л. 177.

⁸ Вестник Временного правительства автономной Сибири (Владивосток). 1918. 11 июля; Русский исторический архив. Прага, 1929. Сборник первый. С. 261.

⁹ Голос народа (Томск). 1918. 4 июня; Народная Сибирь (Новониколаевск). 1918. 4 июня.

¹⁰ Вопреки получившей широкое распространение в отечественной историографии точке зрения, Временное правительство автономной Сибири было создано не в конце января 1918 г. в Томске Сибирской областной думой, а образовано 1 июля 1918 г. той группой министров Временного Сибирского правительства, которая во главе с П. Я. Дербером находилась во Владивостоке.

¹¹ Вестник Временного правительства автономной Сибири. 1918. 11 июля.

¹² ГАРФ. Ф.р-189. Оп. 1. Д. 1. Л. 177.

¹³ Там же. Л. 175; Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории (1918–1920): впечатления и мысли члена Омского правительства. М., 2007. С. 87; Тимофеев Е. Памяти Б. Д. Маркова // Каторга и ссылка. М., 1922. № 4. С. 192–194.

¹⁴ ГАРФ. Ф.р-189. Оп. 1. Д. 1. Л. 177.

¹⁵ Там же. Дополнительным аргументом в пользу того, что Б. Д. Марков был не назначен, а позднее кооптирован в состав Западно-Сибирского комиссариата, является тот факт, что его фамилия отсутствует под заявлением членов комиссариата, поданным в середине июля 1918 г. в Совет министров Временного Сибирского правительства, с просьбой сообщить, через кого представить политический и финансовый отчет о деятельности Западно-Сибирского комиссариата (см.: ГАРФ. Ф.р-170. Оп. 1. Д. 11. Л. 24).

¹⁶ ГАРФ. Ф.р-176. Оп. 5. Д. 2. Л. 1–2; Западно-Сибирский комиссариат Временного Сибирского правительства... С. 31, 34–35, 40–41.

¹⁷ ГАРФ. Ф.р-151. Оп. 1. Д. 6. Л. 47.

¹⁸ Западно-Сибирский комиссариат Временного Сибирского правительства... С. 46.

¹⁹ Там же. С. 55–64; ГАРФ. Ф.р-176. Оп. 5. Д. 3. Л. 1; Голос народа. 1918. 6 июня.

²⁰ ГАРФ. Ф.р-151. Оп. 1. Д. 10. Л. 35.

²¹ Сибирская жизнь (Томск). 1918. 6 июня.

²² Там же.

²³ ГАРФ. Ф.р-151. Оп. 1. Д. 6. Л. 94, 122; Д. 12. Л. 99; Народная Сибирь. 1918. 9 июня; Западно-Сибирский комиссариат Временного Сибирского правительства... С. 97.

²⁴ Западно-Сибирский комиссариат Временного Сибирского правительства... С. 86.

²⁵ Там же. С. 92–93.

²⁶ Там же. С. 98, 100–101, 110.

²⁷ Заметим, это утверждение В. В. Гармизы не является его самостоятельным исследовательским выводом. Оно было заимствовано историком из текста распоряжения уполномоченных Временного Сибирского правительства заведующим отделами Западно-Сибирского комиссариата, отданного 21 июня 1918 г. (см.: Западно-Сибирский комиссариат Временного Сибирского правительства... С. 137).

²⁸ Гармиза В. В. Крушение эсеровских правительств... С. 98–99.

²⁹ Лившиц С. Г. К истории Западно-Сибирского комиссариата... С. 73, 75, 79–80, 84.

³⁰ Там же. С. 76–80.

³¹ Никитин А. Н. Документальные источники по истории гражданской войны в Сибири... С. 9.

³² Никитин А. Н. Государственность «белой» России... С. 34.

³³ Западно-Сибирский комиссариат Временного Сибирского правительства... С. 41, 57.

³⁴ Западно-Сибирский комиссариат Временного Сибирского правительства... С. 141, 152–153, 158–160.

³⁵ К этому же выводу близко подошел А. Н. Никитин, который обратил внимание на то, что Западно-Сибирский комиссариат не сдержал свое обещание в вопросе о

передаче власти на местах восстановленным органам земского и городского самоуправления, а, напротив, в конце своей деятельности взял курс на усиление позиций губернских и уездных комиссариатов, являвшихся государственными структурами (см.: *Никитин А. Н.* Документальные источники по истории гражданской войны в Сибири... С. 9).

³⁶ *Лившиц С. Г.* К истории Западно-Сибирского комиссариата... С. 88–90.

³⁷ В принципе члены Западно-Сибирского комиссариата изначально сознавали, что в перспективе Временное Сибирское правительство должно трансформироваться в коалиционный орган государственной власти, включив в свой состав цензовые элементы. В качестве главных причин, требующих такой реорганизации, Б. Д. Марков в своем выступлении 2 июня 1918 г. на Томской конференции правлений профсоюзов назвал две: только коалиционная власть сможет одержать победу над большевиками и быть официально признанной союзными державами (см.: *Голос народа.* 1918. 4 июня).

³⁸ Западно-Сибирский комиссариат Временного Сибирского правительства... С. 25.

³⁹ Там же. С. 32, 37, 46.

⁴⁰ ГАРФ. Ф.р-151. Оп. 1. Д. 12. Л. 83; Дело (Иркутск). 1918. 6 сент.

⁴¹ Сибирская речь (Омск). 1918. 29 мая.

⁴² Заря (Томск). 1918. 5 июня.

⁴³ Голос народа. 1918. 2, 4 июня.

⁴⁴ Сибирская жизнь. 1918. 5 (номер ошибочно датирован 15) и 8 июня.

⁴⁵ ГАРФ. Ф.р-151. Оп. 1. Д. 10. Л. 35.

⁴⁶ Сибирская жизнь. 1918. 11 июня.

⁴⁷ Сибирская жизнь. 1918. 7 июня; Голос народа. 1918. 11 июня.

⁴⁸ Голос народа. 1918. 4 июня.

⁴⁹ *Шишкин В. И.* Частные совещания членов временной Сибирской областной думы (июнь 1918 г.) // Вестник НГУ. Серия: история, филология. Новосибирск, 2005. Т. 4. Вып. 2 (история). С. 54–63.

⁵⁰ ГАТО. Ф.р-72. Оп. 1. Д. 15. Л. 1.

⁵¹ ГАРФ. Ф.р-176. Оп. 5. Д. 3. Л. 60; Западно-Сибирский комиссариат Временного Сибирского правительства... С. 99.

⁵² Отметим, что Западно-Сибирский комиссариат приложил немалые усилия для того, чтобы добиться приезда И. А. Михайлова в Омск для участия в заседании комиссариата, состоявшемся 14 июня 1918 г.

⁵³ Западно-Сибирский комиссариат Временного Сибирского правительства... С. 101, 114.

⁵⁴ ГАРФ. Ф.р-151. Оп. 1. Д. 6. Л. 411.

Роль Временной Сибирской областной думы в процессе образования Временного Всероссийского правительства*

Образование Временного Всероссийского правительства во главе с Н. Д. Авксентьевым на Государственном совещании в Уфе 23 сентября 1918 г. всегда справедливо оценивалось как важнейшее событие в истории антибольшевистского лагеря гражданской войны в России. Как отмечалось еще в 1919 г., главным достижением возникшей в Уфе власти было решение «централизующей задачи»¹. Одним из главных парадоксов ситуации было то, что важнейшую роль в возникновении новой центральной власти, претендующей на всероссийский статус и решение общегосударственных задач, сыграл региональный представительный орган, действовавший под областническими знаменами, — Временная Сибирская областная дума². Это противоречие до сих пор не нашло убедительного объяснения в исследовательской литературе.

Создание регионального представительного и законодательного учреждения входило в набор традиционных лозунгов сибирского областнического движения, но реализоваться смогло лишь в условиях тяжелейшего кризиса российской государственности, последовавшего за Февральской революцией 1917 г. При этом с самого начала лидерство в процессе регионального строительства оказалось в руках партии социалистов-революционеров.

Была развернута большая организационная деятельность, важнейшими вехами которой были проведение областной конференции и двух областных съездов. Принятым 15 декабря 1917 г. положением предусматривалось формирование Временной Сибирской областной думы из представителей земских и городских самоуправлений и демократических общественных организаций Сибири³. Однако пришедшие к власти большевики в конце января 1918 г. приняли решительные меры к недопущению созыва областной думы, запретив открытие ее работ. Собравшиеся нелегально депутаты думы санкционировали образование Временного Сибирского правительства, члены которого сыграли важную роль в организации антибольшевистского подполья на востоке страны⁴.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 11-01-00222а).

После свержения советской власти в Сибири в мае – июне 1918 г., прошедшего под знаменем избранного думой Временного Сибирского правительства, работа Сибирской областной думы была возобновлена, сначала в форме частных совещаний членов думы, а после 15 августа 1918 г. в форме официальных заседаний.

По согласованной с Советом министров Временного Сибирского правительства программе работ дума должна была принять наказ, сформировать президиум, комиссии, заслушать декларации правительства и принять закон о пополнении своего состава представителями «цензовых» (буржуазных) организаций. Однако дума обратилась к рассмотрению вопроса об образовании всероссийской власти. В преддверие планировавшегося в Челябинске Предварительного Государственного совещания делегаций областных правительств Поволжья, Урала и Сибири дума даже избрала особую, отдельную от Временного Сибирского правительства делегацию для поездки в Челябинск. На этом деятельность думы была приостановлена до 10 сентября 1918 г.

Дальнейшие события, развернувшиеся прежде всего в политических центрах Западной Сибири — Омске и Томске, неоднократно привлекали к себе внимание исследователей⁵, не уделивших, тем не менее внимания связи омского кризиса и процесса образования государственной власти в Уфе.

10 сентября 1918 г. Совет министров Временного Сибирского правительства фактически прекратил свою деятельность. Формально, «сибирская директория» насчитывала на тот момент шесть членов. Однако 20 августа, после завершения работ августовской сессии Сибоблдумы, В. М. Крутовский написал заявление об отставке и уехал в Красноярск. 8 сентября о своей отставке заявил Г. Б. Патушинский, также покинувший Омск. В то же время, предсовмин П. В. Вологодский «не дал хода» этим заявлениям, эти отставки не были оформлены, о них не было официально объявлено. Около 10 сентября в Томск, «для участия в работе областной думы» выехал М. Б. Шатилов. 8 сентября П. В. Вологодский, возложив исполнение обязанностей председателя Совета министров на И. И. Серебренникова — заместителя предсовмина и председателя Административного совета, также покинул Омск, выехав во Владивосток. Наконец, 10 сентября в Уфу выехал И. И. Серебренников, назначив исполняющим обязанности председателя Административного совета И. А. Михайлова⁶.

10 сентября, проезжая через Красноярск, Вологодский приложил все усилия, чтобы убедить В. М. Крутовского вернуться к правительственной деятельности и занять пост заместителя председателя Совета министров. Ему это удалось, Крутовский обещал в ближайшие дни выехать в Омск⁷.

Указом Временного Сибирского правительства о временном перерыве работ Сибоблдумы в целях пополнения ее состава указывался точный срок возобновления работ «сибирского парламента» — 10 сентября. Несмотря на то, что за истекшие 20 дней состав Думы не пополнился ни одним депутатом, избранным согласно закона от 17 августа 1918 г., новый цикл заседаний думы был открыт.

Руководство областной думы находилось в постоянном и непосредственном контакте с лидерами левых и центристских делегаций на Государственном совещании в Уфе⁸, где кроме того находилась посланная думой делегация.

Вскоре в Томск прибыли министр внутренних дел Временного правительства автономной Сибири А. Е. Новоселов и бывший министр без портфеля того же правительства С. А. Кудрявцев⁹.

17 сентября в закрытом заседании Сибирской областной думы был поставлен вопрос о позиции делегации правительства на совещании в Уфе. Лидер эсеровской фракции И. Г. Гольдберг потребовал, чтобы правительство дезавуировало основные положения своей декларации, заявленной при открытии совещания и согласилось на принцип ответственности перед «старым» Учредительным собранием. В противном случае, заявил он, дума будет вынуждена поставить вопрос: «не преступило ли правительство те директивы, те полномочия, которые были даны в этом зале... не расходится ли позиция Вр[ременного] Сиб[ирского] правительства с позицией всей страны, всей Сибири и, если расходится, то место ли правительству на тех скамьях, которые оно сейчас занимает?»¹⁰.

Постепенно у лидеров левых сформировался план действий: с целью изменения направления политики Временного Сибирского правительства добиться закрепления в составе совмина В. М. Крутовского, возвращения Г. Б. Патушинского и включения А. Е. Новоселова, в результате чего в Омске вновь должен был возникнуть «послушный думе кворум». Окончательное оформление план получил 18 сентября на закрытом заседании областной думы¹¹. Важно отметить, что практически все внимание думцев было приковано к переговорам, происходившим в Уфе. И. А. Якушев, М. Б. Шатилов, А. Е. Новоселов в этот же день выехали в Омск. План вступил в фазу реализации.

19 сентября 1918 г. все трое прибыли в Омск. 20 сентября Крутовским было созвано заседание Совета министров в составе И. А. Михайлова и М. Б. Шатилова в присутствии И. А. Якушева. На повестку дня были вынесены четыре группы вопросов. Прежде всего, левые потребовали изменения состава сибирской делегации в Государственном совещании в Уфе и согласования списка кандидатур от Временного Сибирского правительства в состав Директории с президиумом областной думы. Далее, левые осудили направление деятельности Административного совета и потребовали изменения положения об этом органе. Был поставлен вопрос о немедленном освобождении задержанной в Иркутске делегации Сибоблдумы, направленной во Владивосток с целью противодействия «миссии Вологодского». Наконец, было выдвинуто требование возвращения в состав Совета министров Патушинского и включения Новоселова¹².

И. Михайлов покинул заседание Совета министров, тем самым лишив его кворума. Немедленно после закрытия некий «протокол» данного заседания секретарем Совмина Т. В. Бутовым был передан начальнику омского гарнизона полковнику В. И. Волкову¹³. Волков заявил, что «назревает государственный переворот, что ждать заседаний времени нет, необходимо действовать».

Решение об активных действиях было принято В. И. Волковым и И. А. Михайловым «на свой страх и риск» и оформлено постановлением начальника гарнизона г. Омска № 123 от 21 сентября 1918 г. В данном документе констатировалась попытка Крутовского, Шатилова, Якушева и Новоселова, совершить «государственный переворот, направленный против Государства Российского и Временного Сибирского правительства». В виду этого, полковник Волков на основании полномочий, предоставленных ему Временными правилами о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия от 15 июля 1918 г., «в целях пресечения государственного преступления» приказывал: «немедленно заключить под стражу вышеупомянутых Новоселова, Якушева, Крутовского и Шатилова о чем и донести командующему армией и председателю Совета министров. О задержании Новоселова сверх сего и по делу об участии в захвате власти советами сообщить г. прокурору Омской судебной палаты»¹⁴. Офицеры под угрозой расстрела вынудили В. М. Крутовского и М. Б. Шатилова подписать заранее заготовленные прошения о своей отставке.

Вечером 21 сентября собравшийся на заседание Административный совет постановил удовлетворить «ходатайства» Шатилова и Крутовского, освободить их из под стражи, признав, что основания

для ареста у военной власти были. Одновременно Административный совет постановил прервать заседания областной думы, в связи тем, что требуемое постановлением от 17 августа 1918 г. пополнение ее состава не произведено¹⁵.

Таким образом, 21 августа правые, благодаря вмешательству Волкова, полностью «отыграли» потерянные накануне позиции и перешли в контрнаступление. Несмотря на чрезвычайный характер происшествий, «удаление» Крутовского, Шатилова, Якушева и Новоселова носило (хотя и не безоговорочно) внешне легальный облик. Несомненно, что выигравшая сторона была заинтересована в том, чтобы сохранять это положение и дальше. Однако, судя по всему, события вышли из-под контроля.

Утром 22 сентября Крутовскому, Шатилову и Якушеву было сообщено о принятых накануне решениях Административного совета, и взяты подписки-обязательства в 24 часа покинуть Омск. После этого они были отпущены на свободу¹⁶. Против Новоселова же было оформлено через прокурора дело о привлечении к суду за «сношения с большевиками» в ноябре 1917 г. и его должны были отправить в тюрьму для предварительного заключения¹⁷. В тюрьму его сопровождал караул из двух обер-офицеров для поручений при полковнике Волкове — поручика А. С. Семенченко и хорунжего В. Н. Мефодьева. Они отвезли его в Загородную рощу, где он и был убит «при попытке к бегству»¹⁸.

Г. К. Гинс приводил некий рассказ, «что сам полковник Волков, начальник омского гарнизона, не предвидел такого исхода ареста и рвал на себе волосы, когда узнал о случившемся»¹⁹. Трудно сказать, как на самом деле реагировал на рапорт своих подчиненных полковник Волков и кто был инициатором убийства, но вообще-то правым было о чем сожалеть: убийство Новоселова совершенно перечеркнуло все их усилия по сохранению внешней «легальности» событий и нанесло колоссальный урон их позициям. Инициатива вновь перешла к левым кругам.

В ночь на 22 сентября областная дума отказалась признать решение о своем роспуске, ссылаясь на нарушение Советом министров «временной конституции Сибири» — положения от 15 декабря 1917 г.²⁰ и сформировала в качестве чрезвычайного органа власти Комитет Сибирской областной думы. Членами Комитета были избраны И. А. Якушев, И. М. Бланков, Л. С. Заленский, А. М. Капустин, Ф. С. Лозовой, В. П. Мазан, С. Д. Майнагашев, П. Я. Михайлов, В. П. Неупокоев, С. И. Никонов, Ю. Р. Саиев, С. А. Тараканова,

З. И. Шкундин, М. С. Фельдман, кандидатами в члены — З. С. Гайсин, А. Г. Коган, В. Н. Мерхалев, Пепеляев, В. А. Строкан²¹.

Кроме того провозглашалось, что «Временным Сибирским правительством областная дума считает правительство в составе, избранном думой в январе 1918 г., за исключением министра финансов И. А. Михайлова», а также было принято решение о ликвидации Административного совета, увольнении и предании суду его председателя И. А. Михайлова и управляющего министерством внутренних дел А. А. Грацианова²².

Командир Чехословацкого корпуса генерал Я. Сыровы из Челябинска незамедлительно приказал местным чешским властям исполнить данное постановление думы²³. Ф. И. Рихтер докладывал в Уфу, что им «приняты меры к аресту минфин[а] Михайлова, Бутова и Грацианова»²⁴.

Утром 24 сентября Грацианов был арестован, И. Михайлов вынужден был скрыться в казармах отряда атамана Б. В. Анненкова²⁵, члены Административного совета «прятались по городу». Правительственная власть была дезорганизована, практически прекратив свою деятельность.

По соглашению с чехами в этот же день «предполагалось опубликовать извещение о переходе всей полноты власти к пред[седателю] Сибоблдумы И. А. Якушеву (до связи с Сибоблдумой и приезда членов Сибирского правительства)»²⁶. Мечта левых о «расчистке омского болота» при помощи чехов была близка к осуществлению.

Однако исход дела позиция решила Сибирской армии. Омские казаки отряды отказались выдать чехам И. Михайлова, а при угрозе арестовать полковника Волкова приняли решение в этом случае «выступить против чехов». 24 сентября томский губернский комиссар Гаттенбергер опечатал помещение думы и арестовал членов Комитета Сибоблдумы²⁷. Когда представитель чехословаков И. Глосс попытался воздействовать на него с помощью давления и угроз, Гаттенбергер обратился за поддержкой к командующему 1-м Средне-Сибирским корпусом генерал-майору А. Н. Пепеляеву. Получив от него уверения в полной и при необходимости вооруженной поддержке, губернский комиссар заявил Глоссу, что если тот не прекратит вмешиваться в действия властей, то он будет арестован²⁸. Этого минимального сопротивления оказалось достаточно, чтобы остудить пыл чехов. Уже утром 25 сентября Грацианов был освобожден и «не осуществлялись больше попытки к аресту Михайлова»²⁹. По сути на этом инцидент был исчерпан.

Традиционно историография оценивала итоги событий 20–25 сентября как однозначный успех правых, отстранивших от власти представителей левого фланга сибирского антибольшевизма.

Однако реальная ситуация была сложнее. Убийство Новоселова надолго стало символом «белого» Омска, именно после этого события окончательно приобретшего в левых и левоцентристских кругах inferнальную репутацию «капища и гнезда черносотенной реакции и военных заговоров»³⁰. Оно существенно подорвало авторитет Временного Сибирского правительства, и, самое главное, во многом определило неудачные для правых итоги Государственного совещания в Уфе.

Образование Временного Всероссийского правительства принципиально изменило конфигурацию восточно-русской политической сцены. Отныне Временному Сибирскому правительству волей-неволей приходилось считаться с реалиями «уфимской политической системы», внутрисибирская политическая борьба окончательно сливалась с процессом консолидации государственной власти в масштабах всего востока России.

Наиболее точно роль Сибирской областной думы в образовании Временного Всероссийского правительства определил ее председатель И. А. Якушев: «Нет худа без добра. Конфликт Вр[еменного] Сиб[ирского] правительства с облдумой ускорил образование всероссийской власти и ослабил позицию Вр[еменного] Сиб[ирского] правительства на уфимском совещании»³¹.

Таким образом, можно констатировать, что в задачи общероссийской политической борьбы в деятельности сибирского регионального «парламента» полностью подчинили себе собственно сибирские вопросы. Действуя в интересах Комитета членов Всероссийского учредительного собрания против Временного Сибирского правительства, лидеры Временной Сибирской областной думы внесли весомый вклад в ликвидацию автономии Сибири.

Примечания

¹ Рязановский В. А. Обзор законодательной деятельности государственной власти в Сибири // Правительственный вестник. 1919. № 195.

² Шиловский М. В. Сибирская областная дума // Историческая энциклопедия Сибири. Т. 3. 2009. С. 73.

³ Вестник Временного правительства автономной Сибири. 1918. 6 июля. № 2.

⁴ Шишкин В. И. Первая сессия Сибирской областной думы (январь 1918 года) // История «белой» Сибири. Кемерово, 2010.

⁵ Иоффе Г. З. Из предыстории колчаковского переворота 18 ноября 1918 г. // Проблемы истории революционного движения и борьбы за власть советов в Сибири

(1905–1920 гг.). Томск, 1982; *Шиловский М. В.* Омские события последней декады сентября 1918 г. // Вопросы истории Сибири XX века. Новосибирск, 1993 С. 21–36; *Ларьков Н. С.* Борьба за власть на территории «белой» Сибири: Сентябрьский «встречный бой» 1918 г. // Гражданская война на востоке России: проблемы истории. Бахрушинские чтения 2001 г. Новосибирск, 2001. С. 58–61.

⁶ ГАРФ. Ф. 131. Оп. 1. Д. 104. Л. 118.

⁷ К образованию всероссийской власти в Сибири... // Отечественная история. 2000. № 6. С. 141.

⁸ *Гинс Г. К.* Сибирь, союзники и Колчак. Пекин, 1921. Т. 1. С. 220.

⁹ Там же.

¹⁰ ГАТО. Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 81. Л. 19.

¹¹ *Гинс Г. К.* Сибирь... Т. 1. С. 220–221.

¹² *Гинс Г. К.* Сибирь... Т. 1. С. 221; *Шиловский М. В.* Омские события последней декады сентября 1918 г. С. 28.

¹³ Там же.

¹⁴ ГАТО. Ф. Р-72, оп. 1, д. 2, л. 82–82об.

¹⁵ Временное Сибирское правительство (26 мая — 3 ноября 1918 г.). Сб. док. и материалов / Сост. В. И. Шишкин. Новосибирск, 2007. С. 436.

¹⁶ Показания В. М. Крутовского перед Чрезвычайной следственной комиссией. См.: *Вегман В. Д.* Примечания // Болдырев В. Г. Директория, Колчак, интервенты. С. 510.

¹⁷ *Аргунов А. А.* Между... С. 26.

¹⁸ *Вегман В. Д.* Примечания // Болдырев В. Г. Директория, Колчак, интервенты. С. 518.

¹⁹ Там же. С. 242.

²⁰ ГАТО. Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 72. Л. 1об.

²¹ ГАТО. Ф. Р-72. Оп. 1, Д. 72. Л. 2об.

²² ГАТО. Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 72. Л. 1об.

²³ *Ларьков Н. С.* Борьба за власть в «белой» Сибири... С. 58.

²⁴ Приложение к газете «Народная Сибирь». 1918. 2 октября.

²⁵ *Вегман В. Д.* Примечания // Болдырев В. Г. Директория, Колчак, интервенты. С. 519.

²⁶ *Аргунов А. А.* Омские дни... С. 199.

²⁷ ГАТО. Ф. Р-72, оп. 1, д., л. 52об.

²⁸ *Гинс Г. К.* Сибирь... С. 240–241.

²⁹ *Гинс Г. К.* Сибирь... С. 236.

³⁰ [*Святыцкий Н. С.*] Письмо секретаря Съезда членов Всероссийского учредительного собрания Юго-Восточному Комитету членов Всероссийского учредительного собрания и членам ЦК ПСР. Уфа, 10–11 декабря 1918 г. // ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1493. Л. 2.

³¹ Вестник Манчжурии. 1918. 19 ноября. № 228.

Деятельность правоохранительных органов антибольшевистских правительств на территории Сибири*

Нормативной базой деятельности судов, прокуратуры, милиции, следственных комиссий и других правоохранительных органов антибольшевистских правительств на территории Сибири в годы гражданской войны продолжали оставаться законы Российской империи и Временного правительства. Кроме того, действовали правовые акты Верховного правителя.

В деле отправления правосудия на территории «колчакии» нами выделено два аспекта. Первый касается преемственности. Судебные учреждения унаследовали структуру дореволюционной России и кадры того времени. Второй аспект подразумевает те проблемы, которые породила Гражданская война. Здесь речь идет о нехватке судей при росте преступности. В итоге увеличивалось количество дел, которые расследовал каждый судья.

В деятельности судебных учреждений можно выделить три тенденции. Первая из них связана со стремлением приблизить отправление правосудия к населению. Возобновили свою работу мировые судьи, продолжилась практика проведения выездных судов. В условиях Гражданской войны власти начали создавать национальные суды.

Вторая тенденция касается демократизации судопроизводства. Она нашла выражение в создании судов с участием присяжных заседателей.

Третья тенденция обусловлена продолжавшейся войной. Для ускорения судопроизводства были созданы военно-полевые суды. Их отличали следующие черты: упрощенная процедура, расширительное толкование объектов их подсудности, непрофессиональный состав.

Анализируя кадровую политику колчаковского режима в отношении следственного аппарата и прокурорского надзора, следует отметить несколько обстоятельств. Была сохранена прежняя нормативная база, штатное расписание и, в массе своей, старые кадры. Обнаружилась нехватка следователей и чинов прокуратуры. В ре-

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (исследовательский проект № 11-01-00222а)

зультате нагрузка следователей в 3–4 раза превышала дореволюционные нормы.

Отражением реалий Гражданской войны стало создание чрезвычайных органов – следственных комиссий. Так как таких формирований не было в царской России, то омским юристам пришлось создавать оригинальную нормативно-правовую базу. Постановление о таких комиссиях предписывало им только вести следствие и, если для этого были достаточные основания, то освобождать арестованных. При анализе деятельности следственных комиссий представляется возможным высказать несколько соображений. Нельзя ни обратить внимание на состав подобных комиссий. В них было мало юристов, что негативно сказалось на результатах работы. Причиной ареста в 80 % случаев были подозрения в «большевизме».

Традиционным органом, осуществлявшим надзор за соблюдением законности в деятельности органов власти и их должностных лиц, продолжала оставаться прокуратура.

Условия Гражданской войны поставили перед прокуратурой проблемы. Среди них – борьба с «большевизмом». Здесь чины прокуратуры не смогли занять место «над схваткой», и их действия носили отчетливо выраженную политическую окраску. Это, безусловно, не способствовало установлению в Сибири подлинной законности.

Самым многочисленным и наиболее приближенным к населению правоохрнительным органом оставалась милиция. В августе 1918 г. ее устройство было приведено в большее соответствие с царской полицией, чем с милицией Временного правительства. Речь идет о передаче милиции из подчинения органам местного самоуправления в ведение МВД. Был изменен порядок финансирования. Кредиты на содержание милиции отпускались из государственного бюджета с последующим отнесением 1/3 расходов на счет соответствующего органа местного самоуправления. Таким образом, была воссоздана сильная властная вертикаль в руководстве милицией. Это объяснялось как российскими традициями сверхцентрализованного управления, так и условиями Гражданской войны и наличием во главе режима военачальника.

В кадровой политике властей в отношении личного состава милиции можно выделить несколько аспектов. Проводилась линия на департизацию и деполитизацию. Вместе с тем, милицию активно привлекали к борьбе с большевиками, правыми эсерами, другими противниками режима. МВД отказалось от классового принципа при комплектовании милиции в пользу профессионализма и нравственных качеств.

Одной из самых серьезных проблем было финансирование милиции. Денежное содержание личного состава было незначительным, что вело к увольнениям. Правительство пыталось повысить размеры денежного содержания, а также установило различные выплаты и льготы.

Одна из причин столь бедственного положения заключалась в том, что городское и земское самоуправление оказались не в состоянии покрывать 1/3 стоимости содержания милиции. Обеспечить милиции дополнительные кредиты было призвано постановление Совета министров от 9 апреля 1919 г. Оно предусматривало учреждение должностей на частные средства.

В рассматриваемый период совершались самые разнообразные преступления. Однако наибольшую опасность для режима после партизанского движения и действий подпольщиков имели экономические преступления. Они не только представляли большую общественную опасность, но и подрывали экономическую основу режима. В условиях войны это было губительно вдвойне. Среди такого рода преступлений следует назвать спекуляцию, взяточничество и фальшивомонетничество. Причины спекуляции заключались в неудовлетворительном состоянии транспорта, в разрухе промышленности, а также коренились в общественном сознании. Противодействие спекуляции было бессистемным и непоследовательным.

Власти активно применяли административные меры. Большая группа спекулянтов оказалась арестованной, часть из них была осуждена к тюремному заключению, а некоторые даже расстреляны. Большой общественный резонанс вызвало дело министра торговли и снабжения Н. С. Зефирова. Однако столь шумно начавшееся разоблачение «гнезда спекуляции» закончилось ничем. Влиятельную оппозицию административным мерам по борьбе со спекуляцией власти встретили в лице торгово-промышленного сословия. Его представители выступали за гибкую политику и предлагали правовые меры.

В контексте борьбы со спекуляцией любопытно рассмотреть вопрос о причастности к ней членов кадетской партии, бывшей в то время в Сибири «партией власти». По мнению Н. Г. Думовой, они лично были бескорыстны, но дух алчности, корысти был характерен для всех белых правительств. Широкое распространение спекуляции и коррупции компрометировало белое движение в глазах самых широких слоев населения.

При определении приоритетов в деятельности милиции правительство и министерство внутренних дел совершили, по нашему мнению, две стратегические ошибки. Первая заключалась в том, что

до середины 1919 г. правоохранительные органы не видели существенной разницы между вооруженными выступлениями рабочих и крестьян и организованной преступностью. У властей не было понимания того, что партизанское движение имело много общего, а нередко и было частью преступности. Однако у них были разные причины, а главное: партизаны и подпольщики имели политические цели. Это непонимание дорого стоило режиму и во многом предопределило его судьбу. Следовало принимать социально-экономические, а не только полицейские меры, которые могли привести лишь к временным успехам.

Вторая ошибка являлась типичной для российской бюрократии. Речь идет о неистребимой тяге власти к администрированию. В условиях «колчакии» милиция привлекалась к выполнению несвойственных ей функций. Традиционным было доминирование интересов государства над интересами граждан.

В связи с тем, что милиция не справлялась со всей совокупностью преступных проявлений, к борьбе с ними стала привлекаться армия. Документы, дававшие военным такие полномочия, не отличались высокой юридической техникой. Употребляемое в них понятие «порочный и ненадежный элемент» не имело правового содержания, что влекло за собой вольную трактовку образа противника.

Установление порядка в тылу имело последствия. С одной стороны, нашлись сторонники порядка: городская буржуазия, зажиточные крестьяне, большая часть казаков, либеральная интеллигенция. Поддерживали режим и те сибиряки, которые «просто» хотели установления на территории «колчакии» элементарного порядка. Они организовывали «добровольные» дружины для борьбы с партизанами.

С другой стороны, карательные действия и произвол со стороны военных и милиции придавали значительный импульс партизанскому движению, массовому уклонению от мобилизации в армию, дезертирству.

Традиционным для России негосударственным правоохранительным органом оставалась адвокатура в лице присяжных поверенных. Нормативной основой их деятельности оставалось законодательство царской России. В 1918–1919 гг. в округах Омской и Иркутской судебных палат сохранилась примерно та же численность присяжных поверенных. Сохранялось и дореволюционное отставание по «насыщенности» адвокатами районов Сибири от центральных губерний. Более того, в условиях Гражданской войны нагрузка защитников еще более выросла, однако требования к ним остались прежние.

Было сохранено право участников судебного процесса на защиту и вызов дополнительных свидетелей по делу. Более того, продолжала действовать норма о том, что защитник, в оговоренных законом случаях, мог быть предоставлен по назначению суда бесплатно. Присяжные поверенные в Чите, Иркутске и Омске пытались включиться в деятельность военно-полевых судов, чтобы обеспечить и при осуществлении чрезвычайного законодательства защиту гражданских прав подсудимых.

Сибирская общественность положительно встретила предложенную министерством юстиции идею допуска присяжных поверенных к делу на этапе предварительного следствия. Эта мера вполне отвечала европейскому опыту.

Безусловно, кратковременное пребывание у власти не позволяет в полной мере оценить степень эффективности правоохранительной системы А. В. Колчака. Однако здесь можно высказать некоторые соображения. Верховный правитель действовал в соответствии с известным российским алгоритмом «слово и дело». Декларации руководителей, носившие либеральный характер, вступали в противоречие не только с реалиями Гражданской войны, но и с действиями властей разного уровня. Склонность омского режима в силу его военного характера к администрированию и к насилию оттолкнула от него большую часть населения Сибири.

Нам И. В.

Национальный вопрос в политической практике сибирского областничества в условиях Гражданской войны*

Национальная политика сибирского областничества, представлявшего собой одну из разновидностей регионалистско-федералистского движения, представляет собой во многом предвосхитившую современные подходы попытку поиска и осуществления демократически-правового решения национального вопроса в многонациональном государстве. Особый интерес представляет опыт разработки программных документов областников в национальном вопросе в

* Работа выполнена при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», мероприятии 1.5.

условиях гражданской войны, не получивший еще должного освещения в отечественной историографии.

С точки зрения областников, решение национального («инородческого») вопроса было возможно вместе с достижением автономии Сибири. Для политического выражения своей концепции они прибегли к кадетской формуле «культурного самоопределения». Но до 1917 г. областники не имели общепринятой национальной программы. Одни – «автономисты» – строили свои предложения на принципе территориальной (областной) автономии с элементами национальной автономии. В основу построений «централистов» был положен принцип национальной автономии в чистом виде¹.

После Февральской революции, как сама областническая идея, так и национальная программа и политика областников претерпели существенные изменения. Сказался подъем национальных движений, а также влияние общероссийских партий, особенно эсеров, сибирские организации которых активно включились в областническое движение. Состоявшиеся в августе, октябре и декабре 1917 г. в Томске областные съезды провозгласили автономию Сибири и создали областные органы власти: законодательный – Сибирскую областную думу (Сибоблдуму), и исполнительный – Сибирский областной совет (Сибоблсовет).

Провозглашенные этими съездами программные установки представляли синтез воззрений «автономистов» и «централистов», включая эсеровские подходы: широкая автономия Сибири в федеративной демократической России и обеспечение национальных прав через предоставление территориальной автономии народам, проживающим компактно, и экстерриториальной, персональной – национальным меньшинствам и «нациям без территории»², (т. е. не имеющим компактной территории расселения).

В структуре областных органов власти были образованы специальные органы – национальный совет Сибоблсовета и национальная фракция Сибоблдумы, которые вели подготовительную работу в сфере национальной политики. Был разработан ряд законопроектов: «О Министерстве туземных дел», «О Сибирском туземном фонде», «О территориях, переходящих в ведение Сибирского министерства туземных дел», «О туземном национальном совете», «Об учреждении Министерства экстерриториальных народностей» и др. Сибоблдума до разгона большевиками успела принять на своей 1-й сессии в январе 1918 г. лишь «Положение о территориях» и проекты о министерствах туземных и экстерриториальных дел.

Деятельность областников, насильственно прерванная Советской властью, возобновилась после ее свержения в июне 1918 г. 30 июня председатель Сибоблдумы И. А. Якушев передал власть в Сибири пятерке министров — П. В. Вологодскому, В. М. Крутовскому, И. А. Михайлову, Г. Б. Патушинскому, М. Б. Шатилову (четверо из них, кроме Михайлова, были областниками), образовавших Временное Сибирское правительство. ВСП заняло в национальном вопросе, как и в вопросе о власти, более консервативную позицию, чем Дума. Выступая как орган областной автономии, ВСП откладывало решение национального вопроса до созыва Всесибирского учредительного собрания. 5(18) июля был обнародован проект «Временного положения о культурной автономии национальностей Сибири»³, в котором выражалось отрицательное отношение к предоставлению национально-территориальной автономии народам Сибири. Отказываясь «признавать избранные некоторыми национальностями комитеты (например, Алаш-Орда киргиз-кайсаков) органами национально-территориальной государственной власти», ВСП давало понять, что все попытки самоопределения на основе национально-территориальной автономии до Учредительного собрания будут пресекаться.

Вместе с тем ВСП соглашалось на предоставление «отдельным» национальностям, составляющим не менее 10% местного населения, культурно-национальной автономии, ограничивая ее функции сферой школы, языка и судопроизводства. Правительственный проект имел мало общего с прежними законодательными инициативами областников. По существу он не выходил за рамки кадетской формулы «культурного самоопределения». Близость к ортодоксальному областничеству проявилась и в том, что культурная автономия предоставлялась не пришлым меньшинствам и «нациям без территории», как об этом говорилось в решениях областных съездов, а коренному — «туземному» населению.

На то, что объектом внимания в национальной политике ВСП являлось «туземное» население, указывает и факт образования в его составе Министерства туземных дел (МТД), хотя на январской сессии Думы были утверждены законопроекты о создании министерств и туземных, и экстерриториальных дел. На должность министра туземных дел был назначен эсер М. Б. Шатилов. При МТД создавался ученый совет, который должен был заниматься разработкой мероприятий, касающихся туземных народностей Сибири. Установление связи между отдельными народами возлагалось на создаваемый при министерстве Совет по туземным делам с совещательными функ-

циями. Работу МТД предполагалось строить на основе выработанных в январе 1918 г. законопроектов⁴.

О том, что в правительственной программе МТД отводилось важное место, можно судить и по выступлению П. В. Вологодского на открытии 15 августа 1918 г. 2-й сессии СОД. Притязания национальностей, оглашенные на этой сессии, были умеренными и не противоречили законодательным инициативам сибирских областных органов власти. Национальная фракция требовала «издания неотложнейших законов», регулирующих автономную жизнь и равноправие языков «в публичной жизни, в частных и частно-правовых сношениях, а также в признании прав языка в школе, суде, правительственных и общественных учреждениях».

Члены Думы от туземных племен, высказавшись за признание МТД «верховным органом управления туземцев и верховным арбитром во всех спорах туземных и нетуземных национальностей между собою», указали на необходимость признания «за территориально-обособленными туземными племенами» права «на установление своих бытовых законов в области суда и управления» и на осуществление национального самоуправления. В Декларации секции экстерриториальных народов содержалась формулировка оснований, на которых должен строиться законопроект о национально-персональной автономии для внесения его на рассмотрение Сибирского Учредительного собрания⁵.

Под давлением ВСП Дума 20 августа вынуждена была прервать работу до 10 сентября⁶. По возобновлении деятельности Думы ее левому крылу пришлось вступить в борьбу за власть с Омским правительством, которое «всячески старалось вести самостоятельную политику, не считаясь с Думой...»⁷. Конфликт разрешило Государственное совещание в Уфе (8–23 сентября 1918 г.), принявшее компромиссное решение об образовании Всероссийского временного правительства (Директории). Была принята программа, сочетающая и территориальный, и экстерриториальный подходы к решению национального вопроса – «устройство освобождающейся России на началах признания за ее отдельными областями прав широкой автономии, обусловленной как географическим и экономическим, так и этническим признаками, предлагая окончательное установление государственной организации на федеративных началах полномочным Учредительным собранием». За «национальными меньшинствами, не занимающими отдельной территории», признавалось «право на культурно-национальное самоопределение»⁸.

Директория во имя централизации власти устранила все областные правительства и добилась самороспуска Сибоблдумы. Лишившись одновременно своего органа в системе исполнительной власти и возможности представлять интересы аборигенного населения в областной думе, туземная секция национальной фракции создала Сибирское туземное национальное бюро, не сумевшее, однако, развернуть сколько-нибудь широкую деятельность.

С установлением власти Верховного Правителя России адмирала А. В. Колчака, начался новый этап национальной политики, в основу которой была положена доктрина «целокупной», «единой и неделимой» России. Но учитывая военно-политическую обстановку и масштаб национальных движений, А. В. Колчак избегал открыто заявлять о своих великодержавных устремлениях, придерживаясь формулы «непредреждения государственного строя» до окончания гражданской войны⁹. В своих публичных заявлениях и декларациях он относил рассмотрение национальных проблем на усмотрение Учредительного собрания, которое обещал созвать сразу после разгрома большевизма. Национальную политику колчаковщины характеризует отрицательное отношение к любым национально-территориальным притязаниям и к культурной автономии. Это недоверие выразилось и в снижении статуса МТД, которое было реорганизовано в туземный отдел МВД, почти сразу же превратившийся в подотдел сельского управления того же ведомства.

В условиях колчаковщины вынуждены были существенно скорректировать свои предложения по решению «иностранческого» вопроса. Правые областники в «Декларации сибиряков-областников» заявили о признании власти Верховного правителя «переходной формой» до победы над большевиками и созыва Учредительного собрания, особо выделив необходимость «защиты земельных прав старожилов, казаков и иностранцев» и «хозяйственного устройства» переселенцев¹⁰. Позиция левых была сформулирована иркутской группой областников в декларации «Чего должны добиваться сибирские областники-автономисты». Тем народностям, которые «пришли уже к сознанию общности своих интересов и имеют налицо культурные силы, способные организовать управление и заведывание собственными нуждами и пользами (буряты, киргизы, якуты, алтайцы и татары)» предоставлялось право провинциальной автономии¹¹.

Последняя попытка решить «иностранческий вопрос» в контексте вопроса об автономии Сибири связана с работой подкомиссии, возглавляемой видным областником Н. Н. Козьминым, которой

поручалось разработать положение о выборах в Сибирский представительный орган. Суть его предложений сводилась к учреждению наряду с генерал-губернатором, представляющим центральную власть Сибирской областной думы и Сибирского областного совета. За туземными племенами, имеющими свою организацию, признавалось право «передать в ведение своих организаций все дела, относящиеся к их вере, языку и просвещению». Территории, занимаемые туземными племенами, выделялись «по возможности, в самостоятельные земские единицы, обладающие всеми полномочиями, какими обладают соответствующие земства». Проектом Козьмина предусматривалось создание Совета туземных дел, деятельность которого должна быть направлена на развитие просвещения и экономического благосостояния «туземных племен»¹².

Примечания

¹ Некрасов Н. В. Письма о национальностях и областях. Культурные и политические проблемы Сибири // Русская мысль. 1912. № 2. С. 112.

² См.: Нам И. В. Национальный вопрос в программных установках сибирских областников, законотворческой и политической практике Сибирской областной думы (1917 – январь 1918 гг.) // Вестник Томского государственного университета. № 281. 2004. С. 47–57.

³ Омский вестник. 1918. 5(18) июля.

⁴ См.: Нам И. В. Проблема аборигенного населения в законотворческой деятельности сибирских областников // Коренные народы Сибири: проблемы историографии, истории, лингвистики. Томск, 2004. С. 99–111.

⁵ ГАТО. Ф.Р-72. Оп.1. Д.48. Л.79–84.

⁶ ГАТО. Ф.Р-72. Оп.1. Д.48. Л. 98об.

⁷ Вегман В. Сибоблдума // Сибирские огни. 1923. № 4. С. 105.

⁸ Архив русской революции. Т. 12. Берлин, 1923. Т. XII. С. 190–191.

⁹ См. об этом: Остапенко А. И. «Белое движение» и проблема целостности России // Российское государство и общество. М., 1999. С. 522–523.

¹⁰ Сибирская жизнь. 1919. 9 июля.

¹¹ НАРБ. Ф. Р-483. Оп. 1. Д. 4. Л. 1–2.

¹² ГАРФ. Ф. 176. Оп. 1. Д. 53. Л. 27 об.

**Газетная пресса органов государственной власти
в Сибири в период «демократической контрреволюции»
(конец мая – середина ноября 1918 г.)***

Одним из основных ресурсов государственной власти является информация. Владение и, что не менее важно, – эффективное распоряжение им составляет базовую задачу управления. В период революции и гражданской войны в России необходимость ее решения стояла крайне остро, так как борющимся за власть общественно-политическими силами предстояло не просто воспроизводить или преобразовывать информационную систему, но создавать новую или реанимировать прежнюю.

В отечественной историографии информационная политика антибольшевистских органов государственной власти на востоке России оценивается неоднозначно. Л. А. Молчанов пришел к выводу о монополизации газетного дела контрреволюционными правительствами и ведении ими агрессивной пропаганды¹. А. Л. Посадсков, Е. В. Луков и Д. Н. Шевелев, напротив, оценили действия власти в области распространения информации и пропаганды как слабые, разобщенные, не имевшие единой идейно-политической базы². В. М. Рынков заключил, что ни одно антибольшевистское правительство на востоке России не преследовало цели установить тотальный контроль над общественным мнением³.

В основе этих суждений авторов лежит, как правило, изучение центральных аппаратов информационных и пропагандистских учреждений правительств. В то же время вопросы функционирования газетной прессы, непосредственно транслировавшей в общество государственную идеологию и политику, остаются слабо разработанными. Задачами данного исследования являются определение места и роли изданий органов государственной власти в информационном пространстве на территории Сибири, находившейся под управлением сначала Западно-Сибирского комиссариата, затем – Совета министров Временного Сибирского правительства и, наконец, Временного Всероссийского правительства.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 11-01-00222а).

Свержение Советской власти в Сибири в конце мая – августе 1918 г. привела к качественным изменениям в сфере массовой информации. Формирование советско-большевистской системы с ее установками на ликвидацию оппозиционной прессы и создание государственно-партийной монополии на каналы распространения информации было приостановлено. В Сибири, по существу отрезанной от регулярных коммуникаций с европейской частью России, складывалась собственная система массовой информации, неотъемлемой частью которой были газеты органов государственной власти.

В общем объеме сибирских газет, насчитывавшем летом – осенью 1918 г. около 120 наименований изданий, периодика органов государственной власти составляла 12 наименований⁴ или 10%. В количественном отношении она значительно уступала печати политических партий (35%), частной общественно-политической периодике (20%), немного отставала от кооперативной (12%) и земской (12%) прессы. Динамика общей численности газет органов государственной власти летом – осенью 1918 г. была положительной. В июне выходило два издания, в июле – шесть, в августе – девять, в сентябре – десять, в октябре и ноябре – по девять.

Первыми изданиями органов государственной власти сибирской контрреволюции были уездные «Нижеудинские бюллетени», выходившие с 15 июня до 2 ноября 1918 г., и орган Енисейского губернского комиссариата «Воля Сибири», появившийся 22 июня 1918 г. и печатавшийся до 15 января 1919 г. В остальных губернских и областных городах после смены власти, как правило, проходило около месяца до издания повременного органа местного управления. Первый номер «Акмолинских областных известий» увидел свет 13 июля, «Ведомостей Тобольского губернского комиссариата» – 23 июля, «Алтайских губернских известий» – 28 июля, «Иркутских губернских ведомостей» – 31 июля, «Якутского областного вестника» – 3 сентября. Открытым остается вопрос о времени учреждения «Забайкальских областных ведомостей», номера которых за 1918 г. разыскать не удалось.

«Официальные известия Томского губернского комиссариата» начали выходить 1 августа, по прошествии почти двух месяцев после образования Томского губернского комиссариата. Более того, «Официальные известия» издавались в качестве приложения к «Народной газете», являвшейся органом Томской губернской земской управы, хотя нумеровались отдельно. В отличие от остальных губернских и областных администраций у Томского комиссариата до конца ноября 1918 г. не было собственной типографии.

«Семипалатинские областные ведомости» начали издаваться 13 августа 1918 г. Газета была учреждена фактически начальником Семипалатинского военного штаба есаулом П. И. Сидоровым. В июне он сосредоточил в своих руках всю власть в области, а в июле постепенно начал передавать полномочия по гражданскому управлению областному комиссару Г. Г. Кроту. 10 августа 1918 г. П. И. Сидоров приказал передать областную типографию Семипалатинскому комиссару и издавать «Семипалатинские ведомости» для публикации приказов и распоряжений правительства⁵.

Последними по времени начали издаваться газеты высших органов государственной власти сибирской контрреволюции. Западно-Сибирский комиссариат, выполнявший функции высшего органа власти в конце мая – июне 1918 г., собственной газеты не выпускал. Совет министров Временного Сибирского правительства принял решение об учреждении собственной официальной газеты «Сибирский вестник» на своем первом заседании, состоявшемся 30 июня 1918 г. Однако выход издания задержался из-за долгих поисков квалифицированного редактора и состоялся только 16 августа 1918 г.

Третьего ноября 1918 г. Временное Сибирское правительство передало власть на территории края Временному Всероссийскому правительству, образованному 23 сентября 1918 г. на Уфимском государственном совещании. Уже 4 ноября правительством, не имевшим до тех пор собственного печатного органа, было принято постановление «Об издании „Вестника Временного Всероссийского правительства“». Его первый номер вышел 6 ноября 1918 г. Газета стала преемницей «Сибирского вестника». Штаты редакции и конторы, кредиты, ассигнования, права и обязанности по договорам «Сибирского вестника» перешли к издательству «Вестника Временного Всероссийского правительства»⁶.

В целом учреждение изданий органами государственной власти летом 1918 г. проходило медленно, бессистемно, асинхронно с образованием самих институтов управления. Появление газет зависело от военно-политической обстановки, инициативы и оперативности чиновников, занимавшихся организацией информирования населения. Несмотря на сознание необходимости обеспечить общественную поддержку власти путем расширения информационно-пропагандистского аппарата, выпуск газет оставался второстепенной задачей. Информационные «дыры», возникавшие в результате свержения Советов, оперативно закрывали общественно-политические издания политических партий, частных лиц, кооперации и земства. В большинстве своем их издатели и редак-

торы выражали лояльное отношение к новой власти и публиковали ее ключевые документы.

Издания органов государственной власти печатались на четырех полосах различного формата: от крупного (45 x 60 см) для правительственных газет до самого мелкого (20 x 30 см), в котором печатался «Якутский областной вестник». Официальные издания выходили стабильно, как правило, один – два раза в неделю небольшими тиражами от трехсот до тысячи экземпляров. Ежедневными массовыми газетами были только правительственные «Сибирский вестник», затем – «Вестник Временного Всероссийского правительства» и издававшаяся в Красноярске губернская «Воля Сибири», разовые тиражи которых составляли от пяти до семи тысяч экземпляров.

Распространялись официальные газеты главным образом по подписке, которая была обязательна для всех губернских и уездных правительственных учреждений, самоуправлений и должностных лиц. Кроме того, газеты продавались в розницу. Но такая форма распространения налаживалась медленно, а продажи зачастую ограничивались городом, в котором печатались издания.

Статус, география размещения, регулярность выхода и широта распространения газет органов власти летом-осенью 1918 г. в Сибири свидетельствуют о складывании сети антибольшевистских официальных изданий. Она охватывала все губернские и областные административные центры края. Это было вполне рационально, так как ключевые управленческие решения принимались здесь, здесь же концентрировались людские и материальные ресурсы, необходимые для издания прессы, и читательская аудитория. Газеты уездных органов власти были единичны, что можно объяснить несколькими причинами. Во-первых, уездные администрации располагали крайне ограниченными финансовыми и материальными средствами. Во-вторых, количество обязательных для публикации документов и сообщений уездных администраций было невелико. Их распространение могли обеспечить местные кооперативные, земские или частные издания.

В русле сложившейся до революции традиции, пресса органов государственной власти, в первую очередь, учреждалась для публикации нормативно-правовых и делопроизводственных документов, а также официальных объявлений⁷. То есть основной функцией этой группы изданий было информационное обеспечение работы государственного аппарата. Для ее реализации редакторами газет назначали профессиональных чиновников (И. В. Бирюков, Н. М. Винокуров и др.) или опытных, лояльных власти беспартий-

ных журналистов (П. Ф. Пономарев, Л. С. Ушаков и др.). Скорее исключением, чем правилом, был выпуск нескольких номеров «Сибирского вестника» кадетом В. А. Кудрявцевым и издание «Воли Сибири» эсерами сначала членом (с 30 июня по 16 июля 1918 г. – председателем) Енисейского губернского комиссариата Н. Н. Козьминим, затем – губернским комиссаром П. З. Озерных.

Ключевыми разделами газет были «Официальный отдел», в котором помещались документы нормативно-правового и делопроизводственного характера, и «Объявления» государственных учреждений и служащих. Редакторы изданий губернских и областных администраций за редким исключением ограничивались ведением только этих разделов.

Отбор материалов для публикации не был регламентирован какими-либо документами. Тем не менее, приоритет практически во всех официальных газетах отдавался документам, определявшим формирование и функционирование органов государственного управления и армии. Значительное внимание уделялось таким насущным социальным и экономическим проблемам, как продовольственное обеспечение городов, налогообложение, трудовые конфликты и т. п. Остальные вопросы внутренней и внешней политики оставались на втором плане.

Задача формирования общественного мнения не выносилась в официальной прессе в качестве приоритетной. Агитационно-пропагандистские материалы на страницах газет, как правило, были немногочисленны и малы по объему. По происхождению они зачастую относились к документам органов верховной власти и не были творчеством редакций и журналистов изданий. Специальные статьи и очерки, транслировавшие идейно-политические установки власти, регулярно публиковались только в «Вестнике Временного Всероссийского правительства».

Официальные газеты могли содержать материалы новостного характера. «Неофициальный отдел», наполненный телеграммами и заметками, был неотъемлемой частью правительственных «Вестников», но в газетах губернских и областных администраций встречался крайне редко. В отделе публиковались сообщения Сибирского, Всероссийского и Чехословацкого телеграфных агентств, сводки штаба Верховного главнокомандования и подборки хроникерских заметок «По Уралу», «По Сибири», «Омск», «По ведомствам», «За границей» и ряд других. В газетах помещались разнообразные сведения обо всех сферах жизни сибирского общества: экономике, по-

литике, культуре, а также о положении на военных фронтах, внешнеполитической ситуации.

Редакции производили отбор новостной информации, стремясь показать положительные стороны деятельности органов государственной власти и минимизировать появления на страницах газет сведений о политических конфликтах, негативных экономических тенденциях и неудачах на фронте. При этом официальные газеты не могли полностью игнорировать или грубо фальсифицировать информацию, так как в условиях относительно широкой свободы слова боролись за доверие читателей.

От остальных газет органов государственной власти по содержанию сильно отличалось издание Енисейского губернского комиссариата. Это проявилось даже в названии – «Воля Сибири», нарушавшем неформализованную традицию наименования официальных газет «Известиями», «Ведомостями» или «Вестниками». По типу издания «Волю Сибири» можно квалифицировать как общественно-политическую газету. Основную ее часть занимала информация о политических и военных событиях, регулярно публиковались передовые статьи на злободневные темы. В «Части официальной» печатались значимые, по мнению редакции, законодательные и распорядительные документы органов власти и самоуправления. Издание в большей степени занималось внедрением в общественное мнение идейно-политических установок эсеров и укреплением позиций партии, чем распространением директив органов власти.

Общественно-политической газетой были также уездные «Нижеудинские бюллетени» с характерным набором разделов и рубрик: передовая статья, обзор прессы, фельетон, местная хроника, письма в редакцию и др. Но в отличие от «Воли Сибири», политическое направление этой газеты, регулярно публиковавшей статьи о свободе, равенстве, справедливости и необходимости расширения самоуправления, не было ярко выраженным. Его можно определить как демократическое.

Растянувшийся на четыре месяца процесс учреждения официальной печати, редкая периодичность и довольно скромные размеры тиражей газет не могли обеспечить газетной прессе органов государственной власти доминирование в информационно-пропагандистском пространстве Сибири в период «демократической контрреволюции». Летом – осенью 1918 г. органы управления создали достаточно широкую и стабильно функционировавшую сеть газет, не сформированную, однако, в слаженно работавшую систему изданий. С помощью

официальной прессы решалась в первую очередь ограниченная задача информационного обеспечения деятельности и укрепления власти. Качество ее реализации в условиях гражданской войны было довольно низким, потому что сказывалось отсутствие политического единства в антибольшевистском движении и представление о газетной периодике как второстепенном ресурсе управления.

Примечания

¹ Молчанов Л. А. Газетный мир антибольшевистской России (октябрь 1917–1920 гг.) М., 2001. С. 11, 18, 20.

² Посадсков А. Л. Книжная культура Сибири и Дальнего Востока в условиях гражданской войны (лето 1918 – 1920 г.) // Очерки истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока. В 5-х тт. Новосибирск, 2002. Т. 3. С. 92; Луков Е. В., Шевелев Д. Н. Осведомительный аппарат белой Сибири: структура, функции, деятельность (июнь 1918 – январь 1920 г.). Томск, 2007. С. 167.

³ Рынков В. М. Антибольшевистские политические режимы и общество: взаимодействие на информационном пространстве восточных регионов России // Контрреволюция на востоке России в период гражданской войны (1918–1919 гг.). Сб. науч. статей. Новосибирск, 2009. С. 121.

⁴ Из подсчетов исключены бюллетени, выпускавшиеся чрезвычайными временными органами власти, так как их выпуск не был длительным и регулярным.

⁵ Семипалатинские областные ведомости. 1918. 13 авг. Приложение.

⁶ Сибирский вестник (Омск). 1918. 16 авг.; Вестник Временного Всероссийского правительства (Омск). 1918. 6 нояб.

⁷ Сибирский вестник (Омск). 1918. 16 авг.

Шевелев Д. Н.

Антибольшевистские государственные образования на территории Сибири и крестьянство в годы Гражданской войны: институционализация политического порядка в контексте истории повседневности

Хорошо известно, что к началу 1917 г. крестьянство являлось преобладающей социальной группой в структуре населения Российской империи. Так в сельской местности шести сибирских губерний и областей (Акмолинской, Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской, Забайкальской) проживало около 10 млн. человек, что составляло свыше 90 % всех жителей региона. В переломных для страны событиях революции и последовавшей за ней гражданской войны

именно социальная активность крестьянства во многом определяла траекторию развития политических и экономических процессов.

Изучение истории сибирского крестьянства в 1918–1920 гг. имеет давнюю традицию. В работах Ю. В. Журова, П. И. Рощевского, В. Т. Шуклецова, В. И. Шишкина, Н. К. Ведяшева, В. М. Рынкова, Ю. Д. Гражданова, Ю. Г. Лончакова, И. В. Курышева и ряда других авторов исследованы многие аспекты данной темы: социально-экономическое положение деревни в период гражданской войны, особенности крестьянской психологии, аграрная политика антибольшевистских режимов, специфика взаимодействия власти и сельского населения, повстанческо-партизанское движение и т. д. В то же время проблема институционализации установленного антибольшевистскими силами политического порядка, связь этого процесса с трансформацией социальных практик, повседневной жизнью сибирской деревни изучена недостаточно.

Рассматривая процесс утверждения Омского политического режима, мы будем исходить из понимания того, что власть не представляет собой некую внешнюю данность, а проявляет себя в повседневных жизненных практиках. Таким образом, любой политический порядок – это, прежде всего социальный конструкт, результат сложного социального взаимодействия, находящийся в состоянии перманентного структурирования и институционализации образующих его практик. При этом политический порядок на макроуровне связывает социальные порядки, представляющие собой воспроизводимые отдельными социальными группами институционализированные социальные практики, на микроуровне. Такой подход позволяет соединить в рамках исторического анализа три проблемных поля: политический режим, социальные практики и повседневность. Исходя из этого сибирскую деревню, выступавшую для противоборствующих сторон важным источником материальных и людских ресурсов, можно рассматривать, как сложную арену взаимодействия акторов различного уровня: сельских обывателей, агентов центральной и местной власти, военных, повстанцев и партизан. Легитимация Омского правительства выражалась не только в правовом и идеологическом обосновании своих притязаний, но и в стремлении институционализировать государственные повинности, сделать их неотъемлемой составной частью повседневности того времени.

Формат данной статьи не позволяет подробно остановиться на всех социальных практиках, в институционализации которых было заинтересовано государство. В качестве примера рассмотрим такую

в условиях гражданской войны политизированную и жизненно важную для режима процедуру как военная мобилизация.

Победа в начавшейся гражданской войне, военный разгром Советской республики, несомненно, являлась приоритетной задачей антибольшевистских политических режимов, основным государственным интересом пришедших к власти в ходе антисоветского переворота политических сил. Непременным условием для достижения этой цели было создание сильной, боеспособной армии. В то же время новой власти необходимо было убедить основную массу малосознательных обывателей в том, что борьба с большевиками является жизненно важной задачей для самого населения. В этой связи проблема формирования вооруженных сил Временного Сибирского правительства актуализировалась сразу в двух плоскостях. С одной стороны это происходило через развертывание в периодической печати, воззваниях, листовках политического нарратива, в основе которого лежала идея защиты революционных завоеваний, «истинного народоправства» и продолжения войны с Германией. С другой стороны власть стремится к институционализации (вернее – к реинституционализации) определенных социальных практик, связанных с пополнением армии.

Как известно первоначально комплектование Западно-Сибирской (с конца июля – Сибирской) армии осуществлялось за счет приема добровольцев. Однако вскоре выяснилось, что идея создания добровольческой армии в сельской местности широкой общественной поддержки не получила и «большого количества добровольцев из среды крестьян в армию ожидать нельзя»¹. 31 июля 1918 г. вышел указ Временного Сибирского правительства о призыве на военную службу лиц, родившихся в 1898–1899 гг. «Призыву, – говорилось в указе, – подлежит все коренное русское население и переселенцы, прибывшие в Сибирь до 1-го января 1915 года»². В каждом уезде призыв должен был осуществляться уездным воинским начальником, либо начальником местной воинской команды при содействии городской и уездной милиции. Видимо предвидя возможные осложнения, командующий Сибирской армией генерал-майор А. Н. Гришин-Алмазов 16 августа 1918 г. издал приказ № 46, в котором при проведении призыва новобранцев категорически предписывал «соответствующим лицам и учреждениям “приказывать”, “требовать”, а отнюдь не просить и не уговаривать». «Уклоняющихся от воинской повинности, – говорилось далее в приказе, – арестовывать и заключать в тюрьму для суждения по законам военного времени»³. Первым днем призыва было установлено 25 августа 1918 г. Накануне

управляющим министерством внутренних дел С. С. Старынкевичем всем губернским комиссарам было разослано специальное распоряжение. Глава МВД также потребовал «от всех подчиненных мне на местах лиц напряжения всех сил для того, чтобы объявленный указом Временного Сибирского правительства 31 июля призыв молодых граждан в войска шел стройно и спокойно». Органам центральной власти и местных самоуправлений предлагалось объединить свою деятельность⁴.

Тем не менее, подготовка местных военных и гражданских властей к проведению мобилизации оказалась явно недостаточной. В ряде уездов воинские присутствия своевременно не разослали объявления, не было завершено составление списков новобранцев, не хватало подвод и пароходов для их отправки на сборные пункты. Кроме того сказался недостаток подготовленных помещений для размещения мобилизованных, необходимого обмундирования. Зачастую на сборных пунктах для новобранцев не было вовремя организовано питание. Все это придавало некоторый оттенок старорежимности данному мероприятию.

Организационная неразбериха и бытовые трудности, с которыми столкнулись новобранцы, порождали различные домыслы. В Новониколаевске в конце августа – начале сентября 1918 г. ходили упорные слухи о том, что «в войсках гарнизона распространился особый вид эпидемии, сопровождающийся массовыми смертными случаями»⁵. В Иркутской губернии народная молва настойчиво твердила «будто новобранцев травят какими-то газами, что их поместили в конюшнях»⁶. Слухи способствовали формированию вокруг мобилизации нервной обстановки, создавали почву для антиправительственной пропаганды.

В некоторых уездах сельские сходы постановили «не давать солдат для армии». В таких случаях власти, опираясь на воинские команды и местную милицию, применяли силу, что, в свою очередь, породило волну насилия. Так, направленный в Нелюбинскую волость Томской губернии конный отряд не только препроводил новобранцев в Томск, но и проявил «незаконные действия в отношении населения как-то: насильственное отбирание провианта, нанесение побоев и прочее»⁷.

Объявленная Временным Сибирским правительством мобилизация явилась причиной нескольких крестьянских восстаний⁸. Кроме того распространенным явлением становится дезертирство. В дальнейшем стихийный крестьянский протест, вызванный принудительной мобилизацией, восстановлением сбора налогов, а также

другими насильственными действиями государства и его агентов, послужил основой для развертывания массового повстанческо-партизанского движения в Сибири. Все это говорило о том, что в глазах деревенского обывателя Омское правительство не обладало легитимностью. Попытки же власти институционализировать государственные повинности как социальную практику и тем самым закрепить свое политическое господство в деревне привели к обратному эффекту, лишь увеличивая дистанцию между властью и крестьянством. Таким образом, уже первый призыв новобранцев, несмотря на всю его успешность, породил для руководящего центра восточной контрреволюции многие проблемы. Последующие действия вставшего у руля власти после переворота 18 ноября 1918 г. Российского правительства адмирала А. В. Колчака свидетельствовали о том, что, теряя контроль над деревней, белые все больше делали ставку на город. «Печально, — писала 16 августа 1919 г. газета “Сибирская жизнь”, — что за год с лишком прошедший со времени изгнания большевиков, власть, политика которой, несмотря на происходившие смены, осталась в общем, устойчивой, не сумела или не смогла достичь возможности опереться на самый многочисленный и крепкий класс Сибири».

Примечания

¹ Народная газета (Томск). 1918. 7 июля (24 июня).

² Временное Сибирское правительство (26 мая — 3 ноября 1918 г.). Сборник документов и материалов. Новосибирск, 2007. С. 227.

³ Сибирский вестник (Омск). 1918. 21 авг.

⁴ Сибирская жизнь (Томск). 1918. 27 авг.

⁵ Народная Сибирь (Новониколаевск). 1918. 6 сент.

⁶ ГАРФ. Ф. Р-1561. Оп. 1. Д. 2. Л. 51.

⁷ ГАТО. Ф. Р-1362. Оп. 1. Д. 286. Л. 1об.

⁸ Симонов Д. Г. Белая Сибирская армия в 1918 году. Новосибирск, 2010. С. 146–148.

Система управления антибольшевистскими вооруженными силами на востоке России: реформы генерала М. К. Дитерихса (лето-осень 1919 г.)*

К началу лета 1919 г. система управления антибольшевистскими вооруженными силами выглядела следующим образом. Верховный правитель адмирал А. В. Колчак занимал высший военный пост Верховного главнокомандующего. Начальником штаба Верховного главнокомандующего и одновременно военным министром Российского правительства являлся генерал Д. А. Лебедев. Он имел двух помощников – генерала Ф. Г. Бурлина – по управлению Штабом Верховного главнокомандующего (Ставкой) и генерала А. П. Будберга – по управлению военным министерством.

Находившиеся в ведении Ставки войска подразделялись на три отдельные армии – Сибирскую (генерал Р. И. Гайда), Западную (генерал К. В. Сахаров) и Южную (генерал П. П. Белов). Театр военных действий этих армий образовывали три военных округа – соответственно Тюменский, Курганский и Оренбургский. Главные начальники этих округов по совместительству занимали должности начальников снабжений армий. Тыловые военные округа (Омский, Иркутский и Приамурский) находились в ведении военного министерства.

При всей внешней стройности подобная система управления, относительно к ее верхней составляющей, имела ряд недостатков. Прежде всего, совмещение двух должностей – руководителя Ставки и Военного министерства – объективно не позволяли генералу Д. А. Лебедеву осуществлять *полноценное* руководство в отдельности каждым из этих органов. Такой объем работы для одного человека был объективно неподъемным. Объединение в одних руках Ставки и Военного министерства, состоявшееся в мае 1919 г., являлось в первую очередь результатом жесткого противостояния в высших военных кругах, и лишь затем – стремлением к оптимизации системы военного управления.

По мнению Г. К. Гинса, «надежды на то, что генерал Лебедев, после того как он совместил положение начальника штаба с должностью военного министра, инкорпорируется в Совет министров и таким об-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 11-01-00222а)

разом сблизит военные дела с гражданскими совершенно не оправдались. Лебедев даже не появлялся в Совете министров. Его заменял генерал Будберг, который проявлял большую трезвость суждений, деловитость и подготовленность. Но он не был вершителем судеб, потому что блестящая ставка оставляла Военное министерство в тени»¹.

Находясь вместе со Ставкой в отдаленном от фронта Омске, и оказавшись втянутым во все хитросплетения внутривластной борьбы правящих кругов, Д. А. Лебедев не имел возможности оперативно принимать решения по руководству находившимися на фронте армиями и координировать их боевые действия. В результате в военных и политических кругах постепенно начало складываться, и в конце-концов сложилось мнение, что Ставка, занимаясь политической, мало интересуется проблемами фронта. Об этом открыто, в нарушение всякой субординации, заявил командующий Сибирской армией генерал Р. Гайда.

Начавшееся с конца мая 1919 г. отступление колчаковских армий потребовало решительных кадровых и организационных изменений. В этих условиях на военный Олимп начал стремительно продвигаться генерал М. К. Дитерихс. Его авторитет и прежние военные заслуги по мнению адмирала Колчака могли стать залогом выхода из кризисной ситуации на фронте.

В целях согласования действий Сибирской и Западной армий и Речной боевой флотилии адмирал А. В. Колчак 20 июня 1919 г. в полном составе подчинил их генералу М. К. Дитерихсу на правах главнокомандующего фронтом². Приказом адмирала А. В. Колчака от 14 июля 1919 г. генерал-лейтенант М. К. Дитерихс был назначен на вновь учрежденную должность главнокомандующего Восточным фронтом с подчинением ему всех войск Сибирской и Западной отдельных армий, которые сводились в три неотдельные армии. При этом Сибирская армия разделялась на 1-ю Сибирскую под командованием генерал-лейтенанта А. Н. Пепеляева и 2-ю генерал-лейтенанта Н. А. Лохвицкого, а Западная преобразовывалась в 3-ю, во главе которой остался генерал-майор К. В. Сахаров³. Следует отметить, что в результате этих преобразований у командующих армиями были изъяты полномочия по организации снабжения и комплектования подчиненных им частей и соединений. Отныне эти вопросы должны были решаться в штабе фронта.

Курганский и Тюменский военные округа на театре военных действий 6 августа были упразднены и объединены в Тыловый округ Восточного фронта (главный начальник округа – генерал-майор А. Г. Георгиевский)⁴. Ко времени образования Тылового округа в

его состав были включены Тобольский, Ялуторовский, Курганский, Ишимский, Тарский, Петропавловский и часть Тюкалинского уезда до левого берега р. Иртыш. Позднее, 16 августа, территория округа расширилась за счет Кокчетавского, Атбасарского и Акмолинского уездов⁵. Для координации деятельности уездных воинских начальников 24 июля 1919 г. образована Местная бригада Восточного фронта. Назначенный начальником бригады генерал-майор Г. С. Николаев непосредственно подчинялся начальнику тылового округа⁶. Для упорядочения пополнений Восточному фронту все кадровые бригады 1-й, 2-й 3-й армий были разделены на прифронтовые с непосредственным подчинением командующему армией и тыловые, подчиненные начальнику тылового округа фронта⁷.

10 августа адмирал Колчак возложил на главнокомандующего Восточным фронтом генерала М. К. Дитерихса временное исправление должностей начальника штаба Верховного главнокомандующего и Военного министра. Вместе с тем отдельные органы управления Восточным фронтом подлежали упразднению, с возложением всех их функций на Ставку и органы центрального военного управления. В тот же день генерал Дитерихс приказал штаб Восточного фронта – расформировать⁸. 12 августа генерал Дитерихс назначил генерал-майора А. И. Андогского – первым помощником, генерал-майора П. Г. Бурлина – вторым помощником, генерал-лейтенанта А. П. Будберга – третьим помощником начальника штаба Верховного главнокомандующего. Причем за последним сохранялся пост управляющего Военным министерством⁹.

Управляющий Военным министерством генерал А. П. Будберг все эти распоряжения охарактеризовал как «до нельзя странные», так как упразднялись только что сформированные штабы фронта и управления главного начальника снабжения фронта, а снабжение армий возлагалось непосредственно на главные управления Военного министерства, – «что то весьма импровизированное и противоречащее всему духу положения о полевом управлении войск...». «Из этих распоряжений, – писал А. П. Будберг, – лезет какое-то непонятное мне легкомыслие и подозрение, что новое трехглавое начальство совершенно не представляет себе, как производится и что значат такие преобразования и реформы... Для Дитерихса эти сложные, требующие многих недель времени переделки, представляются тем же, что переложить повода из одной руки в другую»¹⁰.

В результате преобразований, продолжавшихся около полутора месяцев, генерал Дитерихс вернул всю систему военного управления к положению, существовавшему до начала формирования

структур Восточного фронта. Но возвращение прежних функций Ставке уже не могло привести к восстановлению ее жизнедеятельности, так как за эти полтора месяца изоляции она утратила контроль за ситуацией на фронте. Поэтому 18 августа генерал Дитерихс вынужден был отдать распоряжение вновь сформировать походный штаб главнокомандующего Восточным фронтом.

Сохранив за Дитерихсом временное исправление должности начальника штаба Верховного главнокомандующего и главнокомандование Восточным фронтом, 27 августа 1919 г. адмирал Колчак возложил на управляющего Военным министерством генерала А. П. Будберга исправление должности военного министра с непосредственным подчинением Верховному правителю и Верховному главнокомандующему¹¹. Но при этом тыловые округа были изъяты из ведения военного министра и переданы в распоряжение главнокомандующего фронтом¹².

17 сентября адмирал Колчак повелел Ставку в настоящем ее составе расформировать, а главнокомандующему Восточным фронтом сформировать штаб и управления Восточным фронтом. Взамен упраздняемой Ставки решено было сформировать новый штаб Верховного главнокомандующего, разработка штатного расписания которого возлагалась на генерала Н. Н. Головина. Впредь до формирования Штаба Верховного главнокомандующего и Штаба Главнокомандующего Восточным фронтом, главнокомандующему фронтом генералу Дитерихсу предписывалось исполнять обязанности и начальника штаба Верховного главнокомандующего.

Спустя десять дней, 27 сентября генерал Дитерихс утвердил вновь разработанный временный штат Штаба Верховного главнокомандующего, в структуре которого имелись: Управление генерал-квартирмейстера, состоящее из оперативного и разведывательного отделов, и Управление дежурного генерала, в состав которого входили отдел Генерального штаба и по общим вопросам, инспекторский отдел, общий отел, а также управление коменданта Главной квартиры. Всего в штабе предполагалось иметь 50 офицеров и чиновников, 63 солдата, пять экипажей и восемь лошадей¹³.

И лишь 1 октября 1919 г. генерал Дитерихс приказал из Ставки и Походного штаба главнокомандующего Восточным фронтом сформировать штаб и управления Восточного фронта. Управление Восточным фронтом предписывалось образовать из штаба фронта (генерал-майор П. Ф. Рябиков) и отдельных управлений начальников, подчиненных непосредственно главнокомандующему, в том числе Управления полевого инспектора артиллерии фронта (генерал-

майор В. Н. Прибылович), Управления полевого инспектора инженеров фронта (генерал-лейтенант А. И. Ипатович-Горанский), Управления полевого инспектора интендантства фронта (полковник В. А. Лукашевский), Военно-административного управления фронта (генерал-майор С. А. Домонтович), Осведомительного управления фронта (полковник Д. Н. Сальников) и личного конвоя главнокомандующего (поручик М. К. Ермохин)¹⁴.

По свидетельству генерала К. В. Сахарова, «...реформы принесли вместо улучшения и облегчения большой вред. Надо было сначала подготовить тыл, провести быстрые и решительные реформы там, наладить безотказную работу и лишь после того ввести управление армиями в нормальную линию централизации. Так это представляется не только теперь, через призму прошлого времени, это было ясно и в те дни; я и мои ближайшие помощники делали тогда ряд представлений, пробовали доказать вред ломки, но, не достигнув ничего, обратили все свои силы на работу при новых условиях»¹⁵. Подобного же мнения придерживался генерал Г. И. Клерже: «Генерал М. К. Дитерихс бросил на произвол судьбы весь вопрос тыла и управления им»¹⁶.

В течение августа-октября 1919 г., в период решающих боев на фронте армия адмирала Колчака не имела полноценных высших органов военного управления, которые находились в состоянии перманентной реорганизации. Фактически, генерал Дитерихс разрушил всю ранее существовавшую систему высших органов военного управления, но взамен не создал ничего более-менее действенного. Армия и тыл в результате этих реформ оказались предоставленными сами себе без какой-либо системы взаимодействия. М. К. Дитерихс, сосредоточив в своих руках широкие права и полномочия, оказался не в состоянии воспользоваться ими. При наличии людских и материальных ресурсов, но в отсутствии механизмов управления войсками, снабжения и пополнения действующих на фронте соединений, колчаковская армия и опиравшийся на нее политический режим были обречены на поражение.

Примечания

¹ Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918–1920: впечатления и мысли члена Омского правительства. М., 2007. С. 444.

² Голос Сибирской армии (Екатеринбург). 1919. 26 июня.

³ РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 13. Л. 105

⁴ Там же. Д. 18. Л. 547.

⁵ РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 135. Л. 588, 595.

⁶ РГВА. Ф. 39483. Оп. 1. Д. 3. Л. 10.

⁷ РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 135. Л. 595.

⁸ РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 18. Л. 261а.

⁹ ГАРФ. Ф. 176. Оп. 2. Д. 138. Л. 36.

¹⁰ Будберг А. Дневник // Архив русской революции. Берлин, 1924. Т. XV. С. 263–264.

¹¹ РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 13. Л. 123.

¹² Будберг А. Указ. соч. С. 291.

¹³ РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 19. Л. 102; Д. 20. Л. 2.

¹⁴ Московская группа армий. 1919. 27 окт.

¹⁵ Сахаров К. В. Белая Сибирь // Восточный фронт адмирала Колчака. М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. С. 175.

¹⁶ Клерже Г. Гражданская война в Сибири // Восточный фронт адмирала Колчака. М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. С. 289.

Рынков В. М.

Органы власти и управления Российской восточной окраины в январе – сентябре 1920 г.*

Гражданская война на востоке России имела затяжной характер в силу окраинного положения, огромных расстояний, низкой плотности населения региона, значительного влияния на ход событий других государств – участников интервенции. В начале 1920 г. центр вооруженной борьбы с большевиками переместился в Забайкалье. До осени 1920 г. здесь функционировал политический режим атамана Г. М. Семенова, действовали созданные по его распоряжению органы власти и управления. Исследователи достаточно много внимания уделяли сюжетам, связанным с военным противостоянием семеновских войск и Народно-революционной армии ДВР. В последние годы популярностью пользуется изучение жизни и деятельности наиболее влиятельных военных руководителей «белого» Забайкалья (Г. М. Семенов, барон Р. Ф. Унгерн фон Штернберг). Вопросы же государственного строительства, хотя и нашли в последнее время отображение в публикациях В. И. Васильевского, освещены в самых общих чертах. Этим обстоятельством объясняется необходимость специального обращения к анализу структуры и функций органов власти и управления, действовавших при атамане Г. М. Семенове.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 11-01-00222а)

4 января 1920 г. А. В. Колчак распорядился «предоставить главнокомандующему вооруженными силами Дальневосточного и Иркутского военных округов генерал-лейтенанту атаману Г. М. Семенову всю полноту власти военной и гражданской на всей территории Российской восточной окраины, объединенной российской верховной властью», а также поручил ему «образовать орган государственного управления в пределах распространения его верховной власти». 10 января 1920 г. Г. М. Семенов, являвшийся в то время также атаманом Забайкальского казачьего войска, объявил о принятии должности «Главногокомандующего всеми вооруженными силами Российской восточной окраины», а 19 января учредил посты помощников главнокомандующего по военной и гражданской части. На первый был назначен генерал-майор М. И. Афанасьев, на второй – кадет С. А. Таскин, давний сподвижник атамана Г. М. Семенова, являвшийся ранее управляющим Забайкальской областью. Им было поручено разработать структуру вверенных отраслей и штаты учреждений. По предложению помощников главнокомандующего вместо министерств учреждались краевые управления, причем некоторые совместили в себе функции нескольких бывших министерств. К «гражданской части» были отнесены управления: 1) внутренних дел, которое возглавил А. В. Волгин; 2) объединенное промышленности, торговли, продовольствия и труда, руководителем которого стал А. М. Огороков; 3) финансов и государственного имущества; 4) юстиции; 5) объединенное народного просвещения и вероисповеданий. В последующие месяцы фактически действовали только первые два. В подчинении помощника по военной части оказались управления: 1) военных дел, сухопутных и морских; 2) транспорта; 3) снабжения. В качестве самостоятельного ведомства действовал государственный контроль. Главным контролером Российской восточной окраины назначен управляющий Забайкальским областным государственным контролем Б. Я. Сверженский. Вскоре появилось еще одно краевое управление – внешних сношений. Выявить решение Верховного главнокомандующего о его создании не удалось, но делопроизводственные документы и пресса свидетельствуют о том, что весной 1920 г. оно являлось одним из наиболее активных ведомств. Его задачи не сводились к взаимодействию с иностранными государствами. Больше внимание уделялось урегулированию отношений с другими дальневосточными областными политическими режимами, что призвано было подкреплять претензии атамана Г. М. Семенова на управление всем дальневосточным регионом. Главнокомандующий сделал ряд кадровых перестановок в руково-

давшем звене Западного Забайкалья, Амурской, Сахалинской и Приморской областей, отказался признавать Временное правительство – Приморскую областную земскую управу, пришедшую к власти в Приморье в конце января 1920 г. Он неоднократно заявлял, что является единственным законным главой высшей власти на территории восточнее Байкала. В действительности доминирующее влияние атамана никогда не выходило за пределы восточной части Забайкалья, к лету 1920 г. благодаря партизанскому движению ограничилось городскими центрами и железнодорожными станциями этого региона и сельскими районами, прилегающими к Чите, а к началу осени сократилось до небольшого приграничного района в Даурии. В других регионах (Приморье, полоса отчуждения КВЖД) атаман Семенов мог только время от времени выступать в качестве одного из претендентов на власть.

Государственное строительство в Российской восточной окраине осложнялось и другими обстоятельствами. Большинство краевых управлений некому было возглавлять, и они практически не работали. Но некоторые областные учреждения бывшего Российского правительства, усиленные множеством эвакуированных из Сибири служащих, развернулись в подразделения краевых управлений и вели активную деятельность. Так, при почти никак не проявлявшем себя краевом финансовом управлении функционировало управление налогов и сборов, при управлении внутренних дел действовали отделы милиции, призрения, здравоохранения, при ведомстве военных дел – военно-санитарное управление, а при помощнике по гражданской части был учрежден осведомительный отдел, занимавшийся пропагандой. Но в целом стройного государственного аппарата организовать не удалось. Функции недействовавших министерств и Главных управлений переходили к помощникам главнокомандующего, а действовавшие тоже целиком зависели от них. Причем, параллельно с центральными ведомствами продолжали работу областные учреждения, возглавляемые управляющим Забайкальской областью В. М. Юринский.

Для разработки мероприятий по стабилизации финансового положения было организовано финансовое совещание. Непосредственно при Главнокомандующем для решения административно-хозяйственных вопросов был сформирован Военный совет. В дальнейшем эти органы играли важную роль в осуществлении внутренней политики, готовили на утверждение Г. М. Семенову соответствующие нормативные акты, хотя и не вписывались в систему центральных учреждений Российской восточной окраины.

Для усиления авторитета своей власти 21 апреля 1920 г. Г. М. Семенов принял Положение о краевом народном совещании. Право представительства в этом совещательном органе получили городские и земские управы, войсковое правительство Забайкальского казачьего войска, Бурятский национальный комитет, Читинская торгово-промышленная палата и ряд общественных организаций. Оно начало работать 6 июня 1920 г. под председательством кадета А. Г. Васильевского и всего провело до 9 сентября 35 заседаний. Скоро стала очевидна изоляция власти от общественности и необходимость расширения представительства и полномочий этого органа. 26 июня 1920 г. Главнокомандующий переименовал его в Краевое народное собрание, новые полномочия которого закреплялись в специальном положении. Оно предусматривало наделение Краевого народного собрания законодательными правами, а также пополнение его состава представителями от общественных организаций.

В тот же день Г. М. Семенов кардинально пересмотрел устройство высшей и центральной власти, приняв «Положение о временном устройстве государственной власти на территории Российской восточной окраины». Была создана более стройная система центральных ведомств, ликвидированы должности помощников Главнокомандующего по военной и гражданской части и главного контролера Российской восточной окраины. Действовавшие краевые управления переименовывались в ведомства, подчиненные непосредственно главнокомандующему, кроме того, учреждались несколько новых органов управления центрального уровня. В результате получилась структура из десяти ведомств: 1) внутренних дел (А. В. Волгин), 2) иностранных дел (генерал-лейтенант Б. Р. Хрещатицкий), 3) торговли промышленности и продовольствия (Б. В. Мономахов), 4) юстиции (А. В. Волгин), 5) финансов, 6) народного просвещения и вероисповедания (С. А. Таскин), 7) земледелия и государственных имуществ (С. А. Таскин), 8) военное и морское (генерал-лейтенант С. А. Зубковский), 9) путей сообщения (генерал-майор С. Н. Меди), 10) государственного контроля. Ввиду отсутствия преданных Г. М. Семенову, но опытных чиновников, пришлось некоторых проверенных людей поставить во главе сразу нескольких ведомств. Руководители центральных учреждений совместно составили Совет управляющих ведомствами под председательством А. В. Волгина. Законопроекты утвержденные советом передавались на обсуждение Краевого народного совещания и утверждались в редакции согласованной с председателем совещания. Регулярные заседания Совета управляющих ведомствами происходили в июле и в

начале августа. Во второй декаде августа Г. М. Семенов распорядился начать эвакуацию ведомств на ст. Борзя. Есть информация, что Совет управляющих ведомствами там возобновил свою работу, но следов его заседаний и принятых решений за этот период выявить не удалось. Отдельные же ведомства продолжали функционировать в Чите и на ст. Борзя, о чем свидетельствует делопроизводственная документация.

Военные поражения от Народно-революционной армии ДВР и партизан, неспособность Главнокомандующего и его гражданского управления контролировать ситуацию в регионе, который страдал от бесчинств семеновских войск, обусловили постоянное и катастрофическое сужение социальной опоры семеновского режима. 13 августа Верховный главнокомандующий призвал Краевое народное собрание переехать на ст. Борзя под защиту своих войск. Но члены совещания отказались покинуть Читу. Специальной комиссией Краевого народного собрания были намечены влиятельные в Забайкалье политические партии, предпринимательские, кооперативные, профсоюзные и иные общественные организации, которым предложили выдвинуть представителей в законосовещательный орган. 12–14 августа Краевое народное собрание провело совещание с участием этих организаций, по результатам которого запросило Верховного главнокомандующего гарантировать соблюдение гражданских свобод и личной неприкосновенности. Атаман Г. М. Семенов ответил отказом. В свою очередь представители большинства общественных организаций выразили мнение о бесперспективности сотрудничества с представительным органом, не обладающим никакой реальной властью и не способным обеспечить безопасность своих членов.

23 августа Главнокомандующий издал приказ о роспуске Краевого народного собрания, но уже 25 августа он отменил его и повелел возобновить законодательную работу с 28 августа. Атаман передал Краевому народному собранию всю полноту гражданской власти. 2 сентября оно заявило о принятии власти в регионе, и на следующий день распорядилось пополнить свой состав представителями от общественных организаций и политических партий (включая коммунистов). Но уже 8 сентября оно заявило о самороспуске, сославшись на противодействие своей работе со стороны оппозиции. На следующий день оно собралось на последнее заседание с тем, чтобы окончательно оформить решение о самоликвидации.

Руководитель «белого» движения в регионе решил обрести широкую народную поддержку, стал активно использовать «демократиче-

скую» риторику, заявил о готовности передать всю гражданскую власть органу, сформированному общественностью. К 12 сентября 1920 г. в Чите в срочном порядке было образовано Временное Восточно-Забайкальское народное собрание. В последующие три дня им было сформирован Совет управляющих ведомствами во главе с кадетом А. А. Виноградовым. 18 сентября Главнокомандующий всеми вооруженными силами Российской восточной окраины атаман Г. М. Семенов передал этому органу исполнительную власть, распустив Совет управляющих ведомствами Российской восточной окраины.

Для дальнейшего пополнения состава Временного Восточно-Забайкальского народного собрания в октябре в Восточном Забайкалье были проведены выборы. В ходе последующего наступления Народной революционной армии Дальневосточной республики Временное Восточно-Забайкальское народное собрание вступило в контакт с партизанами, пополнилось представителями от местных революционных комитетов. В конце октября в результате выборов большинство в нем перешло к коммунистам. 3 ноября 1920 г. оно прекратило своё существование. Остатки семеновских войск и часть гражданского населения эвакуировались из восточного Забайкалья в полосу отчуждения КВЖД и Приморье.

Антонов Е. П.

Образование Якутской национальной автономии и формирование его руководящих органов

Согласно Декларации прав народов от 2(15) ноября 1917 г. началась работа по определению формы национально-государственного устройства. В ноябре 1920 г. при Наркомнаце для подготовки вопроса о Якутской автономии был создан Якутский подотдел. Решение вопроса о выборе ее государственной формы (автономная республика или область) ставилось «в зависимости от решения Якутского губкома» партии» и от волеизъявления якутского народа. В апреле 1921 г. в Москве М. К. Аммосов написал в ЦК РКП(б) и в Наркомнац заявление, в котором подчеркивал, что затягивание организации автономной республики оттолкнет якутский народ от сотрудничества с новой властью. Введение же автономии, наоборот, затруднит захват Якутии японцами или американцами. На проходившем 21–

22 июня 1921 г. областном партийном собрании группа М. К. Аммосова, П. А. Ойунского, А. В. Агеева дискутировала с С. В. Васильевым, И. П. Редниковым и другими, утверждавшими что «с экономической точки зрения автономия дать ничего не может». Несмотря на разногласия, была принята резолюция об автономии Якутии.

Для проведения подготовительных мероприятий по образованию национальной государственности комиссия ревкома во главе с П. А. Ойунским разработала проект «Декларации прав и обязанностей трудящихся Якутской АССР» и положение об автономии ЯАССР. В проекте декларации подчеркивалось, что «все леса, недра и воды местного краевого значения, советские хозяйства и крупные сельскохозяйственные предприятия со всеми живыми и мертвыми инвентарями объявляются общенациональным достоянием ЯАССР». Республика давала права самостоятельно распоряжаться природными ресурсами.

21 января 1922 г. состоялось заседание Политбюро ЦК РКП(б), где за принятие решения об образовании Якутской АССР высказался В. И. Ленин. Президиум ВЦИК 27 апреля 1922 г. издал декрет об образовании Якутской АССР. Пользуясь новым статусом, Якутия стала выходить на союзные и российские органы власти напрямую, минуя Иркутск, Сибревком и Сиббюро. Территория Якутской АССР делилась на шесть округов: Якутский, Вилюйский, Олекминский, Ленский, Верхоянский и Колымский, имевших в своем составе 26 улусов и десять волостей. В республике насчитывалось 354 наслега, 88 сельских обществ и 43 рода малочисленных народов Севера. Громоздкое административно-территориальное устройство при огромной территории, слабом развитии транспортной и иной связи, препятствовало созданию стройной системы управления и эффективной деятельности местных органов власти¹.

В аппарате комитетов РКП(б) можно выделить категории служащих: ответственных работников и технических работников. Первые из них включали секретарей комитетов всех уровней, заведующих, заместителей заведующих и секретарей отделов, заведующих подотделами, ответственных инструкторов, а также освобожденных секретарей крупных ячеек. Активную роль в деятельности партийной машины имели ответственные работники РКП(б), или партийные функционеры².

В 1922 г. в Якутском губревкоме работало 12 сотрудников без учета технического персонала. Из 71 сотрудников волостных ревкомов 93% составляли мужчины с начальным образованием (75%), в

возрасте 20–35 лет (71%) и по национальности якуты (93%). 23 августа 1923 г. членами ЯЦИК являлись 27 человек, из которых коммунистов – 17 и беспартийных – 10; якутов – 15, русских – 8, прочих – 4. В 1923 г. в Якутии имелось 38 ответственных работников губернского масштаба и 23 – уездного масштаба. В 1923 г. из 438 членов Якутской партийной организации служащие составляли 438 человек (49%); крестьяне, ремесленники – 98 (22%) и рабочие – 30 (7%). Высшее и среднее образование имели 94 человека (23%), низшее – 209 (52%), малограмотных было 66 (16%) и неграмотных – 35 (9%). По партийному стажу 302 (80%) человека вступили в ряды РКП(б) с 1920 г., 61 (16%) – в 1918–1919 гг. и 17 (4%) – в 1917 г. и ранее. На одного коммуниста–русского приходился только 61 русский житель края, тогда как на одного коммуниста–якута – 5 500 якутов. В парторганизации горожане составляли 78%³.

В начале 1920-х гг. в государственном аппарате большинство составляли работники русской национальности, тогда как удельный вес русских среди населения составлял 17%, а 83% составляли коренные жители. Бюро Якутского обкома РКП(б) с участием Е. Г. Пестуна, И. Н. Барахова, К. Р. Герценберга, И. Н. Винокурова, С. М. Аржакова и других заслушала 19 февраля 1924 г. вопрос о приеме в Компартию бывших повстанцев. В принятом постановлении говорилось о принципиальной невозможности принять в партию амнистированных повстанцев. Прием допускался в отдельных случаях, когда выяснялось личное участие в мятежах, последующая революционная деятельность и трудовое происхождение кандидата⁴.

IV сессия Якутского ЦИК в 1924 г. вынесла постановление о переводе декретов и кодексов республики на якутский язык. В кратчайший срок предусматривалась ликвидация якутской неграмотности среди госслужащих. Осуществление политики коренизации и якутизации производилось под флагом сближения госаппарата с трудовыми массами. При ЯЦИКе, окружных и улусных исполкомах формировались комиссии по приему экзаменов на знание якутского языка. Итоги их деятельности учитывались при аттестациях госслужащих на соответствие занимаемых должностей⁵.

23 марта 1925 г. председатель ЯЦИК П. А. Ойунский вынес постановление «О проведении якутизации в промышленных предприятиях и пароходстве ЯАССР». Отныне служащие, рабочие – металлисты и матросы, не знающие по-якутски подлежали увольнению. Отсутствие в данный момент аналогичных специалистов–якутов, для замены увольняемых, не учитывалось. В то же время якутизация русских селений хотя бы и с преобладающим разговорным якутским

языком считалась противоречащей национальной политике, и старожилам предоставлялось право добровольного выбора языка⁶. Якутизация также не распространялась на финансовые учреждения, военкоматы, почтово-телеграфное ведомство, среди рабочих и специалистов редких специальностей.

После принятия в 1925 г. новой Конституции РСФСР пришлось соответственно переработать и принять 13 февраля 1926 г. новую Конституцию ЯАССР. В ней фиксировалось право республики формировать самостоятельный бюджет и определялась организация местной власти. Высшим органом власти республики объявлялся ежегодно созываемый Всеякутский съезд Советов, на котором избирался ЯЦИК. Съезд выполнял законодательные функции по изменению и дополнению Конституцию ЯАССР, принятию других нормативных законов и актов. Между съездами высшим законодательным и контролирующим органом являлся ЯЦИК, который формировал исполнительный орган – Совнарком. Якутская АССР обладала широкими полномочиями при решении внутренних проблем, частично – в вопросах внешней торговли и военного дела. Ряд важнейших функций осуществлялся совместно с органами государственной власти РСФСР.

Конституция установила государственный герб и флаг ЯАССР. Впервые в республике официально вводился институт гражданства. За всеми гражданами признавалось право свободного пользования родным языком в суде, в управлении и общественной жизни. Национальным меньшинствам обеспечивалось право обучать детей в школах на родном языке. Избирательным правом наделялись все граждане ЯАССР, кроме категории «лишенцев». Конституция Якутской АССР окончательно закрепила женское равноправие с мужским⁷.

В период нэпа снизился уровень партийцев в выборных органах, что объяснялось ослаблением административного давления на избирателей. Так, с 1925 по 1926 г. численность коммунистов сократилась в Якутском горсовете с 62 до 52%; Якутском окружном исполкоме – с 53 до 43%; улусных исполкомах Вилюйского округа – с 22 до 12,5%; Олекминском горсовете – с 26 до 7,1 процента. Соответственно возрос удельный вес беспартийных⁸.

В 1926 г. центральный аппарат Якутской АССР состоял из 381 человека, на содержание которого тратилось 993 тыс. рублей. В дореволюционный период затраты на чиновничество Якутской области составляли 709 тыс. рублей. Как видим, расходы на содержание аппарата управления по сравнению с периодом царизма увеличились⁹.

1 февраля 1926 г. на пленуме Якутского обкома и Областной контрольной комиссии С. В. Васильев проанализировал ситуацию острой нехватки высококвалифицированных кадров, которых приходилось приглашать из центральных регионов страны. Специалисты, отработав от одного до трех лет, покидали республику. К примеру, в налоговом управлении Наркомата финансов ЯАССР из 55 человек уволилось 32, поступило на работу – 22. В 1925 г. в Наркомате РКИ из 18 человек уволилось 18, поступил – 21. Высокая текучесть наблюдалась и в других наркоматах, что налагало «глубокий отпечаток бессистемности и расхлябанности»¹⁰.

В постановлении ЯЦИК «О ходе якутизации центрального аппарата» от 9 декабря 1929 г. констатировалось, что якутизация «государственного аппарата идет чрезвычайно слабо и её результаты совершенно недостаточны». Процент владеющих якутским языком руководящих работников составил 37,4%, а процент якутов в государственных органах управления всего 17,1 процента. Среди отстающих в этом деле значились управленческие структуры промышленности (8,7% якутов), транспорта и связи (1,4% якутов), финансовых учреждений (11,7% якутов). В Статуправлении, Ленском пароходстве, Якутдортрансе, гостипографии, Госстрахе ни одного управленца – якута не имелось. Причиной торможения коренизации называлось сопротивление классовых врагов из числа великодержавных «шовинистов и бюрократов». Президиум ЯЦИК постановил к 1 февраля 1930 г. якутизировать госаппарат на 50% и перейти на смешанное делопроизводство. Как видим, политика власти по проблемам идентичности была сложнее, чем в других мононациональных государствах. Власть была озабочена тем, насколько та или иная версия этнической идентичности совместима с лояльностью режиму¹¹. Политика якутизации в Якутской АССР, осуществлявшаяся в 1920–1930-е гг. основывалась на идеях деколонизации угнетенных народов и предусматривала поощрение языков коренных народов в администрировании, образовании, культуре.

Якутская интеллигенция активно участвовала в политике коренизации и якутизации, связанной с национально-культурным возрождением народа. Передовые деятели республики оказали огромное влияние на развитие письменности, образования, литературы, культуры и искусства. Эта политика позволила интеллигенции завершить формирование якутской нации. В многонациональной республике против якутизации не наблюдалось массового недовольства со стороны русскоязычной интеллигенции.

Первые попытки административной реформы не носили принципиального характера. В 1928 г. Якутская АССР насчитывала семь

округов, 37 улусов, 65 сельсоветов, 228 наследных и сельских советов, шесть городов.

Член комиссии ЦК ВКП(б) Я. В. Полуяна И. Виноградов отмечал: «Большинство председателей наследных и родовых Советов – люди совершенно неграмотные, даже в Якутском округе из 188 председателей грамотны были только 77, да и то из них 40 человек – самоучек, способных только подписать свою фамилию. В Булунском округе из 24 председателей грамотны были только три человека. При крайней скудности таких кадров, одно и то же лицо занимало и исполняло должности в 2-х, 3-х и даже в 4-х Советах»¹².

До 1928 г. в социальном составе низовых органов ощущалось сильное влияние зажиточных слоев сельской местности. К примеру, среди председателей наследных советов освобожденных от сельскохозяйственного налога, т.е. бедняков и батраков не достигал и 30 процентов. В улусных исполкомах процент освобожденных от сельскохозяйственного налога составлял 20%, тогда как удельный вес, выплачивающих свыше 15 рублей налога, увеличивался с 21% среди председателей наследных советов до 33% членов улусных исполкомов. Следует отметить низкий процент коммунистов и комсомольцев среди председателей сельских наследных советов (9,4%) и председателей улусных исполкомов (38%).

Практически не проводилась работа по вовлечению женщин в низовой аппарат. Женщин среди председателей наследных советов было 0,9%, или три человека, среди председателей улусных исполкомов – 0%, в улусных исполкомах – 11%, на улусных съездах – 4,9%, на окружных съездах – 12,4%. В Якутском горсовете женщины составляли 18%, в Алданском округе женщин – членов окружного исполкома было 5 человек.

В целях изменения социального состава низовых органов советского аппарата 28 августа 1928 г. бюро Якутского обкома ВКП(б) приняло постановление «О перевыборах Советов в 1928 г.». Ставилась задача вхождения в состав улусных съездов не менее 40% делегатов, освобожденных от сельскохозяйственного налога и не менее 10% батраков. Среди членов окружных исполкомов не менее 40% должны были составить бедняки и батраки. Предусматривалось увеличение до 40% бедняков и 10% батраков в составе улусных исполкомов. Трудовой интеллигенции из числа учителей, врачей, политпросветработников и агрономов, отличившихся на общественной работе, отводилось 10–15% мест в окружных исполкомах. Процент женщин – председателей наследных советов устанавливался в пределах 5%, а на улусных и окружных съездах, в улусных и окружных

исполкомах, горсоветах – не менее 15 процентов. Вводилось обязательное представительство национальных меньшинств (тунгусов, ламутов, юкагир, чукчей, татар и проч.) в каждом улусном и окружном исполкомах¹³.

На VI Якутской областной партийной конференции, состоявшейся 2–13 сентября 1928 г. в Якутский обком ВКП(б) было избрано 27 чел. и 14 кандидатов, а в Областную Контрольную комиссию – 21 чел. и 12 кандидатов. Следует отметить, что за шесть лет число обкомовских работников утроилось, а ОблКК увеличилось семикратно.

4 марта 1929 г. VI Всеякутский съезд Советов принял постановление «Об административно-экономическом районировании Якутской АССР». Дореволюционное административно-территориальное деление для нужд управления было признано устаревшим и не отвечающим новым задачам советской власти.

Районирование проводилось по принципу сочетания интересов сельского хозяйства и населения Якутской АССР с учетом территориального положения районов, национального вопроса, перспектив развития и характерных особенностей экономики. Учитывались также соседство тех или иных районов, однородность экономики, обеспеченность транспортной схемой. Вместо четырехступенного управления (республика, округ, улус, наслег) вводилось трехступенное управление с упразднением округов (республика, район и наслег – селение, туземное общество). К концу 1920-х гг. в большинстве регионов СССР районирование завершилось.

Ранее территории улусов и наслегов Якутии образовывались без учета землепользования, границы носили расплывчатый характер. Требовалось закрепление границ, находящихся в пользовании родовых советов малочисленных народностей.

В 1940 г. территория Якутской АССР занимала 3 030,9 тыс. кв. км. В состав республики входили 38 районов, 436 наслежных и сельских советов, семь городов и 10 рабочих поселков. В 1939 г. в нашей республике насчитывалось 8 164 руководителя партийных организаций, государственных, кооперативных и общественных учреждений, в т.ч. 678 женщин (8,3%). Из них якутов насчитывалось 3 866 чел. (47,4%), в т.ч. женщин-якуток – 230 чел. (6%). В 1941 г. численность областных руководящих работников Якутской АССР составила 53 человека, окружных и районных партийных работников – 212 человек¹⁴.

Таким образом, в 1920-е гг. якутская интеллигенция возглавила общественное движение за образование национальной государственности в форме автономии. Обретение государственности способ-

ствовало вовлечению в управленческий процесс и местное самоуправление представителей коренных народов. Существенно увеличилось число управленцев, что являлось позитивным явлением в национальной республике. Связано это было со становлением государственности в форме автономии, поскольку тысячи представителей коренных народов Якутии были выдвинуты на руководящие должности в партийные, государственные, хозяйственные, культурные органы и учреждения.

Примечания

¹*Историко-культурный атлас Якутии. Природа. История. Этнография. Современность.* М., 2007. С. 368–370.

²*Олех Г. Л.* Партийная машина РКП(б) в начале 20-х гг.: устройство и функционирование. Новосибирск, 1995. С. 62.

³НА РС(Я). Ф. 49. Оп. 2. Д. 45. Л. 5–6; Д. 44. Л. 1–12; ФНА РС(Я). Ф. 3. Оп. 3. Д. 79. Л. 1–6; Д. 68. Л. 33.

⁴*Акор.* 7-я годовщина Октября и национальный вопрос // Автономная Якутия. 1924. 21 нояб.; ФНА РС(Я). Ф. 3. Оп. 3. Д. 237. Л. 13.

⁵*Сборник постановлений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства.* 1924. №1. С. 19–20.

⁶НА РС(Я). Ф. 1484. Оп. 1. Д. 23. Л. 68–75. Ф. 386. Оп. 2. Д. 53. Л. 1–2, 11; *Сборник постановлений и распоряжений рабочего, хамначитского и крестьянского правительства ЯАССР.* 1925. № 3. С. 13.

⁷*Историко-культурный атлас Якутии...* С. 369–370.

⁸ФНА РС(Я). Ф. 3. Оп. 3. Д. 535. Л. 81.

⁹Там же. Л. 129, 131.

¹⁰ФНА РС(Я). Ф. 3. Оп. 3. Д. 535. Л. 124–125.

¹¹*Ойунский П. А.* Сочинения. Т. 3. Научные труды. Якутск, 1993. С. 38.

¹²*Историко-культурный атлас Якутии...* С. 370–371; *Клиорина И. С.* Максим Аммосов. Десятилетие: 1917–1927 гг. Якутск, 1997. С. 6.

¹³ФНА РС(Я). Ф. 3. Оп. 3. Д. 882. Л. 3–5.

¹⁴*Историко-культурный атлас Якутии...* С. 371–372; *Всесоюзная перепись населения 1939 г.* Основные итоги. М., 1992. С. 189; ФНА РС(Я). Ф. 3. Оп. 1. Д. 186. Л. 67–70, 45–54.

Смертность населения Сибирского края в 1920-е гг.

Первые сведения о параметрах естественного движения населения советской России, в том числе и по отдельным административно-территориальным единицам после завершения революции и Гражданской войны были опубликованы в 1925 г. Согласно этим данным (они относятся к 1923 г.), смертность населения РСФСР в целом составляла 22,9‰. В Сибири смертность была выше. Она колебалась в диапазоне от 35,4‰ в Алтайской губернии (наивысшие показатели) до 23,3‰ в Томской губернии (самые низкие показатели)¹. Однако эти сведения имеют большую погрешность. Низкое качество первичного учета подтверждается и тем, что информация о движении населения Сибири за 1924 г. отсутствует. Материалы по естественному движению населения за 1925 г. по Азиатской части РСФСР Сектор социальной статистики ЦСУ СССР публиковать отказался вовсе, мотивируя свое решение неполнотой поступивших сведений².

Только начиная с 1925 г. мы имеем в своем распоряжении погодные сведения о смертности населения Сибири. Они неточны, но, по крайней мере, делают возможным анализ общих тенденций демографического развития. Опубликованные материалы свидетельствуют, что к середине 1920-х гг. в Сибири произошла «нормализация» смертности. Однако сам термин «нормализация» – понятие очень условное. «Норма» тех лет означает высокий уровень смертности. Общие коэффициенты смертности населения Сибири во второй половине 1920-х гг., как показывают статистические материалы, приведенные в табл. 1 колебались в пределах от 27‰ до 21‰. В сельской местности уровень смертности был выше, чем в городе, что, без сомнения, обуславливалось состоянием социальной инфраструктуры, в особенности развитием здравоохранения.

Отметим высокий, как и прежде, уровень смертности в Сибири по сравнению с общероссийскими показателями. Так, в 1926 г. общий коэффициент смертности населения РСФСР в целом составлял 21,3‰³. В Ленинградско-Карельском районе индекс смертности составлял 18,6‰, в Центрально-Промышленном – 19,0, в Московском – 19,2, в Нижне-Волжском – 19,2‰⁴. Таким образом, Сибирь оказалась в одном ряду с такими неблагоприятными по показателям смертности регионами страны, как Уральский (27,3‰) и Вятский

(29,7‰)⁵. Вместе с тем, показатели смертности населения Сибирского края во второй половине 1920-х гг. были значительно ниже, чем в начале XX столетия. Укажем, что в 1911–1912 гг. уровень смертности в сибирских городах составлял 30,6‰, сельской местности – 31,7‰⁶. Из этого следует, что основным вектором динамики смертности населения Сибирского края в годы нэпа было медленное, но устойчивое её сокращение. В 1928 г. общие коэффициенты смертности, как в городе, так и в селе были заметно ниже, чем в 1925 г. – свои плоды приносила работа по развитию здравоохранения и санитарии. Её упорно проводили власти, уstraшенные эпидемической катастрофой, потрясшей страну в годы революции и Гражданской войны.

Таблица 1*

Динамика смертности населения Сибирского края. 1925–1929 гг.
(Число умерших на 1000 человек населения)

Год	В городских поселениях	В т. ч. в городах людностью более 50 тыс. жителей	В сельской местности
1925	24,7	23,9	27,3
1926	24,5	24,2	25,9
1927	23,3	22,2	25,4
1928	21,0	22,0	23,0
1929	22,0	21,0	22,0

*Сост. по: Естественное движение населения в Сибкрае за 1925–27 гг. Новосибирск, 1930. С. 4, 34–41; *Слуцкий А.* Предварительные итоги естественного движения населения в Сибкрае за 1928–29 гг. // Статистика Сибири. Сб. статей и материалов. Вып. 2. Новосибирск, 1930. С. 137; ГАНО. Ф. 11 Оп. 2. Д. 22. Л. 4–5.

Но, несмотря на усилия властей по развитию здравоохранения, санитарии и внедрению санитарной культуры в народные массы, инфекционная заболеваемость, выраженная абсолютными цифрами, по большинству болезней упорно держалась на высоком уровне. Достаточно сказать, что в 1926 г. в Сибирском крае было зафиксировано свыше 10 тыс. случаев сыпного тифа, в 1928 г. – почти 12 тыс., кори соответственно 24 и 35 тыс., дизентерии 26 и 18 тыс., туберкулеза 68 и 78 тыс. случаев⁷.

Причины столь значительного распространения инфекций по территории Сибирского края коренились главным образом в условиях жизни населения, явной малоразвитости социальной инфраструктуры. Отсутствие водопровода и канализации в большинстве городских поселений, неразвитость банно-прачечного хозяйства, очевид-

ная слабость здравоохранения на фоне крайне низкой санитарной культуры населения не могли не вызвать перманентно высокую заболеваемость заразными болезнями. Немаловажную роль играл низкий уровень жизни, недостаточное питание, жилищная скученность. Условия для преодоления инфекционной заболеваемости отсутствовали, или, что точнее, еще только создавались. Эта работа находилась в самой начальной стадии. Очень большую роль в повышенной пораженности населения инфекциями играли остаточные явления бурного периода революции и Гражданской войны, на долгие годы вперед предопределившие плохое состояние здоровья населения.

Миф о «железном» здоровье сибиряков не подтверждается анализом конкретных исторических документов. Приемлемым критерием состояния здоровья населения в 1920-е гг. являются показатели годности призывников к военной службе. Согласно медицинскому освидетельствованию призывников, организованному в Сибирском крае в 1927 г., полностью негодными к военной службе были признаны почти 18% юношей. Около 16% призывников получили отсрочку по болезни и физическому недоразвитию. В 1928 г. эти цифры составляли соответственно 14 и 11%, в 1929 г. – 13 и 10%⁸. Неудовлетворительным было состояние здоровья детей и подростков. Медицинская комиссия, освидетельствовавшая в 1925 г. учащихся фабрично-заводских школ Сибирского края, выявила, что свыше 39% школьников страдают малокровием, почти 33 – легочными болезнями, 10 – неврастением, 3% – болезнями желудка⁹. Обследование пионерских организаций Новосибирска, проведенное в 1926 г. продемонстрировало, что среди детей 11 лет около 8% инфицировано туберкулезом, а 46% страдают малокровием, среди детей 12 лет соответственно 10 и 44%, 13 лет – 9 и 51%¹⁰.

Прямой связи между состоянием здоровья и уровнем смертности населения не существует. Плохое состояние здоровья населения вполне может быть нейтрализовано эффективной медицинской помощью. В этом случае, несмотря на высокую заболеваемость, показатели летальности остаются низкими. Однако в Сибири в 1920-е годы подобная ситуация была невозможна из-за многочисленных недостатков здравоохранения. Значительная часть болезней, вполне излечиваемых при условии развитой медицинской помощи, в Сибири приводила людей к летальному исходу. В итоге плохое состояние здоровья сибиряков, сопровождавшееся повышенной заболеваемостью населения острыми и хроническими инфекциями на фоне слабого развития здравоохранения, оборачивались высокой смертностью. Вклад инфекций и других факторов экзогенной этиологии в

увеличение смертности выявляется посредством анализа причин смертности населения.

Мы имеем сведения о причинах смерти городского и сельского населения Сибирского края за 1925–1929 гг. Поскольку статистика причин смерти сельского населения крайне недостоверна, в качестве базы для анализа примем только городское население. Для удобства расчетов из всего обилия статистических материалов изберем год, близкий к переписи населения 1926 г. Это дает возможность рассчитать коэффициенты смертности по причинам смерти.

Данные табл. 2 свидетельствует, что самые высокие показатели смертности являлись результатом воздействия инфекционных заболеваний на демографическую подсистему общества. Ежегодно инфекции уносили жизни пяти человек из каждой 1000 сибиряков. Уровень смертности от инфекционных и эпидемических болезней более чем в 10 раз превышал уровень смертности от рака и злокачественных новообразований и был в 4 раза выше, чем смертность от болезней органов кровообращения. Среди инфекций особенно свирепствовала «болезнь подвалов» – бугорчатка легких (туберкулез). Повышенной была смертность населения от скарлатины и дизентерии. Очень высокой была смертность сибиряков от болезней органов дыхания (главным образом от воспаления легких), а также от болезней органов пищеварения, в первую очередь от диареи и энтерита (детских поносов).

Таблица 2*

Коэффициенты смертности городского населения Сибирского края по причинам смерти. Оба пола. 1926 г.

Причины смерти	На 1000 человек населения умерло
1. Инфекционные и эпидемические заболевания	5,1
2. Рак и злокачественные новообразования	0,5
3. Болезни нервной системы и органов чувств	0,4
4. Болезни органов кровообращения	1,2
5. Болезни органов дыхания	3,3
6. Болезни органов пищеварения	3,3
7. Врожденная слабость	0,9
8. Старческая дряхлость	0,6
9. Смерть от внешних причин и самоубийства	0,8

*Сост. по: Естественное движение населения в Сибкрае... С. 62–63.

Таблица 3*

Возрастной состав умерших. Сибирский край. 1926 г. В %.

Возраст (лет)	Городские поселения	Сельская местность
Моложе 1 года	38,5	48,8
1–4	18,7	20,4
5–9	2,4	3,5
10–14	1,5	1,4
15–19	2,4	1,6
20–29	6,8	3,3
30–39	5,8	2,6
40–49	5,9	2,7
50–59	5,4	3,0
60 и старше	11,6	10,2
Возраст неизвестен	1,0	2,8
Итого	100,0	100,0

*Сост. по: Естественное движение населения в Сибкрае... С. 17.

Таблица 4*

Ожидаемая продолжительность жизни населения СССР
и Сибирского края. 1926–1927 гг. (Число лет предстоящей жизни
при рождении).

Территория	Европейская часть СССР		Сибирский край	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
Городские поселения	42,7	49,4	34,9	40,6
Сельские местности	41,9	46,3	39,9	43,6
Всего	41,9	46,8	39,2	43,2

*Сост. по: Смертность и продолжительность жизни населения СССР. 1926–1927. Таблицы смертности. С. 2, 4, 6, 134, 136, 138.

Анализ причин смерти с учетом возраста скончавшихся показывает, что смерти от болезней экзогенной этиологии затрагивали все без исключения возраста, но концентрировались главным образом в ранних, прежде всего в детских возрастах. В 1926 г. среди горожан Сибирского края, умерших от кори, на долю детей моложе 10 лет приходилось почти 99%. Удельный вес детей этого возраста среди скончавшихся от коклюша составлял 98%, от скарлатины – 94, от дизентерии – 92%¹¹. Среди инфекционных болезней выделялся только туберкулез, который с одинаковой силой поражал все возрастные группы. Среди сибиряков, умерших от туберкулеза свыше 34% приходилось на долю молодежи от 15 до 29 лет, почти 19% – на долю возрастной группы от 30 – 39 лет и 23% – на долю лиц от 40 до 50 лет¹². Желудочно-кишечные заболевания и болезни органов ды-

хания, также как и большинство инфекций уносили, главным образом, жизни детей. Прослойка детей до 10 лет среди скончавшихся от диареи и энтерита составлял почти 99%, от воспаления легких – 81%¹³. Вместе с тем, болезни эндогенной этиологии, вызванные естественным старением человеческого организма, а также болезни квазиэндогенного происхождения уносили, в основном, жизни людей старших возрастов. Так, среди сибиряков, скончавшихся от болезней сердца, доля лиц в возрасте от 40 – до 59 лет составляла в 1926 г. почти 30%, в возрасте 60 лет и старше – почти 40%, от рака и прочих злокачественных новообразований соответственно 44 и 38%¹⁴. Но поскольку абсолютное большинство сибиряков во второй половине 1920-х гг. умирали от болезней экзогенного характера, они и формировали возрастную структуру умерших.

Как показывают данные, сосредоточенные в табл. 3, типичным признаком демографической ситуации в Сибири в годы нэпа была концентрация смертности в младших возрастных группах. В городах Сибирского края почти 60%, а в сельской местности почти 70% людей уходили из жизни в возрасте моложе 4-х лет. Такова была дань, которую платило общество так называемым детским инфекциям (корь, коклюш, скарлатина, дифтерия), а также болезням органов дыхания и желудочно-кишечные заболевания. На долю тех, кто доживал до старших возрастов и скончался в возрасте старше 60 лет, приходилось всего 10–12 %.

Самым точным измерителем смертности, как известно, являются таблицы смертности и продолжительности жизни. Для 1926–1927 гг. они были рассчитаны выдающимися советскими демографами С. А. Новосельским и В. В. Паевским. Исходными данными для построения этих таблиц смертности послужили материалы переписи 1926 г., и сведения об умерших за примыкающие к переписи годы (1926–1927)¹⁵. Повышенные показатели смертности в младших возрастных группах определяли низкую продолжительность жизни людей. Сведения о вероятной продолжительности жизни населения СССР и Сибирского края при рождении в 1926–1927 гг. представлены в табл. 4.

Табл. 4 показывает, что ожидаемая продолжительность жизни населения, как в селах, так и в городах Сибири была очень низкой даже по сравнению с европейской частью СССР. С учетом того, что случаи смерти в Сибири фиксировались хуже, чем в европейской части страны, можно утверждать, что реальный разрыв в продолжительности жизни был еще больше. В тех странах, где процесс модернизации смертности был близок к завершению, ожидаемая про-

должительность жизни характеризовалась принципиально иными величинами. В европейских странах и США в 1930 г. она составляла (для обоих полов) около 62 лет¹⁶.

Таблица 5*

Изменения структуры смертности населения Сибирского края по причинам смерти. Оба пола.

Причины смерти	В % к общему числу умерших		
	1926 г.	1928 г.	1929 г.
Эпидемические и инфекционные болезни	25,5	25,2	25,4
Болезни органов дыхания	16,6	16,1	17,4
Болезни органов пищеварения	16,9	16,0	16,2
Болезни органов кровообращения	5,9	8,3	8,2
Болезни нервной системы и органов чувств	5,4	7,0	6,5
Рак и прочие злокачественные новообразования, острое отравление алкоголем, прочие общие болезни	2,8	5,6	5,0
Самоубийства и смерти от внешних причин	3,8	5,2	5,2
Неопределенные, неуказанные и прочие причины смерти	23,1	16,6	16,1
Всего	100,0	100,0	100,0

*Сост. по: Естественное движение населения в Сибкрае... С. 62–63; *Слуцкий А.* Причины смертности по городам Сибири // Статистика Сибири. Вып. 3. Новосибирск, 1930. С. 64.

Основной причиной, сокращавшей величину продолжительности жизни в Советском Союзе, в том числе и в Сибири, выступала значительная распространенность инфекционных и желудочно-кишечных болезней, а также заболеваний органов дыхания. Экзогенные факторы, способствуя повышению смертности, одновременно понижали её обратный показатель – вероятную продолжительность жизни. По расчетам Р. Н. Бирюковой, сделанных для населения европейской части РСФСР, смертность от воспаления легких сокращала потенциальную продолжительность жизни на шесть лет, от туберкулеза – на пять лет, от скарлатины – на два года¹⁷. Таким образом, ликвидация или сокращение смертности от этих причин могли бы значительно продлить жизнь советского человека. Для Сибири подобных расчетов не существует. Но если судить о ситуации по степени распространенности инфекционной, желудочно-кишечной заболеваемости и болезней органов дыхания, то здесь

вклад негативных факторов экзогенного происхождения в сокращение продолжительности жизни был ещё внушительнее.

Вместе с тем нельзя не заметить ряд позитивных сдвигов, произошедших во второй половине 1920-х гг. в демографической подсистеме Сибири. В эти годы в регионе стартовал процесс модернизации смертности. Он находился в самой начальной стадии своего развития. Но о том, что это позитивное демографическое движение развернулось, свидетельствует целый ряд фактов. В сущности, в годы нэпа в Сибири еще очень слабо, неявно, но начинал пробивать себе дорогу, имеющий принципиальное значение процесс снижения удельного веса экзогенных факторов смертности. Это был ключевой признак возникавшего в недрах демографической подсистемы Сибири процесса модернизации смертности.

В самом конце 1920-х гг. в СССР развернулся процесс форсированного развития промышленности, который, в свою очередь привел к насильственной коллективизации. С нэпом было покончено. Сталин характеризовал 1929 г. как «год великого перелома»¹⁸. «Великий» перелом произошел не только в политике и экономике, но и в самом образе жизни советских людей. Все ресурсы страны отныне направлялись в тяжелую и военную промышленность. Уровень жизни населения стремительно падал. В деревне разворачивался процесс массового бегства обобранного до нитки мужика от коллективизации. Урбанизация приняла невиданные в мире темпы и, в сущности, вышла из-под контроля, превратившись в хаотичный процесс, который было бы правильно определять как «квазиурбанизацию».

Демографическая подсистема, чутко улавливающая все трансформации общественно-политической и экономической жизни, реагировала целым рядом негативных изменений. Перелом демографического тренда пришелся на 1929 г. Основными признаками надвигающегося кризиса были сдвиги в динамике смертности. В 1929 г. по отношению к 1928 г. в городских поселениях Сибирского края увеличился индекс смертности (число умерших на 10 000 человек) от кори, скарлатины, коклюша, дифтерии, воспаления легких, диареи и энтерита (в возрасте двух лет и старше)¹⁹. В результате, как свидетельствуют статистические данные, сосредоточенные в табл. 5, в 1928–1929 гг. в структуре причин смертности повысился удельный вес факторов экзогенной этиологии. «Отыгранные» у смерти в течение нескольких предшествующих лет «проценты», были потеряны.

Таким образом, конец 1920-х гг. можно расценивать как самое начало втягивания региона в демографический кризис, который позднее перерос в демографическую катастрофу. Процесс модерни-

зации смертности, робко пробивавший себе дорогу после введения нэпа, был прерван. В Сибири демографический переход (прежде всего его неотъемлемая часть – модернизация смертности) принял «мерцающий» характер.

Примечания

¹ Народное Хозяйство Союза ССР в цифрах с приложением данных по Мировому Хозяйству. Стат. справочник. Год 2-й. М., 1925. С. 40–42.

² Естественное движение населения Союза ССР 1923–1925. Т. 1. Вып. 1. М., 1928. С. XIII.

³ Естественное движение населения Союза ССР в 1926 г. Т. 1. Вып. 2. М., 1929. С. 39.

⁴ Там же. С. 39, 43.

⁵ Там же. С. 43.

⁶ Естественное движение населения в Сибкрае. Новосибирск, 1930. С. 4.

⁷ Сибирский край. Стат. справочник. Новосибирск, 1930. С. 786–787, 788–789.

⁸ ГАНУ. Ф. 47. Оп. 1. Д. 1179. Л. 14.

⁹ Черняков. Охрана здоровья детей и подростков // Там же. 1925. № 3. С. 47.

¹⁰ Кузнецова В. К. Заболеваемость пионеров г. Новосибирска на основании данных осмотра первичным пунктом здоровья // Там же. 1926. № 4. С. 17.

¹¹ Естественное движение населения в Сибкрае... С. 50.

¹² Там же. С. 51.

¹³ Там же. С. 50.

¹⁴ Там же. С. 51.

¹⁵ Демографический энциклопедический словарь. М., 1985. С. 462.

¹⁶ Народонаселение стран мира. Справочник. М., 1978. С. 163.

¹⁷ Бирюкова Р. Н. Таблица смертности по причинам смерти // Советская демография за 70 лет. М., 1987. С. 260.

¹⁸ Сталин И. В. Год великого перелома. К XII годовщине Октября // Сочинения. Т. 12. М., 1949.

¹⁹ Статистика Сибири. Сб. статей и материалов. Вып. 3. Новосибирск, 1930. С. 66–69.

Николаев А. А.

Проблемы организационного строительство сельскохозяйственной кооперации Сибири в начале нэпа

Одним из ключевых блоков в системе кооперативного управления является организационная структура. От ее оптимальности напрямую зависит экономическая эффективность и конкурентоспособность кооперации. Чрезмерные затраты на содержание аппарата управления всегда тяжелым бременем ложились на низовые кооперативы и вели к разрушению управленческой вертикали. В дорево-

люционный период организационная структура формировалась в относительно свободных рыночных условиях и жестко не соотносилась с административно-территориальным делением. Революция и Гражданская война привнесла в структуру управления политико-идеологические факторы, что вызвало разрушение наработанной в течение многих лет системы внутрикооперативных отношений, форм взаимоотношений кооперации с государством.

Новая экономическая политика, провозглашенная в марте 1921 г. и облеченная в ряд законодательных актов, не могла быстро воплотиться в жизнь в масштабах большой страны, отягощенной тяжелым наследием Гражданской войны. Конкретные формы организационного и хозяйственного строительства не были разработаны X съездом РКП(б) и вырабатывались в течение 1921–1923 гг. 30 марта 1921 г. на заседании Политбюро ЦК РКП(б) было признано целесообразным отделение от потребительской кооперации сельскохозяйственной и кустарно-промышленной кооперации на основе признания принципа добровольности членства. Это решение положило начало разрушению «кооперативного интеграла», созданного по решению правительства в январе 1920 г. На основании декрета СНК РСФСР от 16 августа 1921 г. «О сельскохозяйственной кооперации» население получило право создавать кооперативы по территориальному и производственному принципу с правом образования юридического лица. В соответствии с законом сельскохозяйственные секции при губсоюзах ликвидировались, а сельхозкооперация выделялась в самостоятельную систему. Во второй половине 1921 г. началась подготовительная работа по созданию областных и районных центров сельхозкооперации. Острая потребность в воссоздании специализированных кооперативных систем ощущалась на местах, так как неприспособленность аппарата потребительской кооперации для регулирования хозяйственной работы различных видов кооперативов и союзов при переходе к нэпу вскрылась со всей очевидностью. Учитывая складывающуюся обстановку коллегия распорядителей Сибирского отделения Центросоюза на заседании 29 сентября 1921 г. поставила этот вопрос на специальное обсуждение. В заседании и обсуждении вопроса приняли участие члены коллегии Е. М. Темкин, Н. Т. Ломнин, В. Н. Махов, М. Г. Робустов, К. Г. Петунин, П. И. Швейцер, а также член правления Центросоюза Д. Т. Костин.

Несмотря на некоторые разногласия, коллегия приняла консолидированное решение в пользу начала формирования самостоятельной специализированной системы молочной кооперации и предвосхитила соответствующие официальные партийные и государственные поста-

новления. Кооперативные работники с дореволюционным стажем наиболее остро ощущали искусственность созданной кооперативной монополии Центросоюза, не отвечающей запросам хозяйственной жизни. Кооператоры стремились как можно скорее восстановить апробированные в прошлом организационно-управленческие схемы.

Коллегия распорядителей Сибирского отделения Центросоюза высказалась в пользу начала формирования самостоятельной системы молочной кооперации. В решении было записано: «Принципиально стоя на точке зрения интегрирования маслодельной кооперации с потребительской, коллегия распорядителей Сибирского отделения Центросоюза считает, однако, целесообразным в данной конкретной обстановке организацию самостоятельных артелей и их районных союзов. Вопрос же об образовании 3-ей ступени оставить открытым»¹.

В нормальных условиях целесообразной формой строительства молочной кооперации явилась трехуровневая система управления: а) молочная артель, б) районный союз молочных артелей и в) областной союз районных союзов. Но возможность самостоятельного существования молочной кооперации на всех ее ступенях не имела еще объективных материальных предпосылок. В целях экономии средств на управленческие расходы молочная кооперация оставалась в составе единой сельскохозяйственной кооперации. Интегрирование началось только со второй ступени кооперации. Первичная же ячейка – маслодельная артель – сохранялась в чистом виде, так как район ее деятельности часто не совпадал с районом деятельности других отраслей кооперируемого сельского хозяйства. Таким образом, молочная кооперация связывалась со всей сетью сельскохозяйственной кооперации, начиная со второго уровня, объединяясь в районные сельскохозяйственные союзы и областной сельскохозяйственный союз Сибири.

С начала 1922 г. на местах начали создаваться низовые и межрайонные звенья сельскохозяйственной кооперации, основу которых составляли маслодельные артели. В административно-территориальном делении тех лет использовались термины «уезды» и «районы», носившие не равнозначный характер. Уезды являлись более крупной единицей и включали до 10–15 районов. Поэтому использование термина «межрайонные союзы» до середины 1920-х годов, в сущности, отражает «межуездный» характер объединения. В январе – феврале 1922 г. в Новониколаевской губернии, состоявшей из трех уездов Новониколаевского (14 районов), Курганского (7 районов), Черепановского (6 районов) усилиями новых лидеров кооперативного маслоделия Микляева и Селиванова, инструкторского персонала было откры-

то 80 маслодельных артелей. 6–7 марта 1922 г. при участии 100 представителей исключительно маслодельных артелей состоялся первый организационный съезд сельскохозяйственной кооперации, который учредил Новониколаевский межрайонный союз маслодельных артелей и других кооперативов². В распоряжение союза передавалось незначительная часть имущества бывшей раймолсекции.

Съезд принял устав союза, который 10–15 марта был зарегистрирован в органах райземотдела. Союз имел отделения в городах Черепанове и Каргате, маслоприемный пункт на станции Чулым, молочные фермы в селах Берском и Поваренном, Федосовской волости. В Союзе насчитывалось 59 служащих и 12 рабочих, не считая представителей администрации. На фермах занято 32 рабочих и служащих³.

Второй съезд уполномоченных Новониколаевского райсоюза прошел 3–5 ноября 1922 г. Среди 117 делегатов съезда, которые заполнили анкеты, 86 чел. (74%) являлись членами РКП(б) или РКСМ, 90 чел. (76%) – в возрасте от 21 до 40 лет, 95 чел. (81%) – крестьянами, 113 чел. (97%) – грамотными, 115 чел. (98%) – русскими, 116 чел. (98%) – мужчинами, 102 чел. (87%) имели землю⁴. Инициатива на съезде всецело принадлежала фракции РКП(б), которая предложила состав президиума и председателя. Первым на съезде выступил с приветствием представитель губкома РКП(б).

По рекомендации партийных органов в состав сельхозкооперации включались и коммуны. В частности, в Новониколаевском райсоюзе в ноябре 1922 г. из 242 кооперативов 120 являлось коммунами. Их представители вполне очевидно являлись носителями утопического сознания, о чем свидетельствовали характерные названия коммун: «Путь жизни», «Путеводная звезда», «Луч освобождения», «Возвращенный рай», «Светоч», «Братство» и др. Они стремились привнести в кооперативное строительство отторгнутые практикой организационные формы. При обсуждении тезисов по докладу о строительстве сельскохозяйственной кооперации делегат Лаврентьев высказался за продолжение интегрирования вокруг потребкооперации, но не получил никакой поддержки. Докладчик Веркутис в заключительном слове заявил, что «...об интегрировании не может быть и речи, и мы должны все силы напрячь для развития с[ельско]-х[озяйственной]. кооперации»⁵.

Организационное собрание 10–15 марта 1922 г. дало избранному правлению конкретные поручения с рекомендацией воспользоваться услугами специализированных органов государственного управления и хозяйственных организаций на различных уровнях:

— преимущественно через земельные органы осуществить заготовку семян для посева зерновых и продовольственный хлеб;

— заготовку молочных продуктов провести на основании договора Сибсельскосоюза с Сибпродкомом;

— заготовку сырья кож, щетины, волоса, пушнины провести децентрализованно на основе максимальной инициативы низовых артелей;

— в сфере финансовых взаимоотношений артелям рекомендовалось выдавать векселя Райсоюзу для открытия кредитования в Госбанке и других учреждениях;

— непосредственно на Райсоюз возлагались задачи по организации маслодельных артелей, 10 случных бычьих пунктов и 4-х выставок по скотоводству, ориентируясь на районы развитого молочного скотоводства⁶.

Одновременно протрагивался областной (общесибирский) уровень управления сельскохозяйственной кооперации на основе материальной базы бывшего Союза сибирских маслодельных артелей. Сибирский областной союз сельскохозяйственных кооперативных союзов, который был учрежден на организационном собрании уполномоченных 7–14 июля 1922 г. Начав свою кооперативную работу с Омской губернии, Сибсельскосоюз за короткий период успел вовлечь в сферу влияния союзы, расположенные на территории от Тюмени на западе до Красноярской губернии на востоке и к югу от Сибирской железнодорожной магистрали до границ Семиреченской области.

В состав Сибсельскосоюза входил 21 районный и губернский союзы, причем часть союзов, кроме того, входила в Сибсельскосоюз через свои губернские союзы. На организационном собрании уполномоченных была принята трехступенная система построения: первичный кооператив, районный союз, областной союз. Но на местах проявилась тенденция к административному построению, и кооперация в Тюменской и Енисейской губерниях превратилась в четырехступенную организацию: первичный кооператив, районный союз, губернский союз и областной союз. Томский союз, хотя и назывался губернским, но по существу являлся союзом второй степени, так как объединял только первичные кооперативы.

В состав Сибсельскосоюза входило 2 335 первичных кооперативов, в том числе маслодельных артелей – 820, сельскохозяйственных товариществ – 665, кредитных товариществ – 122, кустарно-промысловых артелей – 141, коммун – 449, прочих видов – 138. Сельскохозяйственные товарищества работали на универсальных

уставах и выполняли также кредитные функции. Часть этих товариществ включила в свой состав маслодельные артели с заводами, и таким образом, маслозаводов было больше чем маслоартелей, объединяемых в Сибсельскосоюз. Первичные кооперативы объединяли 141 тыс. крестьянских хозяйств или около 980 тыс. чел., что свидетельствовало о крайне низком уровне кооперированности населения большой территории.

Правление Сибсельскосоюза находилось в г. Новониколаевске, отделения – в Омске, Бийске и представительство в г. Москве. В районах со слабой кооперативной сетью имелись уполномоченные Сибсельскосоюза. Центральный аппарат состоял из отделов и складов с числом служащих и рабочих 112 чел. В начале 1923 г. удалось достигнуть соглашения с заграничным аппаратом бывшего Союза сибирских маслодельных артелей и в число директоров этой организации «Лимитед» вошло от Сибсельскосоюза три представителя. Заграничный аппарат имел центральную контору в Тянь-Тзине (Китай) и располагал 15 агентствами и конторами в Англии, Западной Европе и Северной Америке⁷.

Декрет ЦИК и СНК СССР от 28 декабря 1923 г. законодательно установил добровольное членство во всех кооперативных системах и дал толчок дальнейшему совершенствованию кооперативного управления. 9 февраля 1924 г. решением Центросоюза Сибирское отделение Центросоюза был преобразован в Сибкрайсоюз. Сибревком постановлением от 4 марта 1924 г. утвердил это решение. Губсоюзы ликвидировались как лишнее управленческое звено. Вертикаль управления упростилась: Центросоюз – Сибкрайсоюз – Райсоюз. Территориально зона действия кооперативных структур округами и губерниями.

Размежевание функций различных видов кооперации происходило достаточно болезненно при участии партийных и государственных органов и продолжалось вплоть до середины 1920-х годов. Этот процесс сопровождался переделом кооперативной собственности, усилением административно-территориального принципа в формировании органов кооперативного управления и, несомненно, сопровождался большими социально-экономическими потерями, как для самих кооперативных систем, так и для населения.

Примечания

¹ Сибирская маслодельная кооперация (1921–1930). М., 2008. С. 64, 66.

² Сибирская маслодельная кооперация (1921–1930). М.: Академия. 2008. С. 83–106. (Доклад Правления с рукописными правками. Полный отчет о съезде содержится в

архивохранилище документов общественно-политических организации ГАНО. Ф. П-10. Оп. 1. Д. 449).

³ ГАНО. Ф. П.-10. Оп. 1. Д. 449. Л. 2; Ф. П-10. Оп. 1. Д. 1187. Л. 17. Отчет чрезвычайного съезда уполномоченных Ново-Николаевского райсоюза маслодельных артелей и других сельскохозяйственных кооперативов 3–5 ноября 1922 г.

⁴ Там же. Л. 2, 10 об., 11.

⁵ Там же. Л. 5, 7.

⁶ Там же. Л. 11.

⁷ ГАНО. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 34. Л. 55, 55об.

Ильиных В. А.

Аграрная политика советского государства в Сибири: основные этапы и тенденции

Проводимая в рамках осуществления политики «военного коммунизма» продразверстка, сбор которой обеспечивался массовым террором, вызвала ожесточенное сопротивление крестьянства. С трудом подавленные масштабные антисоветские вооруженные выступления, угроза всеобщего взрыва в деревне вынудили большевиков уступить крестьянству и перейти к новой экономической политике.

В марте 1921 г. было принято решение об отмене продразверстки и переходу к продналогу. Государство становилось собственником только части произведенной продукции, отчуждаемой в форме строго фиксированного натурального налога. Остальное ее количество оставалось в распоряжении крестьянина и могло быть использовано как для внутрихозяйственного потребления или накопления, так и для продажи (обмена). Доходы, полученные крестьянином на рынке, должны были создать базу для восстановления собственного хозяйства. Государство в свою очередь брало на себя обязательство помочь этому процессу, оказав деревне экономическую помощь.

Сибирские крестьяне не смогли сразу воспользоваться возможностями нэпа. В условиях катастрофического неурожая в Поволжье и связанного с ним голода Сибирь получила завышенное задание по первому продналогу (1921/22 г.). Сверхнормативное обложение сибирских крестьян привело к резкому падению уровня сельхозпроизводства, которое приобрело характер полномасштабного кризиса.

Хозяйственная ситуация в сибирской деревне несколько улучшилась лишь в 1923 г. в связи с уменьшением и упорядочением на-

логообложения и расширением семенной и иной помощи крестьянству. В 1925 г. в ходе практического осуществления курса РКП(б) «Лицом к деревне» был проведен ряд дополнительных мероприятий, отвечающих интересам крестьян. С целью стимулирования роста товарности крестьянских хозяйств расширились законодательные рамки применения найма рабочей силы и аренды земли. Принимаемые меры способствовали быстрому восстановлению сельского хозяйства региона.

В 1926 г. началась корректировка аграрной политики. Вновь стал применяться так называемый «классовый подход», в соответствии с которым зажиточные слои деревни ставились под возрастающий политический и экономический пресс. В конце 1920-х гг. нажим на них еще больше усилился. Наступление на зажиточных крестьян приводило к их разорению, консервации мелкотоварности крестьянской экономики и замедлению темпов развития сельского хозяйства в целом. Низкие темпы развития аграрного производства подрывали возможность осуществления программы ускоренной индустриализации страны. В связи с этим принимается решение о переходе к массовой коллективизации.

Коллективизация не только не решила проблем сельского хозяйства Сибири, но и отбросила его назад. Производительность труда в коллективных хозяйствах оказалась существенно меньше ожидаемой. В 1933 г. перед центральными и местными властями вновь встала задача восстановления разрушенного сельского хозяйства. В рамках ее реализации была реформирована система госзаготовок, началось т. н. организационно-хозяйственное укрепление колхозов. В середине 1930-х гг. снижается размах репрессий, уменьшается уровень налогообложения колхозников. Принимаются меры к стимулированию развития их личных приусадебных хозяйств (ЛПХ).

Корректировка курса привела к позитивным сдвигам в сельском хозяйстве. С 1933 г. начался рост зернового производства, а с 1935 г. – животноводства. Подъему земледелия способствовала его постоянно растущая механизация, которая рассматривалась как одна из приоритетных задач государства.

Тем не менее, поставленная руководством страны задача за годы второй пятилетки (1933–1937 гг.) добиться удвоения общего объема производства сельхозпродукции, достигнута не была. В то же время в условиях надвигающейся войны страна нуждалась в более существенном наращивании продовольственных и сырьевых ресурсов. В конце 1930-х гг. власти пошли на существенное повышение уровня налогового-податного обложения колхозов. В качестве «стимула» к выполне-

нию заготовительных планов вновь стали применяться репрессии. Одновременно усилилось давление на личный сектор сельской экономики. В конце 1938 г. началась длительная кампания по изъятию «излишков» земли и скота в ЛПХ. Произошло существенное увеличение и ужесточение податного гнета по отношению к их владельцам.

Выдвинутый после начала Великой Отечественной войны лозунг «Все для фронта, все для победы» определял основное содержание аграрной политики государства по отношению к деревне на период войны. Несмотря на невосполнимые людские и материально-технические потери, деревня за счет мобилизации внутренних резервов обеспечила фронт и тыл необходимым минимумом продовольствия и сырья. Сибирь, наряду с Поволжьем и Казахстаном, стала основной сельскохозяйственной базой страны.

Основным стимулом героического труда сельских жителей стало осознание того, что они кормят своих мужей, братьев и отцов, воевавших на фронте, вера в победу. Эта вера всячески поддерживалась в ходе проводимых массово-политических мероприятий. Однако во время войны использовались не только моральные стимулы. В законодательном порядке увеличился обязательный минимум трудовых дней. В первые годы Великой Отечественной войны продолжала увеличиваться тяжесть налогового бремени. Ужесточились меры принуждения к исполнению налогов и податей. Вводился ряд новых денежных и натуральных сборов.

Основным фактором, способствующим послевоенному восстановлению сельского хозяйства, являлось возвращение в деревню демобилизованных фронтовиков. Возобновилось широкомасштабное машиноснабжение сельского хозяйства. Ускорить восстановление отрасли могло облегчение налогово-податного бремени. Тем не менее в послевоенные годы постоянно повышались нормативы отчуждения труда и произведенной продукции. В начале 1950-х гг. действие восстановительных механизмов закончилось, и сельское хозяйство потеряло позитивную динамику. Объем производства и заготовок не обеспечивал потребностей страны. Главной причиной кризиса являлась низкая производительность подневольного и практически бесплатного труда колхозников.

Точкой отсчета постсталинских преобразований аграрного сектора экономики стали решения сентябрьского (1953 г.) пленума ЦК КПСС, в которых ставилась задача существенного прироста производства сельхозпродукции прежде всего за счет повышения материальной заинтересованности колхозников. На пленуме подчеркивалась необходимость использования интенсивных факторов увеличе-

ния производства. Однако подъем сельского хозяйства во второй половине 1950-х гг. был достигнут в основном за счет экстенсивных факторов. В конце 1950-х – начале 1960-х гг. допущенные во время освоения целинных и залежных земель ошибки сказались на развитии сельского хозяйства. В результате снижения плодородия почв сократилась урожайность, ухудшилось качество собираемого хлеба. В Сибири и по стране в целом стала ощущаться острая нехватка не только фуражного, но и продовольственного зерна.

Противоречивые результаты «целинной эпопеи» наглядно показали, что экстенсивные методы ведения хозяйства себя исчерпали. Мартовский (1965 г.) пленум ЦК КПСС принял курс на интенсификацию отрасли, а также осудил практику необоснованного вмешательства в дела колхозов. Избранный советским руководством в середине 1960-х гг. путь развития сельского хозяйства к ожидаемым позитивным результатам не привел. Достаточно динамично аграрный сектор сибирской экономики развивался лишь во второй половине 1960-х гг. В 1970-е гг., несмотря на постоянное наращивание капитальных вложений, темпы роста производства начали снижаться. В связи с этим была фактически свернута начавшаяся в 1965 г. экономическая реформа, в рамках которой ставилась задача перевода сельхозпредприятий на хозрасчет. Усилился контроль за финансово-хозяйственной деятельностью колхозов и совхозов. В начале 1980-х гг. ситуация в отрасли стала принимать кризисные формы. Снизились эффективность производства, его фондоотдача, производительность труда, возросла себестоимость продукции. В Сибири в 1981–1982 гг. произошло сокращение объема аграрного производства. Основная причина низкой эффективности сельского хозяйства по-прежнему заключалась в отсутствии устойчивой мотивации работников сельхозпредприятий к высокопроизводительному труду.

Кризисные явления в сельском хозяйстве СССР в начале 1980-х гг. со всей очевидностью продемонстрировали бесперспективность продолжения прежней аграрной политики. С этого времени с целью преодоления отчуждения тружеников села от средств производства и результатов труда начался перевод сельхозпредприятий на так называемые коллективные формы организации и оплаты труда. Их внедрение, хотя и не обошлось без традиционной кампанейщины, все же придало сельскому хозяйству позитивную динамику. Однако общество жаждало более радикальных перемен.

При всем разнообразии курсов и конкретных приемов реализации аграрной политики советского государства присущи вполне определенные закономерности. Исходным пунктом макрополитических уст-

ремлений его лидеров и правящей партии в целом являлось сохранение суверенитета страны, которое не мыслилось вне существующей политико-идеологической системы. Решить данную задачу в рамках геополитических реалий представлялось невозможным без ускоренной индустриальной модернизации страны. Ее ресурсное обеспечение находилось в прямо пропорциональной зависимости от степени неэквивалентности обмена между городом и деревней, промышленностью и сельским хозяйством. Чем меньше получали крестьяне за свой труд, тем больше имел индустриальный сектор. Сверхнормативное изъятие сельхозпродукции, которое обеспечивалось жестким внеэкономическим принуждением, позволяло советскому государству решать поставленные сверхзадачи (победить в Гражданской и Великой Отечественной войнах, провести ускоренную индустриализацию в начале 1930-х гг., сохранить военно-стратегический паритет с США в послевоенные годы), но в то же время приводило к обнищанию жителей деревни и кризису сельского хозяйства.

Падение сельхозпроизводства в свою очередь сокращало объемы ресурсной подпитки индустриального строительства и сказывалось на благосостоянии горожан. Следовавшее за этим смягчение давления на деревню, использование материальных стимулов крестьянского труда, наращивание капитальных вложений в аграрный сектор экономики придавали сельскому хозяйству позитивную динамику, но к решению поставленных перед ним партией и государством «грандиозных» задач не приводило. Более того, через некоторое время его развитие приобретало затухающую динамику. При этом широкое распространение получали негативные для государства формы поведения сельских тружеников. Неудовлетворенность партийно-государственного руководства темпами развития сельского хозяйства вкупе с новым геополитическим вызовом приводили к очередному «закручиванию гаек».

В постсталинский период советской истории степень неэквивалентности обмена между городом и деревней существенно снизилась, предпочтение отдавалось материальному стимулированию труда, благосостояние селян существенно повысилось. Однако циклический характер государственной аграрной политики сохранился. Предоставление сельхозпредприятиям относительной экономической свободы сменялось усилением административного вмешательства в их деятельность.

Компетенция Сибирского краевого комитета РКП(б) – ВКП(б) (май 1924 – август 1930 г.)*

Все политические институты обладают определенным набором полномочий, задающих их структуру и основные направления деятельности. Исследование компетенции Сибирского краевого комитета РКП(б) – ВКП(б), на протяжении мая 1924 – августа 1930 г. осуществлявшего руководство Сибирским регионом, позволяет определить его место в аппарате коммунистической партии и, как следствие, роль в системе партийно-государственного управления Сибирью.

После окончания гражданской войны большевистская партия смогла приступить к формированию и укреплению своего аппарата на местах. Схема его организации была прописана новым Уставом партии, принятым 4–7 августа 1922 г. на XII Всероссийской партконференции. Хотя этот документ уже предусматривал создание выборных комитетов партии, он в то же время допускал возможность существования в отдаленных регионах СССР областных бюро ЦК РКП(б) – чрезвычайных органов, назначаемых ЦК партии и ответственных только перед ним. В Сибири до мая 1924 г. такой высшей партийной инстанцией являлось Сибирское бюро ЦК РКП(б).

В апреле 1923 г. на XII съезде РКП(б) в рамках проблемы административно-территориального устройства был поднят вопрос о замене областных бюро ЦК выборными партийными комитетами. Решение же о создании такого выборного органа в Сибири было принято на заседании Политбюро ЦК РКП(б) 3 октября 1923 г.¹

Однако с избранием 11 мая 1924 г. на первой краевой партконференции Сибирского краевого комитета компетенция высшего партийного органа Сибири по прежнему определялась Уставом РКП(б) 1922 г., не проводившим разграничений между назначаемыми бюро и выборными комитетами, и потому не претерпела изменений. Краевые комитеты, как и бюро, должны были руководить всей текущей работой местных партийных организаций и ежемесячно отчитываться о своей деятельности перед ЦК. В сфере компетенции

* Работа выполнена при поддержке Минобрнауки РФ в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг., ГК № П364 от 07.05.2010.

парткомов входили организация и руководство деятельностью партийных и советских учреждений на подведомственной им территории, организация и проведение политических, экономических и идеологических кампаний, имевших региональный масштаб, распоряжение местным бюджетом, назначение редакционной коллегии и контроль над местным печатным органом².

Особенностью Сибкрайкома РКП(б) являлось то, что он должен был осуществлять все эти полномочия на весьма обширной территории, многократно превосходившей по своим размерам другие регионы. На май 1924 г. в его ведении находились шесть губерний (Омская, Алтайская, Новониколаевская, Томская, Енисейская и Иркутская), Ойротская автономная область, Бурят-Монгольская и Якутская республики. Местные комитеты были обязаны выполнять директивы Сибкрайкома и отчетываться перед ним о текущей работе.

Наиболее сложные взаимоотношения у Сибкрайкома возникли с партийным руководством самой отдаленной территории – Якутии. В конце мая – начале июня 1924 г. обнаружились серьезные противоречия во взглядах краевых и якутских партийных руководителей. Их обострение привело к тому, что 16 октября 1924 г. на основе полученной директивы ЦК РКП(б) бюро Сибкрайкома постановило сообщить Якутскому обкому о его выходе из подчинения краевого комитета³.

Это сужение границ компетенции Сибкрайкома в территориальном отношении имело, скорее, положительное значение для его деятельности, поскольку избавило от трудностей управления столь отдаленной областью и позволило сосредоточиться на других задачах. Основной из них с середины 1924 г. стало районирование региона.

По проекту, предложенному Госпланом еще в 1922 г., Сибирь предполагалось разделить на четыре самостоятельные области: Западно-Сибирскую, Кузнецко-Алтайскую, Енисейскую и Ленско-Забайкальскую. Такое административно-территориальное устройство делало излишним существование не только руководящего советского органа, которым являлся Сибревком, но и Сибкрайкома РКП(б). Сибплан, в свою очередь, предложил альтернативный вариант – проект окружного деления Сибири⁴.

30 августа 1924 г., заслушав доклад председателя Сибревкома М. М. Лашевича, бюро Сибкрайкома согласилось с проведением районирования Сибири на основе создания округов⁵. В начале 1925 г. проект окружного деления был одобрен Сибревкомом, а в мае 1925 г. образование Сибирского края, разделенного на округа и районы, было утверждено Президиумом ВЦИК⁶.

После завершения районирования Сибири, длившегося фактически до конца 1925 г., вместо прежних губерний Сибкрайкому оказались подведомственны 16 округов: Ачинский, Барнаульский, Барабинский, Бийский, Канский, Каменский, Красноярский, Кузнецкий, Минусинский, Новониколаевский (Новосибирский с 1926 г.), Омский, Рубцовский, Славгородский, Тарский, Томский и Хакасский. Кроме них, в ведении Сибкрайкома оставались Иркутская губерния, Ойротская автономная область и Бурят-Монгольская республика. Четыре административных уровня, таким образом, оказались заменены тремя: край – округ – район, что привело к уменьшению числа посредников между Сибкрайкомом и местами.

Состоявшийся 18–31 декабря 1925 г. XIV съезд партии, реагируя на итоги районирования, внес соответствующие изменения в партийный Устав. Выступавшие на съезде Л. М. Каганович и С. В. Косиор высказали опасения, что упразднение губерний, поддерживавших непосредственную связь с ЦК РКП(б), приведет к расширению полномочий и усилению краевых комитетов. В связи с этим в Устав было внесено примечание, согласно которому бюро краевых комитетов должны были, несмотря на выборность, утверждаться ЦК партии. Этот пункт являлся своеобразной гарантией «правильного» состава руководства крайкомов⁷.

Новый Устав не содержал сколько-нибудь конкретных указаний о разграничении компетенции краевого и окружных комитетов, вследствие чего между краевым центром и окружками стали возникать многочисленные противоречия, сосредоточившиеся, в первую очередь, вокруг вопроса о распределении работников. Дело в том, что Сибкрайком играл определяющую роль в деятельности окружкомов в первые месяцы после районирования, когда штат окружных партработников еще не был сформирован, а комитеты только вступали в работу. Однако взаимоотношения между Сибкрайкомом и окружками не претерпели серьезных изменений и спустя год после окончания административно-территориальной реформы. Это стало серьезно беспокоить руководство окружкомов и все чаще приводить к их разногласиям с краевым центром.

Постоянно возникавшие взаимные претензии Сибкрайкома и окружкомов в марте 1927 г. вылились в серьезные прения на третьей Сибпартконференции. Секретарь Сибкрайкома С. И. Сырцов признал наличие ошибок в работе краевого комитета по отношению к окружкам. Выступления представителей некоторых окружкомов демонстрировали накопившееся на местах недовольство работой крайкома и других краевых органов. Члены бюро Сибкрайкома, в

свою очередь, обвиняли окружкомы в попытке отказаться от «участия в достижении общих целей»⁸.

Несмотря на взаимные упреки, обе стороны признавали необходимость расширения прав местных парторганизаций. Основные расхождения заключались в вопросе о степени этого расширения, готовности к нему самих окружкомов и роли Сибкрайкома в новых условиях. По итогам этой дискуссии конференция приняла довольно противоречивую резолюцию, констатирувавшую необходимость «предоставления больших прав местным организациям и усиления самостоятельности и инициативы мест без ослабления планового руководства со стороны краевых органов»⁹.

Для проведения этой резолюции в жизнь в мае 1927 г. Сибкрайком предложил пересмотреть и сократить численность находившихся в его ведении номенклатурных работников, передав часть из них в ведение окружкомов. Такой мерой краевой комитет, с одной стороны, ограничивал собственную компетенцию, с другой – снимал с себя часть ответственности за подбор работников, перекладывая ее на окружкомы партии.

Некоторое сужение властных полномочий Сибкрайкома по отношению к окружным комитетам выразилось также в том, что со временем часть окружкомов, изначально подотчетных только краевому комитету, получила право иметь непосредственную связь с ЦК партии. В результате разрешения такого порядка появились окружкомы, находившиеся как бы в двойном подчинении. Но фактически это не привело к уменьшению влияния на них Сибкрайкома. Окружкомы по-прежнему обязаны были неукоснительно выполнять директивы Сибкрайкома и регулярно отчетываться перед ним о своей работе, подобно тому, как Сибкрайком отчетывался о своей деятельности перед ЦК партии.

К концу 1920-х годов компетенция Сибкрайкома по-прежнему определялась набором функций, которые, с одной стороны, ограничивались контролем ЦК, с другой – претензиями окружкомов на определенную самостоятельность. Если территория, подведомственная Сибкрайкому на всем протяжении его работы, достаточно четко задавала границы его компетенции в горизонтальной проекции (широта распространения полномочий), то в вертикальной плоскости (по отношению к Центру и к местным комитетам) сохранялась неопределенность. Никаких нормативных документов, кроме Устава партии 1926 г., в которых была бы прописана компетенция краевых комитетов, так и не появилось. Это вполне отвечало интересам партийной верхушки, оставлявшей за собой право решающего слова в

любых спорах о полномочиях крайкома. Тем самым, формально олицетворяя своим появлением развитие внутрипартийной демократии, выборный региональный партийный орган на самом деле находился под жестким контролем со стороны ЦК. В то же время отсутствие четко обозначенных полномочий устраивало и краевых руководителей, поскольку они, в свою очередь, имели возможность контролировать работу окружкомов партии.

Примечания

¹ Пашин В. П., Свириденко Ю. П. Кадры коммунистической номенклатуры: методы подбора и воспитания. М., 1998. С. 11.

² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК: в 6 томах. М., 1983. Т. 2. С. 575, 578.

³ ГАНО. Ф.П-2. Оп. 1. Д. 2а. Л. 147.

⁴ Советская Сибирь. 1924. 24 авг.

⁵ ГАНО. Ф.П-2. Оп. 1. Д. 2а. Л. 90–90 об.

⁶ Административно-территориальное деление Сибири: справочник. Новосибирск, 1966. С. 16.

⁷ XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б): стенографический отчет. М., 1926. С. 886.

⁸ Третья Сибирская краевая партийная конференция (25–30 марта 1927 г.): стенографический отчет. Новосибирск, 1927. С. 110

⁹ Там же. С. 279.

Савин А. И.

Комиссия по проведению отделения церкви от государства при ЦК РКП(б) – ВКП(б): статус, персональный состав, полномочия*

Религиозная политика советского государства на всем протяжении его существования базировалась на следующих органах: Комиссия по проведению отделения церкви от государства при ЦК РКП(б) – ВКП(б), более известная как Антирелигиозная комиссия (АРК) при ЦК (1922–1929), Постоянная центральная комиссия по вопросам культов при ВЦИК (1929–1934), Постоянная центральная комиссия

* Работа выполнена при поддержке Минобрнауки РФ в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг., ГК № П364 от 07.05.2010.

по вопросам культов при ЦИК СССР (1934–1938), Совет по делам Русской православной церкви при СМ СССР (1943–1966), Совет по делам религиозных культов при СМ СССР (1944–1966) и Совет по делам религий при СМ СССР (1966–1991). Постоянной константой практической реализации религиозной политики выступали органы ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-КГБ. Роль, влияние и сфера компетенции вышеперечисленных органов были разными и соответственно изменялись в зависимости от того значения, которое руководство партии и государства придавало делу борьбы с религией и религиозными организациями на данном этапе развития социалистического общества.

Не будет преувеличением утверждать, что именно Комиссия по проведению отделения церкви от государства при ЦК РКП(б) – ВКП(б) занимала среди всех «антирелигиозных» органов советского государства совершенно особое место, которое задавалось ее статусом, персональным составом и полномочиями.

Статус комиссии в первую очередь определялся тем, что она была создана при ЦК РКП(б) решением Политбюро от 19 октября 1922 г., то есть фактически являлась органом коммунистической партии, причем высшего звена. Образование специальных комиссий являлось обычной практикой в работе Политбюро. Так, широко известна комиссия, учрежденная по «Шахтинскому делу» или «коллективизационная» комиссия под председательством наркома земледелия СССР Я. А. Яковлева. Однако обычно подобные комиссии создавались для оперативного решения тех или иных вопросов и редко функционировали дольше нескольких месяцев, в то время как Антирелигиозная комиссия проработала полных семь лет, проведя с 23 октября 1922 г. по 4 ноября 1929 г. 119 официальных заседаний. Все остальные вышеперечисленные органы имели «советскую» или «государственную» принадлежность, а значит серьезно проигрывали АРК в статусе.

Никогда больше ни один из «антирелигиозных» органов власти не заполучит в свой персональный состав также такого количества высокопоставленных партийных и государственных деятелей, как АРК. Председателем комиссии, начиная с 30 января 1923 г., выступал Е. М. Ярославский, 57 раз принимавший участие в ее работе. Фактически бессменным секретарем комиссии с ее третьего до последнего заседания был Е. А. Тучков, начальник 6-го отделения СО ГПУ – ОГПУ, к компетенции которого относилась борьба с религиозными организациями. 86 раз участвовал в заседаниях комиссии представитель НКЮ П. А. Красиков, 83 раза – представитель ВЦИК

П. Г. Смидович. 73 раза в качестве представителя тайной полиции фигурировал зам. председателя и председатель ГПУ-ОГПУ В. Р. Менжинский. 37 раз, до 17 июня 1924 г., присутствовал на заседаниях комиссии представитель ЦК Н.Н. Попов и 30 раз, начиная с 1 ноября 1924 г. – сменивший его в качестве члена комиссии от ЦК К. А. Попов. Представители АПО ЦК И. И. Скворцов-Степанов и Ф. М. Путинцев приняли соответственно участие в 30 и 29 заседаниях. В целом в 119 заседаниях АРК приняли участие 114 человек, в том числе девять женщин, но большинство из них присутствовали лишь на одном или нескольких заседаниях комиссии¹.

Качественное отличие в персональном составе АРК становится очевидным, если сравнить его с составом Постоянной центральной комиссии по вопросам культов при ЦИК СССР, которая была выше статусом своей предшественницы – Постоянной центральной комиссии по вопросам культов при ВЦИК. В мае 1934 г. новая комиссия была сформирована в следующем составе: председатель – П. Г. Смидович, члены – П. А. Красиков (зам. председателя Верховного суда СССР), И. В. Полянский (начальник 3-е го отделения СПО ОГПУ), И. И. Мартемьянов (зам. зав. культурно-массовым отделом ВЦСПС), В. Н. Манцев (зам. НКФ), Б. Л. Коркмасов (пом. Прокурора СССР), Ф. Н. Олещук (ответственный секретарь ЦС ССВБ), Е. Ф. Муравьев (представитель от Комакадемии), В. И. Храмов (представитель УСФСР), А. Есоян (представитель ЗСФСР), Турсун Ходжаев (представитель Узбекской ССР) и К. А. Шишкова (помощник заведующего культурно-пропагандистским отделом ЦК ВКП(б))². Несмотря на определенную персональную преемственность – в комиссию вновь вошли П. Г. Смидович и П. А. Красиков, а функцию Тучкова стал исполнять И. В. Полянский, преемник Е. А. Тучкова на посту начальника 3-го отделения СПО, к чьей компетенции относилась агентурно-оперативная работа «по церковникам всех конфессий и сектантам»³, комиссия при ЦИК была лишь бледным подобием АРК.

Главным принципом подбора членов АРК был принцип делегирования представительства институтов, непосредственно связанных с «решением» религиозного вопроса в СССР. Постоянное участие в заседаниях комиссии влиятельных представителей от ЦК и АПО ЦК, ВЦИК, НКЮ и ГПУ-ОГПУ, равно как и приглашение на заседания комиссии по мере надобности представителей или руководителей других заинтересованных ведомств, таких как ВЛКСМ, Главлит, Государственное издательство, Главполитпросвет, Госстрах, Наркомфин, Наркомпрос, Наркомзем, НКИД, национальные секции

при АПО ЦК и др., давало возможность оперативно решать возникающие вопросы, а также жестко контролировать исполнение принятых решений⁴. В этом отношении весьма показательна роль сотрудников органов ГПУ-ОГПУ в работе комиссии: помимо В. Р. Менжинского и Е. А. Тучкова, в ее заседаниях принимали участие Я. С. Агранов (четыре раза), В. А. Балицкий (два раза), Т. Д. Дерибас (семь раз), Е. Г. Евдокимов (один раз), Г. А. Молчанов (один раз), Я. Х. Петерс (семь раз), И. В. Полянский (один раз), В. И. Ребров (три раза), Т. П. Самсонов (один раз), Н. Л. Волленберг (восемь раз). Такое представительство чекистов в работе АРК являлось зеркальным отображением главенствующей роли тайной полиции в 1920-е годы в борьбе с «единственной легальной формой контрреволюции». Показательно, что руководство НКВД фактически оказалось оттесненным чекистами от работы в комиссии, и только начиная с июня 1928 г. народный комиссар внутренних дел В. Н. Толмачев трижды принял участие в заседаниях АРК.

Насколько широки были полномочия АРК, становится ясно, если сравнить их с компетенцией ее преемников. 30 мая 1931 г. Президиум ВЦИК утвердил положение о постоянной Центральной комиссии по вопросам культов при ВЦИК. На комиссию возлагались обязанности общего руководства и наблюдения за правильным проведением в жизнь политики партии и правительства в области применения законов о культах на всей территории РСФСР. Комиссией осуществлялась разработка проектов законодательных актов, связанных с культами, дача экспертных заключений Президиуму ВЦИК по этим вопросам, систематизация соответствующих законодательных актов и постановлений ВЦИК и СНК РСФСР, общий учет религиозных объединений, рассмотрение жалоб верующих на нарушение законодательства о культах. Все центральные и местные органы были обязаны предоставлять Комиссии по ее требованиям материалы, связанные с культами.

Пришедшая ей на смену Постоянная комиссия по вопросам культов при ЦИК СССР ставила перед собой в качестве основной задачи «единое руководство и наблюдение за правильностью проведения на территории СССР политики партии и правительства по отношению к религиозным объединениям всех культов»⁵. На деле же обе комиссии превратились в «жалобные» учреждения, главной задачей которых стало одергивание «перегибщиков» на местах в качестве реакции на жалобы верующих. Как показывала практика, зачастую авторитета комиссии было недостаточно, чтобы добиться претворения ее решений в жизнь; местные органы власти могли позво-

лить себе проигнорировать то или иное решение комиссии, принятое в защиту прав верующих. Первоначальной задачей Советов по делам Русской православной церкви и по делам религиозных культов являлось осуществление связи между советскими и религиозными органами и содействие духовенству в воссоздании церковных структур. Кроме посреднических и координирующих функций, Советы отправляли фискальные (контролирующие), консультативные, арбитражные, информативные и иные функции. Уполномоченные Советов на местах напрямую подчинялись председателю областного (краевого) исполкома и свою практическую деятельность осуществляли только от имени этого органа власти⁶.

В свою очередь АРК несла фактически единоличную ответственность перед руководством коммунистической партии за выработку и осуществление церковной политики в СССР, за эффективную борьбу с религиозными организациями и их «вредной» идеологией, за координацию деятельности в этой сфере различных партийных и советских органов. Закономерным образом она контролировала весь спектр церковно-государственных отношений и выступала в качестве эксперта руководства партии по выработке специальной политической линии в отношении различных вероисповеданий. В результате ее деятельности, активно поддержанной политической полицией, судьбу Русской православной церкви, расколотой на «обновленцев» и «тихоновцев», повторили лютеране и буддисты. Попытки раскола были предприняты в отношении ислама. Одной из центральных тем в работе АРК стала проблема разложения протестантских церквей баптистов, евангельских христиан, адвентистов седьмого дня, меннонитов и молокан на ряд враждующих течений и групп. Планомерно и целенаправленно комиссия также осуществляла контроль за организационной и издательской деятельностью конфессий всех толков, религиозным воспитанием детей и юношества, решала вопросы получения религиозной литературы из-за границы и контактов с зарубежными конфессиями, принимала решения о проведении выборочных репрессий в отношении наиболее неконформистских церковных деятелей, занималась проблемами антирелигиозной пропаганды, «религиозной» эмиграции, отказа от службы в армии и уплаты налогов по религиозным убеждениям и т.д., готовила для ЦК проекты соответствующих постановлений и циркуляров.

Таким образом, благодаря своему высокому партийному статусу, облеченному высшей властью персональному составу и большим полномочиям Комиссия по проведению отделения церкви от государства при ЦК РКП(б) – ВКП(б) стала органом активной коммуникации

между всеми заинтересованными институтами, успешно реализовала на практике примат партии и сыграла выдающуюся роль в выработке и осуществлении религиозной политики в СССР в 1920-е годы.

Примечания

¹ Partei und Kirchen im frühen Sowjetstaat. Die Protokolle der Antireligiösen Kommission beim Zentralkomitee der Russischen Kommunistischen Partei (Bol'seviki). 1922–1929. In Übersetzung hrsg. von Ludwig Steindorff, in Verbindung mit Günther Schulz, unter Mitarbeit von Matthias Heeke, Julia Röttger und Andrej Savin. Reihe: Geschichte: Forschung und Wissenschaft, Bd. 11, Berlin: LIT-Verl., 2007, S. 17–18.

² ГАРФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 49. Л. 106.

³ Полянский даже единожды заменил Тучкова в качестве секретаря АРК на ее 117-м заседании.

⁴ Участие в заседаниях комиссии также принимали Н. М. Анцелович, С. А. Бергвинов, В. Д. Бонч-Бруевич, Г. И. Бройдо, Я. С. Ганецкий, С. М. Диманштейн, С. С. Дзержинская, М. Н. Ербанов, Л. М. Карахан, Б. Э. Калмыков, В. Г. Кнурин, М. М. Костеловская, Н. К. Крупская, Н. В. Крыленко, П. И. Лебедев-Полянский, А. В. Луначарский, А. А. Солыц, М. М. Хатаевич, Г. В. Чичерин, В. Н. Яковлева и др. представители партийно-государственной элиты.

⁵ ГАРФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 49. Л. 107.

⁶ Горбатов А. В. Государство и религиозные организации Сибири в 1940-е – 1960-е годы. Томск, 2008, С. 59–60.

Исаев В. И.

Изменения среды обитания городского населения Сибири в 1920-е – 1930-е гг.*

В общем комплексе вопросов управления жизнедеятельностью городов Сибири в первой половине XX в. важное место занимало развитие городского коммунального хозяйства. В докладе мы рассмотрим основные задачи и направления развития коммунально-бытовой сферы сибирских городов, представим характеристики состояния среды обитания горожан на различных исторических этапах. Наиболее контрастным явился переход от сельского к городскому уровню и образу жизни в будущей столице Сибирского края – Новосибирске, поэтому мы постараемся особенно внимательно проследить изменения в характеристиках состояния коммунального хо-

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 11-01-00504а.

зайства этого города. Источником для освещения поставленных вопросов послужат материалы сибирских и центральных архивов и опубликованная в исследуемый период литература.

Одним из важных преимуществ городской среды обитания по сравнению с традиционным сельским образом жизни является более высокий уровень комфорта. Однако большинство сибирских городов в начале XX в. по уровню благоустройства представляли собой просто большие деревни, за исключением центров таких старинных крупных городов как Томск или Иркутск. В начальный период существования Новосибирска, (тогда еще Новониколаевска), среда обитания жителей далеко не соответствовала стандартам городской жизни и быта. Перед городскими властями остро стояла задача благоустройства. "Попробуйте пройти улицей, – писала о состоянии благоустройства Новониколаевска газета "Народная летопись" в 1906 г. – справа лужа, слева канава, посередине непролазная грязь..."¹. На протяжении большинства улиц отсутствовало благоустройство и озеленение, проезжая часть была заболоченной, город в теплое время года по существу утопал в грязи.

После установления советской власти в Сибири, в начале двадцатых годов городское коммунальное хозяйство находилось на очень низком уровне. Достаточно сказать, что в большинстве городов не было даже водопровода, население пользовалось водой из колодцев, водозаборных будок и т.п. Небольшое количество домов в центральной части городов было обеспечено подачей воды только в Иркутске, Омске, Томске и Барнауле. В 1926 г. начинается строительство водопровода в Новосибирске, в эксплуатацию он был введен в 1929 г. Мощность водопровода составляла 5 тыс. куб.м, протяженность – 50 км. К 1932 г. в городе были проложены водопроводные трубы общей длиной 60,8 км. Однако суточное потребление воды в городе пока отставало от санитарной нормы (40 л) и составляло всего 16 л на человека. Таким образом, потребности населения города удовлетворялись за счет водопроводной сети всего лишь на треть².

В годы первых пятилеток шло интенсивное строительство водопроводной сети. В целом общая протяженность водопроводной сети в городах Западной Сибири выросла в 2,5 раза за годы первой пятилетки и в 1932 г. составила 370,8 км³. За годы второй пятилетки только по Новосибирской области длина водопроводной сети с 250,8 км в 1932 г. возросла до 438,7 км, а число домовых соединений – с 1 616 до 2 869⁴. Суммарная мощность городских водопроводов в Западной Сибири с 1928 по 1936 гг. выросла в 3,5 раза – с 17,8 тыс. куб. м до 64 тыс. куб.м воды в сутки⁵. Правда, в большинстве сибир-

ских городов не выдерживались санитарные нормы подачи воды. Средняя подача в расчете на одного жителя составила в Новосибирске 24 л в сутки, в то время как в Новокузнецке этот показатель равнялся 48,4, в Томске – 25,1, а в Омске – 12,7 л, что составляло менее трети нормы⁶.

Помимо подачи воды в жилища осуществлялась также установка коллективных водопроводных кранов и колонок, что позволяло населению городов сократить затраты времени и сил на доставку воды для домашних нужд. Значительная часть населения могла хотя бы таким образом пользоваться водопроводной сетью.

В середине двадцатых годов в городах Сибири разворачивается строительство канализационной сети. В Новосибирске к первому коллектору в 1926 г было подключено 10 зданий, в 1927 г. к ним добавилось еще 18 зданий. Общая длина канализационной сети в 1928 г. составляла 6 км, в 1932 г. она возросла до 22 км, т.е. почти в 3,7 раза⁷. Общая протяженность по городам Западно-Сибирского края с 29 км в 1932 г. возросла до 85 км в 1936 г., т.е. почти в три раза. Однако централизованная канализационная сеть имела пока лишь в крупных городах Западной Сибири – Новосибирске и Новокузнецке. В остальных городах Сибири либо вовсе не было канализации, либо создавалась так называемая групповая канализация, охватывающая несколько домов⁸.

В целом обеспеченность жилищ коммунальными удобствами показывают данные по Новосибирску за 1932 г.: оборудовано центральным отоплением только 4,7% домов, водопроводом – 2,6%, канализацией – 0,6% домов⁹. Правда, если брать только государственный жилой фонд, то эти показатели будут, конечно, выше. За годы второй пятилетки эти показатели улучшились незначительно. Большинство жилищ сибиряков по-прежнему не имело коммунальных удобств.

Важное значение для формирования городского образа жизни людей имела электрификация жилищ. Строительство электростанций в городе позволило обеспечить жилища и улицы электрическим освещением, что оказывало влияние и на общее состояние жилищ, и на проведение свободного времени горожан. Так, появилась возможность больше времени уделять чтению в вечерние часы. В Новосибирске в 1926 г. от городской электросети получало освещение 6 233 квартиры или 28,9% от общего числа жилых помещений в городе¹⁰. В 1937 г. уже 87% жилого фонда городов Новосибирской области имело электрическое освещение. Для сравнения отметим, что до революции только 5% городского населения России могло пользоваться электроэнергией.

В годы первых пятилеток разворачивается озеленение и асфальтирование улиц. Так, в Новосибирске на 1 октября 1928 г. было замощено 27 км улиц, что составило 10,4% их общей длины, заасфальтированы тротуары протяженностью 4,8 км, площадь зеленых насаждений составила 44,5 га¹¹. Также в это время в Новосибирске развернулось массовое озеленение улиц и площадей. В 1928 г. жители города посадили более 10 тысяч деревьев. Общая площадь садов и скверов в 1928 г. составляла 44 га¹². Улицы Новосибирска постепенно приобретали городской вид. К 1932 г. было замощено 44 км улиц.

Всего в городах Западной Сибири на 1 января 1931 г. было замощено 3,5% площади улиц, 2% площади проездов. В 1932 г. в городах Западной Сибири протяженность мощеных улиц составила 150 км против 110 км в 1929 г.¹³ Вместе с тем благоустройство городов, конечно, еще не достигало желаемого уровня. В 1931 г. на одного жителя в городах Западной Сибири приходилось только 2 кв.м зеленых насаждений при санитарной норме 10 кв. м.¹⁴

За годы второй пятилетки площадь замощенных улиц в городах Новосибирской области возросла на 268%. Многие центральные улицы, особенно в крупных городах – Новосибирске, Новокузнецке – были полностью заасфальтированы. Площадь зеленых насаждений в Новосибирске возросла с 5,2 тыс. кв. м в 1932 г. почти до 10 тыс. кв. м в 1937 г., в результате их удельный вес в общей площади городов составил 27,6%. В Омске аналогичный показатель составлял 15,9% городской территории, в других городах он был значительно ниже: от 2 до 4%¹⁵.

По мере постепенного огосударствления экономики и всех сфер жизнедеятельности общества в городах Сибири начинает развиваться общественный транспорт. В конце 1928 г. в Омске, Новосибирске, Красноярске и Иркутске курсировало около 35 автобусов¹⁶, а к концу первой пятилетки только в Западной Сибири их насчитывалось более восьмидесяти¹⁷. Вместе с тем автобусное движение, разумеется, не обеспечивало полностью потребности населения. В 1935 г. в Западно-Сибирском крае автобусное сообщение имелось не только в Новосибирске, но практически во всех крупных и средних городах: было перевезено 13 390 тыс. пассажиров, или в 1,5 раза больше, чем в 1933 г.¹⁸

В годы первой пятилетки начинается строительство трамвайных линий в Новосибирске и Новокузнецке. Пуск трамвая в Новосибирске состоялся 26 октября 1934 г., длина трамвайных путей составила 4,2 км. В Новосибирске за 1935 г. трамваем было перевезено 15 426 тыс. пассажиров. Длина трамвайных путей в Новосибирске в

1937 г. составила около 30 км¹⁹. В Новокузнецке трамвай начал ходить в 1934 г., а уже в 1935 г его услугами пользовались ежедневно около 63 тыс. чел. Развитие транспорта положительно влияло на быт горожан, сокращая затраты сил и времени на передвижение, способствуя увеличению свободного времени.

Одним из важных направлений развития коммунально-бытовой инфраструктуры стала организация системы общественного питания. В середине 20-х годов система общественного питания в городах Сибири практически отсутствовала. В 1927 г. в Сибири был создан краевой комитет содействия народному питанию, который возглавил работу по расширению сети общепита. В 1926 г. в Новосибирске работало только 12 частных столовых, которые, конечно, не могли удовлетворить потребности населения в общественном питании. В 1928 г. в Новосибирске было открыто 18 государственных столовых. Вместе с частными они могли предоставить населению города около пяти тысяч обедов в сутки²⁰.

Курс на развитие общественного питания постепенно претворялся в жизнь. Если на 1 октября 1926 г. в Сибири насчитывалось всего 32 столовых, то на 1 октября 1927 г. – уже 84 с пропускной способностью 16 тыс. обедов в день. В 1928 г. общее количество столовых в Сибири возросло до 113²¹. С развертыванием индустриализации система общественного питания получила ускоренное развитие. Быстрыми темпами росла сеть общественного питания в годы первой пятилетки. На 1 апреля 1931 г. по Западной Сибири насчитывалось 498 столовых, отпускавших 900 тысяч блюд в сутки. Охват населения, который рассчитывался по отношению возможного разового предоставления блюд к общему количеству населения, был довольно высок. Так, на 1 января 1931 г. в Новосибирске он составил 31,2%²².

Мощность предприятий общественного питания за годы первой пятилетки выросла в 40 раз. В городах Западной Сибири в 1932 г. общественным питанием было обеспечено 575 тыс. человек против 7,5 тыс. на 1928 г., а годовой денежный оборот общепита возрос за эти годы с 2,4 до 166,2 млн. руб.²³ Особенно возросла роль общепита в завершающие годы первой пятилетки. В начале 1930 г. сетью общественного питания было охвачено только 2,3%, а в январе 1932 г. – уже 39% рабочего населения Западной Сибири²⁴. Только сеть столовых кооператива общественного питания в Западной Сибири с 473 в 1930 г. выросла до 1 176 в 1933 г. Помимо столовых общепита действовали еще ведомственные столовые.

В связи с тем, что ваннх комнат в жилищах почти не было, потребность населения в обеспечении личной гигиены в основном удов-

летворялась сетью коммунальных и личных бань. В домах частного сектора на подворье обычно строилась баня, однако рост городского населения, общественного жилого фонда требовал также усиленного развития сети коммунальных бань. В двадцатых годах их было еще мало. Так, например, в Новосибирске в 1928 г. на 150 тыс. населения было только три общественных бани²⁵. По мере благоустройства городов росла и сеть коммунальных бань. В целом в Западной Сибири число бань (коммунальных и предприятий) возросло с 61 в 1928 г. до 147 в 1932 г.²⁶ Если в 1928 г. на одного жителя Сибири приходилось 8,1 посещений бани в год (при норме 36), то в 1932 г. это число выросло до 22-х. За годы второй пятилетки сеть коммунальных бань продолжала расти, по Новосибирской области в 1937 г. насчитывалось 92 бани на 6 877 мест²⁷. В среднем на одного жителя число посещений бани в год еще не достигало санитарных норм, но, учитывая в дополнение к этому большое число личных бань, можно считать, что потребности населения в обеспечении личной гигиены в основном удовлетворялись.

Позитивные изменения в развитии городского коммунального хозяйства и в целом в сфере быта обусловили значительное сокращение затрат времени горожан на труд в домашнем хозяйстве. По расчетам известных исследователей Л. А. Гордона, Э. В. Клопова и Л. А. О니кова, основывающихся на данных обследований быта городских рабочих в 1923/24 и в 1936 гг., затраты времени на домашний труд в среднем на взрослого члена семьи сократились за этот период с 35 до 24 часов в неделю²⁸. Правда, судя по источникам, характеризующим быт жителей сибирских городов в годы первых пятилеток, это сокращение в большей степени затронуло мужчин, загруженность женщин домашним трудом оставалась довольно высокой. Но в целом за годы первых пятилеток произошли существенные изменения социокультурной и коммунально-бытовой среды обитания городского населения Сибири, свидетельствующие о формировании индустриально-урбанистического образа жизни.

Примечания

¹ Цит. по: Новосибирск. 100 лет. События. Люди. Новосибирск, 1993. С. 58

² Жизнь Сибири. 1928. №8. С. 127; За большевистские темпы (Новосибирск), 1931. 15 июля.

³ ГАНУ. Ф. Р-917. Оп. 1. Д. 111. Л. 9.

⁴ Итоги хозяйственного и культурного строительства Новосибирской области за второе пятилетие (1933–1937). Новосибирск, 1939. С. 121.

⁵ Коммунист. 1936. № 13–14. С. 49.

- ⁶ Итоги хозяйственного и культурного строительства Новосибирской области... С. 100; Хозяйственное и культурное строительство в Омской области за пять лет (1935–1939). Омск, 1939. С.103; ГАНО. Ф. Р-1353. Оп. 1. Д. 177. Л. 3.
- ⁷ НГТА. Ф. 33. Оп. 1. Д. 219. Л. 16
- ⁸ Итоги хозяйственного и культурного строительства Новосибирской области за второе пятилетие. С. 134; Коммунист. 1936. № 13–14. С. 49.
- ⁹ Итоги жилищно-коммунальной переписи г. Новосибирска в феврале 1932 г. Новосибирск, 1933. С. 11
- ¹⁰ Алексеев В. В. Электрификация Сибири. Ч. 1. Новосибирск, 1973. С. 183
- ¹¹ Жизнь Сибири. 1928. № 8. С. 114.
- ¹² Там же. С. 114
- ¹³ Итоги развития народного хозяйства и культурного строительства Западной Сибири за первую пятилетку(1928–1932). Новосибирск, 1932. С. 86.
- ¹⁴ ГАРФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 304. Л. 37, 19, 40.
- ¹⁵ Итоги хозяйственного и культурного строительства Новосибирской области... С. 101.
- ¹⁶ Советская Сибирь. 1928. 1 дек.
- ¹⁷ Материалы к контрольным цифрам развития народного хозяйства и культуры. Новосибирск, 1932. С. VIII.
- ¹⁸ ГАНО. Ф. Р-917. Оп.1. Д. 144. Л. 151.
- ¹⁹ Там же. Л. 153.
- ²⁰ ГАНО. Ф. Р-12. Оп.1. Д. 128. Л. 19.
- ²¹ Советская Сибирь. 1928. 16 янв.; 1929. 13 дек.
- ²² Ананьев А. Большевики переделали Сибирь. Новосибирск, 1934. С. 77
- ²³ Там же
- ²⁴ Советская Сибирь. 1932. 6 янв.
- ²⁵ Жизнь Сибири. 1928. № 8. С. 114
- ²⁶ Ананьев А. Большевики переделали Сибирь. С. 72
- ²⁷ Итоги хозяйственного и культурного строительства Новосибирской области за второе пятилетие... С. 99; 54. ГАРФ. Ф. А-314. Оп.1. Д. 304. Л. 34.
- ²⁸ Гордон Л. А., Клопов Э. В., Оников Л. А. Черты социалистического образа жизни: быт городских рабочих вчера, сегодня, завтра. М., 1977. С. 149.

Папков С. А.

Сибирский тыл в годы Великой Отечественной войны: проблемы историографии.

Изучение роли советского (в том числе сибирского) тыла 1941–1945 гг. на протяжении десятков лет остается одной из приоритетных задач в российской историографии. Исследователей продолжают интересовать крупные социальные и экономические процессы, связанные с перестройкой промышленности и аграрного сектора на военный лад, с формированием новой хозяйственной структуры Си-

бири, созданием военно-тылового уклада повседневной жизни граждан. Опубликованные коллективные труды в сочетании с индивидуальными работами позволили реконструировать основные события в сибирском регионе, получить объективные оценки состояния народного хозяйства этого периода, они также уделили большое внимание проявлениям народного патриотизма. Достигнуты значительные результаты в освещении демографических процессов, вызванных войной¹.

Вместе с тем, не смотря на расширение творческой свободы постсоветского времени, тематика научных исследований не претерпела существенных изменений, и усилия большинства авторов описывающих войну концентрируются в основном на тех аспектах, которые доминировали еще в советский период (преимущественно в 1960-е – 1980-е годы). Продолжая тенденцию советской эпохи, современные авторы в основном расширяли спектр прежних направлений в историографии, дополняя их новыми сюжетами. Благодаря этому становилось более подробным описание процессов эвакуации в Сибирь, формирования промышленного потенциала и развития аграрного производства, подготовки людских резервов (офицеров и солдат) для Красной Армии. Наиболее существенным итогом в этом потоке новых публикаций стали фундаментальные работы – сборники документов и монографии, основанные на ранее недоступных источниках, – посвященные созданию в Сибири оборонных отраслей промышленности². Таким образом, изучение военной эпохи концентрировалось в основном на анализе двух крупных блоков: описании роли экономического (военно-промышленного и аграрного) потенциала Сибири и изменений в социально-демографической сфере.

Вполне очевидно, что интерпретация истории сибирского тыла нуждается в существенном расширении традиционной тематики и постановке новых проблем. В современной историографии есть уже немало примеров, отражающих попытки вскрыть новые аспекты жизни тыла, обратить внимание на многообразие и сложность военной эпохи. Большинство подобных работ имеет отношение к политической истории Великой Отечественной войны и ее отдельным аспектам, связанным с деятельностью государственных институтов, с правовым положением людей, с реальной ролью правящей партии, а в более широком контексте – с выяснением ключевых характеристик военно-политического режима и его взаимоотношений с гражданским обществом. Именно в изучении социально-политических вопросов истории войны остаются наиболее существенные историографические пробелы. На этом пути сделаны лишь первые шаги.

Благодаря открывшимся архивным источникам, за минувшее десятилетие были подготовлены специальные работы по проблеме массовых депортаций в Сибирь отдельных народов (немцев, калмыков, поляков, латышей, эстонцев, литовцев и других этнических групп) и их политико-правовом положении в ссылке в период войны³. В новой интерпретации стала освещаться деятельность некоторых государственных институтов, в частности, органов милиции и госбезопасности в Сибири.

Вместе с тем многие ключевые проблемы истории тыла остаются вне рамок научного изучения. Одна из наиболее актуальных и давно назревших исследовательских задач состоит в выяснении особенностей советского государственного и местного управления в период войны, а также способов мобилизации гражданского населения в тылу. Статистические данные уголовной юстиции СССР, открывшиеся для изучения в последнее время, свидетельствуют о том, что эпоха войны оказалась исключительным периодом в деятельности сталинской судебной системы. Они показывают, что в условиях войны сформировалась особая система правосудия и особый вид юрисдикции, результатом которых явилось осуждение 16 млн. человек, из которых 6,3 млн. – по указам военного времени. Ни в какой другой период советской истории не было такого числа граждан, осужденных уголовным судом. Эти факты нуждаются в объяснении. Возникает потребность развернуть всестороннее и детальное изучение правовых аспектов системы управления в годы войны, составить описание реальных механизмов трудовой и социальной мобилизации советских граждан. Для более объективного и всестороннего освещения правового положения людей в период напряженной работы в тылу важно привлекать и источники мемуарного характера. Воспоминания ветеранов тыла, непосредственных участников событий представляют собой очень разрозненный и крайне фрагментарный материал. Они разбросаны по многочисленным мелким публикациям, главным образом – местным малотиражным газетам, но по этой же причине часто (особенно в последнее десятилетие) помещались без лишних редакторских правок, и потому отражают ценные свидетельские оценки и наблюдения.

Еще одна особенность государственной политики в годы войны заключалась в существенном расширении роли принудительного труда и общем возрастании масштабов системы ГУЛАГа. В описании этого феномена применительно к Сибири уже достигнуты некоторые результаты⁴. Однако здесь предстоит еще провести большую исследовательскую работу, чтобы составить обобщающую

и детальную картину. Необходимо выявить обширный комплекс источников, которые позволили бы получить систематические сведения о дислокации обширной сети лагерей, колоний и спецпоселений в Сибири, о динамике их численности, хозяйственном назначении и в конечном итоге установить реальное значение и роль ГУЛАГа в создании оборонной мощи страны.

Современная историография расширяется также за счёт публикаций, посвященных особенностям повседневной жизни в сибирском тылу в годы Отечественной войны⁵. Используя широкий комплекс мемуарных и архивных источников, исследователи реконструируют драматические события и процессы прошлого: эвакуацию граждан и материальных ценностей в глубокий тыл, жизненное обустройство и производственные заботы, организацию питания, здравоохранения и досуга. Вместе с тем вполне очевидно, что описание повседневной жизни людей сосредоточено в основном на городской среде. Условия и быт сельского населения и тех эвакуированных, кто размещался в деревне в годы войны, также должны быть подвергнуты всестороннему изучению.

Таким образом, в исследовании истории сибирского тыла остается целый ряд мало изученных проблем. Для их комплексного решения требуется продолжить выявление новых источников, а также создание обобщающих работ о деятельности государственных и гражданских институтов в Сибири в период Отечественной войны.

Примечания

¹ См., напр.: *Исупов В. А.* Главный ресурс победы: Людской потенциал Западной Сибири в годы Второй мировой войны (1939–1945 гг.) Новосибирск, 2008.

² Из наиболее крупных работ выделяются следующие: *Шуранов Н. П.* Создание оборонной промышленности в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны. Кемерово, 2004; Оборонная промышленность Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны. Сборник документов. Отв. ред. И. М. Савицкий. Новосибирск, 2005; *Савицкий И. М.* Важнейший арсенал Сибири. Развитие оборонной промышленности Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 2005 и др.

³ См.: *Шадрин А. А.* Спецпоселение российских немцев в Сибири (1941–1955). Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Новосибирск, 2000; *Сибирь в истории и культуре польского народа.* М., 2002; *Белковец Л. П.* Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении 1941–1955 гг. Историко-правовое исследование. Новосибирск, 2003; *Сарнова В. В.* Принудительные миграции населения СССР в Западную Сибирь в период Второй мировой войны. Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Новосибирск, 2005 и др.

⁴ По этой теме подготовлено лишь несколько специальных работ. См., напр.: *Бикметов Р. С.* Использование спецконтингента в экономике Кузбасса (1929–1956 гг.) Кемерово, 2009 и др.

⁵ См., в частности: *Букин С. С.* Жизненная среда Новосибирска в военное лихолетье. // *Западная Сибирь в Великой отечественной войне (1941–1945 гг.)* Сб. науч. тр. Новосибирск, 2004; *Букин С. С., Исаев В. И.* Новосибирцы. Очерки истории повседневной жизни. Конец XIX – начало XX вв. Новосибирск, 2008 и др.

Романов Р. Е.

**Мероприятия государственных органов управления
по призыву городской молодежи в учебные заведения
гострудрезервов Новосибирска в первый год войны
(на примере январско-февральской призывной кампании
1942 г.)***

В первый год войны резкое обострение нехватки индустриальных кадров существенно актуализировало проблему экономической мобилизации людского потенциала, сосредоточенного в городах тыловых районах СССР. В данный период государство решительно взяло курс на максимальное и всеобъемлющее регулирование движения рабочей силы, который начал вызревать еще в ходе первых трех пятiletок. Одним из основных механизмов ее управляемого распределения в пользу ведущих отраслей народного хозяйства являлась предельно централизованная система государственных трудовых резервов (гострудрезервов). Особое значение она приобрела в восточных районах страны, где после завершения первого этапа промышленной эвакуации (июль – декабрь 1941 г.) оказалась сконцентрирована львиная доля военно-индустриального потенциала страны. К концу 1941 г. одним из крупнейших за Уралом центров по размещению эвакуированных предприятий оборонного значения стал Новосибирск. К этому времени город принял 27 крупных заводов, слабо обеспеченных рабочей силой. В этих условиях одним из важных источников формирования новых заводских коллективов стала молодежь в возрасте до 18 лет, большинство которой включалось в производство через учебные заведения трудрезервов. В организационном плане ее мобилизация в РУ, ЖУ и школы ФЗО

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 11-01-00248а

из районов крупного индустриального центра являлась более оперативной и менее затратной, чем из сельских районов. В связи с этим возникает интерес к анализу эффективности мероприятий государственных органов управления по призыву юных жителей Новосибирска в ремесленные, железнодорожные училища и школы ФЗО города в годы войны. В частности, данная проблема рассматривается на примере призывной кампании, проводившейся во второй половине января – начале февраля 1942 г., то есть в период ввода в строй основной массы эвакуированных заводов до предела обострившего кадровую ситуацию в сибирской промышленности.

Создание системы гострудрезервов, инициированное высшими органами государственной власти, произошло за несколько месяцев до начала Великой Отечественной войны. Указом Президиума Верховного Совета СССР «О государственных трудовых резервах СССР» от 2 октября 1940 г. были образованы ремесленные и железнодорожные училища (РУ, ЖУ) с двухгодичным сроком обучения и школы фабрично-заводского обучения (ФЗО) – с полугодовым. Руководство этими учебными заведениями в масштабах всей страны осуществляло Главное управление гострудрезервов, учрежденное при Совете народных комиссаров СССР (Совнарком), в отдельных регионах – управления край- и облгострудрезервов при исполкомах местных советов. Управления решали широкий круг задач – от открытия РУ, ЖУ и школ ФЗО до направления подготовленных рабочих на предприятия. В октябре – ноябре 1940 г. в ходе их организационной деятельности в Новосибирске были созданы шесть учебных заведений, в том числе четыре ремесленных училища, железнодорожное училище и школа ФЗО, в которые поступили свыше двух тысяч юношей и девушек¹. За первые месяцы войны под влиянием эвакуации городская сеть и контингенты учащихся учреждений начального профессионального образования значительно выросли. По данным на 10 декабря 1941 г. в Новосибирск из прифронтовой полосы прибыли пятнадцать ремесленных училищ с контингентом в 3,2 тыс. учащихся². Увеличение количества учебных заведений трудрезервов стало одним из факторов роста численности воспитанников РУ, ЖУ и школ ФЗО. К концу 1941 г. она превысила 10 тыс. чел., что было следствием, как приема эвакуированных учащихся, так и призыва местной молодежи в данные образовательные учреждения.

В целом мобилизация подростков и молодых людей в РУ, ЖУ и школы ФЗО имела сложный и многоступенчатый механизм, приводившейся в действие высшими органами государственного управления. В годы войны она начиналась с издания соответствующего по-

становления Государственного Комитета Обороны (ГКО) или Совнаркома СССР. В нем устанавливались сроки, условия, порядок и контингент призыва, на которые должны были ориентироваться местные органы власти. Каждый регион получал сверху собственную разнарядку по мобилизации юношей и девушек в учебные заведения трудрезервов. Ее выполнение санкционировалось совместными постановлениями партийных комитетов и исполкомов советов краев, областей и автономных республик, адресованными нижестоящим областным, городским и районным инстанциям. Последние обеспечивали создание и функционирование сети призывных пунктов, где работали комиссии по отбору подростков и молодых людей для РУ, ЖУ и школ ФЗО. Его основными критериями являлись возраст, занятость на производстве, состояние здоровья, социальное происхождение и «морально-политическая благонадежность». Юноши и девушки, прошедшие этот отбор, направлялись в училища и школы трудрезервов. Лица, уклонявшиеся от призыва, рассматривались как правонарушители и преследовались по закону.

Следует отметить, что призыв молодежи в РУ, ЖУ и школы ФЗО не относился (в отличие от трудовой мобилизации населения на предприятия) к числу специфических явлений военного времени. В ходе первой призывной кампании, прошедшей в ноябре 1940 г., в учебные заведения гострудрезервов СССР было направлено 602,0 тыс. чел., в том числе из городов – 313,7 тыс. (52,1%). В мае – июне 1941 г. часть данного контингента (250 тыс. чел.), окончившая полугодовые школы ФЗО, поступила на производство. При проведении второй кампании (июнь – август 1941 г.), развернувшейся еще до начала войны, учреждения начального профессионального образования приняли 594,5 тыс. чел., в том числе из городских поселений – 284,2 тыс. (47,8%)³. В частности, во втором полугодии 1941 г. в ремесленные, железнодорожные училища и школы ФЗО Новосибирска поступили 5,3 тыс. юношей и девушек⁴. Однако сокращение сроков производственного обучения, обусловленное обострением нехватки рабочих кадров, способствовало досрочному выпуску их основной массы из РУ, ЖУ и школ ФЗО. В связи с этим к концу 1941 г. назрела необходимость в проведении нового призыва подростков и молодых людей в учебные заведения трудрезервов, действовавших в неоккупированных районах страны.

Очередная мобилизационная кампания была санкционирована постановлением Совнаркома СССР № 2298-1053 от 29 декабря 1941 г. Согласно данному подзаконному акту в срок с 15 января по 1 февраля 1942 г. в РУ, ЖУ и школы ФЗО страны предполагалось

призывать 200 тыс. юношей и девушек⁵. В соответствии с инициативой правительства, 30 декабря 1941 г. Новосибирский обком партии и облисполком приняли постановление «О подготовке государственных трудовых резервов в школах фабрично-заводского обучения в 1942 г.». В нем также определялись сроки, условия и порядок призыва подростков и молодых людей в школы ФЗО. Проведением призывной кампании на местах руководили исполкомы областного, городского и районных советов. Они доводили до призывных комиссий разнарядки по мобилизации. По разнарядкам облисполкома в черте Новосибирска планировалось мобилизовать, по разным данным, от 1725 до 2500 чел. (от 32,0 до 40,6%), за счет колхозов Новосибирской области – 3660 чел. (от 59,4 до 68,0%). Всего в школы ФЗО предполагалось направить от 5385 до 6160 подростков и молодых людей в возрасте от 16 до 18 лет⁶. Кроме того, в компетенции исполкомов был также контроль над обеспечением мобилизованной молодежи одеждой, обувью, двумя сменами белья, продуктами питания. Подростки из городов снабжались за счет родителей, из сельской местности – за счет колхозов, воспитанники детских домов – за счет органов Наркомата просвещения.

Мобилизация молодежи в районах Новосибирска непосредственно проводилась призывными и медицинскими комиссиями. Призывные комиссии назначались из членов исполкомов райсоветов, которые осуществляли набор во взаимодействии со школами, комсомольскими организациями, семьями юношей и девушек, подлежащих призыву. Медицинские комиссии, формировавшиеся из заведующих райгорздравотделов, врачей-хирургов, терапевтов и окулистов, занимались проведением медосмотра призываемой молодежи для определения ее годности к труду на промышленных предприятиях.

Для выявления молодежи, не занятой в промышленном производстве, районные призывные комиссии Новосибирска использовали данные переписи трудоспособных горожан. В Октябрьском районе среди молодых людей в возрасте от 16 до 18 лет к этой категории населения относилось 394 чел. Более половины иждивенцев составляли учащиеся 8–10-х классов школ и средних специальных учебных заведений. Из подлежащих мобилизации были исключены те, кто поступил на заводы или техникумы еще до начала призыва. В целом по Октябрьскому району в школы ФЗО планировалось набрать 290 чел. Однако из 210 чел., явившихся по повесткам, были призваны лишь 77. Во время повторного набора вместо 150 чел., вызванных призывной комиссией, в школы ФЗО поступило 37 чел. Значительный отсев подростков и молодых людей обуславливался

рядом причин, в том числе состоянием их здоровья, школьным обучением, самостоятельным трудоустройством в ходе мобилизации, уклонением от набора. Всего к началу февраля 1942 г. из Октябрьского района учебные заведения трудрезервов получили 114 чел. или около 40% планового контингента молодежи.

В Дзержинском районе Новосибирска организаторы призывной кампании не ограничились формальным учетом численности неработающей молодежи и отправкой повесток по месту жительства. Активисты районных организаций партии и комсомола совершили обход жилых кварталов, сопровождавшийся беседами с родителями юношей и девушек об условиях их приема, обучении, материально-бытовом обеспечении в школах ФЗО. При этом, помимо молодых людей 16–18 лет, в данные учебные заведения набирались также 13–15-летние подростки. Такой подход к проведению мобилизации дал возможность призывным комиссиям Дзержинского района выполнить план призыва на 105%. Вместо 400 чел. в распоряжение трудрезервов поступили 420, в том числе 300 добровольцев⁷. Высокий удельный вес юношей и девушек, принятой по добровольному набору, свидетельствует о существенной результативности агитационной работы, проводившейся среди незанятой молодежи.

Всего по данным на 4 февраля 1942 г. в школы ФЗО Новосибирска поступило 1 668 чел., в том числе добровольно – 426. Из восьми районов города план по набору юношей и девушек в учебные заведения трудрезервов выполнили только два (Дзержинский и Первомайский). Сравнительный анализ вариантов проведения призывной кампании в Октябрьском и Дзержинском районах позволяет понять причины различной результативности действий призывных комиссий. Практика мобилизации показала, что формально-бюрократический подход к ее осуществлению являлся крайне неэффективным, поскольку он не позволял набрать необходимое количество учащихся для школ гортрудрезервов в условиях сокращения численности неработающей городской молодежи. Более полезной в этом деле оказалась организационная инициативность нижних инстанций, заключавшаяся в активном поиске потенциальных учеников при использовании комсомольской агитации и взаимодействии с семьями призываемых подростков и молодых людей. Опыт мобилизационной кампании, проведенной в Дзержинском районе Новосибирска, стал, по сути, эталоном для последующих наборов юношей и девушек в ремесленные училища и школы ФЗО, базировавшиеся на предприятиях оборонного значения.

Таким образом, в первый год войны мобилизация городской молодежи в учебные заведения трудрезервов являлась крупномасштабным мероприятием, реализация которого была обусловлена функционированием различных звеньев управленческой машины советского государства. При этом степень эффективности ее проведения на уровне крупного тылового города зависела от проявления инициативы со стороны низовых институтов государственного управления, оказывавшей непосредственное влияние на итоги призывной кампании.

Примечания

¹ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 4. Д. 427. Л. 36; Ф. П-22. Оп. 3. Д. 982. Л. 29.

² Там же. Ф. Р-1814. Оп. 1. Д. 9. Л. 3–4.

³ ГАРФ. Ф. Р-9507. Оп. 1. Д. 206. Л. 10.

⁴ ГАНО. Ф. П-22. Оп. 3. Д. 1184. Л. 80.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-9507. Оп. 1. Д. 206. Л. 10.

⁶ ГАНО. Ф. Р-1020. Оп. 5а. Д. 18. Л. 352.

⁷ ГАНО. Ф. П-22. Оп. 3. Д. 1145. Л. 53.

Андреенков С. Н.

Освоение целинных и залежных земель во второй половине 1950-х гг.: принятие решения и разработка программы*

В начале 1950-х гг. сельское хозяйство страны, исчерпав восстановительный потенциал, вступило в полосу стагнации. В 1950–1952 гг. производство и заготовки зерна увеличились незначительно, а в 1953 г. уменьшились. В то же время расход хлеба в связи с ростом городского населения ежегодно повышался, превосходя объёмы хлебозаготовок. Возрастание производства зерновых культур связывалось главным образом с подъёмом урожайности полей, но из-за нехватки средств для интенсификации производства планы по её повышению не выполнялись.

На сентябрьском (1953 г.) пленуме ЦК КПСС, утвердившем первую постсталинскую программу развития сельского хозяйства, ос-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 11-01-00504а).

новным средством подъёма производства зерновых культур по-прежнему называлось наращивание их урожайности. Её повышению должно было способствовать дальнейшее распространение травосеяния, которое ускоряло восстановление плодородия почв. С расширением посевов и повышением урожаев трав и других кормовых культур связывалось и укрепление кормовой базы для скота. Выполнения этих установок предусматривало сокращение зерновых посевов. Высшие руководители, тем не менее, понимали, что в сложившихся условиях ставка на повышение урожайности полей не обеспечит немедленного решения продовольственной проблемы. Поэтому уже во время работы пленума глава партии Н. С. Хрущёв поставил вопрос об увеличении посевных площадей зерновых культур за счёт распашки залежных и целинных земель на востоке страны. Эти планы были им изложены 9 сентября 1953 г. на встрече с делегацией Казахской ССР.

Предложения Н.С. Хрущёва об освоении новых земель под зерновые посевы подверглись критике. Против данной идеи выступил первый заместитель председателя правительства В. М. Молотов и другие руководители, впоследствии вошедшие в «антипартийную группу». По их мнению, расходы на освоение залежи и целины не окупятся. Не были одобрены эти планы и представителями Казахской ССР. Её глава Ж. Ш. Шаяхметов указал Хрущёву на то, что распашка залежных и целинных земель в Казахстане приведёт к нарушению интересов коренного населения, так как лишит его выпасов скота. Сомнения в целесообразности масштабного вовлечения в сельхозоборот неиспользуемых под пашню земель высказали руководители Куйбышевской, Саратовской, Чкаловской и Сталинградской парторганизаций.

Зато эта идея была поддержана руководителями Алтайского края, Омской и Новосибирской областей. О возможности использования земельных богатств Западной Сибири для решения зерновой проблемы говорилось в записках первых секретарей парторганизаций этих регионов (Н. И. Беляев, И. К. Лебедев и И. Д. Яковлев), которые были направлены Н. С. Хрущёву в ноябре 1953 г.

В записке главы Алтайского крайкома Н. И. Беляева от 19 ноября 1953 г. сообщалось, что более половины колхозных земель края представляют собой залежные, переложные, целинные земли и малопродуктивные кормовые угодья, которые могут быть использованы для выращивания продовольственных и фуражных культур. Глава крайкома посчитал возможным распашать под их посевы в 1954–1955 гг. 1 200 тыс. га таких земельных массивов. Травосеяние долж-

но было продолжиться на вновь распаханых землях. Для осуществления этих планов руководитель Алтайского края попросил предоставить колхозам региона необходимое количество техники и семян зерновых культур и трав.

В записке первого секретаря парторганизации Омской области И. К. Лебедева говорилось о возможности распашать в регионе в 1954 г. под посевы яровой пшеницы 400 тыс. га естественных сенокосов и выпасов. Вновь поднятые земли предполагалось отводить под пшеницу до 1957 г., в котором их планировали засеять овсом и травами и использовать как кормовые угодья. До этого срока недостаток кормовых площадей в колхозах должен был восполняться за счёт эксплуатации естественных пастбищ и сенокосов, арендованных у Казахской ССР. По мнению И. К. Лебедева, МТС области могли рассчитывать на дополнительные кадровые и технические резервы, а колхозы – на поставку семян, а также освобождение от обязательных поставок и сокращение на 50% норм натуроплаты МТС.

О возможностях расширения зерновых посевов путём вовлечения в сельхозоборот залежных и целинных земель колхозов РСФСР сообщалось в записке нового министра сельского хозяйства республики П. П. Лобанова, которая была направлена главе партии 30 ноября 1953 г. В документе говорилось, что в колхозах РСФСР имеется 57 млн. га пригодных для освоения переложных, залежных, целинных земель и кормовых угодий, и что большая и наиболее удобная для распашки их часть (38 млн. га) находится в районах Поволжья, Урала, Сибири и Дальнего Востока, где в 1954–1955 гг. можно дополнительно засеять до 5 млн. га. Подчёркивалось также, что под зерновые посевы здесь целесообразно использовать и нераспаханные совхозные земли (16 млн. га). В 1954 г. из поднятых в колхозах 5 млн. га под посевы зерновых намечалось отвести всего 300 тыс. га, а остальную площадь предлагалось оставить под паром и засеять только в 1955 г. Дополнительные партии семян зерновых культур колхозы могли получить от государства в ссуду или в порядке продажи. Работы по освоению новых земель должны были выполняться лучшими тракторными отрядами МТС, для работников которых планировалось определить повышенные нормы оплаты труда и меры поощрения за выполнение планов. Вновь освоенные колхозные земли на востоке РСФСР, согласно документу, позволяли получить дополнительно 400–425 млн. пудов (6–7 млн. т) хлеба при урожайности 80–85 пудов (13–14 ц) зерна с гектара.

4 декабря 1953 г. Н.С. Хрущёву была направлена большая записка, подготовленная новым министром сельского хозяйства СССР

И.А. Бенедиктовым. В ней предлагалось наряду проведением мероприятий по повышению продуктивности полей нарастить площадь посевов зерновых и других культур, в т. ч. трав путём освоения в колхозах и совхозах в 1954–1960 гг. 30 млн. га новых земельных массивов. Распашку перелогов, залежей и целины в первую очередь предполагалось произвести там, где для этого не требовалось проведения дорогостоящих мелиоративных работ, т. е. в районах Урала, Поволжья, Сибири и Казахстана. Колхозы этой части СССР должны были с 1954 по 1960 г. освоить 12 млн. га новых земель. В западных и центральных регионах страны колхозные залежи и перелог, которые повсеместно нуждались в раскорчёвке, очистке и осушении, планировалось вовлечь в сельскохозяйственный оборот в 1955–1960 гг. в количестве 8 млн. га. Зерновые культуры на вновь распаханых земельных массивах предлагалось высевать только первые три года, а потом они отводились под кормовые культуры. Для подъёма залежных и целинных земель МТС должны были сформировать специальные бригады и отряды из лучших кадровых и технических резервов, потенциал которых намечалось усилить. Планировалось создание новых МТС. Колхозы, осваивавшие целину и залежь, планировалось на пять лет освободить от обязательных госпоставок. От распахивания в колхозах новых земель ожидалось получение уже в 1956 г. дополнительно 500–550 млн. пудов (8–9 млн. т) хлеба, в 1960 г. – 900–1000 млн. пудов (14–16 млн. т).

Следующим этапом разработки целинной программы стала подготовка Н.С. Хрущёвым записки «Пути решения зерновой проблемы», которая 22 января 1954 г. была направлена в Президиум ЦК КПСС. В документе, при создании которого использовались материалы рассмотренных выше записок, обращают на себя внимание значительные масштабы и короткие сроки распахивания залежи и целины и завышенные планы производства на них зерна. Отмечается, в частности, что в 1954–1955 гг. имеется возможность расширить посевные площади зерновых культур в районах освоения новых земель на 13 млн. га, в т. ч. в колхозах на 8 млн. и совхозах – на 4 млн. га, и что есть все основания рассчитывать на урожайность в 14–15 ц/га, благодаря чему валовой сбор зерна на целине составит 1100–1200 млн. пудов (18–19 млн. т), а его товарная часть – 800–900 млн. пудов (13–14 млн. т). Данные установки получили директивное оформление на пленуме ЦК КПСС в марте 1954 г.

В постановлении пленума имелись заметные расхождения с предложениями Н. И. Беляева, И. К. Лебедева, П. П. Лобанова, И. А. Бенедиктова. Документ мало что говорил об использовании

паров и развитии травосеяния на новых землях. Урожайность полей планировалось сохранять и наращивать за счёт интенсивных способов, в первую очередь путём применения минеральных удобрений. Распашку и возделывание залежных и целинных массивов в восточных районах СССР должны были осуществлять как профессиональные сельскохозяйственные кадры, так и непрофессионалы – работники, направленные в порядке оргнабора из промышленности и других отраслей. Большие надежды возлагались на комсомольскую молодёжь. Дополнительным источником пополнения трудовых ресурсов в целинных областях должно было стать организованное государством переселение жителей малоземельных регионов. Освоение новых земель планировалось осуществить за счёт государственной сельхозтехники. Колхозы, поднимавшие залежь и целину, льготы по натуральным платежам не получили. На целине намечалось организовать строительство новых зерновых совхозов.

По решению февральского (1954 г.) пленума ЦК компартии Казахской ССР руководители республики, проигнорировавшие идею массового освоения целины, были сняты со своих постов. Зато Н. И. Беляев, И. К. Лебедев и И. Д. Яковлев пошли на повышение.

Реализация программы по освоению целинных и залежных земель превратилось в хозяйственно-политическую кампанию общенационального масштаба, потребовавшую мобилизации большого количества людских и материальных ресурсов. План подъёма новых земельных массивов на 1954–1955 гг. был перевыполнен почти в три раза. В связи с расширением зерновых посевов валовые сборы и заготовки хлеба существенно возросли. В середине 1950-х гг. темпы роста зернового производства в Сибири опережали общероссийские показатели. Однако условия для сохранения высокого уровня производительности зернового хозяйства на залежных и целинных землях созданы не были. Мало внимания уделялось почвозащитной агротехнике. Травополье игнорировалось, а минеральные удобрения по-прежнему не применялись в необходимом количестве. На рубеже 1950–1960-х гг. объёмы производства хлеба стали снижаться. В Западной Сибири спад в данной отрасли оказался наиболее существенным. Заготовки хлеба в этот период не покрывали его расходы. Качество целинного зерна было низким.

Однако вопрос о том, насколько кампания по освоению целинных и залежных земель второй половины 1950-х гг. была оправдана с социальной, экономической и политической точек зрения, до сих пор остаётся дискуссионным. Противоречивые последствия данной акции, как нам представляется, во многом обуславливались тем, что

силу субъективных факторов многие рекомендации о её проведении, имевшие научное обоснование, при составлении планов освоения новых земель в полной мере учтены не были.

Букин С. С.

Государственные мероприятия по конверсии производства на предприятиях Сибири после Великой Отечественной войны*

После завершения самой разрушительной в истории России войны первоочередные меры государственной социальной политики направлялись на урегулирование правовых отношений. На заводах и в учреждениях восстанавливались восьмичасовой рабочий день, выходные и отпуска, отменялись жестокие законы военного времени, грозившие суровой карой за опоздание и другие нарушения трудовой дисциплины.

Окончание военных действий потребовало изменения производственного профиля оборонных заводов, которые определяли промышленный облик крупных сибирских городов. Многократно сократился государственный оборонный заказ. Послевоенная конверсия опиралась на материальные и финансовые ресурсы государства, осуществлялась в централизованном плановом порядке. Однако протекала она болезненно. Цеха эвакуированных предприятий размещались в наспех построенных каркасно-засыпных бараках, различного рода приспособленных помещениях. По организации производства и условиям труда они не отвечали задачам мирного времени. Многие мобилизованные или эвакуированные рабочие и ИТР уехали из сибирских городов в родные места. Тем не менее, на ряде предприятий в первые послевоенные месяцы даже образовался излишек рабочей силы. Частично она направлялась на вспомогательные работы. В связи с отсутствием нарядов, перемещением с одного участка на другой многие рабочие не выполняли нормы выработки, что вело к снижению заработной платы.

На сибирских предприятиях предпринимались меры по закреплению кадров, обучению их новым профессиям. На производствен-

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 11-01-00248а

ных участках, куда переводилась значительная часть работающих, стала практиковаться прогрессивно-премиальная система оплаты труда. В централизованном порядке, через соответствующие наркоматы, выделялись дополнительные денежные фонды для поддержания в прежних размерах заработной платы рабочих, перешедших на освоение гражданской продукции¹.

На фоне масштабного роста оборонного комплекса в военных условиях пришли в упадок отдельные отрасли промышленности, прежде всего лесная и легкая, производство строительных материалов. Устарело и износилось оборудование, нарушились традиционные производственные связи промышленных предприятий. Перевод индустрии на мирный лад требовал глубокой перестройки технологии и организации производства, что представляло исключительно сложную задачу.

На её решении непосредственно отражалась необходимость восстановления разрушенных в ходе боевых действий народного хозяйства и социальной сферы западных районов страны, поддержания на должном уровне обороноспособности государства в условиях развернувшейся «холодной войны», создания новых отраслей промышленности, таких как атомная и ракетно-космическая, что в совокупности требовало огромных капитальных вложений.

Конверсионные процессы протекали преимущественно по двум основным направлениям: переход от выпуска оборонной продукции к изготовлению различных изделий гражданского назначения и организация производства потребительских товаров для населения. Примечательно, что первые «мирные заказы» поступили на оборонные предприятия ещё задолго до окончания войны. Так, новосибирский завод №386 весной 1944 г. к началу посевных работ получил задание областного комитета ВКП(б) произвести по широкой номенклатуре запасные части для тракторов и выполнил его на 119 %². В послевоенное время это и другие предприятия Наркомата боеприпасов были переподчинены Министерству сельскохозяйственного машиностроения СССР. На крупнейшем из них – комбинате 179 после переоборудования ряда цехов, монтажа новых станков и технологических линий в широких масштабах развернулось производство борон, сеялок, лутильников, хотя завод, получивший наименование «Сибсельмаш», продолжал выпускать и оборонную продукцию.

В ходе развертывания конверсии машиностроительные заводы Сибири наращивали выпуск тракторов и комбайнов, оборудования для угольной, горнорудной, химической и других отраслей промышленности. Перестроили производство применительно к нуждам

мирного времени предприятия черной и цветной металлургии. Кузнецкий металлургический комбинат поставлял рельсы для железных дорог, балки, швеллера для строительства, металлоизделия для бытовых нужд. Фабрики легкой промышленности вместо солдатского обмундирования начали изготавливать мужскую, женскую, детскую одежду и обувь.

Переход от военного производства к гражданскому сопровождался в Сибири снижением общего производственного потенциала народного хозяйства. В 1946 г. объем промышленного производства сибирского региона сократился по сравнению с 1945 г. на пятую часть, а в некоторых областях еще больше, что было естественно в условиях изменения номенклатуры изделий и технологий их изготовления. Постепенно промышленность ускоряла темпы развития. В 1948 г. был достигнут производственный уровень последнего года войны, а в Иркутской, Тюменской областях, Алтайском и Красноярском краях даже превзойден³.

В ходе конверсии сложной и очень важной задачей являлось организация и расширение выпуска товаров для повседневной жизни населения. В военное время производство предметов народного потребления резко сократилось. Если в первом полугодии 1941 г. удельный вес продукции легкой промышленности в общем объеме производства предприятий Новосибирска составлял 19,3 %, то в первом полугодии 1945 г. – 2 %, промысловой кооперации – соответственно 23,1 и 4,9 %. В целом за 1945 г. вся промышленность Новосибирской области выпустила товаров народного потребления на 200 млн. руб., или 6,6 % валовой продукции. При этом на предприятиях союзного подчинения данный показатель составил 0,7 %, республиканского – 3,9, местного – 43,7 %⁴.

Пленум Новосибирского обкома ВКП(б), состоявшийся в феврале 1946 г., отметил, что при перестройке промышленности на выпуск гражданской продукции задача развития производства товаров народного потребления не нашла должного решения. Руководители ряда предприятий рассматривали это производство как второстепенное дело. Вместо налаживания массового выпуска предметов потребления имело место изготовление их небольших партий для частичного удовлетворения неотложных нужд своих трудовых коллективов. Пленум потребовал от партийных, советских и хозяйственных организаций коренным образом изменить отношение к обеспечению насущных потребностей населения, с особым вниманием относиться к расширению производства товаров народного потребления⁵.

Для решения этой острой социальной проблемы существенным резервом являлась организация производства предметов хозяйственного и культурно-бытового назначения на предприятиях тяжелой индустрии. Уже в первые послевоенные месяцы в городах Сибири органами управления предпринимались меры в этом отношении. На ряде крупных заводов, в том числе оборонных, были созданы цеха ширпотреба. В Красноярске за 1945 г. они изготовили товаров народного потребления на 1 213 тыс. руб., освоили 82 вида новых изделий: комоды, стулья, столы, стиральные доски, электроплитки, предметы из фарфора, пластмассы, керамики, жести, чугуна и др. Один из первых организовал цех ширпотреба Красноярский комбайновый завод. Это заводское подразделение было оснащено необходимым оборудованием, укомплектовано кадрами. В нем изготавливались 15 наименований предметов первой необходимости: ведра, тазы, сковородки, кастрюли, детские стульчики, вешалки для одежды и т. д. Паровозостроительный завод в декабре 1945 г. выпустил товаров для населения на 75 тыс. руб., а в январе 1946 г. на 129 тыс. руб. В цехе ширпотреба производились мясорубки, ключи, молотки и т. д. Если прежде завод передавал всю эту продукцию для нужд своего трудового коллектива, то с декабря 1945 г. три четверти ее сдавалось в торговую сеть города. В 1947 г. в Красноярске выпуск товаров для населения по сравнению с 1945 г. увеличился более чем в восемь раз. Важно отметить, что ряд предприятий тяжелой индустрии перешел на массовое, поточное производство предметов потребления.

В Новосибирске в 1946 г. из 46 заводов, подчинявшихся союзным министерствам, товары для населения выпускали 26. На авиационном заводе им. В. П. Чкалова было налажено массовое производство алюминиевой посуды и мебели. В цехе ширпотреба запустили в эксплуатацию конвейерные линии, которые позволили увеличить выпуск плательных шкафов в 3,5 раза, кроватей в 6 раз.

Однако возможности предприятий тяжелой индустрии для производства товаров народного потребления использовались далеко не в полной мере. Многие хозяйственные руководители не уделяли цехам ширпотреба должного внимания. В них слабо внедрялись прогрессивные технологии, преобладал ручной труд, нередко выпускалась продукция низкого качества. Для повышения роли предприятий тяжелой индустрии в производстве товаров народного потребления требовалось создание системы экономических стимулов, усиливающих их заинтересованность в выпуске этой продукции. Интересный опыт накопили новосибирские заводы, которые организовали про-

изводство потребительских изделий на кооперативной основе. Эти предприятия обменивались производственными отходами, инструментом, осуществляли другие взаимные поставки. Отчетливо проявилась необходимость укреплять связи между предприятиями тяжелой индустрии и торговлей. Торговые организации могли бы помочь своим партнерам в выборе ассортимента, в ориентации на выпуск товаров, пользующихся повышенным спросом населения.

Для выпуска предметов хозяйственного обихода и культурно-бытового назначения слабо привлекались местное сырье и отходы производства. Их удельный вес в общем балансе материалов, используемых на предприятиях местной и кооперативной промышленности Сибири, не превышал 20 %. Региональные органы управления неоднократно принимали решения, обязывающие партийных, советских и хозяйственных руководителей обеспечить максимальное использование для изготовления товаров народного потребления местного сырья и отходов производства, навести порядок в их учете, поднять ответственность администраций предприятий за выполнение плана как по выпуску валовой продукции, так и по ее ассортименту.

Таким образом, послевоенная конверсия производства имела глубоко противоречивый характер и по сути осталась незавершенной. Сохранялся высокий уровень милитаризации экономики Сибири в условиях «холодной войны». В народнохозяйственной структуре региона явно недостаточное место занимали легкая, пищевая и местная промышленность. Далеко не в полной мере использовались возможности крупных оборонных предприятий по выпуску товаров для населения.

Примечания

¹ Букин С. С. Государственные социальные акции послевоенной эпохи в сибирском измерении (1946–1953 гг.) // Деятельность государственных организаций по индустриальному освоению Сибири в XX – начале XXI вв. Сб. науч. тр. Вып. 2. Новосибирск, 2010. С. 109–110.

² Материалы музея Новосибирского механического завода «Искра»

³ Рабочий класс Сибири в период упрочения и развития социализма. Новосибирск, 1984. С. 149.

⁴ ГАНО. Ф. 4. Оп. 33. Д. 1142. Л. 179, 219; Советская Сибирь. 1946. 23 февр.

⁵ ГАНО. Ф. 4. Оп. 33. Д. 1140. Л. 12.

Управление ядерно-оружейным комплексом СССР в годы «холодной войны»

Целенаправленное развитие отечественной ядерной физики началось в 1920–1930-е гг., но начавшаяся Великая Отечественная война затормозила работу учёных. В очень трудных военно-экономических условиях, осенью 1942 г. правительство пригласило для консультаций видных учёных-физиков В. И. Вернадского, А. Ф. Иоффе, П. Л. Капицу и В. Г. Хлопина, мнение которых было единогласным: несмотря на сложность положения в стране, работы по созданию ядерного оружия необходимо начать немедленно. В результате обсуждения И. В. Сталиным было подписано распоряжение Государственный комитет обороны СССР «Об организации работ по урану», в котором Академия наук СССР обязывалась предоставить ГКО к 1 апреля 1943 г. доклад о возможности создания атомной бомбы¹.

11 февраля 1943 г. ГКО принял постановление об организации работ по использованию атомной энергии в военных целях. Курирование этой проблемы возлагалось на В. М. Молотова, а её научным руководителем назначен академик И. В. Курчатов. 12 апреля 1943 г. в Москве организована Лаборатория № 2 АН СССР для исследований по урану, её начальником утверждён И. В. Курчатов — ныне это Курчатовский институт, известный во всём мире. В июне 1943 г. он пишет руководству страны: «Мы сделали первый шаг и находимся в начале большого трудного пути. Как по числу и квалификации кадров, так и по материально-технической вооружённости исследований проблем урана, наша страна остаётся далеко позади Америки, Англии и Германии. Проблемой урана у нас сейчас занимаются 50, а в Америке — около 700 научных сотрудников...»².

В последующие военные годы начали создаваться геологические организации для разведки урановых руд, горно-металлургические предприятия, организовывались новые научно-исследовательские и проектные институты, а также предприятия, которые создавали технологии для укрощения ядерной энергии. Для управления ими 20 августа 1945 г. ГКО принял постановление «О Специальном комитете при ГКО». Его председателем назначен нарком внутренних дел и заместителем председателя ГКО — Л. П. Берия, заместителями председателя — секретарь ЦК ВКП(б), заместитель председателя

СНК СССР Г. М. Маленков и председатель Госплана СССР, первый заместитель СНК СССР Н. А. Воскресенский. Членами Специального комитета являлись двое выдающихся учёных-физиков — академики И. В. Курчатов и П. Л. Капица, заслуженные хозяйственники — Б. Л. Ванников, А. П. Завенягин, М. Г. Первухин и представитель органов внутренних дел В. А. Михнёв.

На Спецкомитет возлагалось руководство развитием научно-исследовательских работ по атомной энергии, широкое развёртывание геологической разведки и создание сырьевой базы по добыче урана, организация промышленности по переработке урана, производству специального оборудования и материалов, связанных с использованием внутриатомной энергии, а также строительство атомно-энергетических установок, разработка и производство атомной бомбы. Для предварительного рассмотрения научно-технических вопросов, вносимых на обсуждение Специального комитета, планов научно-исследовательских работ и отчётов по ним, а также технических проектов сооружений, конструкций и установок по использованию урана создан при Специальном комитете Технический Совет. В его состав входили: Б. Л. Ванников — председатель, А. И. Алиханов — академик (учёный секретарь), академики АН СССР И. В. Курчатов, А. Ф. Йоффе, П. Л. Капица, В. Г. Хлопин; члены-корреспонденты АН СССР И. К. Кикоин, Н. А. Воскресенский, профессор Ю. Б. Харитон, А. П. Завенягин и В. А. Михнёв.

Для непосредственного руководства научно-исследовательскими, проектными, конструкторскими организациями и промышленными предприятиями по использованию атомной энергии урана и производству атомных бомб при СНК СССР было создано Первое главное управление. В соответствии с постановлением ГКО Специальный комитет разрабатывал и представлял на утверждение председателя ГКО планы работ, а Первое главное управление — мероприятия по их осуществлению. В Госплане СССР организовывалось управление по обеспечению заданий Специального комитета. Финансирование расходов и содержание Специального комитета, Первого главного управления при СНК СССР, научно-исследовательских, проектных и конструкторских организаций и промышленных предприятий, а также работ, выполняемых другими наркоматами и ведомствами по заказам управления, относились на союзный бюджет по статье «Специальные расходы». Первое главное управление и подведомственные ему учреждения и предприятия освобождались от регистрации штатов в финансовых органах.

Начальником Первого главного управления при СНК СССР утверждён Б. Л. Ванников, ранее работавший народным комиссаром боеприпасов, а заместителями начальника — А. П. Завенягин (первый), Н. А. Борисов, П. Я. Антропов, А. Г. Касаткин, П. Я. Мешик. Устанавливалось, что никакие организации, учреждения и лица без особого решения ГКО, затем СНК, СМ СССР, Совмина СССР не имеют право вмешиваться в административно-хозяйственную и оперативную деятельность Первого главного управления, его предприятий, учреждений, а также требовать справки о его работе или работах, выполняемых по приказам Первого главного управления. Вся отчётность по указанным работам направлялась только Спецкомитету. Л. П. Берия поручалось принять меры по организации разведывательной работы и получению более полной технической и экономической информации об урановой промышленности и атомных бомбах, возложив на него руководство работой в этой области, проводимой органами Народного комиссариата государственной безопасности и разведывательным управлением Генерального штаба Красной Армии.

Для создания «изделия», как условно называли атомную бомбу, 9 апреля 1946 г. Постановлением Совета министров СССР при Лаборатории № 2 АН СССР создано Специальное конструкторское бюро (КБ-11), руководителем которого был П. М. Зернов, а главным конструктором доктор технических наук, профессор Ю. Б. Харитон. Самая секретная в стране организация располагалась в посёлке Сарово (ныне г. Саров). В последующие годы в связи с развитием атомной промышленности создавались новые организационные структуры, но основные принципы оставались неизменными вплоть до 1953 г.³ В апреле 1946 г. Технический совет преобразован в Научно-технический совет, который находился в подчинении Первого главного управления при Совете министров СССР. Председателем совета был назначен Б. Л. Ванников, заместителями — академик И. В. Курчатов и М. Г. Первухин. В состав совета членами входили академики А. Ф. Йоффе, В. Г. Хлопин, А. И. Алиханов, Н. Н. Семёнов, профессора Ю. Б. Харитон и А. И. Лейпунский, а также В. А. Малышев, А. П. Завенягин, В. С. Поздняков.

По данным на 29 октября 1949 г. в центральном аппарате Первого главного управления при Совете министров СССР работали 1 746 чел. Общая численность работающих на предприятиях и рудниках, в научно-исследовательских, проектных и конструкторских организациях, а также в центральном аппарате составляла 237 878 чел, в том числе работников основного производства — 169 754 чел., научных и инже-

нерно-технических работников – 18 891 чел., служащих и младшего обслуживающего персонала – 14 921 чел.⁴

С целью более эффективного развития сырьевой базы атомной промышленности в соответствии с постановлением Совета министров СССР от 27 декабря 1949 г. из состава Первого главного управления СССР выделено Горно-металлургическое управление, другие подразделения и на их основе создано Второе главное управление при Совете министров СССР. В его состав входило семь отечественных предприятий по добыче и разработке урановой руды. На это управление возлагалась организация добычи урановых руд на действующих и вновь открываемых отечественных месторождениях урана и переработка их в концентраты на обогатительных фабриках и химических заводах⁵. Для организации науки и техники в области создания управляемых ракет дальнего действия 3 февраля 1951 г. при Спецкомитете было создано Третье главное управление. Его начальником назначен В. М. Рябиков.

Постановление Совета министров СССР от 16 марта 1953 г., подписанным Г. М. Маленковым, Первое и Второе главные управления объединены. Начальником объединённого Первого главного управления назначен А. П. Завенягин, его первым заместителем Е. П. Славский, а заместителями – П. Я. Антропов и Н. И. Павлов. В его составе имелось 28 подразделений, в которых работали 1 850 чел. А постановлением Совета министров СССР от 11 июля 1953 г. на базе Первого и Третьего главных управлений образовано Министерство среднего машиностроения СССР. Структура крупнейшего министерства утверждена в составе 2 644 чел. Министром был назначен заместитель председателя Совета министров СССР В. А. Малышев, первыми заместителями – Б. Л. Ванников и М. В. Хруничев, заместителями министра П. Я. Антропов, А. П. Завенягин и В. М. Рябиков. Кроме того оно взяло на себя многие функции бывшего Специального комитета при Совете министров СССР. Также были переданы в систему министерства основные подразделения Главпромстроя МВД СССР.

В номенклатуру ЦК КПСС входили руководители министерства, члены коллегии, начальники управлений и важнейших отделов, а также директора основных НИИ и КБ, их первые заместители и главные конструкторы основных видов вновь создаваемой ядерной техники. В феврале 1955 г. в Министерстве среднего машиностроения СССР создан Научно-технический совет по противоракетной обороне⁶. Это министерство подчинялось только председателю Со-

вета министров СССР и секретарю ЦК КПСС, председателю Совета обороны СССР.

Министр В. А. Малышев по специальности инженер-машиностроитель. С января 1950 г. он работал министром судостроительной промышленности. По его инициативе в 1952 г. Первым главным управлением при Совете министров СССР и Министерством судостроительной промышленности СССР подготовлено и подписано И. В. Сталиным постановление правительства о строительстве в СССР первой в мире подводной атомной лодки с ядерно-энергетической установкой. В 1952 г. он был избран членом Президиума ЦК КПСС. После смерти И. В. Сталина В. А. Малышев назначен ответственным за программу ядерного оружия и средств его доставки потенциальному противнику. Деятельность его в 1953–1955 гг. тесно связана с разработкой и испытанием первых термоядерных бомб, ракетной и космической техникой, в том числе испытанием первой термоядерной бомбы на Семипалатинском полигоне 12 августа 1953 г. На состояние здоровья уже больного В. А. Малышева оказали влияние изменения в высшем эшелоне власти, освобождение Г. М. Маленкова от руководства правительством страны. В. А. Малышев работал министром среднего машиностроения СССР до февраля 1955 г., а затем в течение года председателем Государственного комитета по новой технике.

28 февраля 1955 г. министром среднего машиностроения СССР назначен А. П. Завенягин. 31 декабря 1956 г. в связи со смертью А. П. Завенягина исполнение обязанностей министра среднего машиностроения возложено на первого заместителя министра Б. Л. Ванникова, а 30 апреля 1957 г. министром среднего машиностроения назначен М. Г. Первухин, с сохранением за ним обязанностей первого заместителя председателя Совета министров СССР. 24 июля 1957 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР министром среднего машиностроения назначен Е. П. Славский. В 1963 г. Министерство среднего машиностроения СССР в связи с реорганизацией управления промышленностью и строительством преобразовано в Государственный научно-производственный комитет по среднему машиностроению СССР, а 2 марта 1965 г. – в Министерство среднего машиностроения СССР, под руководством Е. П. Славского.

Министерство среднего машиностроения СССР, которое осуществляло управление ядерно-оружейным комплексом, имело в своём подчинении крупнейшие комбинаты, предприятия, научно-исследовательские, проектно-конструкторские и строительные организации. Основными задачами этой самой секретной из отраслей

оборонной промышленности являлись: добыча сырья, производство делящихся радиоактивных материалов, необходимых для ядерных зарядов; хранение, учёт, контроль, техническое обслуживание, транспортировка и физическая защита ядерных снарядов и боеприпасов; обеспечение безопасной эксплуатации в войсках, авторский надзор на всех этапах производства и функционирования ядерных зарядов и боеприпасов; предупреждение аварийных ситуаций и готовность к ликвидации аварий с ядерным оружием; демонтаж ядерных боеприпасов, снимаемых с вооружения; утилизация делящихся и радиоактивных материалов после их извлечения из ядерных зарядов и боеприпасов; а главное обеспечение Министерства обороны СССР ядерными зарядами и боеприпасами⁷.

Таким образом, для создания отдельного, но самого грозного вида вооружения, в высшей степени значимого для страны, правительство с первых послевоенных лет создавало специальные структуры. Первыми такими структурами были Специальный комитет и Первое главное управление при СНК СССР. В связи с сверхсекретностью Спецкомитет получал задания от высшего руководства страны и докладывал о результатах его выполнения Первым главным управлением. По мере возникновения новых проблем и исследовательских, проектно-конструкторских организаций, геолого-разведочных работ, промышленных предприятий, производивших сложнейшие технологии для выпуска отдельных компонентов и ядерных зарядов, формировались новые управления при Совмине СССР. С марта 1953 г. все отдельные управления были объединены во вновь созданное Министерство среднего машиностроения СССР. Это министерство и все подчинённые ему организации и предприятия были более засекреченными, чем другие структуры оборонной промышленности СССР в годы «холодной войны».

Примечания

¹ Атомная отрасль России. События. Взгляд в будущее. М., 1998. С. 117, 119; *Стародубов В.* Супердержавы XX века. Стратегическое противоборство. М., 2001. С. 79, 45, 47; Ядерный оружейный комплекс. Энциклопедия XXI век. Оружие и технологии России. Т. 14. М., 2007. С. 34.

² Атомная отрасль России... С. 45, 47, 491; *Стародубов В.* Супердержавы XX века... С. 79; Ядерный оружейный комплекс... Т. 14. С. 35.

³ *Симанов Н. С.* Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950 годы. М., 1996. С. 212–213; Атомный проект СССР. Документы и материалы... Москва-Саров, 2003. Т. 2. Кн. 1. С. 11–13; Ради жизни на земле... Исторические очерки о Сибирском химическом комбинате. Томск, 1999. С. 24.

⁴ Атомный проект СССР. Документы и материалы... Т. 2. Кн. 4. С. 701–702, 719–720; *Артёмов Е. Т.* Научно-техническая политика в советской модели поздней индустриальной модернизации. М., 2006. С. 82–86.

⁵ Атомный проект СССР. Документы и материалы... Т. 2. Кн. 4. С. 388–391.

⁶ *Круглов А. К.* Штаб Атомпрома. М., 1998. С. 105–106, 111–113.

⁷ *Круглов А. К.* Как создавалась атомная промышленность СССР. М., 1998. С. 364–365; Атомная отрасль России... С. 68; *Круглов А. К.* Штаб Атомпрома. С. 138–141; *Быстрова И. В.* Военно-промышленный комплекс СССР в годы холодной войны... М., 2000. С. 78; Ядерный оружейный комплекс. Энциклопедия XXI век. Оружие и технологии России. Т. 14. Т. 4. С. 10.

Тимошенко А. И.

Особенности государственного управления районами нового промышленного освоения Сибири в 1950–1980-е гг.*

В послевоенный период главной стратегической задачей государственной политики СССР в отношении социально-экономического развития сибирского региона являлось дальнейшее укрепление здесь надежного «тыла» государства, значимость которого в условиях обострения противостояния двух общественно-политических систем в мире только возрастала. Руководство страны в складывающихся обстоятельствах развертывания «холодной войны» было вынуждено сделать важнейший стратегический вывод о необходимости создания в восточных районах страны новых отраслей военно-оборонной промышленности: атомной, ракетно-космической, электронной, производящих новейшие виды вооружения, в том числе реактивную и ракетную технику. В соответствии с этими перспективами, намеченными в пятилетних планах, для Сибири разрабатывалась широкая программа индустриального освоения, дальнейшего продвижения индустрии на восток и север, максимального приближения промышленности к источникам сырья и топлива, строительства крупнейших энергетических объектов, алюминиевых заводов, лесохимических предприятий и разворачивания на этой основе высокотехнологичных военно-оборонных комплексов.

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 11-01-00504а.)

Это главное стратегическое направление в политике государства формировало особенности социального и экономического управления в Сибири, в том числе и в районах её нового промышленного освоения (РНПО), в которых в 1950–1980-е гг. происходила реализация масштабных проектов национального значения. Они претворялись в жизнь исключительно по инициативе и при участии государственных организаций, которые определяли здесь как цели и содержание социально-экономических мероприятий, так и механизмы, и сроки их реализации.

Наибольший акцент в изучаемый период в регионе был сделан на развитие отраслей электроэнергетики как гидравлической, так и тепловой, на базе которых планировалось формирование целых комплексов энергоемких производств. Главные государственные организационные решения в этом направлении, приведшие к значительным результатам, принимались в 1950-е гг. Сибирская тема звучала на всех послевоенных партийных съездах и прочих государственных и научно-практических форумах. Наиболее концентрированно она представлена в решениях XX съезда КПСС., которые определяли в ближайшем времени развернуть строительство крупнейших теплоэлектростанций и ГЭС в Сибири, «ввести в действие на Ангаре Иркутской ГЭС мощностью 660 тыс. киловатт, первой очереди Братской ГЭС, полная мощность которой составит 3 млн. 200 тыс. киловатт, Новосибирской ГЭС на Оби мощностью 400 тыс. киловатт. Приступить к строительству Красноярской ГЭС на Енисее мощностью 3 млн. 200 тыс. киловатт и Каменской ГЭС на Оби мощностью 500 тыс. киловатт»¹.

Практически все выше обозначенные планы были претворены в жизнь. Активное энергетическое строительство в Сибири сопровождалось созданием новых энергоемких производств и целых территориально-производственных комплексов и объединений, что отражалось в реализации последующих государственных программ экономического развития, которые дополнялись и видоизменялись в соответствии с вызовами времени, модернизировались в связи с новыми знаниями и обстоятельствами.

В числе первых реализовывался Ангаро-Енисейский проект в Восточной Сибири, в результате чего образовалось сразу несколько крупных территориально-производственных комплексов (ТПК), в том числе в районах слабо вовлеченных в хозяйственную деятельность. В 1950–1960-е гг. были открыты крупнейшие в мире нефтегазовые месторождения на севере Западной Сибири и началось формирование нефтегазодобывающего комплекса, наиболее существен-

но за всю историю XX столетия изменившего значимость региона, как в хозяйственном развитии страны, так и в мировой экономике. В середине 1980-х гг. на долю ЗСНГК приходилось примерно 70% всесоюзной добычи нефти и газа.

В 1970–1980-е гг. мощный импульс в развитии получили восточные и северо-восточные регионы Сибири в связи с развертыванием строительства Байкало-Амурской магистрали и реализацией планов хозяйственного освоения придорожной зоны, которая в силу своих суровых природных и климатических условий к концу XX в. имела ещё участки, не только не охваченные промышленным развитием, но и даже как следует не обжитые. Все эти изменения определяли пристальное государственное внимание к районам нового промышленного и транспортного строительства.

В экономико-географической литературе появилось понятие «района нового промышленного освоения», которое стало активно использоваться в планировании и директивной документации. В 1960–1970-е гг. в государственном управлении СССР всё более высокую оценку стало получать научное обоснование стратегии экономического развития, которое базировалось на идее включения в народнохозяйственный оборот всё новых территорий и природных ресурсов страны. Под понятием «района нового хозяйственного или промышленного (в данном случае это являлось синонимами) освоения» стали подразумеваться слабообжитые и малоразвитые в промышленном и транспортном отношении территории, удаленные от экономических и культурных центров страны, но располагающие высокоценными природными ресурсами.

Определение «района нового промышленного освоения» охватывало обширную зону СССР, в состав которой входили районы Европейского и Азиатского Севера, Средней Азии и Казахстана. Однако их большая часть находилась в Сибири и на Дальнем Востоке. Эти регионы во второй половине XX столетия имели самые высокие темпы социально-экономического развития не только в стране, но и в мире. Находясь в природно-климатических условиях не всегда благоприятных для жизни людей, они имели исключительную важность и ценность для государственного развития, так как оказывали огромное влияние на развитие всего народнохозяйственного комплекса, на приращение экономического потенциала СССР и сохранения государством статуса великой державы.

Границы РНПО были несколько условны, так как они не совпадали с четко обозначенным административно-территориальным делением, что в целом затрудняло процессы управления, особенно социаль-

ной сферой новых городов и рабочих поселений. Производство в основном управлялось централизованно из Москвы через систему министерств и ведомств, которым законодательно навязывалось решение не свойственных им социальных проблем трудовых коллективов. Территории же индустриальных новостроек долгое время могли не иметь местного самоуправления.

Делались попытки преодолеть складывающиеся противоречия, искать новые формы и методы управления, позволяющие более эффективно соотнести общегосударственные и региональные интересы. На эти цели была направлена в конце 1950-х – начале 1960-х гг. так называемая «совнархозовская» реформа, которая, впрочем, в РНПО не привела к желаемым результатам. Она усилила влияние регионального управления, но вместе с тем не устранила существующие противоречия. Кроме того, возникли новые проблемы. Например, в процессе «совнархозовского» управления стало затруднено проведение в отраслях единой научно-технической политики. Базовые и вспомогательные предприятия, ранее при централизованном министерском управлении действовавшие в едином комплексе, оказались разобщенными. Введение совнархозов нарушило единое управление отраслями, уменьшило внимание государства к их развитию. Кардинально не решило возникших проблем создание госкомитетов по отраслям, которые фактически были призваны решать задачи министерств по внедрению достижений научно-технического прогресса на предприятиях.

Проблемы развития РНПО Сибири вообще не могли продуктивно решаться на региональном уровне. Финансовые и прочие материальные рычаги власти находились в ведении центральных организаций государственного управления. Масштабность и значимость поставленных здесь в первую очередь производственных задач требовали более глобального подхода и рационального сочетания принципов общегосударственного и регионального управления. Сентябрьский (1965 г.) Пленум ЦК КПСС восстановил централизм в планировании и управлении экономикой территорий, упразднив совнархозы, передав руководство отраслями промышленности снова в руки министерств и ведомств. Однако уже не было такого жесткого регламентирования. Период СНХ не прошел бесследно. Он укрепил в значительной степени региональные органы государственной власти, которые смогли почувствовать свою значимость на подведомственной территории и определенную независимость от центра. Они успели приобрести навыки самостоятельных решений и уве-

ренности в своих действиях и особенно стремились принимать участие в организации приоритетного индустриального строительства.

В реальной практике государственного управления принципы централизма в планировании и материальном обеспечении развития народного хозяйства и региональные интересы сочетались с большим трудом. Центральные организации, обладающие большим административным ресурсом, подавляли региональные. Но, тем не менее, начиная с 1960-х гг. и до конца советского периода управления страной, периодически предпринимались попытки определить сферы влияния на экономическое и социальное развитие территорий между отдельными ведомствами. С одной стороны, действовали местные органы власти, которые несли определенную ответственность за социально-экономическое развитие своих подведомственных территорий, а с другой находились отраслевые министерства и ведомства, которые потребительски использовали всевозможные ресурсы, не неся никакой ответственности. Единственной целью их было выполнение производственных заданий.

Подавляющая часть решений, принимающихся для РНПО Сибири на уровне министерств, не согласовывалась с местными Советами, а иногда принималась и вопреки их мнению. Ситуация особенно обострялась в сфере создания социально-бытовой инфраструктуры регионов, использования трудовых ресурсов и природоохранной деятельности. В силу ведомственного управления региональным развитием необоснованно быстро росли крупные промышленные комплексы, социальное же развитие территорий хронически отставало от производственного.

В 1960-е гг. на социально-экономическом развитии РНПО Сибири положительно сказался переход в экономической политике СССР к принципам комплексного развития территорий. В структуру Госплана СССР из Академии наук СССР был передан Совет по изучению производительных сил (СОПС), который, получив двойное подчинение, стал координировать научную и организационную деятельность вокруг РНПО. В регионы стали поступать научные аналитические разработки и указания для проведения предплановых исследований. В результате в стране была создана система предпланового обоснования территориального развития, включавшая отраслевые и региональные схемы-прогнозы, которые корректировались и воплощались в Генеральных схемах развития и размещения производительных сил СССР².

В Сибири по инициативе партийных и советских региональных органов активно стали разрабатываться перспективные программы

комплексного экономического развития. Руководители сибирских обкомов и крайкомов КПСС ещё в период совнархозов начали эту деятельность, стремясь повысить статус своих регионов, обосновать необходимость их индустриального развития. Всячески способствовали проведению различных научных изысканий, конференций по изучению производительных сил, а также старались добиться строительства на подведомственных территориях крупных промышленных предприятий союзного значения.

В последующих властных трансформациях региональные органы не потеряли своего влияния. Они по-прежнему продолжали оказывать воздействие на принятие государственных решений относительно своих территорий, многие из которых сами и инициировали. Крайкомы и обкомы КПСС в сотрудничестве с научными и проектными организациями выступали за создание мощных территориально-производственных комплексов, активно взаимодействовали с отраслевыми министерствами и ведомствами, Советом Министров СССР, Госпланом и соответствующими отделами ЦК КПСС. Во второй половине 1960-х – начале 1970-х гг. от партийных и советских организаций практически всех регионов Сибири в Госплан СССР были направлены обстоятельные записки о развитии производительных сил на перспективу, о разработке генеральных схем развития народного хозяйства краев и областей. Наиболее активно региональные целевые комплексные программы разрабатывались Иркутским, Кемеровским областными комитетами КПСС, Красноярским крайкомом³.

Поиск эффективных решений в управлении РНПО Сибири происходил на фоне изменений, происходивших в государственной политике СССР на протяжении всего хронологического периода. Начиная с 1950-х гг. постепенно в стране всё более пристальное внимание уделялось решению социальных проблем, что конкретно выражалось в социально-демографической политике государства, повышенных по сравнению с предыдущими историческими периодами в жизни СССР темпах жилищно-гражданского строительства, особенностью которого становился повсеместный переход на индустриальные методы. Разрабатывался и реализовывался целый ряд мероприятий, направленных на реальное улучшение качества торгового и культурного обслуживания населения СССР, в целом на повышение его уровня жизни.

Эти позитивные изменения в государственной политике не могли не коснуться районов нового индустриального строительства Сибири, но практическая реализация разработанных планов оказыва-

лась достаточно сложной. По объективным причинам в начальный период создания новых предприятий и поселений вокруг них социальное строительство, как правило, велось одновременно с производственным. В нем участвовало несколько ведомств, которые не всегда корректно распределяли финансовые и прочие материальные ресурсы. Приоритетное обеспечение получало строительство производственных объектов, что значительно осложняло реализацию социальных программ, которые в Сибири требовали более значительных капитальных вложений, чем в центральных или южных районах страны. Кроме того, сама созидательная деятельность в РНПО по всем направлениям происходила в короткие исторические сроки, практически при жизни одного поколения людей, что также накладывало свой отпечаток на решение социальных проблем.

Наиболее весомым результатом государственной политики в Сибири в изучаемый нами период можно назвать значительный рост населения, которое в 1959–1989 гг. увеличилось почти на 10 млн. человек: с 22,5 до 32,1. Причем, основную массу прироста, особенно городских жителей, дали районы интенсивного индустриального строительства. В Приангарье с началом сооружения Братской ГЭС и комплекса промышленных предприятий количество горожан выросло в несколько раз, построены новые города Братск, Усть-Илимск, Железногорск-Илимский. За 1965–1985 гг. в процессе формирования Западно-Сибирского нефтегазового комплекса на его территории возникло 16 новых городов и более 40 поселков городского типа. В 1970-е – 1980-е гг. прирост населения в Тюменской области был выше, чем в Алтайском крае, Новосибирской, Кемеровской, Томской и Омской областях вместе взятых. Особенно беспрецедентным за всю историю освоения Сибири был рост населения Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов, где происходило в этот период активное индустриальное строительство в связи с освоением крупнейших нефтегазовых месторождений⁴.

В целом можно заключить, что государственное управление в РНПО Сибири в обозначенный нами для изучения период имело определяющее значение, что в основном соответствует и мировой практике освоения новых территорий. Государственные организации СССР пытались адекватно реагировать на складывающиеся жизненные обстоятельства, выстраивая научно-технически и экономически выверенную стратегию, основывающуюся не только на прямом использовании природных ресурсов Сибири, но и долгосрочном заселении и обживании сибирских территорий.

Примечания

¹ XX Съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. М., 1956. С. 443.

² Комплексные региональные исследования производительных сил СССР. Научно-исторический очерк. Ч. 2. М., 1991. С. 36.

³ См.: *Коновалов А. Б.* Партийная номенклатура Сибири в системе региональной власти (1945–1991). Кемерово. 2006. С.393–408.

⁴ *Тимошенко А.И.* Государственная политика формирования и закрепления населения в районах нового промышленного освоения Сибири в 1950–1980-е гг. Планы и реальность. Новосибирск. 2009. С. 8.

Долголюк А. А.

Реформирование управления строительством в 1950–1960-е гг.

Система государственно-хозяйственного управления за годы советской власти многократно изменялась. Важное место в этом процессе заняла реформа управления промышленностью и строительством, начатая в 1957 г. и закончившаяся в первой половине 1960-х гг. Она стала порождением перемен, происходящих в жизни общества в период «хрущевской оттепели». Чрезвычайные методы хозяйствования, действовавшие с начала 1940-х гг. стали неадекватны новым условиям. Отражением этого стала нарастающая напряженность во взаимоотношениях министерств и региональных властей. Задача более полного учета интересов отдельных территорий и ослабления влияния ведомственности стала чрезвычайно актуальной.

Для инвестиционного комплекса страны реформа являлась объективно необходимой. В ходе послевоенного восстановления народного хозяйства последовательно нарастала отраслевая специализация строительных подразделений. Следствием стал быстрый рост численности относительно маломощных подрядных организаций. Только в Сибири капитальное строительство вели более 30 министерств и ведомств. Из 918 действующих в октябре 1956 г. в регионе первичных строительных подрядных организаций около 40 % подчинялись промышленным министерствам и примерно 60 % - строительным¹.

Чрезвычайно сложная организационная структура строительной отрасли снижала эффективность управления, способствовала «рас-

пылению» ресурсов», вело к разобщению строительных организаций между собой, большим встречным перевозкам строительных материалов, техники и оборудования, сдерживало индустриализацию строительного производства. Сложившаяся в отрасли ситуация стала одним из мотивов перехода к территориальной системе управления через советы народного хозяйства.

Перестройка управления промышленностью и строительством привела к тому, что всесоюзные строительные министерства за исключением Министерства транспортного строительства и Министерства строительства электростанций (последнее вошло в состав Министерства электростанций СССР) были упразднены. Значительная часть строительных и монтажных организаций была передана в непосредственное подчинение совнархозам, созданным в экономических административных районах.

Организационной основой капитального строительства стали единые территориальные строительные организации. В процессе их создания были ликвидированы мелкие подразделения. Создавались более крупные, причем многие из них специализировались на определенных видах работ. Переход на территориальный принцип управления поначалу дал позитивные результаты. Так в Тюменской области объем выполненных строительно-монтажных работ в первый год после реорганизации увеличился на 79 %, во второй на 53, в третий год на 39, а в четвертый всего лишь на 13 %².

Объединение строительных организаций в рамках регионально-го строительного управления позволило ввести в действие имеющиеся резервы, сдерживаемые ранее внутриведомственными барьерами. Во-первых, появилось больше возможностей маневрировать наличными ресурсами. Во-вторых, усилилась специализация и кооперация строительных и промышленных подразделений. Стало все больше появляться трестов, строительных и монтажных управлений, специализирующихся на определенных видах работ. Произошедшие изменения в управлении строительным производством дали возможность улучшить организацию труда, сократить простои рабочих и техники, а в итоге – повысить производительность труда. Например, в Новосибирском строительном управлении во второй половине 1957 г. производительность выросла по сравнению с первым полугодием на 33,7 %. 10 из 11 трестов, входящих в управление стали работать рентабельно³.

Перестройка организации управления по территориальному признаку кардинальным образом изменила направление инвестиционных потоков. Если в 1956 г. в целом по СССР лишь 7 % капитальных вло-

жений осваивалось предприятиями и организациями, подведомственными Советам Министров союзных республик, то в следующем году уже 77 %. Соответственно с 91 до 23 % снизилась доля предприятий и организаций, подведомственных министерствам СССР⁴.

Общая для страны тенденция сокращения доли инвестиций, осваиваемых организациями, подведомственными союзным министерствам, была характерна и для Сибири. Однако количественные показатели по отдельным регионам сильно различались. Так в Иркутской области, где велось сооружение крупных энергетических и транспортных объектов, доля министерств была по-прежнему высокой. В 1957 г. 70 % от общего объема строительно-монтажных работ было освоено подрядными строительными организациями министерств и ведомств (в т.ч. республиканскими) и лишь 30 % - организациями совнархоза и местных советов⁵.

Новый принцип организации управления строительством был внедрен в короткие сроки. Во всех регионах страны большая часть строительных организаций стала подчиняться советам министров союзных республик. По данным специального статистического учета, проведенного в марте 1960 г., в РСФСР 85 % подрядных трестов и 81 % первичных подрядных организаций находились в ведении Совета Министров республики. Причем около половины из них подчинялись совнархозам. В Сибири наблюдалась примерно такая же картина. Из 1023 первичных подрядных организаций 76 % были подведомственны Совету Министров РСФСР, из них 37 % – совнархозам, 29 % – министерствам и ведомствам РСФСР, 10 % – местным советам⁶.

Территориальный принцип управления просуществовал сравнительно недолго, несмотря на то, что его функционирование несло в себе отдельные позитивные черты, лучше учитывало региональные интересы, позволяло решить некоторые другие проблемы. Была сокращена многоведомственность, повысилась координация в организации строительного производства и производственно-технической базы.

Однако реорганизация управления была проведена половинчато и непоследовательно. Она по-прежнему сохраняла многоступенчатую процедуру принятия решений. Над совнархозами возвышался целый комплекс директивных инстанций в лице общесоюзных и республиканских госкомитетов и министерств, различных комиссий и советов, а также партийных органов. Жесткие рамки директивных показателей и связанное с ними отсутствие реальной самостоятельности строительных организаций, а также слабость экономических стимулов изначально заложили основы недостаточно высокой эффективности функционирования территориальной системы управле-

ния строительным производством. Она породила и такие проблемы, как нарушение единой технической политики в отрасли, сокращение эффекта от специализации строительного дела при замкнутости в пределах отдельных экономических районов. К тому же финансирование строительства через совнархозы привело к еще большему распылению капвложений по многочисленным стройкам и, как следствие, к росту незавершенного строительства.

Реакцией на происходящие процессы стало постепенное увеличение численности и мощности строительных организаций, находящихся в ведении общесоюзных министерств и ведомств. С их помощью инвестиционные проблемы, имеющие общегосударственное значение, решались и быстрее и эффективнее. Медленно происходящие эволюционные процессы в сфере управления отраслью следовало подтолкнуть соответствующими директивными нормами.

Они стали разрабатываться Советом Министров СССР после принятия Ноябрьским (1962 г.) Пленумом ЦК КПСС решения об очередном выделении строительства в самостоятельную отрасль. В соответствии с правительственным постановлением, строительные организации выделялись из ведения совнархозов и передавались министерствам строительства союзных республик и их главным территориальным управлениям по строительству, которые возникли во всех укрупненных экономических районах. Произошедшая реорганизация стала крупным шагом по возвращению к централизации в управлении. В РСФСР 25 главков приняли в свой состав и объединили более 500 трестов. В Сибири, в соответствии с вновь сложившимся районированием было организовано четыре главка – Главзаписбстрой, Главкузбасстрой, Главкрасноярскстрой и Главвостоксбстрой, подчиненные вновь созданному Министерству строительства РСФСР.

В состав главных управлений были переданы почти все находящиеся в районе их деятельности подрядные строительные организации республиканского и местного подчинения с входящими в их состав предприятиями и вспомогательными хозяйствами, заводами по производству железобетонных и металлических изделий, домостроительными комбинатами, транспортными, ремонтными, складскими и иными вспомогательными подразделениями. За советами народного хозяйства были оставлены функции заказчиков.

Как и во время предыдущей реорганизации управления строительством, проведено очередное укрупнение трестов и строительномонтажных управлений, определена их специализация. Так, Главзаписбстрой, осуществлявший свою деятельность на территории

Новосибирской, Омской и Томской областей, организовал два треста, ведущих промышленное строительство, два – сельскохозяйственное и один – жилищное. Помимо этого осуществлена специализация промышленных предприятий, создано объединение «Сельхозконструкция». Это позволило значительно увеличить выпуск конструкций и деталей и начать комплексную поставку изделий на площадки. Удалось повысить техническую оснащенность монтажных организаций. Осуществление этих мер позволило значительно сократить численность и удешевить управленческий аппарат. В расчете на 1 млн. руб. строительно-монтажных работ численность управленцев в Главзапсибстрое за годы семилетки (1959–1965) удалось сократить на 32 %. А это в свою очередь обеспечило снижение стоимости возводимых объектов⁷.

Передача строительных организаций из ведения совнархозов в подчинение территориальным главным управлениям позволило, как уже отмечалось, решить многие проблемы. Однако уже вскоре стали обнаруживаться и недостатки. Первыми их осознали региональные власти. Они заметили сокращение роста объемов подрядных работ, недостаточное внимание руководителей строительных министерств и в целом республиканского и общесоюзного правительств к непроизводственному строительству и многие другие недостатки новой системы управления инвестиционным комплексом в стране. Политическое и хозяйственное руководство страны отреагировало на это позднее. С начала 1967 г. в СССР стал вводиться территориально-отраслевой принцип управления строительством.

Примечания

¹ Рассчитано по данным: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 328. Д. 4802. Л. 2, 10, 11.

² *Скляр Ю.* Тюмень строится. Тюмень, 1963. С. 15.

³ ГАНУ. Ф. 4. Оп. 33. Д. 2261. Л. 190, 191; Д. 2347. Л. 26.

⁴ Народное хозяйство СССР в 1960 г. Стат. ежегодник. М., 1961. С. 593.

⁵ Материалы регионального совещания по развитию производительных сил Иркутской области. Т. 2. Иркутск, 1958. С. 16.

⁶ ГАРФ. Ф. 374. Оп. 31. Д. 5995. Л. 1, 2, 65.

⁷ ГАНУ. Ф. 4. Оп. 33. Д. 2783. Л. 118.

Права и полномочия комитетов КПСС Западной Сибири в период перестройки (1985–1991 гг.)*

Коммунистическая партия была важнейшим политическим институтом советского государства. Изучение прав и полномочий партийных комитетов в период перестройки позволяет выявить изменение политической роли КПСС и является одним из важнейших показателей трансформации системы партийно-государственного управления в целом. Компетенцию партийных органов в территориальных рамках Южного Урала в 1985–1991 гг. исследовал В. И. Иванов¹. Данный вопрос также рассматривался в монографии А. Б. Коновалова, посвященной партийной номенклатуре Сибири². Однако проблема уменьшения функций партийных органов и передача полномочий по руководству социально-экономическим развитием от комитетов КПСС Советам остается недостаточно проанализированным. Основным источником по теме являются делопроизводственные материалы крайкома и обкомов Западной Сибири, в первую очередь, стенограммы заседаний пленумов и бюро, а также их постановления, так как в них отражалась сфера ответственности партийных органов. Информация из этих источников дополняется фактами, выявленными в переписке между партийными комитетами, государственными и хозяйственными органами, а также в материалах социологических опросов партийных кадров.

В СССР сложилась система управления, в которой КПСС выполняла ряд функций органов государственной власти: программно-директивную, подбора и расстановки кадров, контроля и проверки исполнения партийно-государственных решений и идейного воспитания. Исполнение этих функций выражалось в том, что обкомы, горкомы и райкомы КПСС часто выступали в роли последней инстанции при решении конкретных хозяйственных и социально-бытовых вопросов, а также через специальные проверки, отчеты руководителей-коммунистов о проделанной работе осуществляли контроль за деятельностью Советов, предприятий, учреждений и организаций.

* Работа выполнена при поддержке Минобрнауки РФ в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг., ГК № П364 от 07.05.2010.

Столь широкие права и компетенция комитетов КПСС определялись Программой и Уставом партии и реализовывались через выстроенную в четкую вертикаль структуру, которая позволяла довести принятые в Центре решения до самых отдаленных районов, давала возможность информировать центральные партийные органы и осуществлять лоббирование интересов тех или иных регионов, мест, предприятий и учреждений. Партийные комитеты от ЦК КПСС до райкомов имели номенклатуру кадров, которая позволяла контролировать подбор и расстановку руководителей и специалистов в органах государственной власти, на предприятиях и в учреждениях. Первые секретари крайкомов и обкомов, являвшиеся, как правило, кандидатами в члены и членами ЦК КПСС, благодаря своему статусу обладали большими возможностями влиять на высшее партийно-государственное руководство, чем руководители других органов власти на местах. В 1977 г. руководящая роль КПСС в политической системе была закреплена в 6-й статье Конституции СССР, тем самым фактически неограниченные права и полномочия партийных органов обрели юридическую легитимность.

Партийные комитеты де-факто были главными политическими институтами на соответствующей территории. Это приводило к прямой подмене государственных и хозяйственных структур, что уменьшало их управленческие возможности и подрывало авторитет, а также перегружало органы КПСС непрофильной работой. После смерти Л. И. Брежнева высшее руководство партии обратило внимание на эту проблему. Ю. В. Андропов инициировал работу над проектом повышения политической роли Советов, но она не привела к реализации каких-либо конкретных мер в этом направлении.

С марта 1985 г. по февраль 1986 г., проблема компетенции партийных комитетов не поднималась ни в выступлениях, сделанных Генеральным секретарем ЦК КПСС М. С. Горбачевым, ни в постановлениях ЦК КПСС. Главенствующая роль партии в политической системе советского общества не подвергалась сомнению. Напротив, в это время гораздо чаще и четче М. С. Горбачев заявлял о том, что необходимо повышать роль партии в жизни советского общества, особенно в решении экономических проблем. Причем парторганизациям Западной Сибири Генеральный секретарь ЦК специально указал на первоочередное решение экономических проблем. 6 сентября 1985 г. М. С. Горбачев провел совещание с партийно-хозяйственным активом Томской и Тюменской областей, цель которого состояла в том, чтобы активизировать работу по повышению добычи нефти и газа в этих регионах. 7 сентября, было проведено

совещание с партийно-хозяйственным активом областей Казахстана, краев и областей Сибири и Урала, на котором Генеральный секретарь ЦК потребовал ускорить развитие агропромышленного комплекса и четко выполнять продовольственные планы. Проведение этих совещаний способствовало усилению внимания со стороны партийных органов Западной Сибири к народно-хозяйственным проблемам.

Вопрос полномочий партийных комитетов был поднят на XXVII съезде КПСС, прошедшем 25 февраля – 6 марта 1986 г. На общепартийном форуме перед коммунистами была поставлена задача не допускать подмены Советов и хозяйственных органов в вопросах, непосредственно входящих в их компетенцию. В июле 1986 г. ЦК рекомендовал прекратить практику принятия совместных постановлений партийными и советскими органами. В 1987 г. партийные комитеты Западной Сибири в полтора–два раза сократили количество принимаемых постановлений, в том числе совместно с исполкомами Советов. Несмотря на эти меры, практика партийных органов по управлению социально-экономическими процессами фактически сохранилась. Об этом, например, свидетельствуют материалы заседаний бюро партийных комитетов. В течение 1985–1987 гг. количество хозяйственных вопросов, рассмотренных на бюро Новосибирского обкома, заметно не изменялось: в 1985 г. было рассмотрено 80, в 1986 г. – 92, а в 1987 г. – 77. Другие обкомы Западной Сибири также заметно не сокращали количество рассмотренных на бюро экономических вопросов.

Попытки партийных комитетов по изменению компетенции партийных органов наталкивались на серьезные препятствия. Показательная ситуация сложилась в Кемеровской области. Бюро Кемеровского обкома по предложению общего отдела обкома в конце 1986 г. попыталось решить проблему разделения функций партийных, советских и хозяйственных органов формальным запретом аппарату обкома, горкомов и райкомов заниматься хозяйственными делами. Все просьбы по хозяйственным вопросам работники партаппарата должны были отсылать по обратному адресу без рассмотрения. Этот запрет негативно сказался на функционировании предприятий области. Первый секретарь Кемеровского обкома В. В. Бакатин, выступая на пленуме обкома 26 декабря 1987 г., был вынужден констатировать, что данная мера не принесла особых позитивных результатов. Он указал партийным органам области на то, что необходимо вернуться к контролю за экономическими процессами³.

На сохранение прежних практик в работе партийных органов в это время указывают и другие факты. Социологический опрос чле-

нов и кандидатов в члены Новосибирского обкома и работников аппарата обкома, проведенный в декабре 1987 г., выявил, что почти три четверти опрошенных полагали, что перестройка партийной работы в областной партийной организации продвинулась слабо. Половина опрошенных отмечала, что в деятельности обкома, как и прежде, присутствует давление, вмешательство в текущую деятельность советских и хозяйственных органов⁴.

Постепенно у руководства СССР созрела идея политической реформы, которая предполагала уменьшение политической роли партии и наделение Советов всей полнотой власти. Важнейший шаг к этой реформе был сделан в 1988 г. на XIX Всесоюзной партийной конференции. Ее решения создали основу для передачи всех законодательных, исполнительных и контрольных функций Советам. Первой конкретной мерой в проведении реформы стало сокращение в конце 1988 г. отраслевых отделов в аппарате партийных комитетов, которые наряду исполкомами Советов и хозяйственными органами участвовали в руководстве социально-экономическими процессами. В крайкоме и обкомах Западной Сибири вместо многочисленных отраслевых отделов были образованы социально-экономические отделы, при этом штаты аппаратов были сокращены в среднем на 29 %. Тем не менее, ряд отраслевых отделов был сохранен, но они получили новые названия. Так, крайком и все обкомы Западной Сибири вместо отделов сельского хозяйства и пищевой промышленности образовали аграрные отделы. Кроме того Алтайский крайком, Новосибирский и Омский обкомы сохранили отделы оборонной промышленности.

Изменение политического статуса партийных комитетов проявлялось в практике формирования и управления номенклатурой кадров. В 1989 г. партийные комитеты пытались сделать процесс подбора кадров более открытым. Аппараты партийных комитетов стали активнее работать над формированием резерва кадров. Кроме того партийные комитеты начали сокращать количество должностей, включенных в номенклатуру. Недовольство номенклатурной практикой в течение 1989–1990 гг. нарастало, что заставило партийные комитеты пойти на ее полную ликвидацию. Так, Тюменский и Кемеровский обкомы приняли решение отказаться от номенклатурной системы назначения кадров в феврале 1990 г. Другие региональные партийные комитеты Западной Сибири сделали это в октябре-декабре 1990 г. и январе 1991 г.

Сокращение отраслевых отделов не привело к резкому изменению в практике управленческой деятельности партийных комитетов. В 1988–1989 гг. они продолжали контролировать работу предпри-

ятий, вмешивались в решение вопросов, относившихся к компетенции советских и хозяйственных органов. Это было обусловлено рядом причин. ЦК не снял ответственность за социально-экономическое развитие территорий с местных партийных органов. XIX Всесоюзная партийная конференция заложила новую систему партийного руководства Советами, рекомендовав выдвигать на должности их председателей первых секретарей партийных комитетов. Советы не могли быстро «взять» власть из-за недостатка кадровых и финансово-материальных ресурсов, поэтому отстранение комитетов КПСС от управления социально-экономическими процессами неизбежно вело к нарушению хозяйственного механизма. С 1988 г. в Западной Сибири начала ощущаться острая нехватка продуктов и товаров первой необходимости, что угрожало дестабилизацией политической обстановки. По этой причине партийные органы продолжали предпринимать меры по решению продовольственной и других экономических проблем.

Прежняя система партийно-государственного управления стала стремительно изживать себя только после проведения в 1990 г. масштабной политической реформы. Отмена 6-й статьи Конституции СССР в марте 1990 г. упразднила прежний политико-юридический статус КПСС. Партия утратила важнейший правовой аргумент, который обосновывал ее вмешательство во все сферы общественной жизни. После выборов народных депутатов РСФСР и местных Советов на альтернативной основе, прошедших весной 1990 г., партийные комитеты Западной Сибири не смогли наладить тесное взаимодействие с группами коммунистов в Советах, несмотря на то, что от 70% до 90% депутатов в Советах Западной Сибири являлись членами КПСС. Поэтому политическое влияние партийных комитетов на органы государственной власти сильно ослабло. Наряду с этим XXVIII съезд КПСС, состоявшийся 2–13 июля 1990 г., принял решение о переходе к регулируемому рынку и, соответственно, устранении партии от управления экономикой. Съезд постановил наделить аппараты партийных комитетов только информационно-аналитическими, прогнозными-социологическими и консультативными функциями.

Комитеты КПСС Западной Сибири, в связи с принятыми съездом решениями и нехваткой средств на содержание партаппарата к началу 1991 г. произвели сокращение штатов руководящих и ответственных работников примерно в два раза. В 1991 г. работники аппарата жили в обстановке масштабной реорганизации и неопределенности, что, естественно, порождало апатию, падение исполнительской дисциплины. Многие партийные кадры, чувствуют не-

уверенность своего положения, были заняты поиском нового места работы.

О стремительном устранении партийных комитетов от управления экономикой на местах говорит тот факт, что в 1990 г. на пленумах крайкома и обкомов специально не обсуждались какие-либо народно-хозяйственные проблемы. На заседаниях бюро партийных комитетов обсуждения этих вопросов также значительно уменьшилось. Так, если в 1989 г. Новосибирский обком на заседаниях бюро рассмотрел 10 экономических вопросов, то в 1990 г. всего три. В 1989 г. 35 вопросов, рассмотренных бюро Алтайского крайкома, были посвящены проблемам развития народного хозяйства. В 1990 г. к подобным вопросам бюро крайкома обратилось всего пять раз. С осени 1990 г. партийные комитеты Западной Сибири вмешивались в решение хозяйственных и социальных вопросов только от случая к случаю. В конце 1990–1991 г. заседания пленумов, текущая деятельность партийных органов в основном концентрировались на внутрипартийных и общественно-политических проблемах.

К началу 1991 г. комитеты КПСС Западной Сибири практически утратили свои прежние полномочия по управлению социально-экономическими процессами. Фактически единственный ресурс, который мог позволить партийным функционерам оказывать влияние на социально-экономическую сферу в это время, – это их личные связи и авторитет. Однако к концу 1990 г. к руководству партийными комитетами Западной Сибири пришли люди, не имевшие большого руководящего опыта работы в партии или на крупных предприятиях, в органах государственной власти и были мало известны населению, поэтому не имели большого политического авторитета.

Таким образом, процесс изменения прав и полномочий партийных комитетов Западной Сибири в период перестройки шел медленно и противоречиво. В 1985 г. существовавшая практика партийно-государственного управления в Западной Сибири сохранялась. После XXVII съезда КПСС партийные комитеты предприняли меры по ограничению своего вмешательства в деятельность Советов и хозяйственных органов, но в целом в 1986–1988 гг. характер управления социально-экономическими процессами не изменился.

Решения XIX Всесоюзной партийной конференции 1988 г. создали условия для передачи всей полноты власти Советам. Однако фактически этот процесс начался только с весны 1990 г., когда была отменена 6-я статья Конституции СССР и были проведены выборы народных депутатов РСФСР и местных Советов на альтернативной

основе. После этих событий функции комитетов КПСС стали резко сокращаться, их деятельность сконцентрировалась на внутривнутрипартийных и общественно-политических вопросах. К началу 1991 г. партийные комитеты Западной Сибири утратили руководящую роль в политической системе.

Примечания

¹ Иванов В. И. КПСС и власть. Департизация органов государственной власти и управления на Южном Урале. Челябинск, 1999.

² Коновалов А. Б. Партийная номенклатура Сибири в системе региональной власти (1945–1991). Кемерово, 2006.

³ ГАКО. Ф. П-75. Оп. 60. Д. 12. Л. 64–65.

⁴ ГАНО. Ф-4. ОП. 105. Д. 113. Л. 52–53.

Дашинамжилов О. Б.

Развитие местных органов власти Республики Бурятия в 1990–1994 гг. *

Масштабные социально-экономические и политические преобразования второй половины 1980-х гг. поставили на повестку дня вопрос о необходимости изменения существующей системы органов управления и перераспределения полномочий между ее уровнями. Вместе с тем, спустя некоторое время после начала реформы государственных структур, сутью которой являлась передача властных полномочий от партийных органов к советским, стало ясно, что управление на местах должно подвергнуться дополнительной реорганизации.

Дело в том, что при реализации на практике вышеуказанных преобразований возникло множество объективных препятствий. В предшествующий период процесс регулирования взаимоотношений между разными уровнями власти, исполнительными комитетами, министерствами и ведомствами осуществлялся посредством партийных органов, которые по существу являлись стержнем командно-административной системы. Наделение Советов народных депутатов, прежде обладавшими в основном декларативными функциями, реальными властными полномочиями практически сразу же

* Статья подготовлена при поддержке интеграционного проекта №62.

привело к рассогласованию всей системы государственного управления. В условиях расширения сферы публичной политики и роста значения законодательных органов заметно сузилось поле для неформальных практик решения совокупности повседневных общественных проблем. Именно поэтому необходимость в нормативно-правовом регулировании деятельности и взаимоотношений союзных, республиканских и местных органов, а также Советов и исполнительных комитетов становилось все более очевидной.

Уже в апреле 1990 г. Верховным Советом СССР был принят нормативно-правовой акт, определивший экономическую и финансовую базу местного самоуправления, его структуру и функции. Произошел концептуальный пересмотр его роли и места в обществе. В этом законе местное самоуправление становилось формой самоорганизации граждан для решения непосредственно или через избираемые ими органы всех вопросов местного значения, исходя из интересов населения¹. Недостаток опыта правового регулирования общественно значимых вопросов привел к тому, что полномочия местного самоуправления в данном законе были сформулированы недостаточно четко. В статью шестую этого правового акта был введен пункт, вызвавший впоследствии наибольшие дискуссии, согласно которому низовые исполнительные органы могли подчиняться только Советам их образовавшим, руководствуясь в своей деятельности Конституцией и законами Союза ССР, союзных и автономных республик².

Верховным Советом Бурятии на второй сессии в октябре 1990 г. в целях оптимизации структуры низовых органов власти и предотвращения правовой путаницы было рекомендовано в переходный период совмещать должности Председателей Президиумов местных Советов и исполкомов в одном лице, с приданием первым не только законодательных, но и распорядительно-исполнительных функций. При этом решения вышестоящих Верховного Совета и Совета Министров должны были стать обязательными для выполнения нижестоящими уровнями власти. Последний пункт был необходим для уточнения прав органов местного самоуправления, руководители которых в отдельных случаях буквально толковали статьи союзного закона, особенно в той его части, где исполкомы могли подчиняться только образовавшим их Советам.

Большинство низовых органов власти реализовало на практике рекомендации Верховного Совета Бурятской ССР. Во всех городских и районных СНД должности Председателя Совета и исполкома были совмещены в одном лице. В ряде районных и городских Сове-

тов исполнительные органы были вообще упразднены, а их функции переданы Президиумам. В трех городских и девяти районных Советах сохранены Президиумы и исполкомы, в Курумканском районе остался только исполком, в состав которого были введены члены Президиума³.

Необходимость конкретизации полномочий низовых органов власти привела к тому, что шестого июля 1991 г. был принят закон РСФСР, который существенно дополнил положения союзного правового акта. Функции исполкомов теперь передавались местным администрациям, подчиненным в своей деятельности, как Советам народных депутатов, так и вышестоящим исполнительным органам. При этом главы городов, районов, поселков и сельсоветов должны были назначаться на должности не законодательными собраниями, а посредством прямых выборов населением сроком на пять лет. Были уточнены права низовых органов власти в различных сферах общественной жизни⁴.

Изменение установленной структуры органов местного самоуправления могло осуществляться теперь только по решению Верховных Советов РСФСР или республик в ее составе. Для предотвращения нарушения действующего законодательства низовым органам власти запрещалось принимать решения по вопросам, отнесенным к компетенции вышестоящих органов, и указывалось действовать только в рамках существующего нормативно-правового поля. Отдельной строкой этого правового акта оговаривалось, что организация местного самоуправления в национально-территориальных образованиях страны должна регулироваться законодательством республик в ее составе⁵.

Несмотря на принятый закон, распад Советского Союза, рост сепаратизма уже на российском уровне, экономический кризис, разрыв хозяйственных связей и правовая неопределенность привели к опасности полной утраты контроля над деятельностью органов власти на местном уровне, что могло привести к дезорганизации всей системы управления общественными и экономическими процессами в Бурятии. Нередко решения низовых Советов не вписывались в рамки действующего законодательства, а иногда противоречили ему⁶. Постепенно назрела необходимость в принятии республиканского закона о местном самоуправлении. Новый порядок и механизмы функционирования низовых органов власти были нормативно закреплены на пятой сессии Верховного Совета БССР в конце 1991 г. Основой для принятого закона послужили положения вышеупомянутых союзного и российского нормативно-правовых актов.

Для укрепления «властной вертикали» в Бурятии в переходный период было принято важное решение, согласно которому правительство республики до первого декабря 1992 г. получило возможность назначать глав администраций по согласованию с соответствующими Советами народных депутатов, а также, при несоответствии требованиям законодательства, приостанавливать действие правовых актов, принимаемых низовыми органами. Таким образом, руководство Бурятии попыталось восстановить управляемость на местах путем утверждения такой структуры власти, при которой сохранялась бы ответственность нижестоящих органов перед вышестоящими. Подобная стратегия в некоторой степени противоречила идее самоуправления, но, по всей видимости, в переходный период являлась оптимальной.

В последующие годы вопрос о функциях органов власти административных единиц в Верховном Совете республики ставился неоднократно. Местное самоуправление стало в какой-то степени заложником многочисленных политических конфликтов, происходивших на начальном этапе становления российской государственности, и борьбы Советов с исполкомами, которая развернулась во всех регионах страны. Указ Президента Б. Н. Ельцина «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации» и события октября 1993 г. привели к новым изменениям в системе органов власти Бурятии. В ноябре 1993 г. деятельность всех Советов, кроме Верховного Совета республики была полностью прекращена⁷.

Ликвидация Советов по всей стране потребовала разработки и внедрения новых принципов, определяющих права местных органов власти. В связи с проведением поэтапной конституционной реформы в Бурятии была образована рабочая группа, которая разработала новое Положение о местном самоуправлении, в котором были предложены новая структура низовых органов власти, порядок их выборов и предметы ведения с учетом указа Президента России от 26 октября 1993 г. «О реформе местного самоуправления в Российской Федерации»⁸.

На 14 сессии законодательного собрания этот документ был в целом одобрен и отправлен на доработку. В структуру самоуправления вошли законодательные и исполнительные органы, избираемые на четыре года. Типовые Уставы органов власти административных единиц должны были утверждаться Народным Хуралом республики. Самоуправление в селах и поселках городского типа с населением до 5 тыс. чел., могло быть реализовано непосредственно через сходы, собрания и избранного населением старосту. В административных единицах с населением свыше 5 тыс. чел. местное самоуправле-

ние должно было осуществляться посредством комитетов самоуправления и глав администраций. В районах и аймаках законодательными органами стали соответственно районные Думы и аймачные Хуралы, состоящие из представителей сомонов, волостей, поселков, сел, улусов, исполнительными – главы районного или аймачного самоуправления. В г. Улан-Удэ местное самоуправление было представлено Собранием представителей и выборным мэром.

Положением была определена сфера ведения законодательных и исполнительных органов. Хурал, Дума, Комитет самоуправления, волостное правление должны были работать на непостоянной основе и созываться на свои заседания главами администраций, в обязанности которых вошло также и утверждение принятых ими решений. Собрания представителей получили право принимать положение (устав), утверждать бюджет и отчет о его исполнении, программы развития территорий, устанавливать правила распоряжения и управления муниципальной собственностью, местные налоги и сборы. Главы администраций стали высшими должностными лицами, несущими полную ответственность за положение дел на местах. В их полномочия вошли управление муниципальным хозяйством, распоряжение имуществом и объектами собственности, разработка бюджета и обеспечение его исполнения, издание по вопросам своего ведения постановлений, распоряжений, выполнение других исполнительно-распорядительных функций.

В целом это был пробный документ, в котором был обобщен весь немалый предшествующий опыт функционирования низовых органов власти. Его разработчики попытались решить многие из тех вопросов, которые в недавнем прошлом вызывали острую полемику. При изучении Положения бросается в глаза стремление к четкому разграничению сфер ведения ветвей власти, расширению полномочий глав администрации за счет представительных органов и к ограничению вмешательства последних в деятельность исполнительных структур. Однако в связи с принятием Конституций Российской Федерации и Республики Бурятия, а также необходимостью приведения в соответствие с ними существующих законодательных актов на 16 сессии Верховного Совета было решено снять с обсуждения проект временного Положения и передать рассмотрение этого вопроса будущему Народному Хуралу первого созыва⁹.

На становлении местного самоуправления в 1990–1994 гг. отразились все трудности и этапы политического развития Советского Союза и России в этот период. Увеличение сферы ведения низовых Советов вполне вписывалось в стратегию реформ, проводимую ру-

ководством союзного государства и направленную на расширение самостоятельности региональных и местных органов власти. Однако передача властных полномочий от партийных органов к советским дестабилизировала всю систему управления в стране, в том числе и на низовом уровне. Нередко решения принимаемые местными органами власти противоречили существующему законодательству. Попытки решить всю совокупность накопившихся противоречий на республиканском уровне тормозились необходимостью соблюдения многочисленных и нередко противоречивых политических интересов заинтересованных сторон. Реальные предпосылки для реформирования Советов возникли после октября 1993 г., когда произошло силовое разрешение конфликта исполнительной и законодательной ветви власти на общероссийском уровне.

Осипов А. Г., Козодой В. И., Новиков С. В.

Динамика общественно-политической жизни Сибири и Дальнего Востока 1985–2000 гг.

Социально-политическая динамика сибирского и дальневосточного регионов с определенными особенностями шла в русле общих закономерностей развития страны, которые наметились на рубеже 1970–1980 гг. В советском обществе стремительно нарастала конфликтность. Закостенелая политико-управленческая система давала сбои и не могла адекватно реагировать на новые реалии. Целостность системы обеспечивала КПСС. Она была не только мощной общественно-политической организацией, но и в значительной мере государственной структурой. Партаппарат всех уровней, с райкома до ЦК, являлся, по сути, институтом управления и ведал всеми сферами общественной жизни. Этот аппарат был стержнем государственной машины, каркасом, цементирующим государственную и общественную структуры. Сбои в его функционировании сразу сказывались на всей общественно-политической системе. Система же всегда реагирует на внешнее возмущение и стремится вернуться в состояние равновесия. Но если под внешним воздействием система далеко уходит от равновесия, то она может стать неустойчивой и не вернуться в равновесное состояние. В определенной точке (точка бифуркации) поведение системы становится неопределенным, по-

этому иногда и ничтожно малое воздействие может привести к значительным последствиям - переход системы в новое состояние происходит скачкообразно.

Такой точкой бифуркации стали мартовские события 1985 г., которые привели к избранию на пост генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева. Он провозгласил курс на ускорение и перестройку. Положение в стране и регионах внешне выглядело стабильным, но многим было очевидно, что «управленческий контур» не справляется с возросшим объемом задач, давал сбои, генерировал коррупцию. Деформированные рыночные механизмы не обеспечивали саморегуляции в социально-экономической сфере. Но изменение системы могло начаться только изнутри правящих кругов.

Политическая система имела многочисленных оппонентов во многих структурах общества, а после того, как к власти пришел М. С. Горбачев, оппозиция получила доступ в Кремль. Кризисные проявления наблюдались в социально-экономической, политической и духовной сферах во всех регионах. Информационные каналы политического управления были буквально забиты жалобами и заявлениями, только в ЦК КПСС их ежегодно поступало до 1 млн. Дефекты управления стремительно накапливались и вызывали серьезные системные сбои. Так, в декабре 1985 г. на пленуме Читинского обкома КПСС указывалось, что в ходе проверок и ревизий были выявлены факты искажения отчетности на каждом третьем предприятии. В стране, в том числе в Сибири и на Дальнем Востоке, распространенный характер приобрели нарушения партийной и государственной дисциплины. Сами по себе эти явления были не очень опасны, но накладываясь на другие, они могли вызвать мощный резонанс.

Отношение к начавшейся перестройке, в том числе и к антиалкогольной кампании, было неоднозначным. Учитывая умонастроения, руководство КПСС пыталось директивно насаждать критику и самокритику. Уже на краевых и областных партконференциях в конце 1985 г., впервые после многолетнего табу, прозвучала строго дозированная критика в адрес первых секретарей и других высокопоставленных руководителей.

Общество жаждало обновления и в обстановке повальной эйфории новый курс Горбачева (перестройка и гласность), его призывы «открыть все заслонки и основательно проветрить затхлую атмосферу застоя, готовность «пойти далеко», были встречены «прогрессивной общественностью» с огромным энтузиазмом. Из ссылки были возвращены многие диссиденты, спецслужбы стали сдержанно относиться к проявлениям интеллигентской фронды¹⁰. Казалось гран-

диозной реформе динамичного лидера великой державы, названной в 1986 г. «революцией», нет преград. Энтузиазм охватил, казалось, все группы и слои общества во всех регионах. Даже аппарат КПСС, позднее названный оплотом консерватизма и антиперестроечных сил, безоглядно поддержал своего главу, полагая, что они повысят роль партии и ее профессиональных кадров, потесненных ранее от реальных рычагов власти «хозяйственниками».

С точки зрения власти реформации не могло быть оппозиции, поскольку оппозиция, устраненная с политической арены еще в конце 1920-х гг., расценивалась обществом как нечто противоестественное, антинародное, несовместимое с социалистической демократией. Проявления политической оппозиционности попросту блокировались органами госбезопасности. Массовой оппозиции в стране, в том числе в Сибири и на Дальнем Востоке, не существовало. Но очаги оппозиционности в латентном состоянии пронизывали все структуры – от управленческих до производственных. Особую роль играли очаги оппозиции в академическом сообществе. Именно здесь осуществлялась выработка идеологии системной и антисистемной оппозиции, формировались многие лидеры оппозиционных организаций, происходило становление сетевых структур, нацеленных на вхождение во власть. Одним из ведущих латентных центров оппозиции в стране был новосибирский Академгородок. Особенностью сибирской оппозиционности было то, что она первоначально стала формироваться вокруг национально-радикальных проявлений типа «Памяти». Их присутствие обнаруживалось в ряде крупных сибирских городов – Новосибирске, Иркутске, Тюмени. Активно проявлялась оппозиционность и в сфере борьбы за экологию – против поворота северных рек в Среднюю Азию, за сохранение озера Байкал, против строительства Катунской ГЭС, движение «зеленых» в Красноярске. Менее заметную роль играли представители либерального крыла оппозиции в виде «Демократического союза» (ДС).

Первые очаги открытой оппозиции в Сибири и на Дальнем Востоке возникли в 1987 г., когда после январского Пленума ЦК КПСС, провозгласившего курс на демократизацию и гласность, появились общественно-политические клубы, неформальные организации, ставшие зачатками будущих партий. Как правило, в них наряду с членами КПСС и ВЛКСМ входили и беспартийные. Они пытались осмыслить возможности предоставлявшиеся перестройкой. В Сибири и на Дальнем Востоке эти структуры были малочисленными – от трех до нескольких десятков человек в том или ином городе. Деятельность «неформалов» сводилась к дискуссиям на собраниях,

принятию различных воззваний и проектов общественного переустройства. Позднее эти группы стали называть себя «фронтами», «союзами», «центрами» и готовиться к борьбе за власть. «Неформалы» могли действовать только в протестной среде. Но при всей своей организационной неустойчивости эти группы постоянно выступали с протестами, критикой работников государственного и партийного аппарата («аппаратчиков») на митингах и диспутах, устраивать различного рода манифестации. Граждане видели в неформалах институт, который, как им казалось, помогал восполнить дефицит откровенного политического общения. Об этом говорили данные социологов. Так, в Новосибирске 40% респондентов указывали, что участие в неформальных организациях позволяло им реализовывать потребность в общении с близкими по духу людьми¹¹.

Вольнодумство проникло и в ряды КПСС. Получили распространение партийные дискуссионные клубы, совещания секретарей первичных парторганизаций (горизонтальные структуры). На этом фоне происходило ослабление дисциплины и дееспособности партийных организаций, падал авторитет местных и центральных руководящих партийных органов, их влияние на кадровую политику предприятий и организаций.

После принятия летом 1987 г. решения о проведении XIX Всесоюзной партийной конференции в КПСС повсеместно активизировалась скрытая борьба между «консерваторами» и «реформаторами». Тогда же впервые за многие десятилетия в порядке эксперимента прошли выборы в местные органы государственной власти на альтернативной основе.

С начала осени 1987 г. развернулись важные события, связанные с подготовкой к 70-летию Октябрьской революции. Социально-экономическая ситуация, несмотря на все заклинания официальных идеологов, не улучшалась. В правящих верхах наметился раскол. Выразителем недовольства правлением Горбачева стал руководитель столичной организации КПСС Б. Н. Ельцин. На торжественном октябрьском Пленуме ЦК КПСС (1987 г) он выступил с речью, где содержались моменты критики генсека и его окружения. Народная молва приписала Ельцину дерзкое оппозиционное выступление, и он был снят с поста, попав в разряд гонимых властью. Это стало началом карьеры Ельцина как лидера всей оппозиции.

Весной 1988 г. в университетских городах Сибири и Дальнего Востока «неформалы» развернули кампанию массовых манифестаций, в которые вовлекли не только своих сторонников, но и людей, никогда прежде не принадлежавших к оппозиции. Копившееся в об-

щество недовольство, по мнению лидеров неформалитета, можно было направить на изменение политического курса. Тем не менее, среди большей части оппозиционеров доминировали умеренно-реформаторские настроения. В преддверии XIX партконференции дискуссии, включая выступления в региональных СМИ, не выходили за пределы обсуждений проблем перехода «к социализму с человеческим лицом», «гуманному социализму», «шведской модели социализма». Сибирские и дальневосточные сторонники реформирования социализма наладили устойчивую связь со столичными коллегами, получали от них материалы, инструкции и политическую поддержку.

Электронные СМИ обеспечили даже в удаленных районах страны «эффект присутствия» на XIX партконференции. Люди активно обсуждали просьбу Б. Н. Ельцина о его политической реабилитации и выступление против него сибиряка Е. К. Лигачева, а также поведение своих земляков. Решения партконференции об альтернативных выборах и переходе к парламентскому правлению были, казалось, задуманы как способ трансформации режима и сохранения у власти правящих кругов. На деле же запущенный верхами процесс привел к иным результатам – вместо реконструкции несущих опор государственного режима возникли протоструктуры новой системы власти. Политизация населения подняла на поверхность неформалитет. Организации КПСС в центре и на местах пытались увести неформалов в поле словесных баталий, воспрепятствовать созданию массовых организаций оппозиции, но все было тщетно.

В конце 1988 г. в регионе началось формирование сети издания и распространения «независимой прессы». Группа новосибирских самиздатчиков включилась в проект создания общесибирского информационного агентства и еженедельного информационного пресс-бюллетеня. В качестве первого этапа по созданию независимого информагентства с января по февраль 1989 г. были налажены связи самиздатчиков 11 городов Сибири и Дальнего Востока (Томск, Омск, Иркутск, Чита, Барнаул, Хабаровск, Владивосток, Магадан, Улан-Удэ, Якутск), была взята на вооружение идея агентства и проработаны технические детали проекта. С февраля 1989 г. информация из сибирской и дальневосточной провинции поступала в Новосибирск, обрабатывалась и в виде блоков из 8–14 сообщений передавалась «Радио Свободе» (связи с «РС» были установлены через московскую «Гласность»). Начался новый этап. Если самиздат имел малый тираж, не имел периодичности и концепции издания, распространялся бесплатно, то «независимая пресса» действовала на коммерческой основе со стабильными и достаточно высокими тиража-

ми, относительно периодически. Налицо было и четкое концептуальное разделение изданий, платное распространение. Качественно улучшилась полиграфия, тираж ряда «независимых» изданий достигал 5–10 тыс. экземпляров. Позднее дело было поставлено на полную коммерческую основу, но поскольку и официальная пресса стала практически оппозиционной, то «независимая» печать перестала пользоваться большим спросом и постепенно сошла на нет.

Общественно-политическая жизнь в Сибири и на Дальнем Востоке весной и летом 1989 г вращалась вокруг выборов на I Съезд народных депутатов СССР. Во время его работы вся страна прильнула к телевизорам. Выборы в регионе не принесли особых успехов «неформалам», которых стали называть демократами. Они смогли получить лишь свое представительство в высшем органе законодательной власти. Однако «демократам» это позволило сформировать в парламенте свой кластер в лице Межрегиональной депутатской группы (МДГ). Из сибирских избранников наиболее заметную роль играли омские депутаты, а один из них – А. И. Казанник даже передал свое место в Верховном Совете СССР опальному Б. Н. Ельцину.

Во время работы союзного парламента как по команде по всей стране вспыхнули шахтерские стачки. Особый размах они приобрели в Кузбассе, где в виде шахтерских комитетов стали формироваться параллельные структуры власти. Будущие хозяева шахт и угольных разрезов активно содействовали стачке, используя «шахтерский таран», чтобы вынудить власти начать подготовку к приватизации предприятий. Для непосвященных распространялся миф о высокой степени самоорганизации шахтеров. Сами же шахтеры первоначально блокировали попытки политизированных структур оппозиционной направленности, в частности «Демократического союза», работать с ними. Позднее, однако, Кузбасс стал базой антисистемной оппозиции.

Период 1989–1990 гг. в общественно-политической жизни Сибири и Дальнего Востока характеризовался фрагментацией КПСС, нарастанием политического плюрализма и многопартийности. На базе структур «Демократической платформы в КПСС» возникли региональные организации нескольких партий (Демократическая партия России (ДПР), Республиканская партия России, Единая демократическая партия России), ставившие целью взятие власти. Из структур неформалитета при поддержке МДГ возникли парторганизации радикально-демократического толка. Слияние всех потоков оппозиционности привело к возникновению массового радикально-оппозиционного движения с его авангардом – «Демократической Россией». Эти структуры, созданные повсеместно, приняли активное

участие в 1990 г. в выборах народных депутатов России. Политическая конкуренция выплеснулась на улицы крупных сибирских и дальневосточных городов. Митинги, манифестации и пикеты стали частью политического пейзажа. На I Съезде народных депутатов председателем Верховного Совета РСФСР был избран Б. Н. Ельцин. Антисистемная оппозиция получала легальный плацдарм для борьбы за власть в центре и на местах. Массовое сознание россиян восприняло это как победу сил свободы и демократии над партократическим режимом. После того, как Ельцин получил высший пост на его сторону постепенно стали переходить советские и хозяйственные руководители в центре и регионах. Сильную поддержку он получил в национально-территориальных образованиях Зауралья. Свои первые поездки по стране в новом качестве Б. Н. Ельцин начал с востока, посетив Кузбасс, Приморье. Состоялись его встречи с шахтерами, портовиками, рыбаками, хозяйственными руководителями. Одним из его обещаний было создание свободных экономических зон.

Прорыв радикальной оппозиции к власти кардинально изменил общественно-политическую ситуацию в центре. Весной 1991 г., после референдума по сохранению СССР и введению поста президента России, началась конкуренция претендентов на пост главы государства. От компартии было несколько кандидатур, от оппозиции только один – Ельцин. Массовую агитацию за него в сибирском и дальневосточном регионах осуществляли местные структуры «ДемРоссии». Ельцин победил практически во всех территориях Сибири за исключением Кемеровской области, где его значительно опередил председатель облсовета А. Г. Тулеев.

Период социально-политической турбулентности начался с событий августа 1991 г. вокруг ГКЧП. В Сибири и на Дальнем Востоке они не сопровождались сколько-нибудь значительными эксцессами. В крупных городах Новосибирске, Красноярске, Владивостоке Омске состоялись сравнительно небольшие митинги против ГКЧП. В Кузбассе в ряде мест была объявлена забастовочная готовность. Местные комитеты компартии ушли в тень, органы исполнительной и представительной власти придерживались в основном нейтралитета и от каких-либо мер воздерживались. Только после поступления из Москвы известий о «подавлении путча» местные власти выступили в поддержку президента Ельцина и его действий.

Ситуация после 21 августа 1991 г. характеризовалась демонтажем стержневого компонента политической системы – структур КПСС, ростом политической конкуренции между победителями, усилением товарного дефицита, началом приватизации предпри-

ятий. Баланс сил еще более сместился в пользу исполнительной власти. Значительно возросла роль центральной исполнительной власти, главы регионов стали назначаться непосредственно президентом по согласованию с республиканскими, краевыми и областными советами депутатов. В качестве надзорного органа был создан институт представителей президента на местах. Однако в крупных городах полномочия органов муниципального управления сохранились. В стране развернулась подготовка к местным выборам, которую различные политические силы пытались использовать для укрепления своих позиций. Но позднее под предлогом необходимости решать неотложные экономические вопросы и, якобы, из-за усталости народных масс, центральные власти отменили выборы. В Сибири и на Дальнем Востоке с некоторым опозданием от центра развернулся процесс образования структур новых политических партий и движений, частности Движения демократических реформ (РДДР), Народной партии «Свободная Россия», Социалистическая партия трудящихся.

Начало 1992 г стало временем переходом к радикальной экономической реформе, шокотерапии, сопровождавшихся ухудшением криминогенной обстановки. В ряде дальневосточных и восточносибирских городов начались перебои в теплоснабжении. Во многих населенных пунктах развернулись манифестации, митинги, организованные активистами левых организаций. Люди выступали против резкого падения уровня жизни и многократного повышения цен на продовольствие и товары первой необходимости. Произошла стремительная перегруппировка общественно-политических сил: широкие слои населения, которые раньше поддерживали демократов перешли в лагерь протестующих против «демократической власти».

Перед политическими верхами стояла задача обеспечить процесс приватизации и перехода крупных объектов государственной собственности в руки финансово-промышленных группировок. Сделать это могла лишь сильная центральная исполнительная власть. В этой связи развернулась борьба за принятие новой Конституции РФ. Конкурировали два подхода. Один, за который стояли центристы, левые и некоторая часть демократов, предусматривал образование парламентской республики с сильным местным самоуправлением и государственным регулированием экономики. Другой вариант, который отстаивала основная часть демократов, трансформировавшихся в либералы, и тех, кто за ними стоял – президентская республика с усиленными гарантиями от государственного вмешательства в дела частных собственников. Многодневные дебаты и обсуждения не принесли победу ка-

кой-либо стороне. С той и другой стороны предпринимались попытки изменить расстановку сил в высшем эшелоне власти. По всей вертикали во многих местах началась конфронтация между исполнительной и законодательной ветвями власти.

В это противоборство были вовлечены политические верхи сибирских и дальневосточных регионов. Дело дошло до попытки президента Б. Н. Ельцина в марте 1993 г. отстранить от должности глав администраций Новосибирской (В. П. Муха) и Иркутской областей (Ю. А. Ножилов) за противодействие федеральным властям. Для мирного разрешения конфликта сторонников и противников президентского варианта решения вопроса о власти в апреле 1993 г. был проведен референдум. Голосование по вопросам референдума в Сибири и на Дальнем Востоке состоялось повсеместно и прошло без эксцессов. Объединение усилий сторонников либеральных реформ и властей позволило мобилизовать считавшееся пассивным население: в референдуме приняло участие свыше 60% сибиряков и дальневосточников. Президентская сторона выиграла референдум со значительным запасом прочности. Используя результаты референдума, исполнительная власть развернула политическое наступление с тем, чтобы в форсированном режиме принять президентский вариант Конституции РФ. Однако этому противостояла твердая позиция Верховного Совета РФ и большинства представительных органов власти субъектов федерации, особенно Сибири.

Весной 1993 г. обозначился выход на политическую арену сибирского и дальневосточного регионов партий и движений левой ориентации (КПРФ, Российская коммунистическая рабочая партия - РКРП, «Трудовая Россия» и др.), их организации были созданы практически во всех территориях и активно включились в политическую борьбу. Партии и движения демократической ориентации, напротив, вошли в кризис и угасали. Центристские организации («Гражданский союз», РДДР) не смогли обрести политического влияния.

В сентябре – октябре 1993 г. конфронтация политических сил привела к вооруженному конфликту в Москве. В Сибири большинство Советов выступило против действий президентской стороны, на съезде Советов Сибири было даже объявлено о возможной блокаде Транссиба и намерении создать Сибирскую республику. После разгона Верховного Совета РФ и роспуска, во всех субъектах Федерации местных советов, кроме национально-территориальных образований, развернулась подготовка к выборам в парламент и референдуму по принятию Конституции РФ.

Избирательная кампания в Сибири и на Дальнем Востоке прошла в сжатые сроки при пониженной активности и даже апатии населения. Огромную роль в избирательном процессе стало играть телевидение, которое поддерживало прежде всего «партию власти» в лице «Выбора России» (ВР). Выборы 12 декабря 1993 г. Госдумы, избиравшейся по смешанной мажоритарно-пропорциональной системе, принесли немало сюрпризов. В парламент прошло значительное число депутатов от оппозиции. Сенсацией стал прорыв на политическую арену Либерально-демократической партии (ЛДПР) во главе с В. Ф. Жириновским. В более чем в половине территорий Сибири и Дальнего Востока по партийным спискам она набрала голосов больше других политических партий. Наибольшую поддержку ЛДПР получили в Читинской (30,49%) и Кемеровской (29,45%) областях, Алтайском (27,75%) и Красноярском (31,17%) краях¹². Весомое представительство в Госдуме получила КПРФ. Либералы в лице «Выбора России» не оправдали надежд и не смогли доминировать в парламенте, позиции центристов оказались слабыми. В Совет Федерации в большинстве своем были избраны главы администраций краев, областей и республик.

Период 1994–1995 гг. в общественно-политической жизни Сибири и Дальнего Востока был характерен становлением системы законодательной (представительной) власти непосредственно в регионах, а также переходом к местному самоуправлению. Практически повсеместно прошли выборы депутатов местных органов законодательной власти. Они осуществлялись на мажоритарной основе, лишь в Красноярском крае действовала смешанная система. Для большинства региональных парламентов было характерно преобладание среди депутатов «крепких хозяйственников» и руководящих работников муниципалитетов. Политические партии в легислатуре были представлены слабо. Причем, как правило, это были депутаты левой ориентации. В этот же период властям Омской, Томской и Новосибирской областей удалось добиться от Кремля разрешения избирать всеобщим тайным голосованием глав регионов.

Для социально-политической обстановки в Сибири и на Дальнем Востоке были характерны выступления коллективов предприятий ВПК против их закрытия, забастовки учителей и врачей месяцами сидевших без зарплаты. Шахтеры стали периодически перекрывать Транссиб, выбивая деньги за поставки угля из государства. В преддверии выборов в Госдуму 1995 г. тонус общественно-политической жизни сибиряков и дальневосточников повысился, появились крупные политические проекты, СМИ принялись их раскручивать. Ме-

стные организации политических партий, наряду с вольными политтехнологами, оформились в «избирательные машины». Выборы 1995 г. еще рельефнее показали сдвиг электоральных предпочтений влево. Возникли целые анклавы территорий, которые получили названия «красный пояс». «Партия власти» в лице «Нашего дома - России» смогла сформировать в Госдуме лишь относительно небольшое представительство.

Еще не закончилась кампания думских выборов, как развернулась главная политическая кампания – подготовка к летним 1996 г. выборам на пост президента России. В середине февраля определилось два основных претендента на этот пост – действовавший президент Б. Н. Ельцин и лидер КПРФ Г. А. Зюганов. По мнению российских и зарубежных аналитиков исход второго тура могла решить позиция отставного десантного генерала А. И. Лебеда. В Сибири и на Дальнем Востоке власти субъектов РФ, предпринимательские круги вне зависимости от политической ориентации активно включились в борьбу за переизбрание Ельцина на новый срок. Инициативная группа из Тюмени во всероссийском масштабе развернула сбор подписей за Б. Н. Ельцина. Центральные и местные СМИ вели неустанную обработку общественного мнения в пользу действовавшего президента. Претенденты один за другим с агитационными целями прилетали в крупные сибирские и дальневосточные города. К непосредственной поддержке кандидатуры Ельцина подключились столичные и местные финансово-промышленные группы (ФПП), привлеченные залоговыми аукционами, которые открывали путь приватизации сибирских промышленных гигантов. Позднее владельцев этих ФПП называли «олигархами».

В мае 1996 г. рейтинг Ельцина превзошел показатели Зюганова. Политтехнологи решили свою задачу – удалось вывести в финал две ключевые фигуры. Одна – Зюганова, которая с помощью пропагандистских ходов, стала олицетворять мрачное и безрадостное прошлое, а другая – Ельцина, светлое и радостное будущее. Выборы выиграл Ельцин. Но преимущество его над Зюгановым оказалось довольно скромным. В отличие от 1991 г. Ельцин не смог победить с первой попытки. В Западной Сибири, например, Ельцин проиграл в четырех регионах. Неожиданно хорошие результаты он получил в Приморском крае. В перерыве между первым и вторым турами изменилась расстановка политических сил. Голосовать за Ельцина, в обмен на пост секретаря Совета безопасности РФ, призвал свой электорат Лебедь. Зюганов и его сторонники фактически не имели широкого доступа к электронным СМИ. Однако сам Ельцин тяжело заболел, но его окружение

держало это в строжайшей тайне. Фактически во втором туре люди имели дело с виртуальным кандидатом от партии власти. Информационные технологии сделали свое дело и во втором туре 3 июля 1996 г. Ельцин (за 53,7%) победил Зюганова (за 40,41%).

Если на федеральном уровне ситуация определилась, то в регионах выборная страда продолжилась. С сентября по декабрь 1996 г. выборы глав администраций прошли в 48 регионах РФ, из них около половины в декабре. В трех субъектах федерации Сибири и Дальнем Востоке выборы закончились неудачно. В Агинском Бурятском автономном округе баллотировалось два кандидата и оба получили менее 50% голосов; в Амурской области и Эвенкийском АО результаты выборов были признаны недействительными из-за выявленных нарушениях закона – при минимальном разрыве в голосах между победителем и его основным соперником¹³.

В Сибири и на Дальнем Востоке социально-политическая обстановка в 1997–1999 гг. оставалась напряженной. Отчуждение народа от власти усилилось. Шахтерские стачки происходили не только в Кузбассе, но и распространились на Восточную Сибирь и Приморье. Забастовки учителей стали массовыми и охватывали весь регион. В партийно-политическом пространстве доминировали левые, прежде всего КПРФ, окончательно утратили политическое влияние «Демократическая Россия», «Демократический выбор России». НДР была на грани выживания. Попытки либералов консолидироваться вокруг Союза правых сил были малоуспешны, «Яблоко» так и не вышло из разряда партии нескольких крупных городов.

Наблюдалось новое явление: конфронтация властей субъектов федерации с властями региональных столиц. Постоянное противостояние мэров и губернаторов имело место в Омске, Новосибирске, Красноярске. Однако в наиболее острой форме развивался конфликт между губернатором Приморья Е. И. Наздратенко и мэром Владивостока В. И. Черепковым. Это противостояние не смогли снять ни прямое вмешательство федеральных властей, в том числе и президента, ни судебные органы.

Начиная с 1998 г. развернулась подготовка к президентским выборам 2000 г. В Сибири с этой подготовкой в наибольшей мере столкнулись в Красноярском крае, где в губернаторских выборах решил принять участие отставной генерал А. И. Лебедь. Он включился в борьбу с дальним прицелом, рассчитывая подготовить экономическую и политическую базу для победы на выборах российского президента. Лебедя поддерживали в этом намерении несколько крупнейших ФПГ. Началась усиленная финансовая накачка, создан-

ного ранее под А. И. Лебеда общероссийского общественно-политического движения «Честь и Родина». Для проведения избирательной кампании в Красноярск прибыло несколько групп столичных пиарщиков и политтехнологов. Поддержать на выборах десантного генерала Лебеда из Франции прибыла кинозвезда – Ален Делон – бывший десантник. Губернатор В. М. Зубов пытался противопоставить имиджу соперника идею сибирского патриотизма, но это не сработало. Зубов не смог опереться на столь же внушительные силы как Лебедь, хотя за него прилетела агитировать Алла Пугачева. В результате второго тура голосования Лебедь набрал 57,3%, опередив Зубова (38,2%) на 19,1%¹⁴. Губернаторские выборы в Красноярском крае показали, что сибиряки не предпочли идеи местного патриотизма, обещаниям быстрого подъема жизненного уровня. Экспансия в регион столичных и транснациональных корпораций резко усилилась, обещания счастливого завтра остались на бумаге и вскоре начались конфликты А. И. Лебеда с местными влиятельными кругами.

Общественно-политическая жизнь Сибири и Дальнего Востока в конце 1990-х гг. вращалась вокруг приближавшихся думских и президентских выборов. Население Зауралья стремилось к стабильности, нормализации условий жизни, к тому, чтобы иметь сильную и авторитетную власть. Свои надежды они во многом связывали с выборами депутатов Государственной Думы, которые были назначены указом Президента РФ от 8 августа 1999 г. В тот же день он предложил на должность председателя Правительства РФ В. В. Путина, публично объявив его своим преемником.

Избирательная кампания 1999 г. шла на фоне военной операции на Северном Кавказе и стремительного подъема авторитета В. В. Путина. Энергичный и моложавый Путин выглядел как явная антитеза тяжелобольному и непопулярному Ельцину. В короткие сроки для поддержки Путина было создано общественно-политическое объединение «Единство» («Медведь»). Сибиряков подкупало то, что в тройке его лидеров стояли два земляка – министр С. К. Шойгу и неоднократный олимпийский чемпион А. А. Карелин. На местах новое движение спешно структурировалось, и в ноябре его отделения были практически во всех сибирских и дальневосточных территориях. Однако наблюдатели осознали, что полем борьбы «Медведя» с оппонентами будет виртуальное пространство.

Агитационная кампания ознаменовалась острым противоборством межрегионального движения «Единство» и объединения двух губернаторских блоков «Отечество» и «Вся Россия». На стороне обоих структур был административный ресурс: у блока «Медведь» –

в основном федеральный, у блока «Отечество – Вся Россия» – административный ресурс руководителей крупнейших регионов европейской части страны. Сибирские и дальневосточные губернаторы колебались с выбором блока и по этому признаку разделились. Борьба между двумя блоками велась в основном средствами телевидения, но весьма жестко и непримиримо. Другие партии и коалиции не располагали возможностями электронных СМИ и участвовали в электоральном процессе используя традиционные возможности.

На выборах «Медведь» лидировал в 48 субъектах РФ. Максимально его поддержали в Республике Тыва (70,8%). Его ближайший соперник – КПРФ лидировал в 32 субъектах РФ. Тем не менее, результаты «Единства» оказались такими, что без обретения парламентских союзников блок не смог бы оказывать решающее влияние на политический процесс (см. табл.)¹⁵.

Название	№ в бюллетене	Голосов	% %	мест
1. Коммунистическая партия РФ (КПРФ)	20	16 196 024	24,29	67
2. Единство (Медведь)	14	15 549 182	23,32	64
3. Отечество – вся Россия	19	8 886 753	13,33	37
4. Союз правых сил (СПС)	23	5 677 247	8,52	24
5. Блок Жириновского	17	3 990 038	5,98	17
6. Яблоко)	6	3 955 611	5,93	16

Путем компромиссов и соглашений, перетягивания на свою сторону одномандатников «Медведь» получил устойчивую поддержку в Государственной Думе, а правительство во главе с В. В. Путиным могло спокойно заниматься подготовкой президентских выборов.

Передача президентской власти приемнику становилась технической задачей и была проведена Б. Н. Ельциным в полном соответствии с Конституцией Российской Федерации 31 декабря 1999 г. В стране сразу же развернулась избирательная кампания. Полное превосходство в СМИ было на стороне В. В. Путина. Особенностью кампании являлось то, что предвыборные визиты Путина в регионы носили характер обычных рабочих поездок. Высокий предвыборный рейтинг В. В. Путина позволил ему 27 марта 2000 г. победить в первом же туре. В Западной Сибири из девяти субъектов РФ В. В. Путин победил в семи, Г. А. Зюганов – в двух (Омская область, Республика Алтай). Результат Путина оказался выше среднероссийского в трех субъектах РФ Западной Сибири (Тюменская область, Ханты-мансийский АО, Ямало-Ненецкий АО). В Восточной Сибири Путин победил во всех семи

субъектах РФ. Результат Путина оказался выше среднероссийского в двух субъектах (Агинский Бурятский АО, Республика Тыва). На Дальнем Востоке он победил во всех девяти субъектах. Его результат оказался выше среднероссийского в двух субъектах (Чукотский АО, Магаданская область). В 2000 г. Россия, а вместе с ней Сибирь и Дальний Восток, вступили под флагом нового президентства¹⁶.

Примечания

¹ Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. № 16. С. 319.

² Там же. С. 321–322.

³ НАРБ. Ф. 475. Оп. 1. Д. 3407. Л. 129.

⁴ Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. №29. С. 1192–1209.

⁵ Там же. С. 1167.

⁶ НАРБ. Ф. 475. Оп. 1. Д. 3412. Л. 27–28.

⁷ Тринадцатая сессия ВС РБ (12 созыв) 22–23 ноября 1993 г. Стенограф. отчет. Ч. 2. Улан-Удэ, 1993. С. 125.

⁸ Четырнадцатая сессия ВС РБ (12 созыв) 20–23 декабря 1993 г. Стенограф. отчет. Ч. 2. Улан-Удэ, 1993. С. 119–122.

⁹ Шестнадцатая сессия ВС РБ (12 созыв) 14–18 марта 1994 г. Стенограф. отчет. Ч. 2. Улан-Удэ, 1994. С. 116.

¹⁰ Павловский Г. Нам пора выходить из «интеллектуального запоя» // Книжное обозрение. 1994. 28 июня.

¹¹ Коммунист. Теоретический и политический журнал. 1988. №9. С. 80.

¹² Российские регионы накануне выборов-95. М., 1995. С. 99, 129, 175.

¹³ Кынев А. В., Любарев А. Е. Партии и выборы в современной России: Эволюция и деволюция. М., 2011. С. 368–369.

¹⁴ <http://iksrf.kgs.ru/15years/newsinfo.php?UID=1787>

¹⁵ <http://www.politika.su/fs/gd3rezv.html>; <http://ru.wikipedia.org/wiki>

¹⁶ Подсчитано авторами по данным: <http://www.electoralgeography.com/ru/countries/r/russia/2000-president-elections-russia.html>

Панарин С. М., Шишкина С. Ю.

Основные направления взаимоотношений государства и гражданского общества в Ямало-Ненецком автономном округе

Еще в середине первого десятилетия XXI в. гражданское общество (ГО) Ямало-Ненецкого автономного округа (ЯНАО) в рамках

представлений российской бюрократии носило образцово-показательный характер. Окружной бюджет позволял напрямую субсидировать некоммерческие организации (НКО) всего лишь по критериям социальной пользы и обоснованности расходов. В округе росло количество НКО, при главах администраций многих городов и районов округа не первый год функционировали Общественные советы. Развивалось трехстороннее сотрудничество профсоюзов, работодателей и органов власти в сфере трудовых отношений. Руководители НКО активно взаимодействовали с местными властями, особенно с отделами, занимающимися социальными защитой населения и молодежью. Эти отношения выстраивались в основном вокруг финансирования через различные целевые программы и другие статьи бюджета, грантовую поддержку, предоставление помещений и субсидии на их содержание. Важным шагом на пути решения задач развития ГО в ЯНАО являлся проводимый в регионе конкурс социально значимых проектов среди НКО.

Организации ГО, сформированные зачастую «сверху», отличались малочисленностью, временным составом, иногда производственным принципом формирования. Люди не получали качественной информации о характере деятельности организаций. При этом опросы показывали наличие интереса у населения к гражданским инициативам. Демократические ценности и демократию, как политический режим, поддерживали даже респонденты старших возрастных групп. У них наблюдалось стремление согласовать решения авторитарного типа (концентрация власти в одних руках) с демократическими процедурами (многопартийность, парламентаризм). Этот феномен массового политического сознания объясняет столь долгое существование организаций ГО без широкой социальной базы.

В 2008 г. ГО ЯНАО пережило своеобразный дефолт. Его последствия ощутимы по сей день. Они проявляются в сокращении номенклатуры общественных организаций и их численности, в географических и функциональных диспропорциях. Причины общие для страны в целом. Они связаны с экономическим кризисом. Поток грантов иссяк. Не бедное население Ямала (по данным ВЦИОМ в 2008 г. 51% жителей ЯНАО относили себя к среднему классу) своим поведением в данной ситуации ничем не отличалось от жителей депрессивных регионов. Люди не нашли в себе сил пожертвовать какой-то долей своих средств и свободного времени во благо групповой солидарности, создать или реконструировать коллективные формы выживания.

В политической публицистике и оценках гражданских активистов чувствуется раздражение по поводу иждивенчества ямальцев, их «патерналистского» менталитета. Но наблюдения указывают на более рациональные основания событий. Они коренятся в системе взаимоотношений организаций ГО и государства. Государство в своей региональной составляющей с помощью правового инструментария старается предельно формализовать деятельность общественных организаций. В федеральном центре частичный отказ от этой практики произошел в 2009 г.

Региональные власти Ямала разработали проекты прогрессивных законов в 2007 г. Спустя несколько лет, они все еще актуальны. Например, в законопроекте «Об обсуждении населением Ямало-Ненецкого автономного округа законопроектов Ямало-Ненецкого автономного округа и других вопросов, требующих законодательного решения» закрепляется право граждан на непосредственное участие в управлении делами государства с учетом полномочий органов государственной власти автономного округа. В пояснительной записке к проекту закона подчеркивается, что граждане и их объединения могут быть привлечены к участию в обсуждении проектов законов автономного округа или дополнений к ним, принятие которых затрагивает интересы значительного числа граждан.

Назрела необходимость реформы в области финансирования организаций ГО. Практикующийся государственный /муниципальный грант имеет сравнительно немного оснований для выделения, ограничен объемом и временем, не эффективен с точки зрения контроля над расходованием средств. Законопроект «О взаимодействии органов государственной власти и местного самоуправления с общественными объединениями» определяет источники государственного финансирования деятельности общественных объединений чрез регламентацию таких механизмов, как социальный заказ, конкурс социально-значимых проектов, целевое финансирование общественно полезных программ с условием целевого использования средств финансовой поддержки. Кроме того, законопроект устанавливает возможность предоставления налоговых и иных льгот, а также участия общественных объединений в работе органов государственной власти и местного самоуправления. Следует заметить, что необходимость внедрения закона подтверждается повседневной практикой. В многочисленных целевых социальных программах ЯНАО не только не находится места столь эффективному инструменту управления как социальный заказ, но даже не упоминаются сами НКО.

Другой наиважнейшей проблемой в отношениях власти и ГО является общественный контроль и общественная экспертиза в частности. В большинстве субъектов России законодательно урегулированы вопросы проведения публичных слушаний и общественных экспертиз, а также создание консультативных и экспертных советов. На уровне муниципалитетов в ЯНАО проблема не стоит. Представители общественных организаций во всех муниципальных образованиях регулярно участвуют в обсуждении важнейших решений legislatures, в т.ч. вопроса о распределении бюджетных средств. Общественность принимает участие в обсуждении проектов окружных и федеральных законов в рамках слушаний в муниципальных legislatures.

Однако на уровне округа ситуация неоднозначна. При Администрации ЯНАО действует Совет по взаимодействию с религиозными организациями, Общественный Совет при департаменте образования округа, Молодежная палата при Законодательном Собрании ЯНАО. С 2007 г. работает Общественная палата ЯНАО. О деятельности двух первых организаций сведений в прессу не поступает. Правовой статус Общественной палаты меняется. По измененному 18 декабря 2009 г. закону ЯНАО «Об Общественной палате Ямало-Ненецкого автономного округа» она получила право приглашать на свои пленарные заседания руководителей органов государственной и муниципальной власти; направлять своих членов для участия в работе общественных советов и органов государственной власти автономного округа и местного самоуправления автономного округа, принимать решения о проведении общественной экспертизы и направлять запросы на получения информации в органы власти. Но главная проблема сохраняется и в новой редакции закона: Общественная палата, обладая значительными полномочиями и возможностями, формируется недемократическим путем.

Закон Ямало-Ненецкого автономного округа № 7-ЗАО от 1 марта 2009 г. «О противодействии коррупции в Ямало-Ненецком автономном округе» подтверждает право Общественной палаты автономного округа проверять на предмет коррупционности нормативные правовые акты и проекты нормативных правовых актов автономного округа. Названный закон предусматривает участие общественности в консультативных советах по борьбе с коррупцией, выдачу НКО субсидий, которые реализуют проекты, направленные на предотвращение коррупции в автономном округе. Но в законе нет положения об участии общественных организаций в процессе формирования в обществе нетерпимого отношения к коррупционным

правонарушениям, в профилактике правонарушений. Такое участие, на наш взгляд, естественно, по крайней мере, для общественных организаций, включенных в процесс социализации молодежи.

Кроме того, администрации стремятся контролировать ГО с помощью искусственно созданных общественных организаций и патронажных сетей, политических акций, проводимых совместно с «партией власти». От патерналистского варианта развития ГО теряет эффективность сама региональная государственная власть и муниципалитеты: излишние социальные расходы, потеря потенциальных рабочих мест для населения, невозможность обеспечить правопорядок малочисленными силами полиции, отсутствие авторитетных лидеров среди населения в условиях высокой степени этнорелигиозной конфликтности, отсутствие качественного кадрового резерва для муниципальных служб и многое другое.

В целом развитие взаимоотношений государства и ГО в ЯНАО отражает патерналистскую практику, но относительно прежнего состояния носит прогрессивный характер. Движение идет под влиянием федеральной власти. Законы, подготовленные в рамках либерально-демократического концепта, не приняты Законодательным Собранием ЯНАО. Законодательство о гражданском обществе региона дискретно и не систематизировано. Соблюдение баланса между созависимостью государства и ГО и самостоятельностью последнего остается наиболее острой проблемой. Большие финансово-экономические возможности у органов государственной власти, в какой-то мере препятствуют достижению такого баланса. Эта ситуация не выгодна в итоге ни государству, ни ГО. Общественные организации, объединенные государственными советами, получающие средства по преимуществу в виде субсидий никогда не будут привлекательны для населения. Следовательно, не станут массовыми и вряд ли способными участвовать в модернизации региона.

Если рассматривать перспективы развития взаимоотношений государства и ГО в рамках современной идеологической парадигмы и соответствующей законодательной базы региона, то они видятся авторами в одностороннем направлении: 1) субсидирование части затрат НКО, связанных с оплатой за электрическую и тепловую энергию, найма помещений; 2) предоставление грантов начинающим НКО; 3) обеспечение общественных организаций информационной и консультационной поддержкой; 4) формирование положительного имиджа третьего сектора среди населения; 5) создание условий для курсовой подготовки лидеров НКО.

Социально-политические аспекты реформы местного самоуправления в РФ (взгляд из региона)

Процесс становления органов местного самоуправления в Республике Саха (Якутия) осложнен рядом объективных причин. Они обусловлены, в первую очередь, накопившимися противоречиями в самой нормативно-правовой базе, регулирующей вопросы местного самоуправления, как на федеральном, так и региональном уровнях. Следует отметить очень слабую изученность теоретических основ института местных органов государственной власти и местного самоуправления в трудах правоведов-теоретиков, тем более на территории национально-государственных образований. Очевидно, что все действующее законодательство было принято исходя из желания быстрого формирования системы местного самоуправления. Время показало ошибочность такого подхода. Практика продемонстрировала, что формирование местного самоуправления по сути является непрерывным процессом, не подлежащим решению «раз и навсегда». И чем больше административных усилий прилагается для скорейшей реализации тотального подхода к этой проблеме, тем больше проявляется противоречий и возникает вопросов, остающихся без ответа. Иными словами, институты местного самоуправления должны естественным образом появляться там, где существуют принципиальные социальные – экономические предпосылки для ее зарождения и развития. Задача государственных органов сводится к информационной, законодательной и экономической поддержке этого процесса.

Главным недостатком местного самоуправления в республике, как и в России, является директивный порядок его внедрения. В условиях централизации власти субъект Федерации не может ничего взять или выпросить «сверху», отсюда возникает опасность пополнений своих полномочий «снизу». Объективно вертикаль власти ослабляет функции и полномочия местного самоуправления, тем самым усиливается отчуждение гражданского общества и власти. Существенную роль играют слабая информированность населения об имеющейся нормативной базе муниципальной власти и живучие стереотипы иждивенчества. Говоря об общих проблемах муниципальной реформы РФ, отметим, что перед местными органами стоят следующие основные группы проблем: отсутствует надежная финан-

совая база; не отрегулированы многие правовые вопросы; нет кадрового обеспечения; население не относится к реформе активно, в массе своей не поддерживает ее. И, наконец, политические условия для развития местного самоуправления в РФ сейчас неблагоприятны.

Существует расхожее мнение, что проблемы местного самоуправления – прежде всего экономические проблемы, возможно, также организационные. И при выделении достаточных финансовых средств муниципальная реформа якобы перестанет «пробуксовывать». В действительности проблемы МСУ – это проблемы экономической политики. В них явственно прослеживается политическая подоплека, это следствие политических решений и т.д. В рамках той экономической политики, что проводится правящей верхушкой РФ, большинство субъектов федерации и муниципальных образований обречено быть бедными и дотационными. Этот фатализм объясняется просто. Достаточных стимулов для проведения продуктивных реформ у нынешней российской власти просто нет. Как только у государства в руках оказывается альтернативный источник дохода – рента от продажи природно-сырьевых ресурсов, получаемые доходы при этом рационально (с точки зрения власти) будут тратить на вооруженные силы (защита властей от внешних претендентов на ренту) и правоохранительные органы (защита властей от своих граждан, претендующих на часть ренты от продажи природных ресурсов). Достойными заботы оказываются только те, кто непосредственно связан с добычей и продажей природных ресурсов, в то время как остальные граждане становятся лишь нежелательной нагрузкой на получаемые рентные доходы. Ситуация, когда из всех субъектов РФ лишь 10–15 являются донорами и, в свою очередь, в регионах только 1–2 муниципальных образования могут обеспечить сами себя, а остальные являются глубоко дотационными, в принципе аномальна. Но она вполне вписывается в логику нынешнего политического режима в России, не поощряющего какой-либо самостоятельности по отношению к властной «вертикали». Следуя заложенной в федеральном законодательстве об МСУ централизаторской логике, многие российские политики вообще считают практику выборности глав местного самоуправления излишней и призывают отказаться от нее. Наиболее твердыми сторонниками назначения глав МСУ являются руководители исполнительной власти регионов, убежденные, что только концентрация власти позволит добиться оптимального использования ресурсов. Выстраиваемая в регионах вертикаль власти не реализует эффективного представительства интересов, поскольку игнорирует ряд ключевых принципов эффективного управ-

ления: принцип обратной связи, сбалансированное и основанное на объективных потребностях регионального и местного развития распределение ресурсов, наличие эффективной системы политических и правовых сдержек и противовесов в отношении органов власти как по вертикали, так и по горизонтали. При этом лишь достижение реальной административной и финансовой автономии МСУ при опоре на местные сегменты гражданского общества позволит ему быть полноценным представителем местных интересов и посредником в отношении региональных властей и территориальных сообществ.

Промежуточным результатом муниципальной реформы стала унифицированная модель местного самоуправления, вводимая на всей территории страны, определяющая с большой точностью формы, порядок образования и функционирования местных органов власти вне зависимости от субъекта Федерации. Это противоречит принципу организации местного самоуправления с учетом местных традиций, заложенному в Конституции РФ. Все регионы поставлены перед тем фактом, что они обязаны выполнить определенный перечень изменений в административном устройстве, законодательстве и т. д. по строгому шаблону, который предоставляет им фактически очень мало возможностей как-то изменять предлагаемую к реализации модель местного самоуправления. Однако вводить подобную унификацию в Российской Федерации, учитывая огромные различия регионов по экономическому развитию, демографическому потенциалу, географическому положению, национальному составу совершенно неоправданно. Ни в одном федеративном государстве мира центральное правительство не стремится привести организацию местного самоуправления к единым стандартам, задавая лишь общие принципы работы и предоставляя регионам право самостоятельно определять «муниципальную модель» с учетом местных традиций, социального склада, экономического состояния. Опыт показывает, что становление местного самоуправления – процесс, который никогда не прекращается и который не может быть унитарным.

Основная тенденция влияния гражданского общества на властные структуры и политику заключается в преодолении политического отчуждения и широком вовлечении населения в процесс управления. Отношение Кремля к местному самоуправлению лишь как к «приводному ремню» «управляемой демократии» недальновидно. С точки зрения управления страной только автономное и политически ответственное местное самоуправление способно справиться с разного рода кризисами в российских городах. Речь идет не только о текущих трубах или грязных помойках, но и о разрешении иных

конфликтов. С точки зрения социально-экономического курса только эффективно работающие муниципальные власти смогут успешно и с минимальными издержками провести реформу ЖКХ, которая во многом сводится к приватизации государственных долгов и перекладыванию на граждан затрат по содержанию и ремонту жилого фонда. С политической точки зрения, если не обладающие полномочиями и ресурсами муниципалитеты останутся не более чем «слабым звеном» в иерархически выстроенной вертикали власти, то глава государства должен будет нести всю полноту ответственности за любые провалы и сбои в решении повседневных проблем граждан. Наконец, трудно себе представить, что столь большая и разнообразная во всех своих проявлениях страна, как Россия, в долгосрочной перспективе будет успешно развиваться без эффективного местного самоуправления. Следовательно, можно предположить, что местная автономия и местная демократия обязательно еще вернутся в повестку дня российской политики, несмотря на сегодняшние тенденции муниципальной контрреформы.

Большинство населения муниципальных образований не считает местную власть «своей», они вообще не понимают сущности местного самоуправления, его отличия от государственной власти. И интерес государства – никогда не позволять населению научиться использовать этот инструмент, потому что развитое местное самоуправление – это школа истинной демократии и основа гражданского общества, а значит, действенный механизм контроля над деятельностью властей всех уровней. «Власть предрежающей» выгодно держать местное самоуправление в качестве «козла отпущения» для исполнения неприятных или политически невыгодных государству социальных функций, так как можно снять с себя ответственность за щепетильную и непредсказуемую сферу – жизнеобеспечение населения. При этом путем постоянного изменения «правил игры» следить за тем, чтобы ни в коем случае не выпустить органы местного самоуправления на уровень приемлемого развития территории и не вырастить эффективных управленцев.

По большому счету населению действительно всё равно, какая власть работает на него: главное – качество, цена и своевременность оказания бюджетных услуг. Если на местах удастся повысить степень удовлетворенности граждан качеством и доступностью услуг публичной власти, то возрастет и доверие населения к этой самой власти. А это сейчас, на мой взгляд, важнее, чем выстраивать демократические декорации. Уж слишком трудно пока живут люди, особенно в сельской местности. Сейчас надо все усилия власти направ-

вить на то, чтобы наладить жизнь людей. Обеспечить их жильем, рабочими местами, дать возможность учиться, растить детей и просто жить в безопасных и ухоженных городах и селах. Именно этого патерналистски настроенные граждане ждут от своего государства. И государство способно всё это им обеспечить. Надо только с полной ответственностью сказать: улучшение жизни народа – задача государственная, но решить ее возможно только с помощью самих граждан и полноценного самоуправления.

В заключении хотелось бы высказать ряд концептуальных рекомендаций для развития местного самоуправления. Необходимо наладить механизмы возмещения дополнительных расходов местных бюджетов. Если эта система не будет работать, всё остальное бессмысленно. Даже если все налоги будут оставаться в местном бюджете, все равно государственная власть сможет по-прежнему постоянно «залезать в карман» местных органов власти и вынуждать тратить деньги нецелевым образом, в том числе на софинансирование переданных государственных полномочий. Необходимо наладить механизм, заставляющий все властные органы и всех должностных лиц государства неукоснительно соблюдать закон. Для этого нужна государственная воля на самом высоком уровне. Крайне важно для развития страны в целом, и местного самоуправления в частности, добиться независимости судебной системы и ее подчинения только закону. Необходимо наладить механизм вовлечения граждан в процесс местного самоуправления. Дело в том, что успех местного самоуправления напрямую зависит от отношения к ней граждан. Нашим людям необходимо гражданское образование. Каждый человек должен знать, как устроена и как действует власть, как осуществляется управление обществом, как при этом соблюдаются его личные интересы. Об этом должны писать газеты, необходимы специальные телевизионные передачи, популярные книги и т.д. Но самое главное, об этом людям должна рассказывать сама власть. Только объясняя приоритеты развития, привлекая людей к управлению, учитывая их мнение, местная власть может полноценно работать и иметь положительные результаты. Постепенно граждане должны научиться контролировать и использование бюджетных средств отдельной школой, и качество предоставляемых услуг, а главное, должны начать ценить свой собственный вклад в развитие своего двора, своей улицы, своего населенного пункта. Люди должны почувствовать, что их участие приносит ощутимые плоды, и их жизнь меняется к лучшему.

Сведения об авторах

Адоньева Инесса Геннадьевна – канд. ист. наук, доцент кафедры истории и политологии Новосибирского государственного технического университета (Новосибирск)

Андреенков Сергей Николаевич – канд. ист. наук, научный сотрудник Института истории СО РАН (Новосибирск)

Антонов Егор Петрович – канд. ист. наук, доцент, зав. сектором истории Якутии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (Якутск)

Бродников Александр Ананьевич – старший преподаватель кафедры отечественной истории Новосибирского госуниверситета (Новосибирск)

Букин Сергей Семенович – д-р ист. наук, зав. сектором Института истории СО РАН (Новосибирск)

Галлямова Людмила Ивановна – д-р ист. наук, зам. директора Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (Владивосток)

Гимельштейн Александр Владимирович – канд. ист. наук, газета «Восточно-Сибирская правда» (Иркутск)

Гончаров Юрий Михайлович – д-р ист. наук, профессор кафедры истории отечественной истории Алтайского государственного университета, Тобольская биологическая станция РАН (Барнаул)

Дамешек Ирина Львовна – д-р ист. наук, профессор кафедры истории России Восточно-Сибирской государственной академии образования (Иркутск)

Дамешек Лев Михайлович – д-р ист. наук, ректор Иркутского института повышения квалификации работников образования, зав. кафедрой истории России Иркутского госуниверситета (Иркутск)

Дашинамжилов Одон Борисович – канд. ист. наук, младший научный сотрудник Института истории СО РАН (Новосибирск)

Долголюк Алексей Алексеевич – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института истории СО РАН (Новосибирск)

Ермولاев Терентий Степанович – канд. ист. наук, научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (Якутск)

Журавлев Вадим Викторович – канд. ист. наук, младший научный сотрудник Института истории СО РАН (Новосибирск)

Звягин Сергей Павлович – д-р ист. наук, профессор кафедры новейшей отечественной истории Кемеровского госуниверситета (Кемерово)

Запорожченко Галина Михайловна – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института истории СО РАН (Новосибирск)

Зуев Андрей Сергеевич – д-р ист. наук, профессор кафедры отечественной истории Новосибирского госуниверситета (Новосибирск)

Ильиных Владимир Андреевич – д-р ист. наук, зав. сектором Института истории СО РАН (Новосибирск)

Исаев Виктор Иванович – д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института истории СО РАН (Новосибирск)

Исупов Владимир Анатольевич – д-р ист. наук, зав. сектором Института истории СО РАН (Новосибирск)

Козодой Виктор Иванович – д-р ист. наук, ректор Сибирской академии управления и массовых коммуникаций, депутат Законодательного собрания Новосибирской области (Новосибирск)

Котляров Максим Васильевич – зам. начальника аналитического отдела департамента информационной политики мэрии г. Новосибирска (Новосибирск)

Морозова Наталья Николаевна – канд. ист. наук, старший преподаватель кафедры истории и политологии Новосибирского государственного технического университета (Новосибирск)

Морозова Татьяна Игоревна – выпускница Новосибирского госуниверситета (Новосибирск)

Никитина Саргылана Егоровна – канд. ист. наук, научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (Якутск)

Нам Ираида Владимировна – д-р ист. наук, профессор кафедры современной отечественной истории Томского госуниверситета (Томск).

Николаев Александр Алексеевич – д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института истории СО РАН (Новосибирск)

Новиков Сергей Валентинович – д-р ист. наук, зав. кафедрой регионального развития Омского Государственного аграрного университета (Омск).

Осипов Алексей Григорьевич – д-р ист. наук, зав. кафедрой управления и права Сибирской государственной геодезической академии (Новосибирск)

Панарин Сергей Михайлович – канд. ист. наук, доцент Тюменского государственного университета (Тюмень)

Папков Сергей Андреевич – д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института истории СО РАН (Новосибирск)

Побережников Игорь Васильевич – канд. ист. наук, зав. сектором методологии и историографии Института истории и археологии УрО РАН (Екатеринбург)

Ремнев Анатолий Викторович – д-р ист. наук, профессор Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского (Омск)

Романов Роман Евгеньевич – канд. ист. наук, научный сотрудник Института истории СО РАН (Новосибирск)

Рынков Вадим Маркович – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института истории СО РАН (Новосибирск)

Савин Андрей Иванович – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института истории СО РАН (Новосибирск)

Савицкий Иван Михайлович – д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института истории СО РАН (Новосибирск)

Саражина Р. Г. – аспирант Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского (Омск)

Симонов Дмитрий Геннадьевич – старший научный сотрудник Института истории СО РАН (Новосибирск)

Соколовский Иван Ростиславович – канд. ист. наук, научный сотрудник Института истории СО РАН (Новосибирск)

Тимошенко Альбина Ивановна – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института истории СО РАН (Новосибирск)

Шевелев Дмитрий Николаевич – канд. ист. наук, доцент кафедры современной отечественной истории Томского госуниверситета (Томск)

Шереметьева Дарья Леонидовна – канд. ист. наук, младший научный сотрудник Института истории СО РАН (Новосибирск)

Шиловский Михаил Викторович – д-р ист. наук, зав. сектором Института истории СО РАН (Новосибирск)

Шишкин Владимир Иванович – д-р ист. наук, зав. сектором Института истории СО РАН (Новосибирск)

Шишкина Светлана Юрьевна – канд. ист. наук, доцент Тюменского государственного университета (Тюмень)

Содержание

Зуев А. С. Адаптация Российским государством социальных и постстарных структур сибирских народов (конец XVI–XVII в.)	3
Бродников А. А. Енисейск в 20-е гг. XVII века: воеводская власть и «войско» служилых людей	13
Соколовский И. Р. Могло ли Московское государство регулировать сибирскую торговлю XVII в.?	18
Побережников И. В. Административный фактор в рамках фронтальной модернизации Сибири (XVIII – начало XX в.)	24
Ремнев А. В. Император – министры – генерал-губернаторы: «административный треугольник» для Сибири и Дальнего Востока	30
Дамешек И. Л. Институт генерал-губернаторов и специфика его функционирования в Сибири	37
Саражина Р. Г. «Учреждение для управления губерний Российской империи» 1875 года и его реализация на территории Западной Сибири	46
Никитина С. Е. О распространении на Якутскую область института крестьянских начальников: реформа губернатора В. Н. Скрыпичина?	51
Морозова Н. Н. Губернаторы и губернские ведомости: власть, общество, проблемы коммуникации	56
Дамешек Л. М. Организация охраны каторжан и кадровый состав тюремной администрации Восточной Сибири	60
Гимельштейн А. В. Имперское законодательство, порядок формирования и функционирования органов городского самоуправления. (Сравнительная характеристика городских положений 1870 и 1892 гг.)	69
Адоньева И. Г. Юристы и власть: варианты противостояния и сотрудничества на рубеже XIX–XX вв.	77
Гончаров Ю. М. Мещанские общества в системе самоуправления горожан Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в.	81
Галлямова Л. И. Органы власти и управления на Дальнем Востоке России в начале XX века (современная региональная историография проблемы)	85
Шиловский М. В. Политическая активность органов городского самоуправления Сибири в 1905 году	93
Запорожченко Г. М. Потребительская кооперация Сибири: опыт самоорганизации населения в условиях хозяйственного кризиса периода Первой мировой войны	97

<i>Шишкин В. И.</i> Западно-Сибирский комиссариат Временного Сибирского правительства: дискуссионные вопросы организации и деятельности	103
<i>Журавлев В.В.</i> Роль Временной Сибирской областной думы в процессе образования Временного Всероссийского правительства	120
<i>Звягин С. П.</i> Деятельность правоохранительных органов анти-большевистских правительств на территории Сибири	128
<i>Нам И. В.</i> Национальный вопрос в политической практике сибирского областничества в условиях Гражданской войны	132
<i>Шереметьева Д. Л.</i> Газетная пресса органов государственной власти в Сибири в период «демократической контрреволюции» (конец мая – середина ноября 1918 г.)	138
<i>Шевелев Д. Н.</i> Антибольшевистские государственные образования на территории Сибири и крестьянство в годы Гражданской войны: институционализация политического порядка в контексте истории повседневности	144
<i>Симонов Д. Г.</i> Система управления антибольшевистскими вооруженными силами на востоке России: реформы генерала М. К. Дитерихса (лето-осень 1919 г.)	149
<i>Рынков В. М.</i> Органы власти и управления Российской восточной окраины в январе – сентябре 1920 г.	154
<i>Антонов Е. П.</i> Образование Якутской национальной автономии и формирование его руководящих органов	159
<i>Исупов В. А.</i> Смертность населения Сибирского края в 1920-е гг.	167
<i>Николаев А. А.</i> Проблемы организационного строительства сельскохозяйственной кооперации Сибири в начале нэпа.	175
<i>Ильиных В. А.</i> Аграрная политика советского государства: этапы, факторы, тенденции, результаты	181
<i>Морозова Т. И.</i> Компетенция Сибирского краевого комитета РКП(б) – ВКП(б) (май 1924 – август 1930 г.)	186
<i>Савин А. И.</i> Комиссия по проведению отделения церкви от государства при ЦК РКП(б) – ВКП(б): статус, персональный состав, полномочия	190
<i>Исаев В. И.</i> Изменения среды обитания городского населения Сибири в 1920-е – 1930-е гг.	195
<i>Папков С. А.</i> Сибирский тыл в годы Великой Отечественной войны: проблемы историографии.	201
<i>Романов Р. Е.</i> Мероприятия государственных органов управления по призыву городской молодежи в учебные заведения гострудрезервов Новосибирска в первый год войны (на примере январьско-февральской призывной кампании 1942 г.)	205
<i>Андреенков С. Н.</i> Освоение целинных и залежных земель во второй половине 1950-х гг.: принятие решения и разработка программы	210

Букин С. С. Государственные мероприятия по конверсии производства на предприятиях Сибири после Великой Отечественной войны	215
Савицкий И. М. Управление ядерно-оружейным комплексом СССР в годы холодной войны	220
Тимошенко А. И. Особенности государственного управления районами нового промышленного освоения Сибири в 1950–1980-е гг.	226
Котляров М. В. Права и полномочия комитетов КПСС Западной Сибири в период Перестройки (1985–1991 гг.)	238
Дашинамжилов О. Б. Развитие местных органов власти Республики Бурятия в 1990–1994 гг.	244
Осипов А. Г., Козодой В. И., Новиков С. В. Динамика общественно-политической жизни Сибири и Дальнего Востока 1985–2000 гг.	249
Панарин С. М., Шишкина С. Ю. Основные направления взаимоотношений государства и гражданского общества в Ямало-Ненецком автономном округе	263
Ермолаев Т. С. Социально-политические аспекты реформы местного самоуправления в РФ (взгляд из региона)	268
Сведения об авторах	273

Проблемы истории государственного управления и местного самоуправления Сибири в конце XVI – начале XXI в.
Материалы VII Всероссийской научной конференции
(Новосибирск, 6–8 июня 2011 г.)

Редактор В. И. Шишкин
Компьютерная верстка Д. Г. Симонов

Подписано в печать 2.08.2011. Формат бумаги 60×90¹/₁₆
Офсетная печать. Гарнитура Times New Roman.
Уч.-изд. л. 16,4. Усл. печ. л. 17,5. Тираж 150 экз. Заказ № 0802

Отпечатано в типографии ООО «Нонпарель»
630090, г. Новосибирск, ул. Институтская, 4/1

